ББК 84(4Укр-4Оде-2Од)63-47я430+63.3,014(4Укр-4Оде-2Од)63я430
Д 362
УДК 821.161.2'06=161.1(477.74-21)-92(082.1)+908(477.74-21)(09)''452.2''

Д 362 Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах (сб.) / кн. 41 Всемирн. клуб одесситов: Сост.: Ф.Д. Кохрихт, Е.М. Голубовский, О.И. Губарь, И.Л. Липтуга. — Одесса: Издательская организация "ПЛАСКЕ" АО, 2010. — 320 с.

ISBN 978-966-8692-19-2

Д 4702640204 / 2004 ǂ 0503020902 / 2004

Редактор Феликс Кохрихт
Редколлегия: Евгений Голубовский (заместитель редактора)
Олег Губарь
Иван Липтуга

Редакционный совет:
Виталий Амурский (Париж), Андрей Добролюбский, Игорь Коваль, Татьяна Липтуга, Игорь Померанцев (Прага), Аркадий Львов (Нью-Йорк), Александр Мардань, Юрий Стоянов (Санкт-Петербург), Михаил Рашковецкий, Нелли Харченко (Берлин), Кармелла Цепколенко.

Фото:
Вячеслав Теняков, Иван Череватенко, Олег Владимирский.

Editor Felix Kokhrikht
Editorial board: Yevgeniy Golubovsky (deputy editor)
Oleg Gubar
Ivan Liptuga

Editorial council:
Vitaliy Amoursky (Paris), Andrey Dobrolyubskiy, Igor Koval, Tatyana Liptuga, Igor Pomerantsev (Prague), Arkadiy Lvov (New York), Alexander Mardan, Yuriy Stoyanov (St. Petersburg), Mikhail Rashkovetsky, Nelly Kharchenko (Berlin), Karmella Tsepkolenko.

Photos by:
Viacheslav Teniakov, Ivan Cherevatenko, Oleg Vladimirskiy

ISBN 978-966-8692-19-2 © Авторство художественных текстов, 2010

От редакции

"Дерибасовская – Ришельевская" – так десять лет назад назвали мы этот альманах, подчеркивая тем самым, что и город в целом, и его улицы, площади, бульвары, как в центре, так и на периферии, представляют особый и неисчерпаемый интерес. Прошедшие годы общения с читателями и авторами показали, что мы в этом едины.

Вот и в нынешнем номере продолжается рассказ о Маразлиевской – улице, которой будет посвящен очередной Одесский календарь – детище ОАО "ПЛАСКЕ" и Литературного музея.

Вы узнаете немало интересных фактов из жизни выдающегося земляка – легендарного городского головы и мецената Григория Маразли, получите возможность увидеть его портреты, созданные современниками.

Еже одно культовое место Одессы – Куликово поле – площадь, много повидавшая и сыгравшая важную роль в истории города. Она упоминается в документах, хрониках, художественных произведениях, в частности, писал о ней Валентин Катаев, который провел юность в доме на Канатной...

Знаменательно, что именно отсюда 145 лет назад отправились первые поезда Одесской железной дороги – вокзал и сегодня по соседству.

Разумеется, мы публикуем материалы об одесситах – знаменитых, как скульптор Борис Эдуардс, литератор Семен Гехт, и о тех, кто с должным мужеством выполнял свой долг в годы Великой Отечественной войны.

Каждый раз, готовя очередной номер, мы убеждаемся в том, что с Одессой связаны судьбы многих знаковых личностей, которые зачастую и родились не здесь, и не так уж часто бывали в Южной Пальмире, но жизнь их так или иначе связана с ней. Такова и история семьи, в которой сошлись судьбы писателя Юрия Трифонова и его жены – дочери знаменитого одесского художника Амшея Нюренберга.

В номере – проза, стихи, пьеса, материалы по истории искусства, юмористический раздел "Ах, Одесса", рассказ о книжных новинках.

Как всегда, есть и раритет – подборка материалов из наших предшественников – журналов и альманахов старой Одессы.

Олег БАТЫР

Соединяя моря и народы
Из истории Одесской железной дороги

В конце XIX — начале XX века в Северном Причерноморье сложилась сеть железных дорог, действующая по сегодняшний день и в основном удовлетворяющая транспортные потребности края и его основного торгового, промышленного и культурного центра — города Одессы.

От Одессы в это время отходила Главная линия, которая первоначально проходила по землям Одесского градоначальства, затем, между станциями Гниляковым (ныне Дачная) и Выгодой, вступала в пределы Херсонской губернии и пересекала Одесский, Тираспольский и Ананьевский уезды, проходя почти параллельно реке Днепр в расстоянии 45-60 верст от нее.

За станцией Бирзула (ныне Котовск) дорога входила в Подольскую губернию, продолжая идти вдоль левого берега Днепра. У станции Жмеринка, расположенной в Винницком уезде вышеупомянутой губернии, круто поворачивала на северо-восток, к Киеву.

Станция Жмеринка — самая северная точка на Главной линии, когда-либо входившая в управляемую из Одессы железнодорожную сеть. Она находится в 357 верстах от Одессы-Главной.

Главная линия во все времена была самой важной железнодорожной артерией, соединявшей Черное и Балтийское моря, и при посредстве других железнодорожных линий Российской империи поддерживала сообщение Юга России с Варшавским и Московским промышленными районами.

Для Юго-Западного края она имела значение тем, что давала выход продуктов местного производства (хлеб, кожа, лес) одновременно на юг — в Одессу, и на север — в Данциг, Кенигсберг, Ригу.

Из других линий большое значение имела Бессарабская линия, начинавшаяся у станции Раздельная Главной линии и направлявшаяся в пределах Тираспольского уезда в сторону реки Днепр. На 54 версте по пересечении названной реки железнодорожный путь вступал в пределы Бессарабской губернии.

Бессарабская ветвь, ориентированная на северо-восток, пересекала почти пополам Бессарабскую губернию и устанавливала связь прорезываемой ею местности с Одессой и давала выход продуктам производительности края (хлеб, вино, табак, шерсть) не только на вывоз за пределы империи, но и на внутренний рынок. Длина ветви составляла 210,52 версты.

Одесская желѣзная дорога.

ОТЧЕТЪ

эксплоатаціи за 1866 (съ 1-го Сентября) 1867, 1868 и 1869 гг.

ПОСТЕПЕННОЕ ОТКРЫТІЕ УЧАСТКОВЪ ДОРОГИ.

4-го Декабря 1865 г. открыта для движенія и 1-го Сентября 1866 года принята въ вѣдѣніе Правительства линія желѣзной дороги отъ Одессы до ст. Балты и отъ ст. Раздѣльной до ст. Кучурганъ, съ вѣтвью къ Карантинному порту въ Одессѣ, всего 220 верстъ.

12-го Августа 1867 г. отъ ст. Кучурганъ до Тирасполя, 30,10 верстъ.

1-го сентября того же года, отъ ст. Балта до ст. Ольвіополь, 110,10 верстъ.

1-го іюня 1868 г., вѣтвь къ Куяльницкому солянному лиману, 8,20 верстъ.

1-го Августа того же года, отъ Ольвіополя до временной ст. Елисаветградъ, 137,72 вер.

23-го Января 1869 г., отъ временной до постоянной ст. Елисаветградъ, 2,17 верстъ.

8-го Октября 1869 г., отъ Елисаветграда до Кремнова, 132,06 верстъ.

ОБЩАЯ ДЛИНА ДОРОГИ.

1.	Линія Одесса-Кременчугъ	579,091 вер.
2.	» Раздѣльная-Тирасполь	43,228 »
3.	Вѣтвь къ Карантинному порту въ Одессѣ	8,890 »
	(въ томъ числѣ въ два пути 8,63 вер.)	
4.	Къ магазинамъ у Тираспольской Заставы въ Одессѣ	0,942 »
5.	Къ Куяльницкому солянному лиману	8,590 »
	ИТОГО	640,741 »

По расчету эксплоатаціи на круглый годъ, въ каждый изъ отчетныхъ годовъ было эксплоатируемо:

Въ 1866	73,5 вер.
» 1867	269 »
» 1868	422 »
» 1869	539 »

От станции Бирзула началась Елисаветградская ветвь, проходившая по северной части Херсонской губернии, через земли Ананьевского и Елисаветградского уездов, и в 268,58 верстах от Бирзулы заканчивалась в городе Елисаветграде.

В этой точке она соприкасалась с Харьковско-Николаевской дорогой, что позволяло поддерживать связь важнейшего южнорусского рынка — города Одессы — с Харьковом, который принадлежал к числу наиболее значительных торговых центров империи.

Станции, расположенные к востоку от Елисаветграда, по вывозу местных продуктов (вывоз за пределы России преимущественно хлеба) тяготели к Николаевскому порту, который быстро расстраивался после углубления фарватера через песчаный бар на входе в Днепровско-Бугский лиман.

Упоминание о длинах вышеупомянутых ветвей не случайно, так как экономическая целесообразность предусматривает подвоз груза по железнодорожному пути до пункта потребления хлеба или перегруза его на суда на расстояния, не превышающие 350 верст. Увеличение длины подвоза хлебного груза приводит к уменьшению прибыльности торговых домов и бессмысленности заниматься этим делом.

Значительно меньшее значение для подвоза в Одессу грузов имела Дунайская линия, начинающаяся у станции Бендеры I и пересекающая в юго-западном направлении южную часть Бессарабской губернии, и на 270,24 верст подходящая за станцией Рени к государственной границе на реке Прут. Мало освоенная местность дает в небольших количествах товарное зерно, преимущественно кукурузу, вино и шерсть. Единственным товаром, существенно востребованным в Одессе и в других южнорусских губерниях, есть сушеная, вяленая и соленая рыба, в том числе и весьма деликатесная дунайская селедка.

Внутри Одессы построена Куяльницкая ветвь, начинающаяся от станции Одесса-Порт. Она огибает предместье Пересыпь и направляется к Куяльницким соляным промыслам. Служит она также для подвоза жителей Одессы к грязелечебнице на берегу лимана. Длина ветви 10,97 верст. Пригородные поезда к курорту идут как со станции Одесса-Главная, так и со станции Одесса-Порт, по 4 поезда с каждого вышеперечисленного пункта.

От главной линии между станциями Одесса – Застава I и Одесса-Товарная отходит 9,38-верстная Карантинная ветвь, служащая для подвоза грузов в порт. Вдоль линии расположены многочисленные хлебные мага-

зины, такие же магазины были сосредоточены в районе станции Одесса-Пересыпь Куяльницкой ветви, однако они значительно уступали количеством и объемами хранимого хлеба Карантинным.

Эстакадная ветвь, идущая от станции Одесса-Товарная в одесский порт, протяженностью 7,86 версты, служит исключительно для подачи в порт вагонов с хлебом, который здесь прямо из вагонов перегружали в трюмы пароходов. Проходила она по высокой насыпи, прерываемая путевыми трубами для проезда в сторону Хаджибея и Херсонской дороги. На территории порта она переходит в деревянную эстакаду, с которой транспортеры доставляют выгруженный хлеб на суда. (К сожалению, это инженерное сооружение сгорело в печах одесситов в холодную зиму 1920-1921 годов и более не восстанавливалось.)

Все это железнодорожное богатство позволяло в начале XX века отправлять ежегодно со станции Одесса – Застава I 23,3 млн. пудов грузов, со станции Одесса-Пересыпь — 16,2 млн. пудов, станция Одесса-Порт отправила 13,5 млн. пудов, а Одесса-Товарная — 5,2 млн. пудов грузов.

Еще более впечатляющими являются цифры грузов, выгруженных на одесских станциях. Так в Одессу-Порт прибывало 80,9 млн. пудов, на Заставу I — 48,7 млн. пудов, Одесса-Товарная выгрузила 31,9 млн. пудов, а Одесса-Пересыпь — 12,1 млн. пудов грузов.

Начиналось же все в тридцатые годы XIX века, когда Новороссийский генерал-губернатор князь М.С. Воронцов обратил внимание государя императора Николая Павловича на необходимость улучшения путей сообщения на Юге России и возбудил ходатайство об отпуске сумм на устройство шоссейных дорог, и прежде всего, к Кременчугу, откуда следовала большая часть товаров, идущих в Одессу и обратно.

Полученная высочайшая резолюция гласила: "Полагаю, что устройство железной дороги будет и лучше, и полезней всего: надо определить только, откуда ее начать".

Приведенная резолюция побудила князя Воронцова вызвать из Бельгии инженера Зибера для проведения изысканий и изучения местности и состояния хозяйственного развития края. Сбор разных сведений и статистических данных продолжался семь лет.

Результатом работы стало ходатайство князя Воронцова, которое свелось к "необходимости принять самые решительные меры к предупреждению важных последствий для нашей торговли от соперничества придунайских портов", а также "от поощрения устройства сети конножелезных дорог в наших степях, которые, сближая расстояние скоростью, правиль-

ностью и дешевизной провоза, дали бы нам возможность не бояться никакого соперничества на иностранных рынках, зависит будущность торговли нашего южного края".

Император Николай I признал необходимость сооружения дороги, но дал указание, чтобы дорога была приспособлена к паровозному сообщению. Однако сей проект встретил возражения министра финансов графа Конкрина. Граф был противником железных дорог, он называл их "болезнью века" и утверждал, что они (железные дороги) "усиливают склонность к ненужному передвижению с места на место, и без того свойственную нашему веку, выманивания при этом излишние со стороны публики издержки".

(Вообще-то, граф Конкрин был прав. Издержки на постройку и эксплуатацию железных дорог значительно превышали доходы от перевозки публики и грузов. Экономическое развитие страны и социальные условия проживания большей части населения не могли обеспечить прибыльность железных дорог. Приносить прибыль железнодорожные перевозки начали в 80-х годах XIX века.)

До 1862 года вопрос о строительстве железных дорог на Юге России оставался в неопределенном состоянии. Создавались частные общества, однако необходимые суммы не находились, и предприятия эти не осуществлялись.

Только по назначении новороссийским генерал-губернатором генерал-адъютанта (в последствии графа) П.Е. Коцебу вопрос о постройке железной дороги получил разрешение.

В начале января 1863 года последовало высочайшее повеление государя императора Александра Николаевича о постройке хозяйственным способом под наблюдением генерал-губернатора железной дороги от г. Одессы до г. Балты и до пристани Парканы на Днестре.

Выбор путей прокладки железнодорожных линий был сам по себе весьма оригинальным.

Наиболее интересным было предложение генерал-губернатора, которое при его осуществлении, без сомнения, могло бы изменить коммерческую физиономию Одессы.

Генерал Коцебу предлагал строить путь от Одессы до Новоселицы с дальнейшим продлением его по австро-венгерским просторам до Вены (этакий вариант "восточного транспортного коридора").

Грузы из Азии судами провозили в Одессу, а дальше по железнодорожному пути — к центру Европы. Коцебу не задумывался, что ближе к цент-

ру Европы находится набирающий силу порт Триест, и ни один здравомыслящий коммерсант не повезет товар кружностью. От этого проекта осталась только Парканская ветка, послужившая впоследствии началом Бессарабской.

Другим проектом, так и не осуществленным, был проект строительства железнодорожного пути через Умань и Любашевку, от Киева до Одессы.

Наиболее близким к осуществлению был проект соединения Киева и Одессы через Ладыжин и Фастов, но, в конечном счете, его отвергли.

После целого ряда совещаний в Петербурге, на которых столкнулись два подхода к определению направления строительства, коммерческий и военно-стратегический, победил первый.

Военные настаивали на первоочередном строительстве линии Одесса-Киев, тогда как коммерческий интерес требовал вести железнодорожное строительство в сторону Кременчуга, где на большой Крюковской пристани выгружался хлеб, спускаемый по Днепру из Киевской, Могилевской и Черниговской губерний.

Парканы были пристанью, на которой выгружался хлеб с Подольской и Бессарабской губерний. Пристани были важны, в силу того что ниже их судоходство было затруднено естественными преградами: заиленным устьем Днестра и порогами Кичкаса на Днепре.

Приняли компромиссное решение начать строить дорогу частями, открыв, в первую очередь, дорогу до Днестра и до важного торгового центра, Балты, — с ярмарками, годовые обороты которых достигали 1,5 млн. рублей. Кроме этого на бойнях Балты заготавливалось большое количество мяса, способного обеспечивать Одессу этим видом продовольствия бесперебойно. Необходим был подрядчик и решение о передаче земли под строительство.

Второй вопрос решался просто. Одесса была заинтересована в этом строительстве, и земли были выделены безвозмездно. Дорога на Парканы шла по кабинетным землям, и выкуп не требовался. Трассу на Балту проложили с учетом минимальных занятий частных земель, а где избежать выкупа было невозможно, граф Коцебу вмешивался лично, уговаривая хозяев к снижению платы. Были люди (о гордыня человеческая!), отдавшие земли под застройку без оплаты под увековечивание его имени. Так помещик Еремия получил "свою" станцию Еремеевку, а князь Абамелик — Абамеликово.

Окончательно решился вопрос с подрядчиком после прибытия в Одессу камергера его величества двора барона К.К. Унгерн-Штейнберга. Он взялся возглавить строительство, поскольку, не найдя частных ка-

Барон К.К. Унгерн-Штейнберг, строитель первых линий Одесской железной дороги

питалов, казна отпустила необходимые суммы из расчета стоимости одной версты пути в 45 тысяч рублей ассигнациями. Рассчитывал суммы сам министр путей сообщения Мельников, легендарный строитель Николаевской дороги. Разница между ценой строительства и 45 тысячами за версту составляли профит подрядчика. Однако казна, чтобы обезопасить себя от растрат, взяла в залог 9 мыз, находившихся в Эстляндской губернии и составлявших владения барона.

Состоялся выбор места основной Центральной станции, где были сосредоточены железнодорожные службы и вокзал. Мнения разделились между Михайловской и Конной площадью. Окончательное решение было принято после начала работ в пользу Конной площади.

Поэтому строительство торжественно началось с молебна. Произошло это на Михайловской площади. 4 мая 1863 года строительство началось по трем расходящимся направлениям: к порту, предполагаемому месту расположения Центральной станции, и на север, к Балте.

Строили быстро, путь от порта до Центральной станции (ныне станция Одесса-Товарная) был построен к осени, и первая пробная поездка прошла 7 ноября, а 1 декабря первый поезд прошел от порта до Конной площади, где началось возведение рамп, главных мастерских, паровозного депо и центрального материального склада.

Первый поезд привез платформами рельсы, костыли для крепления рельс и подрельсовые подкладки.

Размеры рабочего движения увеличивались по мере удаления строительства от Одессы. Поезда доставляли закупленные в Англии материалы к месту укладки. Также везли и воду, которой в степи не было.

Осенью 1864 года была построена станция Раздельная. От нее путь до Паркан был проложен к маю 1865 года, но в ноябре 1864 года была составлена петиция на имя императора от Тираспольского уездного дворянского собрания и купцов с просьбой продлить дорогу до города Тирасполя, при этом часть расходов брали на себя люди, подписывавшие петицию.

Весь 1865 год дорогу строили до Балты, одновременно обустраивая технические службы в Одессе.

Через два с половиной года после начала строительства состоялось торжественное открытие Одесско-Балтской железной дороги с ответвлением до Кучургана, часть дороги от Кучургана до Тирасполя признали не пригодной для движения поездов.

Были построены деревянные беседки, украшенные государственными флагами, в порту, в Карантине и на станции Тираспольская застава (ныне станция Одесса — Застава I).

3 декабря 1865 года после торжественного молебна в порту и на Тираспольской заставе особый поезд с 200 приглашенными двинулся до ст. Михельсталь, где все завершилось торжественным обедом.

4 декабря 1865 года началось регулярное движение поездов от Одессы до Балты и Кучургана — день, который для железнодорожников дорог как день начала работы дороги.

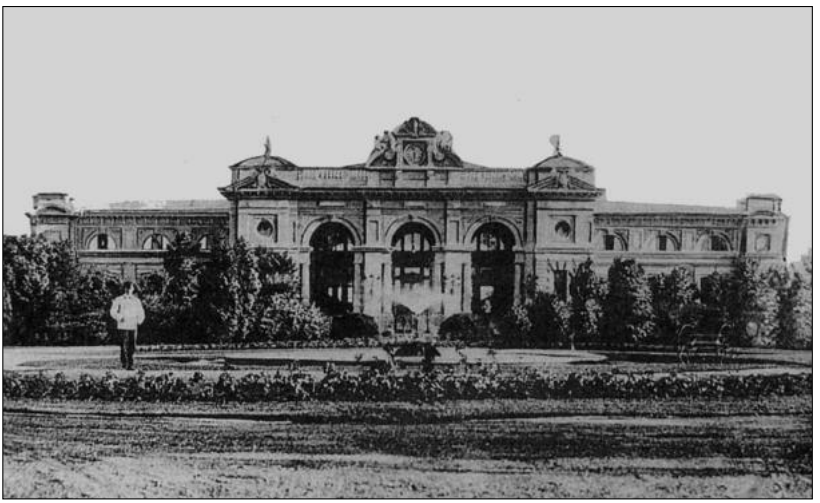
Но в связи огромными недоделками дорогу МПС не приняло, разрешив временную эксплуатацию.

Уже в 1866 году пришлось менять брусья моста на 6-й версте, разбирать временный деревянный мост на 72-й версте и заменять его каменной трубой.

Было достроено здание для парового насоса в Одессе, доуложены запасные пути на станциях Ивановка и Чубовка. Всего было недостроено 29 сооружений, на их строительство пошли дополнительные суммы в полмиллиона рублей ассигнациями, хотя казна уже эти работы оплатила.

Все дело в том, что система расчетов с подрядчиком предусматривала разумную экономию средств для получения профита. Однако в Российской империи грань между разумной и преступной всегда устанавливалась приблизительно.

Так на линии Одесса-Парканы, по отчетам, было вынуто и насыпано 77 тысяч кубических саженей грунта, а по оценке инженера Александра Селиванова, фактический объем составил 26 тысяч. Дорога перешла в распоряжение министра путей сообщения 1 сентября 1866 года, после устранения недостатков и упущений. В Одессе было организовано первое

Одесский вокзал, построенный в 1884 году

на Украине управление движением поездов. Дорога получила официальное название — Одесско-Балтская дорога.

Основные работы по строительству рельсовых путей переместились в Балту, откуда весной 1867 года началось строительство дороги на Ольвиополь (сейчас в составе Первомайска-на-Буге). Управляющим дорогой был назначен инженер путей сообщения Федор Клименко, работавший на строительстве дороги и, как говорится, "знавший трассу ногами", то есть прошедший ее неоднократно. МПС приняло от строителей 37 паровозов и 704 вагонов, один из вагонов был императорский.

Все дело в том, что через Одессу в Крым члены царской фамилии добирались по железной дороге, а затем морем. Только после постройки железнодорожного пути Харьков-Феодосия надобность заезжать в Одессу отпала.

Паровозы были построены на заводах Борзига в Берлине, Кёстлера в Эстлинге (Германия) и на заводе Зигля в Вене.

Вагоны строил завод Пфлуга в Германии. В дальнейшем вагоны строились по немецким чертежам в одесских Главных механических мастерских, а в 90-е годы в этих мастерских была сделана попытка строительства паровозов. Всего было построено 12 паровозов системы известного инженера Бородина, однако предприятие это дальнейшего развития не получило, в силу того что конструкция паровоза была устаревшей, и производство их — дорогим.

Вошли эти паровозы в историю российского паровозостроения как серия ЧБ и работали в Одессе до середины 20-х годов XX века.

В 1870 году вполне поставленное предприятие "Русское Общество пароходства и торговли", возглавляемое адмиралом Н.М. Чихачевым, для расширения своих операций поняло необходимость контроля за железнодорожными предприятиями, подходящими к Одессе.

К тому времени Одесса была соединена рельсовыми путями с Киевом, где по мосту через Днепр грузы могли идти в центральные губернии и Санкт-Петербург. В 1869 году железнодорожным сообщением можно было довезти товары до Днепра и Крюковской пристани.

Ожидая увеличения притоков грузов из Азии и Дальнего Востока в связи с открытием Суэцкого канала, Н.М. Чихаев вошел в сношения с министром финансов М.Х. Рейтерном о предоставлении концессии на Одесско-Балтскую железную дорогу, принадлежащую казне. М.Х Рейтерн не был сторонником казенного хозяйства и сочувственно встретил предложение главы РОПиТа. 22 июня 1870 года концессия была выдана, при этом вновь образованное общество было названо "Русским Обществом пароходства и торговли Одесской железной дороги".

Это действие правительства дурно попахивало. Проект продажи в концессию казенной железной дороги своевременно до предпринимателей не довели, и РОПиТ на торгах не встретил конкурентов.

Общество обязывалось приобрести от правительства линии от Одессы до Бирзулы с ответвлением до Кишинева через Тирасполь, от Бирзулы до Жмеринки с ответвлением до Волочиска на границе с Австро-Венгрией, Куяльницкую ветвь, построенную к лету 1867 года и принятую в эксплуатацию с 1 июня. Всего 903,75 версты. Помимо этого РОПиТ за свой счет должен был построить линию Кишинев-Унгены, за сооружение которой взялся барон Унгерн-Штейнберг. На Общество возлагалось снабжение дороги подвижным составом, принадлежностями для эксплуатации и произведение необходимых работ по расширению Одесской станции. Последнее касалось и реконструкции Центральной станции, поскольку она одновременно принимала пассажирские поезда, вела погрузку и выгрузку грузов. Это создавало неудобство пассажирам, местоположение вокзала было не очень удобным. До центра нужно было добираться по Степовой и Госпитальной улицам.

От Центральной станции до Куликового поля была проложена ветка, но все пассажирские сооружения были деревянными. Не был решен вопрос о строительстве вокзала, отвечавшего потребностям Одессы, и одес-

ситы пользовались Старым вокзалом, который сохранился на станции Одесса-Товарная, правда, в перестроенном виде.

По вхождению Одесской железной дороги в РОПиТ она потеряла вторую часть первоначального названия и просуществовала в таком качестве восемь лет.

Управление дороги располагалось на улице Ланжероновской, дом 2, управляющим был назначен А.Н. Горчаков, которого сманил Чихачев с поста управляющего Курско-Киевской железной дороги высоким окладом.

Поменялся поставщик рельс. Вместо чугунных (помните, "чугунка"?) английских началась закупка железных со стальными накладками рельс на бельгийском заводе Кокериля. У этой фирмы закупались вагоны, несмотря на то, что в одесских мастерских за предыдущие годы произвели 280 вагонов. Закупку паровозов производили только у венского Зигля, при этом были внесены изменения в конструкцию топки, приспособившие ее под сжигание донбасского ("грушковского") угля, тогда как в первых паровозах предусматривалось сжигание английского ("кардифского") угля.

В 1872 году была достроена дорога до Унген и построена деревянная эстакада в порту для доставки хлебных грузов к трюмам судов. Были созданы специальные вагоны, из нижних люков которых зерно сгружалось в специальные лотки, доставляющие зерно к горловинам трюмов. Эти лотки в конце XIX века были заменены на транспортеры системы американского инженера Гаррисона.

Финансовое положение дороги было не блестящим. Горчаков требовал дополнительных ассигнований на развитие дороги, но не получал их в полном объеме. Он подал в отставку, и в 1874 году дорогу возглавил инженер Э.Р. Унгерн-Штейнберг — дальний родственник первостроителя дороги.

Единственный год, когда дорога была высокоприбыльной, это 1877, когда шла русско-турецкая война, и черноморские проливы были закрыты.

Купцам нужно было доставить закупленное для стран Северной Европы зерно по назначению. На их счастье, железнодорожный путь в 1873 году у станции Граево соединился с восточнопрусскими железными дорогами. Зерновые поезда пошли на север в Данциг, плата за перевозку увеличилась. Военное ведомство увидело новые стратегические возможности маневра силами вдоль западной границы.

Но на пути от Одессы до Граево работали три дороги, и чтобы устранить эту неприятность, было принято решение об объединении их в Об-

щество Юго-Западных железных дорог. Слияние Одесской, Киево-Брестской и Брестско-Граевской дорог произошло 9 июня 1878 года.

Самостоятельность Одесской железной дороги была восстановлена только в 1936 году, и с тех пор она существует с коротким перерывом с 1941 по 1943 годы.

В этом году одесские железнодорожники празднуют 145-летие от начала работы дороги. Сегодня Одесская магистраль — ведущее транспортное предприятие Украины, осуществляющее 20% общего объема перевозок железнодорожным транспортом страны. В последние годы дорогой руководит один из наиболее опытных и грамотных специалистов, работающих на железных дорогах Украины, Илья Ефимович Левицкий.

Олег ГУБАРЬ

Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы*

Мясные (резничные) ряды

Первые каменные мясные ряды были выстроены "в июне 1798 г. за вольным рынком, на отведенном через дорогу месте", то есть по нечетной стороне Большой Арнаутской, купцом Семеном Афанасьевым, причем бойни находились на периферии, со стороны степи, "для предохранения заражения воздуха". 11 августа того же года купцы Иван Самарин, Василий Чура, Федор Яловиков и мещанин Бабарыкин просили городовой магистрат разрешить им постройку мясных лавок в III квартале, то есть непосредственно на рынке, напротив лавок Афанасьева. Магистрат поручил ратманам Попандопуло и Соколову освидетельствовать уже существующие строения Афанасьева и свободные места поблизости. Ратманы донесли, "что мясные лавки выстроены позади вольного рынка, чрез дорогу, в одной линии", обращены к городу тылами. Вместе с тем, иногородние промышленники, устроившие мясные лавки на самом рынке, "не только доставляют гражданам в торговле подрыв, но составляют тесноту и наполняют воздух нечистотою, отчего происходит вред городским жителям".

14 августа 1798 г. магистрат уведомил инженерную команду: "Так как со времени основания города на опробованном генеральном плане для постройки мясных лавок положено за вольным рынком иметь одну лишь линию лавок для продажи мяса и резьбы скота, где таковые лавки ныне купцом Семеном Афанасьевым и выстроены, но как позади их назначенные для постройки домов кварталы еще не заняты, то и не встречается препятствия просителям Самарину с прочими, за неимением уже места в отведенной по плану линии, дозволить строить мясные лавки на противуположной стороне от вольного рынка, с тем, однако, обязательством, чтоб соблюдаема была чистота. Вместе с тем, когда вышеозначенные кварталы совершенно застроятся, то лавки обязаны они перенести на оконечность города; что же касается до бойниц, то оные близ лавок строить не дозволяется, а как место для них на генеральном плане не определено, то могут быть таковые строены в отдаленности от города"[1].

* Продолжение. Начало в кн. 35-40.

9 сентября 1798 г. Магистрат уточняет: "Лица, имеющие мясные лавки, построенные несогласно генерального плана и не в ряду, обязаны оные уничтожить, а взамен их дозволить построить таковое по плану, если место есть свободное, в противном случае разрешается им выбрать место более удобное и просторное"[2].

Здесь уместно упомянуть наименование несохранившегося дела из фонда Одесского городового магистрата, датированного 10 июня — июлем 1797 г.: "Об утверждении еврейской резницы Сруля Мошковича"[3]. Из этого следует, что стационарные мясные лавки функционировали, по крайней мере, за год до того, как свою "линию" соорудил Семен Афанасьев.

Из плана Е.Х. Ферстера 1802 г. видно, что мясные ряды занимают нечетную сторону Большой Арнаутской улицы в пределах двух кварталов — XLVII и XLVIII. Первый из них ограничен будущими улицами Преображенской, Малой Арнаутской и Александровским проспектом, второй — Александровским проспектом, Малой Арнаутской и Екатерининской. В интервале между 1798-м и 1802-м мясной ряд продолжен по четной стороне Александровского проспекта в XLVII квартале и слегка изогнулся клюшкой на противоположной его стороне. Кроме того, как и планировалось, отдельные лавки и жилые здания фиксируются в глубине обоих кварталов. В перспективе же, после застройки этих кварталов домами, как было регламентировано, мясные ряды должно перенести "на оконечность города". Так вскоре и случилось: уже в середине 1800-х годов они были отодвинуты за Малую Арнаутскую.

Небезынтересная информация о, если можно так выразиться, переходном периоде истории мясных рядов содержится в одном из обширных дел ОСК по отводу мест, датированном 25 июня — 22 июля 1808 г. В это время иностранный купец Велари застроил одно из мест в XLVII квартале жилым домом. Одесский 3-й гильдии купец Николай Лифинцов сообщает, что это место ему в свое время отвел для устройства резницы военный инженер Кейзер. Была там небольшая деревянная лавка, шириной в три с лишним сажени. С одной стороны соседствовал Иван Ростовцев, а с другой Борис Суровцов. Более семи лет здесь шел мясной торг. Затем мясные лавки перенесли в другое место, а эту лавку, оставшуюся без надзора, злоумышленники растащили на дрова[4]. Поскольку со времени переноса мясных рядов на данный момент прошло уже два года, легко посчитать, что Лифинцов, Ростовцев и Суровцев получили первичные места под резницы не позднее 1799 г. и торговали во временных деревянных лавках.

Что касается устройства стационарного мясного ряда на новом месте, между Малой Арнаутской, Александровской, Старорезничной улицами и Резничным переулком, это произошло в 1806 г.. 10 июня упоминавшийся купец Ростовцев от имени купцов, занимающихся резничным промыслом, и мясопромышленников, пишет, что они своих собственных лавок не имеют, а арендуют дорогою ценою чужие (очевидно, Афанасьева). Купцы просят отвести место под застройку резничными лавками, "по правую сторону дороги, идущей из вольного рынка к фонтану (то есть по будущей Александровской улице. — **О. Г.**), против квартала XLVII-го". По определению, записанному в журнале ОСК от 21 июня 1806 г., просимое место для построения лавок по утвержденному Комитетом плану было отведено[5].

Мясные (резничные) лавки были выстроены всего за три месяца, и 17 сентября Ростовцев сообщает об этом Комитету[6]. Места в мясных рядах достались их владельцам, как это было принято, по жребию: №№ 1-7 обрел сам Ростовцев, а всего получилось 28 номеров[7]. Изначально планировалось построить 22 лавки и четверо ворот, выходящих на все окружающие улицы и переулок, но в результате вышло 28 лавок и двое ворот[8]. Как видно из планов города, упомянутые ворота выходили на Малую Арнаутскую и Старорезничную улицы, а в целом ряд представлял собой почти квадрат, образующий обширный внутренний двор.

Член Комитета именитый гражданин Кленов пишет, что из всего резнического общества только шесть человек хотят дополнительно построить двое ворот (выходящих на Александровскую улицу и Резничный переулок)[9]. 24 декабря 1806 г. одесский городской голова Амвросио обревизовал "мясные резнические лавки" и нашел, что действительно нужно еще двое ворот, что и было дозволено сделать под надзором архитектора[10].

В другом архивном деле фиксируется выдача 20 сентября 1806 г. открытых листов на выстроенные Ростовцевым и компанией (поименно) мясные лавки[11]. В следующем деле из фонда ОСК сюжет о сооружении ворот находит свое продолжение. 21 января 1807 г. Комитет получает рапорт из городской полиции, в которую 19 января подано прошение от здешних резников об устройстве третьих ворот в мясных рядах одесскими купцами Иваном Токаревым, Иваном Андреевым и Петром Болгарским самочинно, без общего согласия и не против плана. Просители просят найти управу на самовольщиков, которые разломали часть общей стены к убытку остальных[12]. Так или иначе, а в конечном итоге резничный квартал обзавелся четырьмя воротами, выходящими на все прилегающие улицы. Этот квартал виден уже на плане Фраполли 1807 г.[13], при-

чем здесь он показан еще вмонтированным в запланированный квартал большей площади.

В дальнейшем будет видно, что большинство специализированных рядов рано или поздно дублировалось: увеличение спроса вело к росту предложения и, следовательно, новым коммерсантам требовались очередные торговые площади. В результате возникли новые рыбные, мясные, кузнечные, дегтярные и щепные ряды. Однако, несмотря на поступавшие в ОСК многочисленные прошения об отводе мест под означенные ряды, решение проблемы осложнялось троекратным переносом черты порто-франко. Разумеется, они не могли находиться за ее пределами. И в то же время внутри не было достаточно свободных для отвода участков. Благоприятные для отвода условия сложились после некоторого расширения границ порто-франко в соответствии с высочайше утвержденным положением Комитета министров от 12 января 1826 г.[14].

Сопоставление генеральных планов города демонстрирует процесс смещения Старого базара в направлении Городского кладбища и соответственно миграции в том же направлении привозной площади, то есть пространства, на котором останавливался прибывавший в Одессу гужевой транспорт, и велась торговля непосредственно "с колес". Сначала это были незастроенные кварталы XLVII-XLVIII. После застройки их мясными лавками "привоз" отодвинулся на место, вскоре застроенное резницами и щепным рядом, затем — на место, которое позже заняли рыбные ряды. Наконец, он расположился меж рыбными рядами, рвом и оборонительными казармами. Далее отступать было некуда. Однако после перемещения черты порто-франко с Рыбной улицы на Внешний бульвар появилась возможность устроить между ними не только довольно обширный "привоз", но и выстроить новые мясные и рыбные ряды, которые и возвели в 1826-1830 гг. На плане Одессы 1830 г.[15] новые мясные и рыбные ряды и привозная площадь в целом показаны в нынешних своих пределах. Эти ряды, к слову, сформировали новую улицу — Привозную, от Екатерининской до Преображенской, на исходе XX столетия так же органично исчезнувшую.

Из других материалов фонда Одесского строительного комитета, связанных с дальнейшей эволюцией мясных рядов, в первую очередь, следует выделить следующие два дела с красноречивыми названиями: "Об отводе жителям мест под мясные лавки" от 22 января 1826 г.[16], и "О разбитии на 28 мест двора старого резничного ряда во 2-й части на Александровской и Малой Арнаутской улице и об отводе тех мест владельцам лавок под службы" от 9 августа 1842 г.[17].

Щепные, Дегтярные, Кузнечные, Овсяные ряды

Старый щепной ряд — третий по старшинству после Старого мясного. Первым стационарным каменным рядом (конец XVIII века) был Гостиный, на будущем Александровском проспекте, предназначенный для торговли "красным товаром". Первенство Гостиного ряда связано с тем, что торговля недешевым товаром в деревянных балаганах, с ларей и проч. была крайне затруднительной. Что касается щепного товара, то из архивных документов видно: до поры до времени им торговали как раз с временных деревянных лавок, располагавшихся за такими же временными мясными лавками, на периферии мигрирующей в направлении Городского кладбища привозной площади. Пишу "привозной" со строчной буквы, поскольку слово это в конце XVIII — начале XIX столетий фиксирует главным образом функцию, функциональное назначение, а не некое утвердившееся конкретное название, то есть это еще не топоним.

Прошения от торговцев, с давних пор торгующих щепным товаром с мелочных лавок, о построении стационарных каменных поступали в ОСК неоднократно. 12 августа 1809 г. в присутствии герцога де Ришелье строить "просимые места, или так называемый Щепной ряд" было позволено. При этом оговаривалось, чтоб там продавались исключительно "угольа, вилы, дрючки, колья" и т. п. Лавки должны были строиться по утвержденному Комитетом плану, в один год, начиная с 1 апреля 1810 г.[18]

Под Щепной ряд отмежевали территорию напротив XLVIII квартала, по нечетной стороне Малой Арнаутской улицы, меж Екатерининской и Александровской. За Александровской улицей к нему примыкал мясной (резничный) ряд, за Екатерининской — XIV квартал, а за Старорезничной несколько позднее отстроили Рыбные ряды. Из плана Франческо Фраполли 1807 г. видно, что впоследствии Щепной ряд занял около половины намеченного, но так и не состоявшегося жилого квартала, другую часть которого отвели под Рыбный ряд.

Сооружение лавок пошло довольно быстро: прошения о выдаче владельческих документов стали поступать в том же году, одновременно продолжался и отвод мест новым просителям. При этом постоянно и четко фиксируется привязка Щепных рядов к Вольному рынку: то есть, как уже упоминалось, это торжище территориально включало не только четыре отделения (квартала), непосредственно окаймлявших рыночную площадь, но и серию окрестных специализированных рядов и, разумеется, "привоз".

27 октября 1810 г. одесский купец Алексей Татаринов "на отведенном ему от Комитета месте, состоящем "на вновь прибавленном квартале невотдаль лесных рядов под № 14", построил лавку по плану. Место отведено ему 11 июля 1810-го — "в щепном ряду № 14", мерою пять на три сажени. Архитектор Ф. Франполли свидетельствует, что лавка построена по плану, и ОСК принимает решение о выдаче Татаринову открытого листа[19]. 15 декабря 1810 г. одесский мещанин "евреин Лейба Хаймович" докладывает Комитету, что выстроил лавку в Щепном ряду, "на вновь прибавленном квартале, под № 12". В деле указано, что место отведено 10 сентября 1809 г., мерою пять на три сажени, то есть он получил его в числе первых. После освидетельствования городским архитектором Хаймовичу выдали владельческие документы[20].

В тот, как и в последующий период, застройщиками Щепного ряда были преимущественно евреи, нередко далеко не лучшего достатка. Так, мещанину Лейбовичу для сооружения лавки № 9 понадобился не год, а более двух лет. Место ему отвели 10 сентября 1809 г., а построился он "на вновь прибавленном квартале невотдаль мясных рядов" 6 июня 1812 г.[21] 8 августа того же года лавку № 64 окончил другой мещанин Лейбович, по имени Мендель, судя по всему, родственник предыдущего. Место ему отвели 10 ноября 1810 г.[22], то есть на постройку у него ушло без малого два года. В этот же период в числе просителей и застройщиков Щепного ряда упоминаются одесские жители Беня Валиович[23], Мошка Вельсер[24], Файбиш Абрамович[25], Янкель Кимберг[26] и др.

Застройка Старого щепного ряда продолжается в середине и второй половине 1810-х годов, отчасти по несостоятельности тех лиц, которым места отводились прежде и которые не сумели возвести лавок. Наличие незастроенных мест фиксируется архивными документами в 1815-м[27], 1816-м[28] и т. д. Весной 1817 г. в Щепном ряду появляются еще и колёсные лавки. Дело в том, что места под них были отведены далеко за городом, а потому никто не пожелал там строиться. И поскольку в Щепном ряду все еще оставалось "вдосталь пустых мест", то колесники и просили отдать их им. По распоряжению ОСК архитекторский помощник Джованни Франполли фиксирует эти пустопорожние места №№ 28-59, и просителям отводят оные на общих основаниях[29]. На плане города, составленном архитектором Торичелли в конце 1820-х годов[30], в этом ряду обозначено 72 лавки: по 26 мест с длинной стороны и по 10 с торцовой.

В тот же период возникает обычная для юной Одессы коллизия: Щепной ряд построен и функционирует, а между тем щепным товаром про-

должают торговать в других местах. Точно так же после постройки мясных, рыбных, дегтярных и прочих рядов оными товарами продолжали торговать вразнос, на несанкционированных местах и т. п. По этой причине коммерсанты Щепного ряда обращаются в Строительный комитет, жалуются на подрыв торга, а ОСК, в свою очередь, обязывает городскую полицию следить за тем, что "когда лавки будут для какого рода промышленности построены, то в других местах продажа тех товаров не должна быть производима"[31]. Разбор проблемы продолжался в интервале 26 ноября 1817 г. — 21 марта 1818 г., а постановление Комитета, как видим, имеет отношение ко всем без исключения специализированным рядам. В этом случае совершенно очевидно, что ОСК исполняет функции весьма далекие от собственно строительной части.

Другим старым районом щепной и дегтярной торговли служили окрестности так называемой Верхней немецкой колонии, ниже Лютеранской площади, в районе улиц Дегтярной и Кузнечной: функциональная связь кузнечного, дегтярного и щепного промысла очевидна. Лавки для торговли дегтем "в одну линию, длиною, как придется по числу их, а в ширину до 5 аршин" разрешили строить нескольким купцам и мещанам еще в августе 1800 г.[32]. С другой стороны, сформировавшийся здесь впоследствии густонаселенный жилой массив со множеством ветхих деревянных пристроек в тесных двориках совершенно не годился для складирования огнеопасных материалов. И хотя Щепной ряд функционировал на Вольном рынке, аналогичная торговля долго оставалась и на Дегтярной улице, в 3-й части города. История переноса отсюда щепной и дегтярной торговли растянулась на долгие годы.

В фонде 59 на этот счет имеется несколько чрезвычайно информативных дел. Одно из них называется так: "По предложению г. бывшего одесского градоначальника о переводе на другое место щепного и дегтярного рядов", и датируется 1849-1862 гг.[33]. Начинается оно рапортом жандармского полковника Граве градоначальнику Казначееву об опасности, которую представляют собой склады щепного и дегтярного материала по одноименной улице. Городовой полицмейстер проводит освидетельствование и убеждается, что все так и есть на самом деле. Далее излагается порядок устройства Щепных рядов, начиная с 1810 г. Здесь же — о новом ряде близ Городского кладбища. Речь идет о том, что тут, по сути, на Привозной площади, в Новом щепном ряду, можно торговать всем, кроме собственно строевого леса, продажа которого по-прежнему должна оставаться "на Лесной", то есть на Пересыпе.

Здесь же упомянем другое дело из фонда ОСК за 1856-1858 гг. — "О переводе дегтярного и щепного рядов из 3-й части города и об учреждении дегтярного ряда во 2-й части на привозной площади"[34]. Находим здесь ту же "пожароопасную историю" 1849-1856 годов, изложенную в предыдущем деле. Вывод тот же: лесом надо торговать — на Лесной; остальное можно реализовывать близ Привозной площади, где торгуют используемыми в качестве топлива бурьяном и высушенным кизяком. Временные балаганы для продажи щепы, дегтя и т. п. должны строиться по однообразному фасаду, на условиях, какие определены торговцам щепным товаром, переведенным сюда с Молдаванки. Таким образом, в случае, если эти территории понадобятся городу, торговцы обязаны по первому требованию перенести балаганы на указанное место.

Дело снабжено планом известного архитектора Н.Н. Черкунова, на котором изображена Привозная площадь (к этому времени уже имя собственное), места, назначенные для торговли щепным и дегтярным товаром, и часть Городского кладбища. Излагается тут так и не реализованная идея перевода Щепного ряда на Прохоровскую площадь. Комитет предполагал перенести с этой площади на Старую Конную хлебную стоянку, а сюда — Щепной ряд с Привозной. Как известно, 20 лет спустя на Прохоровскую площадь со Старого базара после долгих мытарств и проволочек передислоцировали Толкучий рынок[35].

В орбите Верхней немецкой колонии помимо Дегтярного находился и так называемый Кузнечный ряд. В одном из "отводных дел", хранящихся в фонде Строительного комитета, прямо сказано о том, что места под кузницы в "Старом Кузнечном ряду" отводила еще инженерная команда[36]. Из контекста совершенно очевидно: ряд этот обустраивался довольно рано, до создания ОСК, судя по всему, одновременно со Старым Дегтярным, по параллельной Кузнечной улице. Это тем более очевидно, что до 17 мая 1815 г. Кузнечный ряд строился без утверждения планов и фасадов[37]. Переустройство ряда с этого времени обусловлено последствиями прошения самих кузнечных мастеров, поданного в Комитет 24 октября 1814 г.[38]. Наличие не только собственно кузниц, но и жилых домов при оных фиксируется здесь, по крайней мере, в середине 1800-х годов[39]. В начале 1820-х годов в Кузнечном ряду и на примыкающих местах строились вовсе не только одни кузнецы, но и ремесленники других специальностей, в первую очередь, из германских государств[40]. Таким образом, продолжался процесс формирования Верхней немецкой колонии.

Поскольку мы упоминали в этом разделе Дегтярные и Кузнечные ряды, уместно вкратце упомянуть и помещавшиеся близ них, на Греческом форштате, Овсяные. Места под овсяные лавки отводились по определению ОСК от 5 сентября 1818 г., а списки отвода были составлены еще в августе. В целом под этот ряд отмежевали 2572 квадратных сажени городской земли, составившие 43 номера равной меры. Правда, 33 из этих мест имели дворы, а 10 не имели, что было обусловлено треугольной формой Овсяного ряда, имевшего общий полукруглый двор и ворота на три улицы. Срок застройки определялся в полтора года, начиная с 1 марта 1819 г.[41]. Из "Книги на записку утвержденных Комитетом планов" за 1823-1824 годы видно, что овсяные лавки строились здесь и после назначенного срока[42].

Рыбные ряды

3 августа 1804 г. герцогу де Ришелье было адресовано прошение от группы "торгующих разною рыбою одесских мещан". "По неимению в здешнем городе особых рыбных рядов, — пишут они, — имеем мы крайнюю в оных необходимость. По причине, что на Вольном рынке, да и нигде в городе для складки заготовленной нами в немалом количестве на знатную сумму вялой и просоленной рыбы ни за какие деньги (помещения. — **О. Г.**) нанять не можно. Чрез то самое получаем мы немалые в капитале своем убытки и разорение"[43]. 20 августа из Строительного комитета в Одесскую инженерную команду поступает распоряжение Ришелье "отвесть места для рыбных лавок на Греческом форштате, на кварталах по четыре: L, под №№ 568, 569, 574, 575; XLIX, под №№ 556, 557, 563, 563-м; LI, под №№ 576, 577, 588, 589; LII, под №№ 590, 591, 598, 599, и таковое исполнение отнесть инженерной команде"[44].

Как видим, в данном случае Рыбный ряд дробился на четыре обособленных фрагмента, причем не имел непосредственного отношения к Вольному рынку, ибо все упомянутые кварталы находились на Греческом, а не на Военном форштате. Очевидно, такое решение было связано с необходимостью удаления, если можно так выразиться, экологически неблагоприятных рыбных складов из жилой зоны в район, где застройка только начиналась. Кварталы L и LII лежали по обе стороны будущей Немецкой (Лютеранской) площади, квартал LI — это конец четной стороны улицы Тираспольской, наконец, квартал XLIX лежит меж улицами Преображенской, Малой и Большой Арнаутскими, Мещанской.

В фонде ОСК сохранилось отдельное дело от 16 августа 1804 г. "Об отводе мест на застроение рыбных лавок"[45]. Здесь сброшюрованы прошения одиннадцати одесских мещан, одного купца и одного отставного военного "в Установленный в Одессе комитет", написанные по единому стандарту: "На вновь назначенных местах для произведения рыбных торгов имею я намерение выстроить в приличности означенного прожекта лавку с принадлежащим к ней строением [...]" и т. д. То есть каждый из них имел возможность получить целое место, а одно даже оставалось свободным.

Несмотря на благородное намерение просителей выстроить рыбные лавки "в приличности", реально это было едва ли возможно, учитывая социальный статус застройщиков, да и само местоположение отведенных им мест. Из плана Ф. Франполли 1807 г. не видно, чтобы указанные кварталы интенсивно застраивались. Судя по всему, первые рыбные лавки представляли собой более чем скромные сооружения. Это тем более очевидно, что после чумной эпидемии обнищавшие промышленники Херсонской площади (Нового базара) просили Ришелье о переводе к ним Рыбного ряда, на что 23 марта 1814 г. последовало дозволение[46].

Между тем отсутствие стационарных помещений для торговли и складирования рыбы на Вольном рынке оставалось проблемой, в особенности остро обозначившейся после весьма удачных для города 1816-1817 годов, когда резко возрос хлебный экспорт и соответственно доходы горожан.[47] В сентябре 1818 г. на Вольном рынке, за Щепным рядом, отвели ровно столько же места под Рыбный. Получившие землю под застройку обязаны были построить двухэтажные лавки по утвержденному плану в один год, начиная с 1 марта 1819 г.[48]. А 14 октября 1818 г. Одесский комитет получил новое прошение "от промышленников рыбною торговлею". Они сообщали, что городовой архитектор Дигби объявил им сделанный по повелению Комитета план на построение рыбных лавок в два этажа. По этой причине просители объясняют Комитету, что, во-первых, между ними мало сыщется таких состоятельных людей, которые смогут выстроиться по сему плану, а во-вторых, "что промышленность рыбою неудобно производить в двухэтажных лавках, а должны лавки быть без потолков, чтобы воздух проходил повсюду, а с потолками лавки теплые, и рыбы держать в них невозможно, которая от духоты будет портиться. По сим обстоятельствам Комитета покорнейше просим повелеть г-ну архитектору сделать план на построение рыбных лавок в один этаж"[49].

Одноэтажный Рыбный ряд в классическом стиле был сооружен в начале 1820-х годов, он описан и проиллюстрирован в литературе[50].

Как видно из плана города, составленного архитектором Торичелли в конце 1820-х[51], он состоял из 24-х лавок (мест). Однако с ним произошла история, характерная и для других специализированных торговых рядов, скажем, для Старого щепного. Владельцы рыбных лавок использовали их не по назначению, что нередко было выгоднее в условиях дефицита рыночных помещений. Многие лавки переходили в другие руки, и новые владельцы сдавали их в аренду под кабаки, ренсковые погреба, кофейни, харчевни, ночлежки. В связи с этим реальные рыбопромышленники по-прежнему оставались без торговых и складских помещений, а потому вынуждены были просить ОСК об отводе им места под Новый рыбный ряд.

Сюжет этот подробно изложен в деле ОСК, начатом 3 февраля 1825 г., "О построении рыбных лавок на Старом базаре"[52]. Излагаю резюме. Сначала прямо говорится об использовании Старого рыбного ряда, устроение которого начато в сентябре 1818 г., не по назначению. Действующие рыбопромышленники просят отвести новые места. Свободная территория, как уже упоминалось, это часть Привозной площади, в 40 саженях от Городского кладбища. Однако там, "на выгоне Старого базара", по разрешению градоначальника Н. Трегубова с 1821 г. находятся временные деревянные лавки для мелочной торговли. Означенные торговцы вмешиваются в отвод мест, требуя первенства по справедливости. Их просьбы удовлетворяются, и им передают уже прежде розданные места. Назревает конфликт меж двумя группами застройщиков. ОСК разводит враждующие стороны. Прошения от рыбопромышленников и мелочных торговцев поступают в 1826-1828 гг. На построение лавок Комитет дает два года. Первые построены уже в 1828-м, а последние в 1830-м. Замечательно, что в числе построившихся есть и владельцы старых рыбных лавок, которые изначально вообще убеждали власти в нецелесообразности строительства Нового рыбного ряда. На этом примере в очередной раз убеждаешься, сколь непросты и многообразны были функции ОСК.

Важный момент. Все специализированные ряды возводились по утвержденным Комитетом классическим фасадам, с колоннадами и галереями. Они окаймляли Александровскую площадь, одноименный проспект, площади Старого и Нового базаров, улицу Новорыбную, Старорезничную и др., как бы имитируя античную агору, то есть позиционировали Одессу как наследницу античных полисов. Однако в практическом смысле такое устройство тривиальных рыбных или мясных лавок не вполне отвечало их назначению: галереи сокращали площадь и без того не очень

обширных торговых помещений, затрудняли непосредственное общение с покупателем. Поэтому постепенно многие из галерей застраивались — после челобитных домовладельцев и соответствующих санкций высшего начальства и ОСК. Так были застроены галереи Гостиных рядов в домах Протасова и Авчинникова, Новые мясные и Новые рыбные ряды, часть галерей по периметру Херсонской и Старобазарной площадей. К 1840-1841 гг. относится дело "По предписанию г-на генерал-губернатора о дозволении хозяевам Нового Рыбного ряда устроить в их лавках вместо колонн двери с окнами"[53], из которого читатель имеет возможность почерпнуть подробности процесса преобразования фасадов.

Прямое отношение к сооружению Рыбных рядов, как старых, так и новых, в контексте истории градостроительства имеет эволюция всей Новорыбной улицы. Почему? Потому что строительство тех и других рядов вызвало необходимость уравнивать сопредельные кварталы, ибо теперь улица простиралась не в прямой линии, имела выступы и заступы. В частности, по рапортам Фраполли и Дигби, от улицы прирезали "клинок земли" к XII и XIV кварталам во 2-й части, чтобы уравнять их со Старым рыбным рядом[54]. Значительно позже, в 1851-1852 гг., для уравнения Новорыбной улицы, в соответствии с генпланом 1849 г., прирезали от 7 и 2/3 до 8 1/2 саженей земли в кварталах XI, IV, V, X[55].

Еще один любопытный эпизод. В середине 1850-х годов домовладельцы Нового рыбного ряда ходатайствовали о прибавке земли к их местам за счет находящейся в тылу Привозной площади. Суть в том, что и эти "рыбные лавки" со временем претерпели изрядную трансформацию, что, впрочем, случалось с большинством торговых секций близ рыночных площадей. При лавках возникали жилые помещения, обраставшие подсобными, и в конечном итоге назначение специализированных рядов в корне менялось, почему и остро ощущался дефицит места. По архивным документам этот процесс четко прослеживается и на Греческом, и на Старом, и на Новом базарах.

В данном случае сюжет изложен в деле 1854-1856 годов из фонда ОСК под заголовком "По предписанию г-на исправляющего должность новороссийского и бессарабского генерал-губернатора по ходатайству владельцев рыбных рядов о прибавке земли к их местам"[56]. Закончилось оно тем, что в прибавке им отказали, в том числе и по причине нежелательности сужения рыночной площади, на которой располагались нестационарные торговые ряды. Между прочим, несколько позднее, в начале 1860-х, в прибавке земли отказали и домовладельцам Александровской площади:

о том, чтобы урезать городскую площадь, и речи быть не могло, да и прилежащие переулки сужать не нашли возможным[57].

Прибегая к метафоре, можно сказать так: в третьей четверти XIX века торговля рыбой отвернулась от Рыбной улицы и повернулась лицом к Привозной площади. В период мощения этой площади на рубеже 1860-1870-х годов она временно возвратилась на улицу, а затем снова переместилась назад[58].

Примечания

[1] Орлов А. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. — Одесса, 1885. — С. 21-22; Одесса, 1794-1894. — С. 350.

[2] Орлов А. Указ. соч. — С. 22.

[3] ГАОО, ф. 17 оп. 1, д. 456. — 9 л.

[4] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 27, л. 120-124.

[5] Там же, д. 18, л. 8-10.

[6] Там же, л. 57.

[7] Там же, л. 59.

[8] Там же, л. 62.

[9] Там же, л. 66.

[10] Там же, л. 80.

[11] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 258, л. 54-55.

[12] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 23, л. 12.

[13] ОГИКМ, инв. № К-602.

[14] ПСЗРИ. — Собр. 2-е. — СПб., 1830. — Т. 1. — № 46.

[15] Изготовлен в местной литографии А. Брауна.

[16] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 544. — 452 л.

[17] Там же, оп. 4, д. 28. — 76 л.

[18] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 282.

[19] Там же, л. 226.

[20] Там же, л. 364.

[21] Там же, д. 264, л. 32.

[22] Там же, л. 282.

[23] Там же, л. 178.

[24] Там же, л. 181.

[25] Там же, л. 185.

[26] Там же, л. 192.

[27] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 88, л. 84, 107-110.

[28] Там же, д. 96.

[29] Там же, д. 114, л. 95-102.

[30] ОГИКМ, инв. № К-605.

[31] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 732-736.

[32] Орлов А. Указ. соч. — С. 22.
[33] ГАОО, ф. 59, оп. 4, д. 59. — 59+2 л.
[34] Там же, оп. 1, д. 3405. — 12 л.
[35] Губарь О. Старые дома и другие памятные места Одессы. — Одесса, 2006. — С. 248-259.
[36] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 114, л. 141-152.
[37] Там же, л. 152.
[38] Там же, д. 80, л. 544.
[39] Там же, д. 17, л. 2.
[40] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 11, л. 5.
[41] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 764-783.
[42] Там же, ф. 2, оп. 5, д. 16.
[43] Там же, ф. 59, оп. 1, д. 4, л. 268.
[44] Там же, л. 269.
[45] Там же, д. 7. — 12 л.
[46] Там же, д. 80, л. 46-48.
[47] Херлихи П. Одесса. История: 1794-1914. — Одесса, 2007. — С. 151.
[48] См., например: ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 153, ч 1, л. 153-155.
[49] Там же, д. 127, л. 632.
[50] См., например: Старая Одесса: архитектура Причерноморья.
[51] ОГИКМ, инв. № К-605.
[52] ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 472. — 330 л.
[53] Там же, д. 547. — 26 л.
[54] Там же, д. 111. — 158 л.
[55] Там же, д. 3337. — 15+1 л.
[56] Там же, оп. 4, д. 232. — 38+1 л.
[57] Там же, оп. 2, д. 1858. — 15+1 л.
[58] Одесский вестник. — 1870. — 3 декабря (№ 263).

Ева КРАСНОВА, Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ

Куликово поле и его "окрестности" на старинных открытках и фотографиях

Старинных открыток и фотографий с видами Куликова поля известно крайне мало. Городские виды чаще всего попадали на открытки только тогда, когда к ним возникал коммерческий интерес.

На старинных одесских картах первой половины XIX века Куликово поле вообще не значится. Это был пустырь, заросший бурьяном, в котором, возможно, водились и кулики, и другая живность.

Вопрос о происхождении названия остается до сих пор открытым. Маловероятно, что название "Куликово поле" связано с фамилией одесских жителей Куликовских, так как владения их в этом районе неизвестны. Зато известен топоним "Куликово поле" в других городах, например, в Севастополе.

Во второй половине XIX века огромная площадь за чертой портофранко, простиравшаяся в те далекие времена от Канатной улицы до Привоза, бывшего тогда всего лишь придатком Старого базара, стала использоваться как плац войсками, квартировавшими поблизости.

В.П. Катаев в книге "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона" приводит рассказ своей бабушки-генеральши о производстве в капитаны

Вокзал

командира береговой батареи прапорщика Александра Петровича Щеголева, геройски отбившего нападение англо-французской эскадры 10 апреля 1854 года. Для этого торжественного акта на Куликовом поле был выстроен весь гарнизон, под звуки военной музыки войска прошли церемониальным маршем перед новоиспеченным капитаном. То есть в это время Куликово поле использовалось как плац-парадная площадь. Документальное подтверждение проведения парадов на Куликовом поле относится к 1870 году.

Развитие этого района тесно связано с появлением в Одессе железнодорожного сообщения. Уже в путеводителе — справочнике по Одессе за 1867 год указана конечная железнодорожная станция "Куликово поле", от которой поезда в сторону Балты и Ольвиополя (Первомайска) двигались до станции "Одесса" (Большой вокзал, теперь — Одесса-Товарная) 10 минут и далее по маршруту.

Строительство солидного здания пассажирского вокзала значительно облагородило и изменило этот район. Мощное сооружение, именуемое в документах "пассажирское здание "Куликово поле", возводили по конкурсному проекту петербургского зодчего В.А. Шретера под надзором одесского архитектора А.О. Бернардацци с 1879 по 1883 год. Вокзал занял большую часть огромного Куликова поля и рассек его на три площади: Куликово поле в нынешних его размерах, примыкающую к Привозу Сенную площадь и сформировавшуюся несколько позднее Привокзальную (Тюремную) площадь.

Здание судебных учреждений

Скажем несколько слов о двух последних площадях. Сенными называли рынки, где проходила торговля фуражом. Так что Сенная площадь в нынешних размерах служила долгое время продолжением Привоза, где торговля осуществлялась в конце XIX века "с колес".

Привокзальная площадь преобразилась после возведения на ней в 1894-1895 г.г. архитектором Н.К. Толвинским респектабельного здания судебных учреждений (ныне Управление Одесской железной дороги), а позднее, в 1899 году, этим же зодчим и здания земской управы (ныне Одесское отделение ОдЖД) по другую сторону вокзала, на месте старой тюрьмы. Центр площади украшал живописный сквер с фонтаном в центре.

У здания судебных учреждений была конечная остановка вначале, в 1880 году, конки, а через год — парового трамвая, отправляющегося от Куликова поля на Большой Фонтан. Посвистывая и дымя, паровоз тащил вагончики, доставляя одесситов на дачи и к купальням. Впоследствии паровоз был заменен трамваем электрическим. Тогда же построили по проекту архитектора А. Минкуса павильон для узловой трамвайной станции на Куликовом поле вблизи угла Канатной улицы и Итальянского бульвара (в наши дни здание перестроено в химчистку), и конечная остановка трамвая на Большой Фонтан обосновалась с тех пор там.

Как память о паровичке в топонимике города остались названия остановок, по сей день именуемые "станциями" с соответствующими номерами, да песня "Семь сорок", связанная с его расписанием.

Паровичок огибал Куликово поле по линии Итальянского бульвара, затем Канатной улицы и устремлялся дальше отсчитывать станции по тому же маршруту, как и современный трамвай № 18.

Из окон своей квартиры в доме Гольденгорна на Канатной, 85, выходивших на Куликово поле, видел и слышал все, что там происходит гимназист, будущий писатель В.П. Катаев, книгу которого мы уже упоминали в начале статьи. Герой его другого произведения — автобиографической повести "Белеет парус одинокий..." — Петя Бачей аттестовался приятелями как "Петька с Канатной угол Куликова поля".

В год 100-летия Одессы городским управлением было выпущено солидное всеобъемлющее издание по истории города, в котором сказано, что "Площадь Куликово поле — громадная площадь, окаймленная зданиями и садами. В дни праздников Пасхи на Куликовом поле устраиваются народные гуляния с балаганами, каруселями, цирками, зверинцами и прочими праздничными увеселениями".

Сухие описания пасхальных гуляний в справочниках и путеводителях расцвечены и озвучены на страницах книг Валентина Петровича Катаева. Запомнившиеся с детства праздники он описывает ярко и красочно: "Во время страстной недели из свежего теса и брезента ... строился праздничный балаганный городок, разукрашенный разноцветными громадными картинами с изображением диких зверей, жонглеров и клоунов...". На второй день Пасхи "...загремят шарманки каруселей, затрезвонят небольшие

медные колокола, зазывающие публику в балаганы, послышатся резкие выкрики клоунов и торговцев квасом, несметная толпа празднично разодетых горожан степенно двинется вдоль лавочек и будок, высоко в небо полетит оторвавшийся от своей нитки первый воздушный шарик — красный, как клюква...".

Балаганы на Куликовом поле

Коллекционные открытки и фотографии как нельзя лучше иллюстрируют катаевские описания пасхальных гуляний. Одна из открыток "прошла почту" в 1898 году, следовательно, напечатана еще раньше и является почти ровесницей писателя, родившегося в 1897 году. Скорее всего, раннюю открытку напечатали по заказу организаторов и владельцев

Болгары-юнаки на Куликовом поле в Одессе

пасхальных развлечений для рекламирования мероприятий и привлечения публики.

Описывает В.П. Катаев и другие яркие события, происходившие на Куликовом поле позднее, в 1909 и 1912 годах. Но прежде чем рассказать о них, сделаем небольшое отступление и сошлемся на обстоятельную статью В. Михальченко и А. Хазана, опубликованную в № 26 альманаха "Дерибасовская — Ришельевская". Статья касается истории посещения нашего города в начале июля 1909 года болгарскими юнаками — членами молодежной патриотической организации.

В нашей коллекции есть очень редкая двойная панорамная открытка, на которой запечатлен парад юнаков на Соборной площади. Есть и фотография с того же негатива, помещенная в газете "Одесский листок", выполненная известным одесским фотографом и фоторепортером Иосифом Шнейдером.

Красочный парад и слаженные выступления юнаков на Куликовом поле также широко освещались в одесской прессе.

Иллюстрированное приложение к газете "Одесский листок" за 8 июля 1909 года посвятило этому событию целый разворот своего издания. Кроме юнаков на снимках виден временный памятник Петру Великому.

Попутно укажем дома, попавшие в объектив фотографа, снимавшего выступления юнаков. За спиной памятника Петру I четко видны Павловские здания дешевых квартир, о которых мы еще расскажем.

Дальше по Канатной — одноэтажное здание "городского убежища для лиц обоего пола привилегированных сословий, впавших в нужду вследствие несчастных обстоятельств", скрытое зеленью, заметен только своеобразный купол. Необычное сооружение было воздвигнуто архитектором А. Бернардацци в 1889 году и снесено в 1970-х годах в связи со строительством на его месте высотного здания различных областных организаций.

За богадельней — мощное здание "катаевского" дома, из окон которого Куликово поле было как на ладони.

Со стороны Итальянского бульвара просматривался другой Катаевский объект — 5-я гимназия на Новорыбной (Пантелеймоновской) улице, где учился сам Катаев и многие выдающиеся одесситы.

Но вернемся на Куликово поле. Несколько номеров иллюстрированного "Одесского листка" за 20 и 27 июня 1909 года посвящены подготовке и проведению празднования 200-летия Полтавской битвы, центром которого, по замыслу властей, оно должно было быть. В честь юбилея победы над шведами планировалось кроме военного парада на Куликовом поле проведение многочисленных тематических вечеров, концертов, лекций.

Городская Дума санкционировала 19 июня 1909 года переименование некоторых улиц в честь 200-летия Полтавской победы: Канатная стала именоваться улицей Полтавской победы, улице С.Ю. Витте (Дворянской) и Сенной площади присвоено имя Петра Великого.

Макет памятника Петру Великому (скульптор М.-Л. Молинари)

Для проведения торжественного парада на Куликовом поле вблизи пересечения улицы Полтавской Победы (бывшей Канатной) и Итальянского бульвара и был открыт 20 июня 1909 года временный памятник Петру I. Он представлял собой бюст императора, выполненный известным одесским скульптором Марком Луиджи Молинари, водруженный на высокий семиметровый постамент.

Макет памятника, фотография которого помещена в газете, выполнен из белого материала, возможно, гипса. На площади бюст выглядел темным, а 7-метровый постамент — белым. "Свидетель" В.П. Катаев характеризует памятник как "громадный, сделанный из дерева бюст Петра Великого в треуголке".

Бюст Петра I
в мастерской скульптора Молинари

Во время парада мимо памятника Петру I "под звуки Преображенского марша прошла стрелковая "железная бригада" и модлинский полк, а затем, расходясь по казармам, солдаты пели молодецкую песню: "Дело было под Полтавой, дело славное, друзья, мы дралися там со шведом под знаменами Петра".

Звуки этой песни, где также говорилось, что "наш великий император — память вечная ему! — сам командовал войсками, сам и пушки заряжал", грозно и четко, с присвистом разносились по городу, вселяя гордость за нашу непобедимую отчизну".

Так же пышно праздновалось на Куликовом поле 100-летие со дня окончания отечественной войны 1812 года. В замечательном альбоме Кирилла Сокола "Монументальные памятники Российской империи", выпущенном в прошлом году, в списки временных монументов со ссылкой на Санкт-Петербургскую газету "Русский инвалид" за 1912 год, указан бюст Александра I, открытый на Куликовом поле в Одессе 6 октября 1912 года, в столетие боя под Тарутино. Других свидетельств существования этого памятника нам не встречалось.

Революция и ожесточенная борьба за власть в городе изменила профиль памятников на Куликовом поле. 21 января 1918 года здесь в братской могиле хоронили 119 жертв трехдневной гражданской войны.

Тут нам кажется уместным сделать небольшое отступление и рассказать о новых коллекционных поступлениях — трех фотооткрытках, изготовленных немецким фотографическим предприятием "Max Uhlmann", Chemnitz. На одной стоит надпись: "Odessa, Bolschew. Grab. L. 109" ("Большевистская могила")". Земляная насыпь посреди большой площади, огороженная бесхитростной оградой, безусловно, является братской могилой жертв январских боев 1918 года. Бесспорным подтверждением того, что перед нами Куликово поле, являются дома на втором плане —

Павловские здания дешевых квартир на Канатной, 81, угол Итальянского бульвара, на фоне которых возвышался в 1909 году семиметровый Петр Великий.

Этот комплекс строений полностью сохранился до наших дней и легко идентифицируется визуально при выходе на место. О нем хочется сказать особо, так как Павловские здания дешевых квартир являлись своеобразным памятником щедрой благотворительности одесситов позапрошлого века. Четыре огромных, по одесским меркам того времени, трехэтажных дома были сооружены в 1885-1893 годах на бесплатно отведенном городом месте на средства Павла Ямчитского, выделившего для этой цели по духовному завещанию капитал в сумме 511.000 рублей. Дома предназначались для "недостаточных" одесситов, "не опороченных в поведении, имеющих мебель и какое-либо ремесло или другое средство к пропитанию". Оплата проживания проводилась из расчета "не свыше 3% чистого дохода, а в уважительных случаях и бесплатно"! Дети, проживающие в этом здании, бесплатно обучались в народном училище, расположенном здесь же, все жильцы бесплатно пользовались услугами врача. За правильным использованием средств наблюдал комитет Павловских зданий. (Приведенные цитаты и сведения взяты из замечательной книги "Одесса, 1794-1894", изданной городским общественным управлением в 1895 году.)

Большевистская могила

Памятник Борцам революции

До сих пор открыток с видом Павловских зданий дешевых квартир коллекционерам известно не было. Снимок сделан, скорее всего, осенью 1918 года, во время немецко-австрийской оккупации Одессы. Австрийские фотооткрытки этого смутного времени с одесскими сюжетами, снабженные печатью "Feldpost 240", хорошо известны. Немецкие же работы до сих пор не попадались одесским коллекционерам. Учитывая, что номера этой серии превышают сотню, нас еще ждут впереди новые находки.

Но вернемся на Куликово поле и рассмотрим более позднюю открытку с видом обелиска, установленного советской властью на месте братской могилы. Снимок сделан со стороны Итальянского бульвара, поэтому за памятником просматривается дом по Канатной, 85, где жил В.П. Катаев в начале XX века, здание школы на углу Канатной и Пироговской.

Так сложилось, что жизнь обоих авторов этой статьи в разное время проходила вблизи Куликова поля (в те времена — площади Октябрьской революции). В начале 1950-х годов не одна пара детских штанишек была протерта на наклонном основании обелиска борцам революции. Запомнились и другие одиночные памятники, расположенные поблизости, и мраморные ступени стационарных трибун, используемые неизбалованной послевоенной детворой в играх.

В 1960-х годах обелиск был заменен более оригинальным, монументальным памятником, установленным в другом месте, вблизи трамвайной остановки, приблизительно там, где стоял временный памятник Петру I.

Позднее, в 1967 году, пропуская уроки в школе № 16 (бывшей железнодорожной), можно было наблюдать, как монтировали памятник В.И. Ленину. Сам скульптор, создатель лучших памятников вождю мирового пролетариата, знаменитый Матвей Генрихович Манизер, умер, поэтому руководил работой и завершал монумент его сын, тоже скульптор, увы, менее знаменитый. Сколько раз в колоннах демонстрантов мы проходили мимо этого памятника в советские времена! Несколько лет назад памятник вождю мирового пролетариата был перенесен в парк имени Ленинского комсомола.

В 1990-х годах городские власти решили возродить традицию столетней давности и сделать Куликово поле местом народных гуляний. Детские праздники, рисунки на асфальте, сеансы одновременной игры в шахматы, турниры, молодежные дискотеки, выступления популярных артистов, сопровождаемые фейерверками и другими современными атрибутами праздника, уже стали привычными в наши дни. Кроме того, на площади проводятся политические митинги различных партий.

Бывшая городская окраина — Куликово поле — уже давно стала географическим центром города, отсюда идут дороги во все отдаленные районы.

Олег ГУБАРЬ

"Энциклопедия забытых одесситов"
Из новой книги

Что может быть проще кладбища — места компактного хранения отработанного "человеческого материала"? Когда близкий друг Миша Пойзнер подбивал меня готовить монографию об истории уничтоженного в 1930-х годах Старого городского кладбища Одессы, я понимал свою задачу, конечно, как не только скрупулезную исследовательскую, но и гуманитарную, нравственную. Ввязавшись, углубившись, многое переосмыслил. Скорее даже перечувствовал. Чтобы быть более или менее адекватно понятым, предлагаю следующую метафору: изначально планировался постановочный снимок, а в итоге получился репортажный, причем апокалипсический. На что-то мы такое замахнулись вселенское, непосильное. Всех не перехоронишь, не воскресишь. Таких разных одесситов, живших на пороховой бочке, от чумы к войне, от войны к холере, от холеры к геноциду.

Не потрешься среди людей, не узнаешь ни их, ни, что, может быть, значимее, себя. В этой "тёрке" меня обступали со всех сторон живее всех живых и ровнее всех ровных покойники, молчаливо наперебой заявлявшие о себе самою неповторимой рельефностью судеб. На этом погосте таких судеб скопилось не менее двухсот тысяч, и я был физически не способен не только переварить, но хотя бы озаглавить их.

В какой-то из дней преобразующегося в цинизм отчаяния набрал знакомый номер: "Что ж это ты... А еще называешь себя моим другом". Миша обеспокоенно озадачился: "Да что случилось?" — "А чего ты мне "Реквием" заказал?!". Посмеялись горько.

Написание территориальной истории кладбища — просто квалифицированная работа, кропотливая, рутинная, но не более того. Так, собственно говоря, и стряпают историю не каких-нибудь отдельно взятых некрополей, а целых городов, регионов и проч. — как неких декораций к опере, партитура которой давно утрачена и никогда не будет воссоздана. Я не очень оригинально называю подобную стряпню бухгалтерской эрудицией.

Общение с забытыми одесситами вдохновляло и одновременно вгоняло в депрессию: дальше кладбища не пойдешь — не только буквально, но в творческом плане. Какие еще высоты штурмовать после заоблачных кладбищенских низин...

Как-то я в себе бессильно и пристыжено разочаровался. Не оставалось ничего другого, как искать дежурный чертов смысл в поставленном над

всеми нами эксперименте. Вот они такие разнокалиберные, мои покойники, подумалось. И каждый по-своему сжигал жизнь, отламывая, отщипывая от себя по кусочку и бросая в топку, — кто с грустью, сожаленьем, истерически, кто с энтузиазмом и безоглядным любопытством. Какие убедительные примеры открывала эта нескончаемая галерея версий сжигания, возжигания, прожигания, как хотите... И в этой череде поставленных над собой опытов определенно брезжит какой-то смысл.

Моя "энциклопедия" — произвольная выборка вариантов сочетания случайного и закономерного в конкретной жизненной мозаике. Сколько ни пеняй на судьбу, а праздники и прочее спасение утопающих надо приближать собственноручно. Как говорили древние, счастье покровительствует смелым. Эти смелые люди сделали город, которым мы бесцеремонно пользуемся в характерной для нас манере не различать за "памятниками архитектуры" и "объектами культурного наследия" нечто куда более достойное эмоционального внимания. Мы же камнями главным образом занимаемся, то собирая, то разбрасывая их — точно кости. Не хочу назидательности: это я не вам, это я себе втолковываю, поскольку много лет жизни сжег на регионально-историческое счетоводство, одержимое (маниакальное, как замечено по этому поводу в одном кинофильме), коллекционерское и даже снобистское увлечение мелочами.

Эту книгу я пишу для себя в качестве седативного средства, чтобы заворожено глядеть в догорающий костер. Персонажи пришли на ее страницы без спроса прямиком из небытия. "Их было много, нежных и любивших, и девушек, и юношей, и жен, ночей и звезд, прозрачно серебривших Евфрат и Нил, Мемфис и Вавилон..." Хорошо, что уголья еще не вполне прогорели, есть возможность раздуть, расшевелить их, набросать валежника и снова сладко дремать, чтобы незаметно крепко уснуть.

Первый герой второго плана

Теперь этот человек, как принято говорить, "один из": сподвижников Суворова, де Рибаса, де Волана, Ришелье, Ланжерона и других. Военный инженер Ферстер не выбился в заглавные исторические лица и, мягко говоря, мало популярен. Бессмысленно рассуждать о том, насколько это справедливо, ибо представление о справедливости едва ли корректно прилагать к равнодушному течению времени.

Егор Христианович (Иоганн-Георг) фон Ферстер, дворянин из Брауншвейга, масон, служил капитаном в прусской армии, и в 30-летнем возрас-

те (1786), перешел в российскую, получив незначительный офицерский чин подпрапорщика, однако в элитарном лейб-гвардии Преображенском полку. Далее — небольшие разночтения в трактовке карьеры. Судя по всему, Ферстер поначалу не был удовлетворен своим положением, и через год вышел в отставку. По другим сведениям, он оставил лейб-гвардию, и в чине капитана морского батальона сражался со шведами. С весны 1791 года Ферстер — в инженерном корпусе, с 1792-го направлялся начальством в длительные командировки, выполнял разнообразные задания в Севастополе, Тирасполе, Херсоне.

Как не причислить к основателям Одессы планировщика и строителя крепостей в Хаджибее и Овидиополе? Он был также начальником региональной инженерной команды, комендантом Овидиопольской крепости (1796). Происшедшие после кончины императрицы кадровые пертурбации коснулись и его, на рубеже веков Ферстер находился в отставке, но затем снова оказался востребованным. 31 августа 1800 года он сменил небезызвестного полковника Харламова в Комиссии отстройки гавани в Одессе, как начальник инженерной команды руководил строительством города и порта. Здесь еще в сентябре 1794 года, будучи капитаном, Ферстер одним из первых получил земельные участки под застройку непосредственно из рук де Рибаса и де Волана.

Построиться в строго оговоренные сроки на голом месте... Мало кому из первопроходцев это удавалось. Нарождающийся город был лишен элементарных ресурсов: строительных материалов, воды, мастеровых, гужевого транспорта, не говоря уже о топливе и продовольствии. Строительный лес, например, приходилось сплавлять по рекам, а затем вдоль морского берега, до устроенной на Пересыпи так называемой Лесной пристани и одноименного рынка. Не менее дорого обходилась ломка и доставка камня. Казенные здания и сооружения строились, в основном, силами солдат, тогда как для возведения пусть и небольших партикулярных домов, погребов, лавок требовались пришлые мастеровые, которых негде было даже поселить. Если состоятельные иногородние купцы еще могли себе позволить подобные расходы в расчете на грядущие барыши, то небогатым офицерам такое предприятие было не по карману, а кроме того, их часто перемещали по службе. Так случилось и с Ферстером: ему целиком поручили Овидиополь, и потому домостроительство в Одессе отложилось до начала 1800-х годов.

Возглавив инженерную команду, он руководил не только производством казенных работ по устройству порта, карантина, госпиталя, казарм

и проч., но и отводом земли под частные дома, магазины, промышленные и садоводческие заведения — с санкции муниципалитета, затем контролировал качество построек. В 1802 году Ферстер составил перспективный план застройки города, на который вынес реально существовавшие на тот момент здания и сооружения. Этот поразительный документ наглядно рисует Одессу в ее младенчестве: мы видим первозданные причалы формирующегося порта, недостроенный морской госпиталь в районе нынешнего бульвара Жванецкого, первые портовые пакгаузы, казенные и частные хлебные магазины в Карантинной балке, большую и малую крепости, солдатские казармы, офицерские флигеля, заложенные храмы, едва застроенные городские кварталы. В следующем году этот план был высочайше утвержден императором Александром Павловичем, и с тех пор всякие неоговоренные отступления от этого регламентирующего документа следовало согласовывать на том же уровне.

Тогда же, в 1803-м, герцог Ришелье с высочайшего соизволения сформировал Одесский строительный комитет, фактическим руководителем которого стал полковник Ферстер. Не надо думать, будто Комитет ведал исключительно строительными работами. Эта институция занималась градостроительством, то есть всесторонним обустройством Одессы, вплоть до финансирования певческой капеллы, городского часовщика и снабжения арестантов.

Но тут началась очередная турецкая кампания, и штатный инженер, многоопытный фортификатор должен был снова стать боевым офицером. В 1806 году с отрядом казаков Ферстер занял Аккерман, временно исполнял там обязанности коменданта, в декабре захватил Килию, в начале весны 1807-го производил инженерное обеспечение осады Измаила — строил редуты, батареи, наводил мосты. Получив ранение летом того же года, вынужден был удалиться на излечение, но скоро вернулся в строй. В 1809-м укреплял ряд черноморских крепостей, а 15 июня, командуя четырьмя батальонами, захватил Анапу, за каковой подвиг пожалован генерал-майором.

Огромное значение в эволюции Одессы сыграл план города, составленный Ферстером в 1811 году, в принципе — план военного назначения. При этом полукольцом охватывающая нынешний исторический центр линия оборонительных казарм с эспланадой удивительным образом создали все предпосылки для устройства будущей черты порто-франко. К слову, позднее Ферстер составил и два плана укрепления Киева, предусматривавшие реконструкцию старых и создание новых крепостей.

Грянул 1812-й год, и Ферстер получил назначение начальником инженеров в армию Багратиона, в боевой обстановке руководил укреплением позиций, строительством мостов, переправ и проч. Сражался под Смоленском, Малоярославцем, Березино, Красным, за храбрость при Бородино получил высокую награду — орден Святой Анны 1-й степени, к которому вскоре заслужил и бриллиантовые знаки. Участвовал в зарубежном походе против Бонапарта: наводил переправу через Вислу, осаждал Гамбург, был награжден орденом Святого Владимира 2-й степени, шведским орденом Меча и французским командорским крестом Почетного Легиона. Вернувшись в Россию и занимая высокие военно-инженерные должности, инспектировал и укреплял фортификационные сооружения в Бессарабии, где и скончался в 1826 году в чине генерал-лейтенанта.

Что касается приватной стороны, по всему видно, что супруги Ферстер в течение ряда лет жили раздельно. Луиза обитала в Одессе около 30 лет, оставив о себе хорошие отзывы — доброта, любезность, благочиние, непритязательность в быту. За ней числилась и вся одесская недвижимость генерала, в частности, чудом сохранившийся до наших дней дом с колоннами на Торговой улице, близ Садовой, где ныне частично помещается медицинское училище. Изначально это были буквально первые лавки на площади Нового базара, построенные ранее 1809 года, фактически еще до официального основания этого рынка и планового устройства пяти его отделений. Ей же принадлежала и большая часть всего примыкающего квартала меж улицами Херсонской, Торговой и Садовой, где был разбит немалый сад. Однако с конца 1810-х Строительный комитет стал откусывать от этого сада кусок за куском, мотивируя тем, что генеральше не положено единолично владеть столькими незастроенными участками. То есть занимавший высокие посты Ферстер в расчет уже не брался как лицо лично не заинтересованное. А между тем на противоположной стороне Садовой генерал Кобле и вовсе владел целым кварталом, но к нему никто и не думал придираться по аналогичному поводу.

В Одессе Ферстера оплакали запоздало — через 16 месяцев после кончины, в газетном некрологе по Луизе. А он, один из основателей порта и посада, создатель первого генерального плана города, храбрец, бессребреник, окончил свои скитальческие дни где-то на задворках.

Тамара КРАСНОВА (ФУГА)

Помним о войне!

22 июня, как известно, был выходной день. Но известие о начале войны я получила довольно буднично: я гладила платье моей сестры и после этого вышла на балкон. Мы в нашем "углу" в доме Папудовой все дружили. Вышла я на балкон, и моя подружка Лена по прозвищу Поляча сказала довольно спокойно: "Началась война...".

Мне в это время еще не исполнилось тринадцати лет, в голове были сплошь романтические мысли, густо почерпнутые из рыцарских романов, поэтому это известие не повергло меня в ужас.

В этот день в Одессе было спокойно, поэтому многие занимались бытовыми заботами: покупали впрок спички, соль, мыло — у кого был опыт прежних войн. Мы, дети, далеко от дома не отходили по наказу родителей и яростно убивали время в игре в "дурака".

Хорошо помню обеспечение хлебом. Все жители нашего дома пошили мешочки с указанием номера квартиры, фамилии и количества человек. Хлеб развозили на ручной тележке, не было никакого ажиотажа: каждый брал свой мешочек, Поразительно: хлеб был всегда свежий и высшего качества. Такого белого, мягкого хлеба я до сих пор не ела.

Потом начались бомбежки. Объявили тревогу, и мы спускались в глубокий подвал, вход в который был на нашей "черной" лестнице. Так что мы не выходили из дома, прячась от бомб. Помню такой случай: мы жили на третьем этаже, и я сбежала быстро, а мама замешкалась, Мысль, что бомба может убить маму, а я останусь живой, погнала меня вверх, к удивлению соседей.

В этом импровизированном бомбоубежище мы чувствовали себя в безопасности: дети играли, взрослые беседовали. Первый разрушенный дом мы, дети, пошли все-таки смотреть в Малый переулок, ныне Маяковского. Из разрушенной стены свисала простыня и часть кровати. Больше до середины июля в ближайшем центре разрушенных домов я не видела.

Так совпало, что к началу войны отец был на "сборах" — так называли плановую подготовку в армии. И он оказался на фронте. По званию он был старший лейтенант, а по должности — интендант. По долгу службы он бывал в Одессе. Родители решили, что мы с мамой должны эвакуироваться, какие-то документы были получены. В них указывалось конечное место эвакуации — город Саранск, где работал мамин брат главным инженером на элеваторе. Собрались мы уезжать морем. Сборы были недолги-

Фуга Анатолий Георгиевич и Краснова (Фуга) Тамара Анатольевна
Май 1941 г.

ми: один чемодан со скудными вещами. Дату я не помню, но теперь знаю, что теплоход, на котором мы должны были уехать, был потоплен 26-27 июля 1941 г. Погрузив наш чемодан, мама спросила у капитана, не можем ли мы пойти переночевать домой. Он разрешил, сказав, что будут отправляться утром. Однако когда мы пришли на причал, парохода "Ленин" уже не было.

Так мы волею судьбы спаслись от неминуемой смерти. Надо было посоветоваться, и мы с мамой поехали в село Бурлачья Балка, где главным агрономом работал брат мамы дядя Петя. В это время колхозное стадо отправляли в эвакуацию, и мы на пустой подводе примкнули к ним. Дело в том, что в это время папина часть отправляла в эвакуацию своих коней, и папа оформил нас как ответственных за двух коней и подводу, так что мы получили средство передвижения.

Еще один поразительный случай: когда мы со стадом ехали по Пересыпи, остановился трамвай, и из него вышел папа. Так мы с ним и попрощались. Для меня отъезд из Одессы казался приключением. Все воспринималось в этом ключе. Однако по пути нас бомбили, и мама решила отстать от стада: на одну повозку вряд ли обратили бы внимание с воздуха. Так мы, городские девочки, научились запрягать коней, управлять ими.

Много было случаев, в результате которых мы могли погибнуть, но ангел-хранитель нас оберегал.

По дороге в деревнях нашу "одинокую" повозку встречали радушно: выписывали хлеб, мед, масло, так что голода мы не испытывали. В одном из греческих поселений под Мариуполем маме предложили оставить меня на попечение, но об этом не могло быть и речи.

Так мы доехали до Ростова-на-Дону. Приехали мы вечером, копыта наших лошадей поцокали по проспекту Буденного — очень длинному, — и мы подъехали к пристани. Там мы сдали лошадей и сели на пароход. Тут мы испытали чувство голода, и спасли нас припасы — отруби, которые дядя Петя дал нам на такой случай. Попутчик-поляк договорился с кухонным работником, и они испекли из отрубей на воде и соли очень вкусные лепешки. С этим скарбом мы доехали до станции Калач. По дороге нас не бомбили и, доехав до Саранска, мы прислушивались к шуму самолетов уже без страха.

На станции Саранск мы, в первую очередь, зашли в станционный буфет и с большой радостью выпили по стакану жидкого, но сладкого горячего кофе с серым настоящим хлебом. Потом мы пошли искать дом дяди Сени (маминого брата). Элеватор и дом дяди Сени были очень близко от станции, но дома мы никого не застали. Дом, в котором жила семья дяди Сени, был поделен на две части. В одной жила семья дяди Сени, а в другой семья директора элеватора. Хозяйка, жена директора, рассказала нам, что в доме дяди Сени живет родственник, совсем седой мужчина, и очень горюет о своей семье, от которой нет известий. Оказалось, что это был наш отец. Так началась наша "мирная" жизнь в Саранске.

С первых дней войны отец оказался на фронте. Но в какое-то время он заболел жестокой малярией, и его отправили в госпиталь, сначала в Одессу, а потом в Кисловодск. Его возраст не подлежал тогда призыву, и его освободили из армии. Ему было тогда 45 лет, а мне 12. Свидетельством этому служит довоенная фотография с надписью и датой: 19.05.41 г., неизвестно как сохранившаяся и хранящаяся у меня.

Анжела АЛЕКСЕЕВА

Пусть дети и внуки узнают...

"Оружие Победы готовилось в тылу" — эта известная фраза еще раз подтверждается, когда просматриваешь документы середины 40-х годов прошлого столетия. В дни, когда отмечается освобождение нашей любимой Одессы от фашистских оккупантов, накануне Дня Победы, хотелось бы вспомнить скромную, не всегда заметную, но такую необходимую работу фармацевтов тех далеких времен. В тяжелейших условиях эти люди также работали на Победу, заботясь о здоровье одесситов.

Память потомков, память о тех, кто восстанавливал аптеки и работал, не жалея собственных сил, память о делах, которые они совершили, — высшая оценка подвига фармацевтов тех далеких времен. Мне довелось работать в архиве бывшего Аптекоуправления и в фондах ОННБ им. М. Горького. Когда я просматривала документы, рассказывающие о восстановлении аптечной сети в Одессе в памятном 1944-м, меня поразил тот факт, как быстро, оперативно, в течение одного года, были восстановлены разрушенные аптеки и аптечные пункты не только в Одессе, но и в Одесской области. Я хочу привести краткие, скупые данные, но эти данные — маленькая красочная картинка в мозаике освобожденного города. Мы, живущие в более комфортном XXI веке, должны знать, как это было тогда, в 44-м. Знать и помнить имена людей тех далеких нелегких дней. Низкий поклон им и большое человеческое спасибо! Пусть их дети и внуки узнают...

1944 год. Великая Отечественная война еще не закончена. Войска 3-го Украинского фронта в первых числах апреля заняли станцию Раздельная, а 10 апреля освободили Одессу. Оккупанты сожгли и разрушили не только промышленные предприятия, но и больницы, аптеки. Но уже 17 апреля 1944 года (всего через 7 дней после освобождения города!) издается приказ № 1 о возобновлении деятельности Одесского областного отделения ГАПУ (Главное аптекоуправление Украины). Приказ издан в городе Первомайске (там Аптекоуправление находилось при оккупации).

В том же приказе указывается, что "...заместитель управляющего Одесским областным отделением Главного аптечного управления Наркомздрава Украины Е.О. Литвак приступил к своим обязанностям". А уже 19 апреля 1944 г. в г. Первомайске начали функционировать аптеки № 51 (провизор В.С. Ткаченко) и № 33 (провизор В.А. Жиленко). Управляющие сразу же приступили к составлению плана ремонта аптек, инвентаризации меди-

каментов и другого аптечного товара, чтобы как можно скорее начать отпускать медикаменты населению и лечебным учреждениям.

25 апреля 1944 г. Е.О. Литвак приезжает в Одессу, а 27 апреля управляющим Одесским областным отделением ГАПУ становится И.И. Островский. Создаются отделы, аптечный склад, галеновая лаборатория. Руководителем аптечной сети и торговым отделом назначается Е.О. Литвак, который будет замещать управляющего в его отсутствие. Примечателен перечень товаров в аптеках того времени:

1. Спирты (ректификованный, денатурат и сырец).
2. Вино.
3. Все растительные масла, за исключением касторового.
4. Сало свиное.
5. Рыбий жир.
6. Глюкоза.
7. Инвертный сахар.
8. Сахарин.
9. Сульфидин.
10. Сульфозал.
11. Стрептоцид (красный и белый).
12. Диуретин.

На отпуск сахара временно устанавливается предельная норма: 200 г на каждые 1000 рецептов.

Начинает работать контрольно-аналитическая лаборатория (заведующая З.П. Чоповская), ремонтно-весовая мастерская (заведующий М. Зелинский), галеновая лаборатория (заведующий Г.С. Сойбель, заместитель заведующего А.С. Кринкер, препаратор З.Н. Штундер, санитарка М. Коган-Прохоренко).

В начале мая 1944 года утверждается штат аптек:

№ 1 (теперь Аптека Гаевского), управляющий С.В. Шкурко, химик-аналитик М.О. Агронская с 15.08.44 г. (приехала из Казахстана), рецептары И.М. Лейзерович с 1.09.44 г., С.Г. Грузмарк с 10.10.44 г.

№ 8 (ул. Серова, 37) — управляющий Л.А. Белинская.

Вновь открываются аптеки: ул. Свердлова, 51 (управляющий — И.К. Иванова), ул. Торговая, 32 (управляющий — Н.Н. Понаморева). Приказом от 8.05.1944 г. утверждаются временные управляющие:

Аптека № 3 (ул. Краснослободская, 42) — упр. М.И. Амоскин.

Аптека № 4 (ул. Черноморского казачества, 7) — упр. Т.М. Анищенко.

Аптека № 6 (ул. Екатерининская, 8) — упр. С.А. Ходжаш.

Аптека № 7 (ул. Степовая, 52) — упр. Г.П. Робулец.

Аптека № 12 (ул. Б. Арнаутская, 32) — упр. Г.К. Гоптов.

Аптека № 13 (Французский бульвар, 41) — упр. Е.С. Олейник (В.С. Фишер с 26.05.44).

Аптека № 14 (ул. Нежинская,. 20) — упр. Н.Н. Пономарев.

Низкий поклон и огромная благодарность провизорам, рецептарам, пультрантам и всем работникам аптечной сети, которые в середине труднейших 40-х восстанавливали аптеки, ремонтировали помещения, оборудование, доставали лекарства, изготавливали лекарственные препараты, заботились о том, чтобы жители Одессы и Одесской области могли получать фармацевтическую помощь.

Трогателен приказ по Аптекоуправлению от 10.05.44 г. (написан от руки фиолетовыми чернилами, как и все приказы того времени): "Находящиеся на складе 190 пар шерстяных носков и 220 пар шерстяных перчаток передать в фонд Красной Армии. Зав. складом т. Левченко вышеозначенные предметы передать Красной Армии по акту. Управляющий Островский И.И.".

С мая 1944 г. открываются аптеки и в Одесской области.

Березовский р-н — упр. Евдомашко.

Врадиевка — упр. Шевчук.

Доманевка — упр. Берман.

Любашевка — упр. Донская.

Саврань — упр. Любецкая.

Мостовое — упр. Демчук.

Гайворон — упр. Рябцун.

Грушковка — упр. Чернобай.

Б. Трояны — упр. Верба.

Овидиополь — упр. Вернер.

Песчанка — упр. Халевинская.

9 июня 1944 г. в селе Гильдендорф (ныне Красноселка) был открыт аптечный пункт (зав. пунктом П.П. Вернер).

Открывались магазины оптики и хирургии, санитарии и гигиены, "Матери и ребенка" (в архиве упоминается магазин № 6 по ул. Х-летия РККА, открыт 16 июня 1944 г.).

С 1944 года работают аптеки в Балте, Березовке, Кодыме, Коминтерновском, Любашевке, Красных Окнах, Овидиополе, Саврани, Фрунзовке, Ширяево. В аптеки приходят специалисты: Л. Ботнер (зав. апт. с. Кодымы), Р.Ш. Либерзон (рецептар Доманевской райаптеки), Е.Е. Янкилевич

(упр. Окнянской райаптекой), Я.Г. Вайсман (упр. Гайворонской райаптекой), Г.М. Гринбург (ассистент Песчанской райаптеки), А.Л. Шапиро (упр. апт. № 45 Голованевского р-на), П.Я. Краевой (организатор аптек в г. Раздельная), Н.И. Виньковская (зав. апт. МТС им. Шевченко Березовского р-на), Я.И. Сульский (упр. апт. ст. Затишье Фрунзовского р-на), Н.Л. Вайнштейн (упр. апт. Б. Аккаржа Овидиопольского р-на), А.Б. Винник (зав. Гросуловской апт. № 26).

При Аптекоуправлении была должность возчика-конюха для развозки препаратов по аптекам города и области. Первым послевоенным возчиком зачислен Данила Васильевич Ивановский (с 25 июня 1944 г.).

С сентября 1944 г. начали работать магазин № 7 санитарии и гигиены по ул. Ленина, 66 (упр. Шпизман); магазин № 8 санитарии и гигиены по ул. Х-летия РККА, 85 (упр. С.Б. Рудник), аптека № 17 по ул. Толстого, 3 (упр. Ш.А. Храпинская).

К концу сентября 1944 г. в Одессе функционировало 20 аптек. 1-я, 4-я, 7-я аптеки работали круглосуточно. Очень строго проверялись санитарное состояние аптек, условия хранения препаратов. В каждой аптеке были организованы шкафы первой помощи со строго определенной номенклатурой лекарственных средств и препаратов.

К 15 декабря 1944 г. открылись аптеки: № 17 — ул. Ленина, 11; № 21 — 5-я ст. Б. Фонтана; № 22 — ул. Белинского; № 23 — в Люстдорфе.

Последний в 1944 г. приказ от 31.12 1944 г.:

"*...§ 1. С целью улучшения снабжения лечебных учреждений стерильными препаратами организовать с 1 января 1945 г. на территории базы Аптекоуправления лабораторию стерильных материалов.*

§ 2. Назначить зав. лабораторией провизора Кринкера..."

А это только 1944 год. Еще идет война...

А.М. ДЕ-РИБАС

Григорий Григорьевич Маразли

Отец Григория Григорьевича Маразли, Григорий, если не ошибаюсь, Иванович, был старожилом Одессы уже тогда, когда ей еще не было и 25 лет существования.

Он нажил состояние коммерцией и исполнял при графе Ланжероне разные общественные обязанности.

Я упоминал уже однажды, что в первые годы Одессы ее градоправители широко пользовались так называемыми общественными силами, то есть часто обращались в трудные минуты к советам и содействию лиц, не занимавших в городе никаких официальных должностей, но полюбивших свою новую родину и готовых сделать все для ее блага.

Наиболее ярким проявлением общественности в старой Одессе было добровольное участие горожан всех состояний и сословий в ответ на призыв герцога Ришелье в действиях администрации по оказанию помощи правительству в тяжелое время 1812 года.

Нашествие Наполеона на Россию и внезапная вспышка чумной эпидемии в Одессе сплотили вокруг Ришелье всех именитых граждан (в том числе был и мой дед, Феликс де-Рибас, получивший особую благодарность и медаль за участие в борьбе с чумою).

Принесли тогда одесситы на дело спасения отечества и родного города крупные жертвы трудом и деньгами.

Когда потом, при графе Ланжероне, поднят был вопрос о введении в Одессе оказавшего ей столько блага порто-франко, администрации вновь понадобилось дружное содействие граждан.

В числе призванных Ланжероном, как по делу порто-франко, так и по другим, добрых советчиков (*hommes de bon conseil*), состоял и Маразли.

Любопытен факт, что отец бывшего нашего городского головы оказал особую услугу Одессе в чисто хозяйственном вопросе, ставшем впоследствии предметом особенных забот Григория Григорьевича — в вопросе о водоснабжении города посредством "общественных колодцев".

Суть в том, что было время, когда в Одессе не только не существовало водопровода, но не было и тех "цистерн", каменные вышки которых сохранились теперь еще в немногих старых домах. Население пользовалось водою из бивших в разных балках ключей и фонтанов и из колодцев, которые жители рыли без всякой системы в разных частях города.

Рыли колодец, вода оказывалась солоноватою, колодец бросали, рыли

другой и т. д. Кроме того, колодцы эти составляли частную собственность усадьбовладельцев, и население, не имевшее в Одессе домов, переплачивало за воду большие деньги.

Вот в этом-то вопросе и пришла администрация на помощь населению. Была образована специальная комиссия из нескольких именитых граждан — в том числе Маразли-отец — для приведения в известность всех в Одессе частных колодцев и фонтанов и для устройства "общественных колодцев".

Мне рассказывал один почтенный старожил, что он помнит время, когда в Одессе на самой середине Большой Арнаутской улицы зияло несколько таких "общественных колодцев", откуда забирали воду бабы ведрами и знаменитые одесские водовозы.

Но во времена этого старожила, сравнительно молодого еще человека, были уже кроме колодцев и цистерны. Цистерны эти давали роскошную воду, которою пользовались зажиточные люди для столового питья и для самоваров. Некоторые домовладельцы, располагавшие на своих домах большим протяжением железных крыш, получали в своих цистернах такое обилие дождевой воды, что продавали ее ведрами и наживали на ней большие деньги (один домовладелец получил от дождевой воды свыше 6 тысяч рублей дохода в год).

Кроме службы городу Маразли-отец много поработал и на пользу своих соотечественников-греков, участвуя в учреждении в Одессе разных просветительных и благотворительных греческих обществ.

Многие одесситы, помнящие стихи Пушкина из его "Евгения Онегина":

Я жил тогда в Одессе пыльной
.....
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке Морали,

думали, что поэт имел в виду отца Григория Григорьевича Маразли, которого не назвал полной фамилией из деликатности, но мой отец в одном из своих очерков, помещенных в "Правде", точно разъяснил, что между Морали и Маразли решительно ничего общего не было.

Пушкин видел на улицах Одессы настоящего корсара в отставке, каких немало было у нас в его время. А Маразли был самым обыкновенным, но почетным негоциантом.

Заговорил я об отце Григория Григорьевича по поводу присланных мне от одного любезного старожила воспоминаний о нашем покойном городском голове.

Интересные воспоминания эти не охватывают всей биографии одного из виднейших общественных деятелей нашего города, но отлично его характеризуют в домашней и общественной жизни.

Когда-нибудь следовало бы написать более подробную биографию Г.Г. Маразли. А пока ограничусь сообщением, что отец его дал ему отличное светское воспитание, сначала домашнее, а потом в Ришельевском лицее. Григорий Григорьевич состоял гласным одесской Думы с 1866 года и городским головою с 20 сентября 1878 года до 1895 года.

Передаю слово моему симпатичному сотруднику:

"Последняя четверть XIX ст. истории Одессы тесно связана с управлением города городским головою Г.Г. Маразли и его ближайшими сотрудниками. Им мы посвятим свои беглые воспоминания и впечатления.

Раннею весной, в четверг на страстной неделе, священник читает двенадцать Евангелий в церкви училища садоводства, помещавшегося в половине восьмидесятых годов прошлого столетия на Малом Фонтане, дача Маразли. В числе молящихся находятся одесский городской голова Г.Г. Маразли, его товарищ барон Витте и несколько знакомых. В течение с небольшим часа времени чтение Евангелий было окончено, так что к семи часам вечера все названные лица успели приехать с Малого Фонтана в дом Г.Г. Маразли на углу Дерибасовской и Пушкинской, где их ждал обед радушного хозяина. Г.Г. Маразли не был женат, поэтому за обеденным его столом собиралось исключительно мужское общество, неизменно в числе шести лиц, включая сюда хозяина. Пред началом обеда Г.Г. Маразли становился у входа в столовую, пропуская мимо себя приглашенных гостей, которые направлялись к роскошно сервированному закусочному столу. За столом место напротив хозяина неизменно занимал ежедневный собеседник Г.Г. Маразли, который в то время нес обязанности товарища городского головы, сперва барон Витте, затем профессор В.Н. Лигин. Более почетный гость садился справа от хозяина, остальные лица — Стамеров, Кумбари, Хионаки — занимали обычные свои места.

Страдая болезнью глаз, Г.Г. Маразли, садясь за обеденный стол, надевал зеленый зонтик, скрывавший все его лицо. Прислуга во фраках подавала кушанья и наливала вина, шепча их названия: мадера, бордо или бургонское, кипрское. По окончании обеда Г.Г. Маразли снова становился у входной двери столовой и пропускал мимо себя своих гостей, которые

пожимали ему руку и направлялись в бильярдную и кабинет. Здесь хозяин садился в глубокое кресло, и взяв в руки лежавшие на столике четки, медленно перебирал их, чтобы не заснуть. Приглашенный посторонний, не принадлежавший к числу завсегдатаев, садился поблизости хозяина, поддерживая с ним беседу. Такую беседу Г.Г. Маразли очень любил и старался залучить к себе интересных для него собеседников. Приедет в Одессу выдающийся артист, он получает приглашение на обед.

В конце восьмидесятых годов Одессу посетила мейнингенская драматическая труппа, во главе которой стоял директор в чине тайного советника. Это последнее обстоятельство открыло ему двери в дом Г.Г. Маразли, который, оставаясь верен своему принципу амфитриона, пригласил директора "мейнингенцев" на обед. За столом речь зашла о герцоге мейнингенском, создавшем образцовую драматическую труппу. В своей любви к театру, говорил директор, герцог не остановился перед женитьбой на актрисе после смерти своей первой жены из княжеского рода. "*Der Mann hat Courage!*" — со вздохом заключил свое повествование директор.

"Мейнингенцы" давали в Одессе на сцене нового городского театра "Смерть Валенштейна" трагедию Шиллера, "Юлия Цезаря" Шекспира, "Ифигению в Тавриде" Гете, "Заговор Фиеско в Генуе" Шиллера. Для исполнения массовых сцен, где нужно было воспроизвести движение толпы на площади, улице, в обширных залах замка, — "мейнингенцы" прибегали к содействию местных солдат, которых обучали в несколько репетиций и делали из них римлян в "Юлии Цезаре", рыцарей в "Смерти Валенштейна".

Певец бас из парижской оперы Морель приехал в Одессу и поставил оперу "Фауст" Гуно, в которой он исполнял роль Мефистофеля. Накануне своего дебюта на одесской сцене он обедал у Маразли и говорил, что каменный помост, устроенный из пожарной предосторожности между рампой и сценой, где стоят артисты, производит на него расхолаживающее впечатление и мешает установить непосредственное общение со зрителями.

Директор московской музыкальной консерватории В.И. Сафонов впервые посетил весной 1896 г. Одессу, когда дирижировал двумя концертами в Городском театре. Одесситы отнеслись с первого же раза в высшей степени сочувственно к русскому дирижеру.

Неоднократно во время двухнедельного своего пребывания в Одессе В.И. Сафонов бывал приглашен к Г.Г. Маразли на обеды, которые характеризовал в следующем двустишии;

"Обедали у Маразли вы?
Там за столом ума разливы!"

Выйдя из-за стола после обеда, Г.Г. Маразли садился в кресло и брал в руки четки, перебирая которыми думал разогнать дремоту. Входит слуга во фраке и докладывает: "Их превосходительство генеральша К... изволили спрашивать по телефону: как здоровье вашего превосходительства?". На что Г.Г. Маразли, похлопав четками, отвечал: "Скажите их превосходительству генеральше К..., что мое здоровье хорошо!".

Слуга говорит: "Слушаюсь", — и уходит, но через несколько минут возвращается и докладывает: "Их превосходительство генеральша К... просят прислать за ними экипаж".

Г.Г. Маразли, оживляясь, приказывает: "Пошлите!".

Вскоре слышится шум выезжающего из двора экипажа, который стоял уже наготове, так как описанная сцена повторялась ежедневно, и действующие лица хорошо изучили свои роли.

Очень редко Г.Г. Маразли приглашал к себе одесское общество. По случаю столетия города Одессы он устроил у себя на даче, на Малом Фонтане, вечер с фейерверками и иллюминацией, да в другой раз в конце девяностых годов зимой пригласил на любительский спектакль, в котором принимала видное участие М.Ф. Кич, игравшая роль маркизы во французском водевиле вместе с бароном Штейгером, исполнявшим роль ее поклонника.[1] Участие М. Ф. Кич в любительском спектакле в доме Маразли заставило говорить, что "Маразли кичится!".

Несколько лет спустя Г.Г. Маразли обвенчался с М.Ф. Кич.[2]

В течение почти семнадцати лет Г.Г. Маразли состоял одесским городским головой. Неся свою общественную службу, он вдохновлялся виденными им примерами влиятельных "Bürgermeister'ов" в Германии. Приехав в деревню "Oberamergau", где каждые десять лет ставят мистерии из жизни и смерти Иисуса Христа, — Г.Г. Маразли не нашел для себя помещения, так как наплыв приезжих был так велик, что все было занято. Он немедленно обратился к "Bürgermeister'у" деревни Оберамергау, ссылаясь на свое звание одесского городского головы, чтобы получить приличную квартиру, но ввиду встретившихся затруднений разразился восклицаниями, что, если бы "Bürgermeister" деревни Оберамергау приехал в Одессу, то одесский городской голова сумел бы позаботиться о доставлении ему удобного помещения. Когда Г.Г. Маразли, вернувшись в Одессу, рассказал о своем посещении мистерии в Оберамергау и о том, что зрителей собралась свыше пяти тысяч человек, приехавших со всех концов света, то слушавший его граф А.Г. Строганов охладил все эти восторги кратким замечанием: "Cinq mille imbéciles!".

За все время управления городскими делами Одессы Г.Г. Маразли испытал одну неприятность, глубоко им прочувствованную. Деятельность Маразли и его ближайших сотрудников сначала была направлена на внешнее украшение города. Устроили Александровский парк, выстроили новый городской театр. Весной 1888 г. бывший тогда генерал-губернатор и командующий войсками генерал Рооп пригласил гласных городской Думы к себе во дворец в день Св. Троицы после окончания соборной литургии. Гласные, празднично настроенные и в праздничных нарядах, направились в дом генерал-губернатора, думая, что их ожидает радушно предложенный завтрак. Собрались в зале, сгруппировались и ждут. Открывается дверь, и в ней показывается невысокая фигура генерала Роопа, который, отчетливо произнося каждое слово, говорит: "Сады устраивать умеете, а чистое белье для больных в городской больнице доставлять не умеете..." — после чего генерал Рооп повернулся, и двери за ним закрылись. Гласные некоторое время молчали, затем молча разошлись, затаив волновавшие их чувства. Слабым утешением являлось воспоминание, что при осаде крепости Карса в последнюю турецкую войну 1876-77 года генерал Рооп командовал пехотной дивизией, которую поэтому называли "ропкая дивизия".

Летние месяцы Г.Г. Маразли проводил сперва в Карлсбаде, где пользовался большой известностью под именем Excellenz Marasly, затем ехал в Париж, неизменно возвращаясь в августе на свою малофонтанскую роскошную дачу.

Несколько лет позже в одну из таких заграничных поездок Г.Г. Маразли я с ним встретился в Париже, где мы оба жили в "Grand Hôtel" на бульваре Капуцин. Г.Г. Маразли был не один, с ним приехал старик Стамеров, директор Бессарабско-Таврического банка в Одессе, и П.Н. Кич[3] с женой, которая несколько лет спустя вышла замуж за Г.Г. Маразли.

Г.Г. Маразли знавал Париж в лучшие молодые годы своей жизни. Окончив курс в одесском Ришельевском лицее в конце сороковых годов, он подолгу жил в Париже во времена блеска второй французской империи Наполеона III. Здесь он посещал театры, был принят в обществе артистов. Изданная в восьмидесятых годах книга "Sarah Barnoum", посвященная характеристике знаменитой актрисы Сарры Бернар, упоминает о том, что богатый одесский грек Маразли бывал у нее и оказывал ей свое покровительство.

В одесском своем доме, на углу Дерибасовской, Г.Г. Маразли собрал немало картин, преимущественно иностранных художников, фарфоров, расставленных на многочисленных этажерках в верхнем этаже дома; здесь

же, но только в нижнем этаже, помещалась обширная библиотека, ныне переданная в одесскую городскую библиотеку.

Другое собрание иного рода находилось в примыкающих к дому надворных постройках, — это изданные на средства Г.Г. Маразли переводы русских писателей на греческий язык. Количество изданных книг было столь велико, что тяжесть их угрожала целости постройки, где они хранились; сбыта же их среди греческой читающей публики не было никакого.

Будучи крупным землевладельцем, Г.Г. Маразли отдавал свои земли в аренду и лично не содействовал поднятию сельского хозяйства; он не создал никакой отрасли промышленности, подобно тому, как князь Воронцов, а за ним князь А.С. Голицын, содействовали развитию виноделия в Крыму.

Занимая должность одесского городского головы, он окружил себя сотрудниками, среди которых обращали на себя внимание товарищ головы барон Витте, устроитель одесских садов, члены управы генерал Минчиаки, бывший одесский полицмейстер, Хари, заведовавший финансами, наконец, профессор В.Н. Лигин, руководивший народным образованием.

Несмотря на свое иностранное происхождение, — Г.Г. Маразли был грек по рождению — несмотря на недостаточное владение русским языком, столь извинительное по словам Пушкина:

"Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю"...

Г.Г. Маразли вошел в условия русской действительности и приспособился к той среде, в которой жил и действовал, ассимилировался с ней и достиг совершенного "мимикри", по выражению социологов, характеризующих этим термином слияние индивида с окружающей средой.

Несомненно, Г.Г. Маразли внес своей многолетней деятельностью улучшение в строй жизни, одесского общества и этим заслужил прочувственное слово, сказанное С.И. Знаменским при его погребении и приглашавшим его "остановиться", то есть еще мгновение побыть с теми, кто привык рука об руку с ним идти по жизненному пути.

Примечания

[1] Подробный репортаж об этом событии находим в "Ведомостях одесского градоначальства", 1893 г., 21 марта: "Третьего дня в 8 вечера у тайн. совет. Г.Г. Маразли состоялся домашний спектакль. Была исполнена трехактная салонная пьеса Александрова (Крылова) "Так на свете все превратно", в которой особенно выделились в исполнении *m-lle* R., *m-lle* Л. и *m-me* К,, кн. М. и бар. Ш. <...> В роскошной зале была устроена небольшая,

но необыкновенно изящно обставленная сцена, залитая электрическим светом. В соседней большой комнате был устроен роскошный буфет. Приглашенных было около 200 человек, представлявших собою сливки одесского общества во всех сферах <...>".

[2] Бракосочетание состоялось в греческой Свято-Троицкой церкви, о чем в "Метрической книге на 1903 г." сохранилась следующая запись:

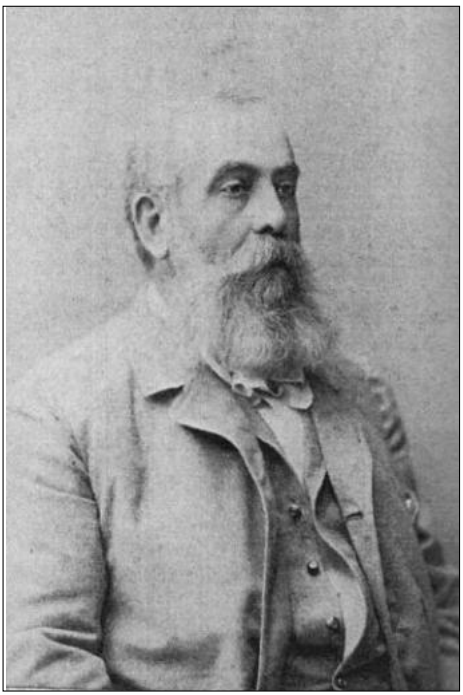
"Октябрь, 3. Тайный советник и почетный опекун Григорий Григорьевич Маразли, православный, первым браком. Лета жениха 71. Разведенная жена действительного статского советника Павла Николаевича Кича Мария Фердинандова, урожденная Наркевич, православная, вторым браком. Лета невесты 45". (ГАОО. Ф. 37, оп. 13, ед. хр. 584, л. 43 об.) Документ обнаружен Р.Л. Шуваловым.

3. Кич Павел Николаевич (1847 или 1848 — 1905). С 1884 г. — председатель коммерческого суда в Одессе. С 1888 по 1891 г. исполнял обязанности одесского градоначальника. Более подробные сведения о нем можно найти в некрологе, опубликованном в "Одесских новостях" за 26 февраля 1905 г.

Публикация Татьяны ЩУРОВОЙ

Ольга БАРКОВСКАЯ

Портреты Г.Г. Маразли

Г.Г. Маразли. Фотография около 1900 г., Париж
Из архива С.Г. Решетова

Внешний облик Г.Г. Маразли достаточно легко восстановим для последующих поколений. В отличие от многих современников, после которых остались в лучшем случае одно-два изображения, Маразли, можно сказать, повезло. В собрании Одесской государственной научной библиотеки сохранился ряд фотографий, оригиналы и репродукции, эскизы Б.В. Эдуардса к неосуществленному памятнику, в экспозиции Одесского художественного музея находится его портрет работы И.А. Карцова. Известно, что иконография Маразли этим не ограничивалась, но не все дошло до наших дней.

Городская Дума дважды принимала решения о необходимости установить портреты Г.Г. Маразли для увековечения его заслуг: в читальном зале городской публичной библиотеки в 1882 г.[1] и в думском зале заседаний после отставки Маразли в 1895 г.[2]

Решение Думы об установке портрета в помещении библиотеки осуществилось. М.Г. Попруженко свидетельствует, что портрет Маразли "был помещен в читальном зале; он находится и теперь (в 1910-11 гг. — **О. Б.**) в библиотеке в "зале имени графа М.М. Толстого" как память о лице, которое не может быть забыто в ее истории ввиду оказанной ей в трудный момент ее жизни весьма существенной помощи".[3] В черновых "Записях по музею", что велись с открытия нового здания библиотеки в 1907 г. до середины 20-х гг., на первых страницах — опись "картин, портретов,

бюстов и проч.", большая часть которых ныне утрачена. За № 23 находим следующую запись: "Г.Г. Маразли (одесский городской голова 1878-1894*). Портрет, рисованный масл. кр.; художник Trösch 1885 г."[4]

И.А. Карцов. Портрет Г.Г. Маразли (х/м)
Одесский художественный музей

И в описи, и в отчете библиотеки за 1907 г. портреты перечислены в строго определенном порядке, в соответствии с их развеской на стене зала: "Среди портретов отметим: <...> А.И. Кирпичникова (бывшего попечителя библиотеки), прежних библиотекарей — М.Ф. Де-Рибаса, Н.Н. Мурзакевича, В.А. Яковлева, а также б. одесского городского головы Г.Г. Маразли".[5] На сохранившихся с начала века фотографиях зала портрет плохо, но различим. Ракурс изображения примерно тот же, что и на портрете Карцова, но на портретируемом — сюртук без орденов, а не парадный мундир со всеми регалиями. Сверка описей с фотографией, на которой легко узнаются четверо из пяти изображенных на портретах, подтверждает предположение, что живописный портрет в центре простенка (остальные — фотографические) — это интересующий нас портрет Маразли. В послереволюционные годы он был утрачен. В библиотечных архивных документах 20-х гг. портрет не упоминается. Сведения, которые помогли бы выяснить его дальнейшую судьбу, пока не обнаружены.

Парадный портрет Маразли из собрания Художественного музея, написанный художником И.А Карцовым в 1896 г. и не так давно извлеченный из запасников (как и многое другое за последние годы), поступил в 1928 г. через музейный фонд, в котором тогда были сконцентрированы

* Так в оригинале. Должно быть — 1899.

произведения искусства из различных музеев, учреждений и частных коллекций Одессы.[6] В инвентарной карточке отмечено, что ранее он принадлежал Историко-археологическому музею (бывшему — Общества истории и древностей), который, кстати, находился в том же, построенном на деньги Маразли, здании на Биржевой площади, что и Городская публичная библиотека.

М. Линский. Шарж на Г.Г. Маразли. 1906 г.
ОННБ им. М. Горького

Мы знаем, что в 1895 г. Дума решила установить портрет Г.Г. Маразли в зале заседаний. В 1896 г. портрет был написан Карцовым. Когда и каким образом портрет Маразли оказался в Историко-археологическом музее, — неизвестно. По отчетам Общества истории и древностей за 1895-1897 гг., о портрете Маразли, подаренном музею общества либо заказанном для него, информация отсутствует.[7] Можно предположить, что Карцов написал портрет по заказу Думы, после революции он попал в Историко-археологический музей, а в 1928 г. оттуда — через музейный фонд — в Художественный музей. К сожалению, версия эта ничем документально не подтверждена, так как по архивам ОХМ известно только, когда и откуда поступило к ним полотно, а в Археологическом музее сведения о нем вообще отсутствуют.

Судя по всему, Карцов при работе над портретом использовал фотографию (что, кстати, было вполне обычно для "официального" жанра). В 1895 г. журнал "По морю и суше" опубликовал гравированную репродукцию фотографии Маразли.[8] Эта же фотография воспроизведена в книге С. Плаксина "Коммерческо-промышленная Одесса", но в исполнении другого гравера. Приведена и фамилия фотографа: Апостолопуло[9]. Фотографическое изображение в деталях совпадает с живописным. Вряд ли это совпадение могло быть случайным.

Около 1897 г. портрет Маразли был создан С.Я. Кишиневским. Хроникер одесской газеты "Театр" 16 марта 1897 г. отмечал: "На второй вы-

Мраморные бюсты Г.Г. Маразли и его супруги М.Ф. Кич. Начало XX века
Одесский археологический музей

ставке картин и скульптуры вчера помещен портрет Гр. Гр. Маразли, писанный масляными красками".[10] Чуть позже фельетонист той же газеты, выступавший под псевдонимом Гамлет Одесского уезда, уточняет имя художника: "Г. Кишиневский <...> нарисовал бывшего голову Гр. Гр. Маразли. Портрет получился прекрасный".[11] В "Каталог 2-й выставки картин и скульптуры в Одессе в 1897 г." (Одесса, 1897) работа не попала. Последний раз портрет упоминается в каталоге персональной выставки Кишиневского 1910 г. под № 460[12]. О дальнейшей его судьбе нам, к сожалению, ничего не известно.

В фондах Одесского археологического музея хранятся два мраморных бюста, по поводу которых у наших краеведов существует версия, что это изображения Г.Г. Маразли и его жены Марии Фердинандовны. Убедительных доказательств, равно, впрочем, как и опровержений этого предположения найти не удалось.[13] Но сходство мужского бюста с фотографиями и существующим портретом Маразли вызывает сомнения.

Вскоре после смерти Маразли на заседании 12 ноября 1907 г. городская Дума "единогласно постановила: поставить бюст Г.Г. Маразли на

Проект памятника Г.Г. Маразли на Театральной площади. Второй вариант Скульптор Б. Эдуардс Рисунок. ОННБ им. М. Горького

Театральной площади между Городским театром и зданием Английского клуба"[14] (ныне — Музей морского флота). По документам Областного архива можно восстановить всю историю — переговоры Думы со скульптором Б.В. Эдуардсом, переписку с ближайшими родственниками покойного, вдовой М.Ф. Маразли и племянником А.С. Сафоновым. "Честь имею препроводить <...> два эскиза колонны с бюстом Г.Г. Маразли <...> общая высота сооружения памятника должна равняться пяти аршинам. Гранит с бронзой <...>",[15] — писал Эдуардс 2 января 1908 г. Оба эскиза сейчас находятся в отделе редких изданий и рукописей ОННБ.[16] Письма А.С. Сафонова от 13 декабря 1907 г. из Ниццы с благодарностью за решение Думы об установке бюста[17] и М.Ф. Маразли от 7 февраля 1908 г. с одобрением эскиза, который "чрезвычайно понравился"[18], — говорят о том, что со стороны родственников никаких препятствий к возведению памятника не было. Напротив, М.Ф. Маразли пишет: "Не откажите известить меня, когда будет приступлено к работе, чтобы я смогла выслать свою лепту".[19] Что произошло дальше, и почему памятник так и не был поставлен, выяснить пока не удалось.

Последнее известное нам изображение Маразли, немолодого и явно нездорового, — это шарж М.С. Линского из его альбома "Городские и общественные деятели", вышедшего в 1906 г.[20] В Одессе нам известны два экземпляра книги, оба — в собрании ОННБ.

Примечания

[1] Попруженко М.Г. Одесская городская публичная библиотека, 1830-1910 г. — Одесса, 1911. — С. 59.

[2] Известия Одесской городской Думы. 1895. № 6. — С. 28.

[3] Попруженко М.Г. Одесская городская публичная библиотека, 1830-1910 г. — Одесса, 1911. — С. 59.

[4] Записи по музею. Черновики: (Рукопис. журнал в 109 л.) — (Одесса, ОГНБ, после 1907 — до середины 1920-х гг.) Л. 4. Какие-либо сведения о художнике. Trösch не обнаружены.

[5] Отчет Одесской городской публичной библиотеки за 1907 год. — Одесса, 1908. — С. 54.

[6] На подрамнике надпись: "М. Ф. [Музейный фонд] № 17436". На портрете справа внизу: "И. Карцовъ 1896". Карцов Иван Андреевич — одесский художник. Даты его жизни установить не удалось. В 1876-1881 гг. занимался в рисовальной школе. В 1890-х — 1910-х гг. преподавал рисование и черчение в гимназиях города. В выставках местных художников не участвовал, заметного следа в искусстве не оставил.

[7] Отчеты императорского Одесского общества истории и древностей за 1895-1897 гг. — Одесса, 1896-1898.

[8] По морю и суше. 1895. № 5. 1 с. обл.

[9] Плаксин С. Коммерческо-промышленная Одесса. — Одесса 1901. — С. 81

[10] Театр. Одесса, 1897. 16 марта.

[11] Театр. Одесса, 1897. 23 апреля.

[12] Кишиневский С. Иллюстрированный каталог выставки картин, эскизов и этюдов. — Одесса, 1930. — С. 8.

[13] Из музейных инвентарных карточек 30-х гг. записи:

№ 51412. Мраморный бюст Маразли. Передано ОМПК. 1933.

№ 51413. Мраморный бюст Кич. Передано ОМПК. 1933.

"ОМПК" расшифровать не удалось.

На более поздних карточках оба бюста значатся как бюсты неизвестных мужчины и женщины середины XIX века, поступившие в 1933 г. При осмотре скульптур на обратной стороне предположительного портрета Маразли обнаружена выбитая на мраморе надпись: "F. Vichis Firenze" (фамилия скульптора и место изготовления бюста — Флоренция.

[14] Известия одесской городской Думы. 1907, № 23. С. 2613.

[15] Государственный архив Одесской области, ф. 16, оп. 83, ед. хр. 141, л. 16.

Эдуардс Борис Васильевич (1860-1930-е гг.) — одесский скульптор, академик. Окончил местную рисовальную школу и петербургскую Академию художеств. Один на основателей Товарищества южнорусских художников. Эмигрировал в 1919 г.

[16] РКП (рукописный фонд) 62/39. На одном эскизе надпись автора "1-й эскиз колонны с бюстом Г.Г. Маразли на площадке против одесского Городского театра" на втором только — "II вариант" Внизу справа на эскизах подпись Эдуардса и год — 1907.

[17] Государственный архив Одесской области, ф. 16, оп. 83, ед. хр. 141, л. 21.

[18] Там же, л. 27-28.

[19] Там же.

[20] Линский [М. С.]. Шаржи. Вып. 1. Городские и общественные деятели. — Одесса. [1906]. — Л. ил. [27].

На обложке надпись: "Городской публичной библиотеке автор 19 2/XI 06".

Линский Михаил Семенович (наст. фамилия Шлезингер) — известный карикатурист. Учился в Одесской рисовальной школе в 1890-1893 гг. Сотрудничал в местных газетах и журналах. В 1919 г. эмигрировал. Погиб в 40-е гг. в Париже во время оккупации.

Михаил ПОЙЗНЕР

Рассказы пограничника

По сути, я и есть пограничник, хотя, по правде, в прошлом — военный летчик.

Я как бы продолжаю нести многолетнюю службу на границе. На границе прошлого и настоящего.

Между этими прошлым и настоящим что-то вроде занавески. Тяжелой занавески из каких-то непонятных малопрозрачных пленок. Надо постоянно приглядываться, щурить глаза, для того чтобы разглядеть через эту занавеску, сотканную годами, что-то очень близкое с той стороны. С той стороны, где прошлое...

Знакомые силуэты, голоса, ситуации.

Детство. Война. И опять одесские улицы. Даже чужие города... Ты этим жил, это носил в себе.

Все душевное, все щемящее в каком-то удалении. Обидном удалении...

Тянешься к этому всю настоящую жизнь.

Так и живешь на этой границе. В смысле, служишь...

С годами больше там, чем здесь. Больше с теми, чем с этими...

Даже скучаешь туда. К тем и за теми...

Такая граница разве может быть все время на замке?!

...Война, слава Богу, закончилась. Я остался жив.

Я у себя дома, в Одессе. Вот они, мои Разумовская, Раскидайловская, Косвенная, Колонтаевская...

Слава Богу, все близкие живы. И мама жива! Призвали же меня еще в августе 41-го. И все... Одесса столько лет под румынами. Кому и как я мог дать знать о себе?!

Фронт, 5-я воздушная армия, эскадрильи, полевые аэродромы... И в самолете горел, и на парашюте выбрасывался, и к своим брел. Брел через леса и болота. Через госпитали брел. А как по-другому на войне? Терял товарищей, стрелял и отстреливался. Смотрел той войне в глаза и на земле, и с неба. И со мной прощались и отпевали... Даже стояли "в минутах молчания"... А я возвращался всякий раз!

Как-никак, 112 боевых вылетов... Что-что, а это в памяти держится... Это все наша 132-я бомбардировочная авиадивизия. Летал сначала на ТБ-3, а в конце даже на первом реактивном бомбардировщике ИЛ-28!

Так с июля 42-го и до самого конца. Прошел и Кубань, и Днепр, освобождал Украину, Румынию, Австрию, Венгрию, Чехословакию.

А ты говоришь, Одесса...

Уже ж думал, что все страшное позади.

Где-то в ноябре 45-го стояли уже почти в Одессе. А тут срочно спецзадание — летим поближе к Румынии. Рано утром быть в полной боевой на военном аэродроме. С трудом отпросился на ночь домой. Отпускать домой никто не имел права. Но... Вот и шел к своим, на Раскидайловскую. Только обняться, сложиться, переночевать и с утра... на боевой курс. Как говорится, от винта...

На остановке 28-го трамвая, на углу Перекопской Победы и Комсомольской, обратил внимание на дрожащую от холода, а может, больше от страха, девушку. Так, слово за слово. Ей куда-то в конец Пишоновской. Вот, ждет попутчиков "в ту сторону" — одной очень боязно. Кругом ночь и ни души.

Ну, вызвался провести ее домой через эту нашу одесскую "темную ночь".

А что мне? Я вооружен, а за плечами все-таки война...

Тех каких-то полчаса пробежали мгновенно. Я двинулся в обратный путь, к себе на Раскидайловскую угол Мастерской. В голове застряли мысли о предстоящем полете за Дунай. Вот так с ними и шел.

На Пишоновской, на пустыре, около стадиона "Пионер", меня окликнули. Из темноты буквально выросли трое мужиков. Двое с пистолетами. Ребята, видно, стреляные. И меня обступили грамотно — одновременно как бы прикрывая друг друга, и так, чтобы не попасть под свои же пули.

Обстановку прикинул сразу. Передо мной люди, умеющие обращаться с оружием. Очевидно, бывшие фронтовики, которые со смертью и ходили, и жили очень рядом... Страх исчез сразу. В голове стучало: "Для чего же ты выжил на той войне?! Для чего прошел через столько смертей и жизней?!".

На мне было кожаное пальто, которое пошил еще тогда, когда стояли в Австрии. На длинных подвесках кобура с пистолетом. Бритвой срѐзали кобуру. Сняли пальто, "проверили" карманы — деньги, продуктовые карточки, трофейный портсигар. Нательный серебряный крестик... Сорвали с кителя нашивки о ранениях.

Пригрозили, чтобы не двигался десять минут, а то конец... Тут я вступился за себя: "Ребята, что ж вы делаете?! Я со 2-го Украинского. Вы же тоже с фронта. А мне так и так конец. Куда без оружия? Прямо в трибу-

нал... Патроны заберите, а пистолет отдайте. И я вас не видел, а вы — меня". Сказал как-то доверительно, по-нашему, по-молдавански...

Мужики не спеша перекурили, забрали обойму и бросили назад мой именной "ТТ".

Я долго не раздумывал. По фронтовой привычке в ботинке всегда носил запасную обойму. Вставил обойму и уложил троих. Без сожаления... Стрелял за всех, кто с войны той не вернулся. Кто мечтал после мая 45-го ходить по своей Одессе, высоко подняв голову. По правде, вот только тогда и понял, что война еще не окончилась. И еще не так скоро...

Поднялся до Комсомольской. Возле Водного института был опорный пункт милиции. Здесь каждый вечер собирали группы из военных, милиционеров, рабочих, студентов. Собирали, чтобы патрулировать темные настороженные улицы.

С порога доложил: "Там, возле "Пионера", на Пишоновской, уложил троих. Не знаю, убил — не убил. Разберитесь...".

Разбирались и еще долго тягали... Проверяли мою личность. Почему имел при себе оружие? А как с пределами необходимой обороны?! И военная прокуратура, и контрразведка, и даже СМЕРШ... В конце концов, обошлось. Самим маршалом Жуковым, тогдашним командующим Одесским военным округом, были изданы жесткие распоряжения об усилении борьбы с бандитизмом в Одессе. Получилось, что я как раз показал всем пример.

...Вот так в мозгах все перемешалось.

То то вспомню, то это. А когда сегодня в Горсаду, на Дерибасовской, играет духовой оркестр, всегда преследует одна и та же военная мелодия в стиле вальса. В голове застряло:

...Ушла далеко конница
К Дунаю воевать.
Пока война не кончится,
Нам свадьбы не сыграть.
Притихла наша улица,
Лишь клен шумит листвой,
Но мне повсюду чудится
Оркестр духовой...

А это разве не про меня? Разве она не созвучна моим военным переживаниям, когда тоска со смертью ходили под руку?! А сколько раз на фронте удерживал себя, повторяя: "Пока война не кончится... Пока война не кончится!...". Мол, держись, парень! Еще чуть-чуть осталось...

Мы же тогда все из этой песни примеряли на себя, даже те кленовые листья...

Здесь говорилось о какой-то там абстрактной улице, а мне всегда представлялась моя Раскидайловская — сонная и безразличная в будние дни, живая и бурлящая из-за Староконного по выходным.

Отсюда, буквально "от моих ворот", я пошел воевать. И стремился в Одессу, на Раскидайловскую, каждую минуту, каждый военный вдох и выдох.

...Осенью 46-го в первом послевоенном отпуске все-таки удалось побывать в Одессе. До сих пор все это сидит внутри. И пыль, и разрушенные дома, и окрики на улицах, и встречи — много встреч. Соседи, уличные и школьные приятели, наши девочки. "Новые" инвалиды, просто люди в полувоенной одежде со следами погон на гимнастерках и оттисками от звездочек на фуражках. А скольких помянули?! Помянули молча, со слезами, стоя, на ходу...

А тогда на Привозе, в ресторанах, кинотеатрах и вообще многие еще путались, называя наши рубли их леями. Многие продолжали жить одной ногой еще там, в том времени...

Тогда в "Пассаже" я засмотрелся на работу мастера, который буквально на глазах вырезал из бумаги силуэты желающих. В Одессе это занятие было известно еще с дореволюционных времен. Простой инструмент — ножницы, черная и белая бумага, клей, "золотые" чернила. И конечно, голова на плечах... Минута — и на память открытка с собственным профилем и каллиграфической надписью золотом.

Пока я был погружен в воспоминания, за спиной послышались приблатненные нотки: "Эти евреи опять на тепленьких местах...". Опять евреи... Не удержался: "На вас, гнид румынских, нет моего Леньки Рапопорта, он бы быстро подыскал вам тепленькое место... на том свете, а мы бы ему как раз и помогли...". Автоматически сжал кулаки. Как на войне...

Все же еще стояло перед глазами. Только на днях заскакивал на Кузнечную поклониться матери нашего штурмана Леньки Рапопорта — умницы, мало сказать отважного парня, погибшего в Чехословакии за пару дней до большой Победы. Он-то при жизни Героя не получил, потому что... потому. С ним и "посмертно" продолжали воевать...

Одернул меня старый мастер: "Молодой человек! Не обращайте внимания. Подойдите ближе. И что я вижу? У вас же буквально сказочный профиль! Вам, наверное, вообще лучше ходить в профиль!..". Я улыбнул-

ся еще той детской улыбкой, когда меня за руку заводили в тот "Пассаж", поражавший сказочными скульптурами и стеклянной крышей.

Так и разбежались... И что получается? Уже летом 66-го в Аркадии только сошел с 5-го трамвая — чуть вперед по главной аллее и... уперся в моего давнего знакомого по "Пассажу". Он, окруженный толпой отдыхающих, что-то бормоча, продолжал вырезать силуэты. И это через столько лет! Про себя улыбнулся, вспоминая его прежнюю работу над моим профилем: "Молодой человек! Вам вообще лучше ходить в профиль...". Завидев меня, мастер насторожился, но через мгновение просветлел: "А я вас узнал, молодой человек! Узнал, хотя тогда, сразу после войны, вы были в военной форме. Да и седины тоже было хорошо меньше... И насчет вашего погибшего штурмана помню...".

Мастер тяжело вздохнул: "Ой! Где сегодня можно найти такого штурмана, чтобы проложить счастливый курс уже до конца, уже на всю жизнь?.. Думаете, не получится?..". Что тут ответишь?!

Пока разглядывал его работу, тут голос со стороны: "И я вас тоже узнал!". Вроде бы незнакомый человек, а смотрит на меня, не отрываясь: "Не помните? Я же был в том патруле, тогда, в конце 45-го, когда вы стреляли на Пишоновской!.. Мы потом вместе с военным комендантом спускались на ту Пишоновскую, посмотреть, что там, и вообще...". Он не мог остановиться: "На этой истории выросли мои дети... А вы тогда подарили мне, 18-летнему пацану, трофейную немецкую зажигалку... Я тогда учился в строительном техникуме в Лютеранском переулке. Уже потом там была 80-я школа... Не помните?..".

Вот тебе вся жизнь! Жизнь вообще может выкинуть такое, что даже в голову никогда не придет. Что, я не знаю?! Видно, там, наверху, за нас кто-то уже все хорошо посчитал...

Смутно подумалось: "Вот и я вошел в чью-то жизнь. Вошел как "человек с ружьем", в смысле с пистолетом". Уже начали собираться "слушатели". Я, воспользовавшись паузой, тихонько улизнул... Прошел по аллее дальше, к морю. Всматривался вдаль, еще раз проигрывая про себя и войну, и голодуху, и тот "45-й год", и Пишоновскую, и прошлое с настоящим...

Что говорить?

Время бежало как-то незаметно. Кто его считал?

Взлетал, садился и снова взлетал... Потом толкался и двигался по жизни уже на своих двоих...

А вообще с тех времен что осталось?

Остались те одесские улицы, которые еще не забыли хотя бы мои молодые ночи...

Остались те нашивки о ранениях, которые я спас когда-то на пустыре, на Пишоновской...

Остался летный замшевый шлем с первого самостоятельного полета...

Осталась память...

И еще тот мой профиль — черный силуэт на белом фоне. Да и надпись золотом: "Одесса. 1945 год". Все...

Жаль только, что все так быстро проскочило. Что, может, прожил как-то не на полную, что просто складывал пустые годы. Как будто все не за свой счет. Так и получается — грызешь себя и... продолжаешь жить по-старому.

Вот так и несу службу на этой границе... А там, где-то внутри, приказываешь самому себе: "Ни шагу вперед! Только назад...".

Ну да ладно!

Выпьем за Господа нашего, чтобы творил только добрые дела. Хотя Господь в нашей рюмке совсем не нуждается...

Наиль МУРАТОВ

Мольберт

Я живу в старом трехэтажном здании на Александровском проспекте. Возвращаясь домой, я прохожу по одной из разновысоких галерей, опоясывающих дом по периметру внутреннего дворика. Такой стиль в Одессе называют греческим. Галереи, заставленные сундучками, шкафчиками и другим отжившим век хламом, летом становятся излюбленным местом встреч жильцов дома, стремящихся поделиться друг с другом последними новостями.

На третий этаж можно подняться по наружной лестнице, прилепившейся к дому со стороны двора, или через подъезд. Выйдя на галерею, я миную четыре квартиры. Далее расположены две следующие, причем вход в последнюю из них является искусственным окончанием свободного прохода по третьему этажу. Данную привилегию самочинно присвоили себе первые обитатели квартиры № 8, и оспорить ее пока никому не удалось. У нашего дома есть интересная особенность, приводящая в смущение почтальонов. Я часто наблюдаю, как они растерянно ищут квартиру № 9, не подозревая, что их на этаже — четыре. Три следуют одна за другой, соседствуя, как положено, с восьмой и десятой, а четвертая находится совсем в другом месте. Но письма все равно находят адресата! Софа из одиннадцатой квартиры, расположившаяся в плетеном кресле на веранде с сигаретой и чашечкой кофе, всегда готова помочь работнику министерства связи. Она проживает здесь с тех пор, как ее принесли из роддома, и знает о жильцах все. Мужа Софы зовут Ося. Он дружит с еще одним старожилом дома — Валентином, проживающим в той самой квартире № 8, что успешно приросла общественным балконом. Если у вас что-то сломалось, перегорело, протекло или прохудилось, обращайтесь к Валентину — он никогда не отказывает в помощи! А обращаться приходится часто, поскольку последний раз городские коммуникации в нашем районе ремонтировались еще до хрущевской оттепели!

Я живу в средней квартире № 9. Слева от меня благоденствует нелюдимый тип, чье имя никому не известно. Он похож на скрывающегося от правосудия уголовника, но с существенным отличием — у него поразительно яркий взгляд. Этот человек живет в свое удовольствие, порой исчезая на длительный срок и никогда не обременяя себя ранним подъемом и регулярным уходом на работу. О нем ничего не знает даже Софа. Изредка к соседу заходят привлекательные девушки, но никогда не задерживаются надолго.

В правой девятой квартире существует (по его собственным словам!) тридцатилетний Яков. Его жену зовут Рита, и она (по ее словам!) — настоящий ангел, но только до того момента, пока Яшенька чем-нибудь ее не расстроит. К несчастью, неосторожный Яков умудряется расстраивать кроткую Риту не реже одного раза в час. Летом, при открытых окнах, количества децибел ее голоса хватает, чтобы собрать для прослушивания трепетной мелодии семейного скандала всех окрестных меломанов.

После очередной трепки Яков заходит ко мне стрельнуть сигарету и покурить на балконе, чтобы унять дрожь в руках. Если в это время на веранде появляется Марина из десятой квартиры, то он обязательно громко произносит:

— Жениться надо было не на еврейке, а на татарке!

Симпатичная Марина молча улыбается. Татарское воспитание не позволяет ей вступать в разговоры с мужчинами без серьезного повода. Яков постепенно успокаивается, а минут через двадцать отходчивая Рита принимает мужа обратно.

Однажды, когда мы с Яковом перекуривали после очередного скандала, на веранде появился неразговорчивый сосед из квартиры № 9.

— Слышали, как она меня? — обратился к нему Яков, ища сочувствия.

— Нет! — сосед попытался проскользнуть между нами.

— А хотите послушать? — предложил я. — Можно его обратно в квартиру впихнуть.

— Неинтересно! — отказался сосед. Незнакомец умел точно выразить свою мысль, пользуясь минимальным количеством звуков. Я внимательнее вгляделся в его лицо: оно абсолютно ничего не выражало, а глаза необычно светлого оттенка смотрели мимо нас с Яковом, наблюдая чужие измерения. Заметив мой интерес, таинственный сосед на одно мгновение впустил меня в свой обособленный мир, а затем вновь захлопнул заслонку, отделяющую этот мир от окружающей его вселенной.

— Почувствовали? — в его голосе не было удивления — только констатация факта.

— Почувствовал! — отозвался я, ощутив легкий озноб.

— Что почувствовал? — спросил толстокожий Яков.

— То, что ты нуждаешься в помощи! — быстро ответил я и спросил загадочного соседа: — У вас есть идея, как решить его семейную проблему?

— Ответ всегда находится в вашем кармане! — невыразительным голосом произнес сосед и направился к своей квартире.

Простодушный Яков начал шарить по карманам, но не нашел в них ничего, кроме скомканного обрывка газеты.

— Экономишь на туалетной бумаге? — поинтересовался я.

— Это кулек от семечек.

Я расправил листок. На одной его стороне размещалась скучная статья о пользе хранения денег на банковских депозитах, а на другой было напечатано следующее четверостишье (приведено с согласия автора — Е. Мучника):

Одно и то же мы друг другу
Твердим во время ссор с супругой,
И я решил в семейных драмах
Ругаться с ней под фонограмму.

Я вновь почувствовал озноб, поскольку сосед оказался настоящим провидцем. Яков пришел в восторг от идеи, и теперь дело было за мной: для успешного осуществления проекта требовалось написать подходящую компьютерную программу.

Вечерний спектакль проходил при аншлаге. Заслышав жизнеутверждающую партию Риты, подтянувшиеся зрители удобно устроились на сундучках и ящиках, а самые молодые — на перилах галереи. Опытная Софа явилась с мужем, складным стульчиком и чашечкой кофе. Скандал протекал по обычной схеме: Рита бегала по кухне, громко стуча, звякая и бренча всем, что попадалось ей под руку, а Яков, закрывшийся на всякий случай в комнате, на пронзительные крики жены смиренно отвечал: "Да, дорогая!" и "Нет, дорогая!".

В партере и на галерке оживленно комментировали происходящее. Некоторые женщины находили упреки Риты обоснованными, но полного единодушия среди зрителей не было. В пылу дискуссии никто не обратил внимания на Якова, поднявшегося на галерею со двора. Это был нехитрый трюк: наружное окно его комнаты расположено над крышей соседнего двухэтажного дома, откуда легко попасть через чердачный люк в подъезд.

— У меня на руках слезла кожа от постоянного мытья посуды, а ты хоть бы раз тарелку со стола убрал! — надрывалась Рита.

— Да, дорогая! — слышался смиренный ответ Якова. Голос доносился до зрителей сквозь форточку окна, выходящего на веранду.

— Ты хочешь довести меня до инсульта?

— Нет, дорогая!

Причина ссоры всегда была тривиальной: Яков либо забыл помыть за

собой посуду, либо пролил чай на столешницу. Первым соседа заметил муж Софы.

— Яшенька, поражаюсь вашему терпенью! Она кроет вас на чем свет стоит уже полчаса, а вы так вежливо ей отвечаете.

— Вы — идеальный муж! — присоединилась к нему Софа.

Яков приосанился. Я был поражен тем, что соседей никак не смутила нелепость ситуации: главный герой семейной драмы не мог находиться одновременно в своей комнате и на веранде. Пока вдохновленный поддержкой соседей Яков блаженствовал снаружи, внутри квартиры его компьютер исправно выполнял свою работу, наудачу вставляя в паузах один из двух приготовленных заранее ответов. Без отпора со стороны мужа наступательный пыл Риты начал заметно ослабевать. Соседи оживленно обсуждали перелом в развитии событий, поздравляя Якова с победой.

Возможно, они делали это слишком громко, поскольку дверь квартиры внезапно отворилась, и на веранду выглянула раскрасневшаяся Рита. Увидев мужа в центре многочисленной группы зрителей, она запальчиво воскликнула:

— Так вот ты где! Захотелось надо мной поиздеваться?

После короткой, но эффектной паузы из комнаты донесся ответ:

— Да, дорогая!

Опешившая Рита хотела что-то сказать, но только хватала ртом воздух. Испуганный Яков безуспешно пытался спрятаться от жены, втиснувшись в узкую щель между двумя шкафчиками. Зрелище завершилось овацией.

— Полный успех! — слова таинственного соседа, возникшего ниоткуда, были полны иронии.

— Ваша идея! — парировал я. — Кто дал совет искать в карманах?

— Мои слова не следовало понимать буквально! — он направился к выходу, но остановился. — А вы любопытный тип!

— Это я и сам знаю! — в ответе прозвучали не столько вызов, сколько горечь, вынудившая собеседника внимательнее вглядеться в мое лицо. Его светлые глаза распахнулись, впуская меня внутрь, и с каждым тактом пульсаций чужого разума к его бесплотным стенкам прилипали частицы моей души, отшелушившиеся от телесной оболочки. Мой мир, сближаясь с заключавшей его невещественной субстанцией, становился теснее, и в какой-то момент превратился в точку, связавшую все струны вселенной.

— Вам следует ее забыть, свою художницу!

Он умел удивить! С другой стороны, кто в нашем дворе не знал Ольгу! Благодаря ей моя жизнь недолгие два года представляла собой нечто боль-

шее, чем просто жизнь. Забыть ее?! Хороший совет, но невыполнимый. Ты не сказал мне ничего нового, сосед! Твоя таинственность — мишура!

Он исчез, потеряв ко мне интерес, но вскоре вернулся вместе с молодой женщиной, простота платья которой лишь подчеркивала изящество фигуры.

— Вы не хотите назвать свое имя? — остановил я его, понимая, что выгляжу назойливым. Он терпеливо ответил:

— Хозе.

— Хозе одиннадцатый. Но это стилизация. На родном языке его имя звучит так... — женщина прочирикала что-то вроде "оозьие" и рассмеялась. — Смешно, не правда ли?

— Это турецкий? — наугад спросил я.

— Разумеется, марсианский! — она вновь рассмеялась.

— Забавно, я считал, что на Марсе нет жизни! — остроумно, как мне казалось, ответил я.

— Никто и не называет жизнью прозябание в подземных городах! Ни за что не соглашайтесь переселиться на Марс! — незнакомка поежилась, словно от холода. Пластичность этого движения оказалась настоящим откровением.

Следующим вечером я вновь встретил ее. Она сидела на перилах напротив моей квартиры, обняв рукой деревянную опору, поддерживающую нависший над галереей скат крыши. Джинсы и футболка сидели на ней так, будто она в них родилась. При солнечном свете незнакомка выглядела юной.

— Хозе живет в соседней квартире, — сообщил я.

— Мне это известно. Но ведь здесь не занято, не так ли?

— Не занято.

— Вообще, я к тебе.

Я даже не удивился, потому что от подобной девушки можно ожидать чего угодно. Звали ее Апрель, хотя таких имен не бывает. Оказывается, Хозе посоветовал ей пообщаться со мной, как она выразилась, "в терапевтических целях". Не вызывало сомнения, что сосед-марсианин столь простым и вульгарным способом пытался заставить меня забыть об Ольге. Его непрошеная забота не вызывала ничего, кроме досады.

— Спасибо, я не нуждаюсь в помощи!

Апрель искренне удивилась.

— Но ведь речь не о тебе! Это я нуждаюсь в помощи!

— Мне бы самому кто помог! — мой тон выдавал меня с головой. Я

проиграл, а девушка одержала безоговорочную победу. Понимая бессмысленность сопротивления, я поинтересовался:

— В чем твоя проблема?

— Я — ртуть. Не могу принять законченную форму, все время растекаюсь.

— С формами у тебя все в порядке! — меня не порадовала собственная острота, но девушка простила ее пошлость, заметив:

— Главное ведь не форма, а содержание, не так ли? Проблема именно с этим.

— Да нет никакой проблемы! Ты умна и красива, что еще нужно?

— Я непостоянна, бессистемна, ленива и всегда нахожусь в неладах с логикой.

— Интересно, как ты смогла так много о себе узнать? Не Хозе ли помог?

— Он, — призналась Апрель. — Но беда в том, что я с ним согласна.

— А в чем выражается непостоянство?

— Легко увлекаюсь, но не могу сосредоточиться на своем увлечении. Меня тянет на авантюры.

— Ты о мужчинах?

— Обо всем. И о них в том числе.

Она замолчала, и я последовал ее примеру. Мне нечего было ей сказать. Завывание сирены, усиливавшееся с каждой секундой, подсказывало, что карета "скорой помощи" пытается пробиться по Александровскому проспекту в сторону Привоза. Неожиданно ее звучание оборвалось, и наступившая тишина оказалась настолько тягостной, что пришлось прервать ее первым пришедшим в голову вопросом:

— Каким числом датируется твое последнее увлечение?

— Вчерашним.

Глупо задавать вопрос, если ответ очевиден. У неординарной девушки и увлечения должны быть неординарными.

— Что ты знаешь о Хозе?

— Не очень много. Но его интеллект подавляет.

— Почему ты зовешь его марсианином?

— Он битых два часа рассказывал мне о Марсе. Хозе — известный поэт. По крайней мере, по его собственным словам. Он читал мне свои стихи. Не знаю языка, на котором они написаны, но стихи замечательные — я в этом уверена.

— Думаю, он просто гипнотизер или что-то в этом роде. Тебя не смущает разница в возрасте?

Апрель взглянула на меня, не скрывая раздражения.

— Послушай, я ведь не сказала, что мое увлечение — Хозе!

— Не Хозе? А кто же? — выглядел я, наверное, глуповато, потому что Апрель рассмеялась.

— Неважно. Что бы ты посоветовал? В смысле проверки чувства.

— Простой тест, но для ртути невыполнимый, — ответил я после секундной паузы. — Ты должна застыть.

— Объясни! — потребовала она.

— Предупреди своего избранника, что следующая встреча состоится нескоро.

— Насколько нескоро? — осторожно поинтересовалась девушка.

— Вспомни, как тебя зовут! — пошутил я. — Лучшая дата — 1 апреля.

— Я не смогу! — честно ответила она. — Это слишком долго. Сейчас только сентябрь!

— Значит, тебе нечего проверять! — жестко отрезал я.

— Ты сам так смог бы?

— Да! И если бы я понял, что считаю каждый день, оставшийся до назначенного срока, а потом каждый час и каждую минуту, волнуясь, как мальчишка, и боясь, что она не придет, то точно знал бы, насколько мое увлечение является настоящим чувством.

Наши взгляды встретились, и пауза затянулась дольше, чем позволяли приличия. Потом Апрель протянула мне руку, и я помог ей спуститься. Почему мне не хотелось выпускать ее пальчики из своей ладони? Она осторожно высвободилась и сделала шаг назад.

— Наверное, я пойду!

Знакомое чувство пустоты возвращалось после кратковременной самоволки. Загадочным образом в этот раз оно было связано с уходом Апрель, любившей не меня и любимой не мною.

— Кажется, я не очень помог тебе?

— Да, только все осложнил! — ответила она грустно.

— Прости, настроение было неподходящее. Приходи в другой раз, ладно? Обещаю исправиться.

— Хорошо, я приду! — она направилась по галерее к лестнице, и я выкрикнул ей вслед:

— Когда тебя ждать?

— 1 апреля.

Она скрылась, но ее смех донесся с лестничной клетки:

— Ты сам назначил этот срок!

Я присел на сундучок напротив своей квартиры. У меня не было на-

строения заходить внутрь. Там была территория Ольги. Веранда пока оставалась территорией Апрель.

— Славная девочка!

Я и не заметил, как ко мне подошла Софа. Выпустив струйку синеватого дыма, она на мгновение стала похожей на мультяшного дракончика.

— Точно! — подтвердил Ося, явившийся вслед за женой. — Нам с Софочкой она понравилась!

— У нее есть вкус! — добавила вышедшая из своей квартиры Марина, придававшая наличию вкуса первостепенное значение.

Для полноты картины не хватало только Валентина, и он не заставил себя ждать, открыв двери загородки, отделяющей его часть веранды, и сообщив:

— Она караулила тебя не меньше двух часов!

Столь пристальное внимание соседей являлось обстоятельством скорее трогательным, чем досадным, но я вынужден был честно признать:

— Думаю, мы ее больше никогда не увидим!

Разочарованные соседи начали расходиться, оставив меня в худшей из возможных компаний — наедине с самим собой. В этом непривлекательном обществе я пребывал до тех пор, пока на галерее не объявился направлявшийся домой Хозе.

— Встретил Апрель! — сообщил он, оставаясь узнаваемо кратким, но, осознав двусмысленность сказанного, добавил: — Хотя сейчас только сентябрь.

Это было приглашение к разговору, и я откликнулся на него, спросив:

— Откуда вы родом?

Он отрицательно покачал головой, не собираясь отвечать на вопрос.

— Понимаю, я ведь не девушка! Про Марс мне втирать очки бесполезно! — съязвил я.

— Апрель — противоположность Ольги! — изменил тему разговора сосед. — Противоположности едины.

— Думаете, Апрель еще появится?

Он пожал плечами и направился к своей двери.

— Вам она нравится? — спросил я вдогонку.

— Речь не обо мне. Когда-то вам придется снять покрывало с холста.

Он исчез. Этот человек умел бить точно в солнечное сплетение. Через крохотную прихожую я вошел в свою комнату. На диване обложкой вверх лежала открытая книга. В углу возле приотворенного окна примостился мольберт, завешенный куском серого полотна. Он стоял там уже больше года, скрывая так и не увиденный мною холст. Мольберт и картина — все,

что осталось от Ольги. Когда я вернулся из командировки, она впервые не ждала меня дома. Записка на столе все проясняла:

Милый братец Лис!

Лучше я уйду сейчас, потому что с твоим возвращением сделать это будет в тысячу раз сложнее. Ты был всей моей жизнью, а я только частью твоей. Когда-то мне этого хватало, а теперь нет. Как я хотела, чтобы ты изменился, но в результате изменилась сама, и это худшее из того, что могло произойти. Теперь я способна жить без тебя. Причиной этому — мое творчество. Ты никогда не скрывал своего снисходительного к нему отношения и был, конечно, прав, но с недавних пор что-то во мне переродилось, превратившись в острое ощущение правильного видения вещей. Я понимаю, что должна пройти долгий путь, прежде чем стану настоящим художником, но этот путь мне придется пройти без тебя.

Ты ни в чем не виноват, братец Лис, просто устроен иначе! Я хотела бы сказать, что разлюбила тебя, но пока не научилась врать.

Оставляю картину, написанную в твое отсутствие. Когда ты смиришься с тем, что больше не увидишь меня, сними с холста покрывало. Может быть, тебе что-то станет понятнее...

Ольга

Этого письма не читал никто. О картине тоже никому не было известно. Осведомленность Хозе казалась неправдоподобной, но я понимал, что всему есть простое объяснение. К сожалению, мне его найти не удалось.

Ольга ушла, оставив после себя идеально убранную квартиру. Она проводила здесь столько времени, что рассматривалась соседями как неотъемлемая ее часть. Ольга покидала дом только на занятия и пленэры, игнорируя разгульную жизнь сокурсников. В отличие от меня, она была удивительно домашним существом. Ее решение оказалось полной неожиданностью.

Теперь я сам большую часть времени провожу дома. Мои друзья считают, что их ветреный друг остепенился, но они ошибаются. Я просто боюсь, что если Ольга когда-нибудь вернется и не застанет меня, то уйдет вновь, и уже навсегда. Время в ожидании ее возвращения течет удивительно медленно.

Откуда Хозе столько о нас знает? Я присел на диван и занялся тем единственным, что сделало меня высококлассным программистом, — размышлениями. Логика подсказала единственно возможный ответ. Но где на своем извилистом пути Хозе встретил Ольгу? Проще всего было спросить его самого.

Я направился к двери соседней квартиры, но звонить не пришлось. На черной дерматиновой поверхности ниже глазка белела прикрепленная скотчем записка:

Уехал надолго.

Я готов был поклясться, что он написал ее для меня.

Прошло несколько месяцев. До окончания зимы осталась неделя, но холода только-только начались по-настоящему. Мороз остудил стены дома, понизив температуру в квартире до дискомфортно низкой отметки. Я отогревался чаем и двумя надетыми один поверх другого свитерами. Работать приходилось так много, что на сон почти не оставалось времени. Жить в горячечном ритме предстояло до тех пор, пока мои израильские работодатели не получат, наконец, законченную их одесским наемником программу. Напряженная мысленная деятельность отвлекала от мыслей об Ольге: впервые за последнее время я поймал себя на том, что не жду звонка в дверь. Изредка вспоминалась Апрель, появившаяся в моей жизни в неподходящий момент. В памяти не сохранилось отчетливо ни одной черты ее лица, только ощущение теплоты от прикосновения тонких пальчиков в момент, когда я помогал девушке спуститься на веранду. Почему я так легко дал ей уйти?

Стук в дверь проинформировал о личности посетителя. Не знаю почему, но Валентин никогда не пользовался звонком. Он не вошел, а ввалился в квартиру, чтобы не напустить в прихожую лишнего холода.

— Как вам это нравится? В нашей мэрии кто-то тронулся, не иначе! Вы видели, что они повесили на фасаде? — не дожидаясь ответа, он пояснил: — Мемориальную доску. Софа с Осей просто возмущены! Они же все перепутали, эти чиновники! У нас такой жилец никогда не проживал!

Увидев отсутствующее выражение моего лица, тактичный Валентин счел за благо удалиться, не развивая тему дальше. Следующим утром я понял причину возмущения соседей. Выходящая на проспект стена здания оказалась украшенной мраморной табличкой со следующим текстом:

В этом доме с 30 марта 200... по 1 апреля 200... года проживал известный марсианский исследователь Хозе И. Левин

Все стало на свои места. Хозе И. Левин — это Хозе Одинадцатый. Я понял шутку Апрель. (Игра слов: *илевен* в переводе с английского — *одиннадцать.*)

Итак, загадочный сосед приобрел, наконец, полное имя, а с ним и земной статус. Определилась даже его профессия — астроном. Безграмот-

ность чиновников поражала: следовало писать не марсианский исследователь, а исследователь Марса. Да, в какое время мы живем!

Но что-то в тексте смущало. Я пригляделся внимательнее. Ну конечно, последняя дата — 1 апреля 200... — еще не наступила! Вопиющая безграмотность!

Спустя две недели я оказался по делам в управлении культуры. Соблазн выяснить историю появления мемориальной доски оказался настолько большим, что я разыскал в одной из комнат женщину, отвечающую за охрану памятников.

— Вы находите меня настолько некомпетентной? — поинтересовалась она в ответ на мои претензии к ее работе. Менее всего эта дама выглядела безграмотной, поэтому мой вопрос прозвучал как извинение:

— Тогда в чем фишка?

— В дате. Мы подготовили эту доску ко Дню смеха по представлению Общества дружбы с Марсом. Они же и оплатили работы.

— У нас есть такое общество?

— Разве мы живем не в Одессе?

Я вернулся домой. Похоже, ситуация прояснилась: один из друзей моего соседа решил столь необычным способом разыграть одесситов. Поскольку дальнейшие умозаключения ни к чему не приводили, мне пришлось вернуться к работе.

Конец марта выдался теплым. Я сдал очередной кусок программы и наслаждался отдыхом. Изредка появлялось предательское желание взглянуть на оставленную Ольгой картину, но всякий раз мне удавалось подавить его. Успокаивало, что я почти не вспоминал об Апрель. Вечером тридцать первого марта друзья пригласили меня на вечеринку, окончившуюся полным конфузом: хозяев мероприятия залили водой соседи сверху. Мы разошлись с облегчением, и мысль продолжить общение в другом месте ни у кого не нашла поддержки.

Остаток вечера я провел дома за чтением, изредка поглядывая на часы. Полночь; начался новый день — возможно, один из самых мучительных в моей жизни. Почему я позволил ей уйти?

Еще час я убеждал себя, что мы с Апрель совершенно не подходим друг другу. Логика такого вывода была безупречной, но не приносила облегчения. Когда в два часа прозвенел входной звонок, я понял, я бросился к двери, но за ней была не Апрель.

— Не спите? — удивился Хозе, но увидев разочарованное выражение моего лица, мгновенно все понял. — Вряд ли она придет ночью!

— У меня есть к вам вопросы! — обратился к нему я.

— А у меня к вам просьба.

Он хотел, чтобы я принял участие в уголовно наказуемом деянии — похищении мемориальной доски, поскольку сделать это вдвоем было легче, чем одному. Не знаю почему, но я пришел в восторг от идеи. Инструмент мы позаимствовали у Валентина на веранде, для чего мне пришлось перелезть через выступ загородки, подвергнув свою жизнь реальной опасности свалиться на каменные плиты внизу.

Похищение прошло гладко, и спустя несколько минут мы вновь оказались в моей квартире. Хозе, бережно прижимавший к груди мраморную табличку, выглядел довольным жизнью.

— Спрашивайте! — предложил он.

Я намеревался узнать что-нибудь об Ольге, но задал совсем другой вопрос:

— Для чего вам мемориальная доска?

— Каждая вещь вмещает в себя разные содержания. В этом предмете заключены два смысла. Для вас он — мемориальная доска, для меня — извещение об окончании пребывания в городе.

Оказывается, Хозе умел изъясняться витиевато. Вот уж не ждал!

— А зачем было сей предмет снимать со стены? — поинтересовался я с иронией, но застать этого парня врасплох, конечно, не удалось.

— Скажите, возвращаясь из служебной поездки, вы предъявляете командировочное удостоверение с заверенными датами прибытия и убытия?

— Вы действительно исследователь? Или все-таки поэт?

— Поэт. Имела место неточность перевода: на нашем языке исследователь и поэт — синонимы.

Он на все находил ответ, мой сосед Хозе!

— Есть ли у вас стихи на русском языке?

— Знал, что спросите! — улыбнулся мой ночной гость и достал из кармана листок бумаги. Следует признать — пока он переигрывал меня по всем статьям.

Иссякая с приходом ночи,
чертит дождь на стекле дорожки.
Прожит день, как один из прочих:
не наполненный, не порожний.

Среди слипшейся паутины
двух деревьев косые тени
на диване моем картинно
разлеглись в полутьме осенней.

Серым сумраком в пятнах света —
перекрестия и изломы
полуголых дрожащих веток,
и знакомых, и незнакомых.

А в вине, на столе разлитом,
Колонковая кисть тонула.
И свисал пуловер забытый
на неубранный пол со стула.

— Ну, как вам? — голос Хозе выражал самодовольство.

— Честно говоря, я не знаток поэзии. По-моему, стихи — так себе.

— Вы не понимаете смысла этого творения, — снисходительно пояснил Хозе. — Но очень скоро его оцените.

Не вдаваясь в спор, я задал главный вопрос:

— Вы встречались с Ольгой?

— Не имел такой чести! — признался он, не скрывая сожаления.

— Откуда же знаете про картину?

— Видел ее.

Вот оно — простое объяснение! Замок на входной двери не представлял сложности для профессионала. Недаром сосед так напоминал обычного уголовника.

Но я опять попал впросак.

— Вы же не думаете, надеюсь, что я влез к вам в квартиру? — вкрадчиво поинтересовался Хозе, устраняя подозрения самим тоном вопроса. Этот человек видел меня насквозь.

— Тогда где...

Он не дал мне закончить вопрос, пояснив:

— В своем воображении. Но нет смысла это обсуждать. Поверьте, видимый вами мир на самом деле находится внутри каждого из нас.

Возможно, Хозе был прав, а возможно, и нет. Я не смог удержаться от иронии:

— Если вы видели холст, то знаете, что на нем?

— Конечно. До мельчайших подробностей.

— Не могли бы вы описать картину?

— Думаю, в этом уже нет необходимости! — беззаботно ответил он.

Разговор потерял смысл. Почувствовав это, мой гость отправился восвояси, унося под мышкой свое командировочное удостоверение. Судя по симптомам, Хозе был обыкновенным психом из разряда безобидных. Но, может быть, он просто разыгрывал меня?

Ближе к утру я решился.

Растянутое в подрамнике полотно поддразнивало меня, требуя снять скрывавшее его покрывало, и в какой-то момент искушение стало непереносимым. Я даже не почувствовал собственного движения, но серая ткань соскользнула на пол, и комната, сжавшаяся до размеров холста, поразила своим запустением.

Диван у дальней стены, казавшийся непропорционально большим, терялся в сумраке осенней ночи, а падающий из окна свет выделял бледный прямоугольник на его спинке и близлежащей части обоев. Этот прямоугольник сам по себе являлся отдельным произведением искусства с завораживающей геометрией, состоявшей из пересечений и изломов теней веток, почти лишившихся листьев, на фоне едва заметного узора извилистых дорожек дождя на стекле. Комки приклеившейся к шероховатой обивке паутины навевали чувство безысходности.

Стол на переднем плане, изображенный в развернутой наискось плоскости, соседствовал со стулом, с чьей спинки, касаясь рукавами давно не убиравшегося пола, свисал пуловер Ольги.

В лужице разлитого на столешнице вина мокла брошенная ею кисть.

Виктория КОЛТУНОВА

Вещи

Регина Семеновна протерла стаканы полотенечком и уже собиралась поставить их в буфет, когда вдруг заметила маленький скол на краешке одного из них.

— Петя, — позвала она мужа, — посмотри, какая неприятность!

Петр Николаевич глянул на стакан и расстроился. Супруги хотели было обменяться мнениями по поводу скола, но тут раздался звонок в дверь. На площадке каменной лестницы, что шла вдоль наружной стены их дома, стояла почтальонша. Они взяли у нее заказное письмо, расписались, положили на книгу регистрации металлическую гривну и, предвкушая удовольствие, сели за стол читать письмо.

Письмо было от их дочки из Канады. Дочь и зять уже в который раз предлагали родителям продать квартиру и переехать к ним.

Регина Семеновна растрогалась, читая, как дочь описывает лепет крохи, которая повторяет все слова по два раза, по-русски и по-английски, замечательную кухню с комбайном, посудомоечной машиной и кучей блендеров. Клубнику в январе и мясо, которое после семи вечера продается в супермаркетах со скидкой на пятьдесят процентов.

В общем, рай земной. И этот рай был для них вполне доступен. В ящичке буфета уже год лежало приглашение в Канаду, присланное дочкой. Осталось продать квартиру, найти людей, которые могли бы перевести деньги за нее из банка на банк как предпринимательские, потому что это было дешевле, чем с частного счета, и выехать в далекий манящий рай.

Но дело не шло. Квятковские хотели за свою квартиру двадцать пять тысяч долларов. Риэлторы крутили пальцами у виска. Такой цены нет. Двухкомнатная на Косвенной, с наружной лестницей, в старом доме? Смешно! Шестнадцать тысяч красная цена. Пусть берут и благодарят. Квятковские были в ужасе. Их дорогая квартирка, любимая квартирочка, ценилась так дешево! Эту квартиру они получили после войны, когда Петр Николаевич вернулся с фронта, а Регина из эвакуации. Их домик в Нерубайском сгорел, и они получили от райисполкома вот эту. Не квартира, а дворец, казалось им тогда. По сравнению с Нерубайским Молдаванка была центром города. И вот теперь приходят люди и, поджав губы, презрительно отзываются об их квартире. А АГВ, которое они сами поставили вместо печки, а поклеенные всего два года назад обои?

Дети писали им, чтобы брали, что дают. Что они там не нуждаются,

и отца с матерью досмотрят, даже если те приедут голые и босые. А шестнадцать тысяч неплохие деньги, которые можно положить в банк под проценты, и они эту ренту трогать не будут. Пусть забирают отец с матерью. Дети их всем обеспечат, а те деньги останутся им на карманные расходы.

Зять служил в банке, вот в этот банк и предлагали им положить деньги на эксклюзивных условиях как родителям банковского служащего. Но что делать с квартирой?

Квятковские возмущались жадностью покупателей, которые не хотели раскошеливаться за такую чудесную квартиру. Но в глубине души они знали, что дело не только в деньгах. Они не могли себе представить, что чужие люди будут ходить по этим половицам, трогать руками краны на кухне, ложиться грудью на их подоконники и вдыхать запах цветущей липы, которая весной протягивает к ним свои ветки, покрытые мелкими цветочками, и предлагает насладиться своим медовым запахом. Все это было их, их, такое родное, как можно отдать это кому-нибудь? Может, они и отдали бы квартиру тысяч за двадцать, но как пустить в нее чужих людей, отдать свое?

Кроме того, они еще никак не могли распродать мелкое имущество. Каждую субботу и воскресенье Петр Николаевич ходил на Староконный рынок, известный у одесситов как Староконка, расстилал клеенку на земле и раскладывал свой товар. Посуду, мелкие вещи.

Дети писали, чтоб они ничего не везли с собой. Перевоз будет стоить гораздо дороже, чем это старье. На Западе есть обычай два раза в год выносить в гараж ненужные вещи. Попадаются такие хорошие, что непонятно, отчего хозяева их выбросили. Этот обычай так и называется: "гаражная выставка". Там можно набрать что хочешь. Даже холодильники и телевизоры. Да и в их доме полная чаша. Чего возиться со старьем, тратить деньги на перевоз багажа? Пусть все бросят и летят ближайшим самолетом в новую жизнь.

Так хотели дети. А старики Квятковские думали иначе. Вот эта лиловая ваза. Ее купили сразу после войны. Эта была первая покупка Регины в новую квартиру. Еще не было мебели, кастрюль. Но ей попалась эта ваза по дешевке, и она не удержалась, взяла вместо килограмма картошки. И что, бросить ее тут, новым хозяевам их квартиры? А этажерка, на которую поставили первые после войны пять книг? Плюшевое покрывало с двумя тиграми, которым они укрывали свое супружеское ложе, тоже оставить? И так каждая вещь в доме. Каждая имела свою историю, свою душу, каждая была связана с ними незримыми нитями.

Когда Петр Николаевич впервые пришел на Староконку, он долго искал место, где расположиться со своими вещами. Люди стояли или сидели на складных стульчиках вдоль Ризовской, Раскидайловской, Серова. Перед каждым подстилка или клеенка, на ней старые вещи. У каждого, как он выяснил, свое определенное место, за которое администрации рынка платится 50 копеек за торговый день. Бывало, какая-то бабушка простоит два дня, субботу и воскресенье, со своим скарбом, и ничего не продаст. А заплатит гривну. А если заработает 5 гривен на хлеб за целый день, то и довольна.

Петр Николаевич нашел пустые два метра под стеной, расположился. Женщины справа и слева сказали ему, что это место чужое, тут стоит Игорь, его сегодня нет, но чужие места занимать нельзя. Он не послушался. Небось не закуплено, это ж просто тротуар. Назавтра появился Игорь, спросил:

— Тебе, дед, говорили, что тут занято?

Не дожидаясь ответа, сгреб за концы подстилку с посудой, которую продавал Петр Николаевич, и кинул под дерево напротив. Хорошо хоть не на асфальт, а на газон. Посуда звякнула, что-то хрустнуло и сломалось. Петр Николаевич понял, что это "закон рынка". Он не стал спорить, перешел к своему узлу и молча расположился под деревом. Здесь было не так удобно, но с течением времени это место стало его законным, и он сам теперь получил право гнать с него посторонних.

Квятковские рассчитывали продать свое имущество за полгода. Но дело шло очень туго. В пятницу вечером Регина Семеновна раскладывала на столе то, что завтра пойдет на базар, брала чистый лист бумаги и писала на нем для Петра Николаевича цены. Цену каждой вещи они обсуждали вдвоем, потом писали на листе бумаги, зачеркивали и ставили новую, на пару гривен выше. Бывало, что на каждую вещь приходилось по три-четыре цены. Им все казалось, что они продешевят. Вещи такие замечательные, у каждой своя история, своя память. Да им вообще цены нет.

Так прошел год. Наступила зима. Каменные ступеньки, ведущие в квартиру Квятковских, как всегда в январе, обледенели. Раньше Петр Николаевич в таких случаях брал молоток и сбивал лед. А в этом году что-то замешкался. Не было сил. И однажды утром Регина Семеновна, спешившая на базар, поскользнулась на предпоследней ступеньке и слетела вниз. Она закричала, сначала от испуга, потом от боли. Сбежались соседи. Вызвали "скорую". Петр Николаевич поехал с ней на Слободку в травматологию. Там сделали рентген и вынесли приговор: сломана шейка бедра.

Старики заплатили десять долларов за обезболивание, кость вправили и наложили гипс. Но надежды на то, что через двадцать один день, как положено, кость срастется, и Регина встанет на ноги, не оправдались. Как это часто бывает у старух, после такого перелома Регина осталась в постели. Ходить она больше не могла. У обоих был шок. Петр Николаевич понимал, какой на него свалился груз. Но нес свой крест безропотно. Менял под Региной белье, варил супчики на кухне.

Дети звонили из Канады, требовали все бросить, положить мать на носилки и самолетом вывезти в Канаду. Мало того что там дочь. Но ведь и социальная служба в Канаде поставлена на высоту. Каждый день приходит государственная медсестра, обслуживает, пока дочка на работе. Это бесплатно. Лекарства тоже. Да еще будут доплачивать семье за то, что среди них находится инвалид. Но ведь чтобы уехать, надо было бросить все! Продать квартиру за сколько дадут, оставить новым жильцам все свои вещи!

Петр Николаевич продолжал по субботам и воскресеньям ходить на Староконку. С одной стороны, он волновался за оставленную дома жену, которой может что-то понадобиться, а его не будет. А с другой, он отдыхал на Староконке, потому что не надо каждые пять минут бежать по ее зову, и еще потому, что он втянулся в это дело.

Староконка представляла собой своеобразный клуб, где вперемешку торговали старыми тряпками и ценным антикварiатом. Здесь все были знакомы между собой, и бабушки, зарабатывавшие себе на кило картошки, и торговцы стариной, и постоянные посетители-покупатели. Все друг друга знали, при случае могли поругаться, а могли друг другу и помочь. Знали цены, какие у кого. Про Петра Николаевича говорили: "Ему нравится приносить и уносить". Имея в виду, что его цены на товар так велики, что кроме как удовольствия посидеть с товаром на воздухе и почесать на Староконке язык, у него не было никаких других шансов. Но это была неправда, иногда и у него что-то покупали. Тогда Квятковские и радовались тому, что что-то ушло, и горевали оттого, что их любимые вещи больше не будут им принадлежать. Даже больше того, они ушли в чужие дома и в чужие руки, и неизвестно, как новые хозяева будут ими распоряжаться.

От долгого лежания Регина ослабела и стала капризной. Если Петр Николаевич задерживался на Староконке чуть дольше обычно, она могла устроить ему скандал. В конце концов, супруги решили, что проще давать объявления в газету и продавать, не выходя из дома. И не слышать к тому же ехидных замечаний соседей по торговле насчет цены.

Квятковский сходил в редакцию газеты "Авизо" и дал объявление

о продаже двух кресел с журнальным столиком за двести долларов и старой механической мясорубки за двадцать гривен.

За столиком и креслами приходили, давали сто двадцать. Он не взял. Насчет мясорубки даже никто не позвонил. Потом немного подфартило, и удалось продать цыганке все платья и обувь Регины Семеновны. Все равно ей в этом уже никуда не ходить. Цыганка дала мало, но зато забрала все сразу. Петр Николаевич догнал ее на лестнице и еще договорился насчет пальто жены, цыганка обещала прислать за ним свою сестру и дать сто сорок гривен.

После продажи вещей Регины она как-то сникла, не просила мужа посадить ее в кресло напротив телевизора и все больше спала. Одна была отрада — письма из Канады. Дети настойчиво просили бросить все и приехать. Но им легко просить, говорили между собой Квятковские, они же не наживали все это добро годами. Вон, поехали за границу и за год разбогатели. А они тут по зернышку собирали. Во время войны все сгорело в Нерубайском, потом сколько намучились, пока в этой уже квартире обставились, обжились. А сбережения, которые сгорели в сберкассе? Бывший сотрудник Петра Николаевича Гриша прибегал, когда началась вся эта заваруха, советовал: снимите деньги с книжки и купите на них золота, в случае чего всегда будет обеспечение. Но как снять? Рука не поднимается тронуть. Ведь с самой войны собирали, по копеечке, во всем себе отказывали, собирали на старость, а тут взять и снять! А вдруг обойдется, — а они деньги снимут. Ведь проценты прервутся. Все деньги на срочном вкладе. Когда деньги, как и предсказывал Гриша, пропали, Квятковские горевали меньше, чем можно было ожидать. Потому что они пропали по вине государства, а государство это такая штука, непредсказуемая и грозная, как стихия, с ней воевать невозможно. А вот если бы деньги пропали по вине самих Квятковских, если б они сняли деньги со счета и потеряли их на этой авантюре, которую им советовал Гриша, то они бы себе этого не простили. Вот сколько здесь всего пережито. Так хоть за вещи свои деньги взять.

Молодые ничего этого не понимают, бросайте, мол, папа с мамой, свое барахло, и двигайтесь на легкие хлеба. Это у них легкие, а тут за каждую ложечку, как на войне, воевать пришлось. За холодильником Регина три дня в очереди стояла с номером на ладони. Вечером при закрытии магазина уходила, утром приходила, сверяла номера, снова стояла до вечера. Вот как холодильник достался. А телевизор? Когда открыли магазин, очередь, занимавшая места с восьми утра, бросилась внутрь. Регину толкали, ка-

кая-то женщина вцепилась ей в волосы. За сапогами она в Москву ездила, очередь выстояла в ГУМе с открытия и до закрытия, не отойдя даже поесть. Правда, теперь такого нет, телевизоров и холодильников хоть пруд пруди, но те-то, что у них стоят еще с самой советской власти, кровью и потом добывались.

Пришла сестра цыганки, посмотрела пальто и сказала, что больше ста гривен не даст. Петр Николаевич возмутился, он только вчера давал очередное объявление в "Авизо" и пальто не включил, рассчитывая на договоренность. Цыганка стояла на своем. Квятковский обернулся к жене за поддержкой, но к его удивлению, она вдруг сказала:

— Отдай ей пальто, Петя, все же лучше, чем тут оставить.

Петр Николаевич взял деньги, они были мелкие, по гривне, по две, и он подумал: намошенничала где-то. К его удивлению, счет был точный. Он спрятал деньги в шкатулку, хотел было засунуть ее на обычное место, под шкаф, но решил, что на глазах у цыганки этого делать не стоит. Сунул шкатулку в руки жене и пошел проводить покупательницу к дверям.

Когда он вернулся, Регина Семеновна сидела в той же позе, в руках она сжимала шкатулку, голова склонилась набок. У него кольнуло в сердце, он бросился к жене, схватил ее за плечо, она откинулась на кровать.

Когда Петр Николаевич вернулся с кладбища, его поразило, что в пустой квартире стояла густая непривычная тишина, жестоко напоминая ему о его горе, но в комнате сохранился ее запах, запах лежачей больной. Он сел на кровать, накрытую тем самым покрывалом с двумя тиграми, что они все-таки думали забрать с собой в Канаду как реликвию, которая будет им напоминать о тех годах супружеской совместной не такой уж плохой жизни, что они провели на Родине. Этот запах, который ранее раздражал его, показался сейчас щемяще родным. Петр Николаевич повалился лицом в покрывало и дал волю слезам.

Недели две он не мог ни о чем думать, не мог ничего делать. Соседи по двору навещали его, произносили обычные банальные слова, которые принято произносить в таких случаях. Никто уже не сомневался, что теперь Петра Николаевича в Одессе ничего не держит, и что он скоро уедет. Что делать старику одному в пустой квартире, когда за океаном есть дочка, зять, маленькая внучка? Неужели не хочется увидеть внучку своими глазами, подержать на руках, ведь он ее видел только на фотографии...

Петр Николаевич и сам так думал, но ведь вопрос продажи квартиры и вещей так и не был решен. Риэлторы давно поставили на этом объекте

крест, предоставив хозяевам самим заниматься вопросом своей недвижимости. Квартира Квятковских обрела во всем городе славу непродаваемой по причине "сдвига по фазе" своих хозяев. Петр Николаевич снова принялся давать еженедельные объявления в "Авизо" о продажах. Даже снизил цену квартиры с двадцати пяти тысяч до двадцати двух. Явился только один покупатель, предложил девятнадцать тысяч. Квятковский не согласился.

Зато на следующий день ушло трюмо и две пальмы в горшках. Их еще крохотными росточками он привез когда-то из Сочи. Потом занавески, пудреница Регины из раковины и овальное блюдо для крупной рыбы. Регинины сережки и подставку для календаря купила соседка.

Постепенно уходила мебель, и те вещи, которые еще не продались, Петр Николаевич складывал на газетах на полу.

Через полгода после смерти Регины Семеновны из мебели оставались только кровать, которую Петр Николаевич рассчитывал продать в последнюю очередь, чтобы было на чем спать, столик на кухне и один табурет. Но из-за того что были проданы два шкафа, комод и буфет, все непроданные вещи лежали навалом на газетах. По комнате было трудно пройти, казалось, чья-то злая воля навалила здесь эти горы тряпок, ненужных уже плечиков для одежды, старый поломанный телефон, рамочки для фотографий. После долгих колебаний покрывало с двумя тиграми Петр Николаевич тоже продал. И так все туго идет, а тут покупатель сам попросил, увидев его на кровати.

Как-то соседи заметили, что Петр Николаевич уже неделю не выходит в магазин за едой. Узнали в справочной "Скорой помощи", там он не числился. Позвонили в милицию. Милиционеры явились вместе с представителями ЖЭКа. Вскрыли дверь.

Петр Николаевич лежал лицом вниз на куче старых вещей, его не сразу заметили на ворохе тряпья.

Рядом номер газеты "Авизо" с объявлениями о продаже.

Алексей ХОЛОДОВ

Медея

Сборы были закончены. Начинала она их неохотно: она думала, что, быть может, на этот раз ей удастся обмануть ту силу, которая однажды заставила ее бросить дом и сделаться влюбленной странницей. Тогда это была не просто любовь. Это была жажда, рождавшаяся глубоко внутри. Она ползла вверх, к груди, потом сжимала горло и подчиняла себе ее тело, ее рассудок, не оставляя выбора, выталкивала на дорогу. И теперь, когда новенький Carleton был на две трети заполнен, она впервые за двенадцать лет снова почувствовала ее в себе. Последние вещи она бросала с какой-то неистовостью, едва складывая их, не заботясь о том, какими будут они на новом месте. Эта же сила, она знала, когда-нибудь поведет ее и к Великому Переходу. И тогда она не станет малодушно противиться своему часу, а радостно подчинится ей.

Сейчас она была даже немного благодарна Ясону за его измену: он снова разбудил в ней это состояние, когда все мысли, все действия становятся неотвратимы, сливаясь в один-единственный возможный шаг. Последние дни она ощущала себя просветленной. Она провела их в каком-то экстазе, который, однако, ей удавалось умело скрывать от посторонних. Она знала: желание, боль, страдание, как, впрочем, и любовь, делали ее совершенней. И она не боялась их.

Годы, отданные Ясону, опустошенная случайным хирургом матка и приговор бесплодия. Все это стало для нее каким-то одним событием, цельным эпизодом ее жизни. Полоски лиловых, не бледнеющих пока шрамов на запястьях — еще одно напоминание об этом. Изрезанные вены — неизбежный след неистовств сердца менады — теперь казались ей чем-то обычным. Ее ярость прошла. Да и едва ли она хотела умереть в тот бесконечный, словно застывший вечер, когда после двух бессонных ночей, закрывшись в ванной, неотточенным лезвием кромсала свое тело. Наверное, это была всего лишь еще одна попытка досадить ему — как бы там ни было, он оставался единственным человеком в этом мире, для которого она что-то значила. Тогда она испугалась вида своей крови и позвала на помощь.

В такие минуты мысли оставляли ее. Они становились совсем незначительными и, мелькая в ее сознании, словно отбивали ритм ее одержимости. Вместо них могли быть другие, сходные по звучанию, противоположные по значению. Их голоса собирались где-то внутри, льнули друг к другу, постепенно выстраивая опору для ее новых скитаний. Наспех со-

чиненные заклинания, — возможно, без них было бы намного труднее делать то, что она должна была делать.

Она остановилась над полузакрытым чемоданом. Она надеялась, что он будет полным, и ей придется хорошо постараться, чтобы его захлопнуть. Туго набитый чемодан, так, что даже его пластиковый корпус немного раздут, — допустимая и доступная иллюзия благополучия. Его можно было бы непринужденно-гордо катить за собой по долгим переходам между терминалами гигантских аэропортов. Но ее чемодан оставался неумолимо пустым, оскорбленным своей незаполненностью, все равно что порожние амбары у нерадивых хозяев, как выскобленная утроба у отказавшейся от детей женщины. Поэтому она некоторое время медлила, перед тем как его захлопнуть: она искала что-нибудь еще, последнюю мелочь — спасение от незавершенности пространства. Но больше так ничего и не попалось ей на глаза и, в конце концов, почти одновременно щелкнули оба замка. Этот звук был как удар кнута для начинавшей было замедлять бег лошади. Он был насквозь пропитан скорой дорогой. Она подумала, что было бы неплохо, если бы кто-нибудь сейчас смог нарисовать ее, одну над чемоданом. Нарисовать просто, по-старомодному, без экспериментальных умствований и ультрасовременных уловок. Словно старые мастера заслуживают только презрения, обычная соразмерная фигура на картине больше не может быть прекрасной, и жизни достойны только огромные косолапые идолы, какие видела она во времена невозвратно варварские на своей родине, и которые теперь неутомимо бродили по полотнам преуспевших художников. И неужели, для того чтобы передать ее безутешность, необходимо изуродовать ее тело, наделив несоразмерными пропорциями, неужели нельзя сказать о ее горе сдержанными красками, правдивыми формами, линиями такими же, какие находим мы каждый день в природе?.. Она вдруг испугалась неуместности своих мыслей в такую минуту. Словно кто-то и вправду начал разглядывать ее со стороны, размышляя вслух над ее чувством.

Вошел курьер, и она отвлеклась ненадолго, заполняя квитанцию и отсчитывая ему две драхмы.

— Во дворец Креонта, для его дочери, — сказала она.

Курьер сдержанно поклонился, принимая от нее небольшой сверток. Потом она снова осталась одна и с облегчением обнаружила, что ее жажда не покинула ее. Появление постороннего человека не изменило ее настроения и теперь уже ничто не смогло бы отвлечь ее от недавнего замысла.

Ей оставалось несколько часов в Коринфе. Недавно построенная галера Эгея ждала ее: они отплывали ночью. Теперь же стремительно окончен-

ные сборы обрекли ее на бездействие. Больше она ничем не могла занять себя и теперь, оставшись один на один со своей жаждой, она впервые почувствовала страх. Она не знала, сумеет ли не сжечь себя за это время. Воображение ее снова начинала бить дрожь. Она подумала, что на этот раз не смогла бы вынести темноту. Подземелья ночи, лабиринты часа перед третьей стражей, последнее усилие мрака перед рассветом — она проходила их одна, окруженная выдуманными существами. Фантазия, вырвавшаяся за стены традиций. Вот так и становятся ведьмами, заклинательницами чудовищ, бесприютными служительницами Гекаты. Все это происходит только от больших несчастий, от безысходности одиночества. Самого страшного одиночества, когда рядом тот, кого ты любила, и когда он уже не с тобой, когда он только лишь тень, заблудившийся посланник Аида. Тогда по ночам ей было еще тяжелее. Он не говорил с ней неделями, убегал от ее взглядов, и Медея постепенно, в тишине, избывала свою ярость. Вместо того чтобы попытаться все забыть, она снова и снова со странным упорством саморазрушения возвращалась назад к годам их любви, ко времени своего служения Ясону.

Двенадцать лет назад оставить дом ради него показалось ей такой мелочью... Но потом, в дороге, ей часто становилось трудно и страшно из-за своего выбора и ожидания неизвестности. С ним ей казалось все новым, и она была уверена, что у тысяч других влюбленных происходило все иначе и что никто не смог бы понять их чувств. Ясон был неумел и тороплив в любви, и первые месяцы им пришлось многому обучать друг друга. Но тогда он надолго сделался ее богом. Через десять лет тело его почти не изменилось, все мышцы были по-юношески упруги, только немного заострилось лицо, и порою на него налетало выражение какой-то пустоты и беспомощности, с которой он пока еще умел справляться. Но когда они опять оставили недавно обустроенный дом в Иолке, он уже не мог скрыть своего страха и, сохранив физическую силу, не сумел удержать в себе давний задор и отвагу, с какой когда-то бросился познавать страну Медеи. Теперь его атлетические совершенства были бесполезны. Вдвоем они узнали бедность так же, как когда-то узнавали любовь. Каждое утро они начинали с того, что он подолгу облачался в один из своих великолепных, но уже не новых костюмов, купленных в лучшие времена. Он тщательно осматривал сорочку — выглажена она должна была быть безупречно, — по нескольку раз перевязывал галстук, надевал, наконец, пиджак и на какое-то время замирал перед зеркалом, точно в беззвучной молитве к благосклонной когда-то Киприде. И всякий раз Медея, просыпавшаяся раньше его, подходила к нему и гладила его плечи, спи-

ну. Иногда, глядя на него в эти минуты, она вспоминала, как когда-то давно накануне битвы с воинами, рожденными из зубов дракона, он на рассвете натирал волшебной мазью свое тело, как надевал нагрудник и бронзовый шлем, перед тем как отправиться к полю Ареса. Движения его не изменились: повязывал галстук и натягивал доспехи он с одинаковым видом монументальности. Потом, до верху наполнив старенький портфель брошюрами, втиснув в него старомодный ноутбук, он уходил на поиски клиентов. Дни, проведенные в ожидании, — казалось, их и не было в его жизни. Ждать — значит обрекать себя на потери, говорила ему Медея. Но он не слушал ее и продолжал дожидаться небывалой решающей сделки, призванной обеспечить их на годы. Очень часто, когда их древний *Chevrolet* на недели застывал в мастерской на городской окраине или когда не было денег оплатить бензин, он добирался до своих возможных заказчиков с многочисленными пересадками, не позволяя себе такси. Он делал это терпеливо, с высокомерной покорностью выстаивая очереди на остановках маршрутных микроавтобусов. В такие дни, когда он возвращался домой, Медее приходилось чистить его костюм от городской пыли, случайных пятен и чужих нежеланных прикосновений: на следующее утро он должен быть готов к новым скитаниям по офисным коридорам. А потом его допустили во дворец Креонта. Оттуда он вернулся другим, словно ему удалось стать там постояльцем или получить работу. Так или иначе, казалось, что он уже поселился в причудливом сплетении коридоров дома правителя Коринфа. Раньше, возвращаясь с улиц, он не приносил на себе ничего, кроме унижений и разочарований. Сейчас с ним в их дом пришла ухмылка, презрение, и всего лишь за один-единственный день, из-за одной встречи с управляющим Креонта, из-за нескольких слов, которыми удостоил его царь, он стал ей совсем чужим. В ту ночь ей приснилось, что она долго шла по серпантину незнакомой трассы, изредка ее оглушали спешащие к перевалу автомобили, и тогда она прижималась к скалистому склону. Она шла к гостинице, в которой ее никто не встретил, где она осталась совсем одна и потом в номере три недели прождала звонка от Ясона. Но он так и не позвонил. Утром ей впервые за несколько лет сделалось по-настоящему страшно. А к полудню вместе с застоявшимся июльским зноем запах разрыва прокрался в их комнату. Когда же она узнала о Креусе, несмотря на то, что даже привыкший к таким дням город задыхался от небывалой жары, ей вдруг стало холодно, точно в один миг остыла ее кровь. Она перестала чувствовать свои пальцы, ноги больше не слушались ее. Первые несколько минут она не могла пройти из гостиной в спальню, и потом этот путь показался ей одним из самых трудных в ее

жизни. Когда, наконец, ей удалось опуститься на кровать, ей вдруг сделалось смешно. Она смеялась над его изменой. В ней все было так просто, предсказуемо и мелко. Совсем как в тысячах других измен, о которых она слышала или читала когда-то. Об этом она могла бы догадаться и сама, не дожидаясь телефонных сообщений от посторонних людей, радовавшихся новым унижениям таинственной, необъяснимой чужеземки. Впрочем, все это она знала и без сочувственных подсказок, тогда только ей не хватило смелости отпустить надежду и сказать себе: Ясон больше не был ее. Теперь она долго смеялась над своим оскорблением. Потом смех сменили рыдания, едва сгибающимися, точно окаменелыми пальцами она вцепилась в волосы. Она попыталась бежать на улицу, но ноги не держали ее, и, подскочив, она тотчас снова упала на их опозоренное, обманутое ложе. Дальше наступило беспамятство.

Вернувшись домой, он лгал ей, убеждая, что все это неправда, и она чувствовала его ложь как что-то живое, словно жалкое насекомое, похожее на скользкую суетливую сороконожку, изо всех сил цеплявшуюся за каждую возможную опору. После нескольких часов, обессиленная, Медея уступила ему. Она была слаба настолько, что позволила ему любить себя. Потом ночью она видела, как новые, неизвестные ей люди, тысячи людей, в сумерках будущего — каким-то образом она догадалась, что видит время, которое придет еще нескоро, — в ужасе повторяли ее имя. А утром она почувствовала, что беременна.

Рассудок подсказывал ей простую хитрость: не докучать мужу сценами, проклятиями, истериками, оскорблениями, а только лишь молча, покорно ждать окончания его увлечений, храня в себе его семя. Но она не смогла этого сделать, и когда к ней попали новые свидетельства его предательств, когда она узнала, что он даже подумывает о скором разводе и браке, в ней не осталось ничего, кроме ярости.

Она видела, что он не любил Креусу. Просто она оказалась рядом, когда он впервые по-настоящему почувствовал себя усталым. Когда-нибудь это должно было случиться. Рано или поздно это происходит с каждым и каждой. Даже самый сильный мужчина рано или поздно спрашивает себя: а стоит ли все это моих усилий? Неужели нельзя жить по-другому, не доводя себя до последних границ усталости, когда к концу дня начинаешь забывать самые обычные слова, когда простой автомобильный гудок кажется немилосердным ударом грома, когда вечером невыносим даже голос любимой. И тогда подкрадывается мечта о другой дороге, мечта об измене, желание остановиться, передать другим свою ношу. Тогда тотчас

появляются заботливые жены, невесты, готовые принять героя, окружив его наследственной роскошью, обезопасив родительскими деньгами. Искушение перейти в новый период жизни — в эпоху великого отдохновения — становится непобедимым. Остается только выдумать любовь. Теперь Медея не знала, тогда в Колхиде, любил ли ее Ясон, или же она была только лишь проводником в своей стране, забавная и полезная дикарка, живущая морем и тайнами предгорий. Может быть, ему просто было интересно с ней открывать ее землю. И теперь Креонт должен был стать тем, чем был ее отец двенадцать лет назад, оказавший помощь чужестранцу и его друзьям.

Иногда она все-таки заставляла себя немного остыть, хотя бы на время отказаться от воспоминаний, и пыталась поговорить с ним. Сначала он отвечал ей прежним молчанием и стремительно растущим раздражением, которое вот-вот должно было вырваться наружу, и ей нравилось понемногу досаждать ему, сплошь покрывая его мелкими укусами своих слов. Пройдя обследование и убедившись, что у нее двойня, она решила как можно дольше не говорить ему об этом. Но однажды, когда он ответил ей яростными оскорблениями, словами, которые она никогда не должна была бы от него услышать, она почувствовала, что теперь уже все совсем близко подошло к концу.

— Ты знаешь, больше мы не одни, — сказала она. — Во мне живет твой ребенок. Вернее, два. Обследование вчера показало, что у нас, наконец, будет двойня. Это великий знак, Ясон.

— Ты врешь, ведьма.

— Ведьма? Вот как! Раньше ты всегда был рад тому, что я могу то, что не могут другие. Сколько раз ты просил меня о помощи, Ясон? Нет, милый, я не лгу тебе. Я никогда не лгала. Вот заключение, — сказала она, протягивая тонкую папку с одним-единственным листом.

Она думала, что ей будет радостно наблюдать его смятение, но ее нисколько не тронул взрыв его глаз, дрожание губ и рук.

— Ты, ты должна оставить их, — прошептал он.

— Почему? Чтобы пустить в мир еще нескольких несчастных с клеймом безотцовщины? Или чтобы продолжить твой род? Кто знает, а вдруг Креуса бесплодна, и ты умрешь бездетным?

— Молчи, молчи, Медея, ты подделала эти бумаги, чтобы мучить меня.

— Это нетрудно проверить, Ясон.

— Но если это так, клянусь, я обеспечу их. Где бы они ни жили, я не оставлю своих детей. Ты будешь в лучшей клинике, я смогу убедить Креонта.

— И ты смеешь мне это говорить? Ты смеешь клясться, клятвопреступник? Ты еще смеешь о чем-то просить меня?

— Да, Медея. Ты больше, чем жена для меня. Ты уже моя родня. И я люблю тебя по-особому, совсем не так, как Креусу.

— Мне жаль этого, Ясон. Я всегда хотела быть только женой для тебя. Только женой. Любимая женщина не может быть для мужчины больше, чем женой. Тебе оказалось мало жены. Я не хочу упрекать тебя, Ясон, но я оставила все ради тебя.

— Ты всегда знала, что я могу встретить другую. Кроме того, что оставила ты? Дикую страну третьего мира? Да, дела у нас пошли плохо, но на все нужно время. Нужно время, чтобы состояться на новом месте. У тебя в руках паспорт моей родины, а это значит, у тебя в руках свобода.

— Свободной я была дома, Ясон, когда перед восходом солнца шла из нашего дворца вниз к морю, когда потом заплывала на дальние выступавшие из воды камни и оставалась там до полудня, пока солнце не становилось нестерпимым. Приплыть туда нужно было непременно первой, иначе потом это место могло оказаться захваченным другими поклонниками моря. Укрепившись на нем, я ныряла глубоко, к самому дну, и у основания утесов собирала больно резавшие меня мидии, которые потом мы с отцом жарили прямо на раскаленных углях. Да, я была дикарка, девчонка, но мне нравилась моя участь. У моего отца был большой дом с белоснежными портиками и широкими воротами, всегда открытый для всех. Ты ведь помнишь его, Ясон? Мы никому не могли отказать в гостеприимстве. К нам часто заходили моряки, и я слушала их рассказы о твоей земле и еще о многих других странах. И тогда, увы, мне начинало казаться, что мне недостаточно моего города, моего моря, моего народа. А потом пришел ты, и мы приняли и тебя. Ты был точно продолжение рассказа одного старика капитана. И я отдала все, ради того чтобы быть с тобой. Но я не упрекаю тебя в этом, Ясон. Я долго, очень долго была с тобой счастлива. Наши дни странствий, полуразрушенного, невозможного быта, бесконечные когорты недоброжелателей — ничто не могло нарушить моего счастья. Я могла бы прожить с тобой всю жизнь на какой-нибудь одинокой скале, обдуваемой Бореем, покрывающейся льдом зимой и готовой расплавиться от солнца летом. Поверь мне: это не пустые слова. Так я чувствовала тогда. Мне ни до чего не было дела, я думала только о тебе и о том, как продлить наше счастье, как сохранить его. О большем я и не мечтала. А теперь вспомни, как ждали мы этих детей. И вот ты отнимаешь их от меня.

— Что за чушь! Я все сделаю, чтобы они были счастливы, чтобы роды прошли благополучно.

— Нет, Ясон. Об этом позабочусь я сама.

— Ты не смеешь...

— Уходи, уходи, Ясон. Зачаты они были не в любви, а в отчаянии. Ты даже не можешь себе представить, как мне было больно в ту ночь. Я всегда хотела этого, как же я этого хотела... Но ты все испортил.

— Обычные слова капризной девки.

— Уходи, Ясон. Просто уйди от меня, хотя бы ненадолго.

— Я не хочу, чтобы ты...

— Убирайся, предатель!

Ее крик разорвал безмятежность улицы под их открытым окном. Соседи, жадные к чужим скандалам, тотчас ответили несколькими ударами по трубе отопления. Ясон судорожно взмахнул рукой, попытался что-то сказать, но, передумав, выбежал из комнаты. Хлопнула дверь, и его шаги замерли на лестнице. Медея опустилась на их кровать, обреченную теперь на одиночество. Я снова с тобой, ночь. Приглушен свет фонарей, он нисколько не тревожит нас. Сейчас легко поверить в его нерукотворность. Он не мешает тебе, Луна, опуститься на улицы города, которому уже не суждено стать моим.

Неужели все так просто? Ему нужна молодая жена, а мне — надежная опора? И мы, наша любовь, которая всегда казалась мне необыкновенной, проходит заурядный, общий для всех путь. Печальную дорогу умирания, поиска возможности приспособиться к этому миру, уступить ему, добиться от него поблажки, уюта. Нет, нет и нет. Этого я не хочу. Начало наше было невероятным, таким же будет и конец. Отнять и это у меня он не сможет.

Гнев Медеи прошел, и теперь она улыбалась тихой нежной темноте ночи. В этот час она особенно хорошо чувствовала новую жизнь внутри себя и понимала невозможность ее сохранения.

После аборта ей сказали, что она никогда не сможет иметь ребенка. Она предчувствовала это и приняла новость как-то устало, горько улыбнувшись своей обреченности на всезнание. Тогда, после детоубийства, ей захотелось убить и себя, но, наверное, у нее не хватило ярости, необходимой для саморазрушения.

Вокруг Медеи всегда жил мир, не замечаемый другими. Он обволакивал ее, тянулся за ней, иногда крался, стараясь обмануть даже ее, убедить в своем несуществовании, часто приносил ей боль, но чаще — спасение от

заурядности дней ее немногих знакомых. Еще в детстве она поняла, что ее жизнь будет другой, интересней и намного трудней, чем у встречавшихся ей людей. Этот мир не оставил ее, когда они вместе с Ясоном поднялись на "Арго". Он только сделался невидимым на короткое время. Теперь он снова был с ней, помогая изжить ее горе.

А потом появился почтенный, не в меру разбогатевший Эгей, которому мудрость подсказывала не спешить с Медеей, оставить ей еще немного времени для мучений, чтобы потом тем вернее был их союз, тем крепче держалась на нем маска спасителя. Свои ухаживания он предлагал ненавязчиво и неторопливо, богатства открывал постепенно, ненароком подъезжая на новой машине, сдержанно приглашая в очередной из принадлежавших ему ресторанов, случайно проговариваясь об этом перед десертом. Первые дни она почти все время молчала, ей еще трудно было говорить, еще оставались швы на запястьях, и в ее огромных глазах, как отражения облаков в озерах, стояли слезы. Она часто не слушала его, и когда он обращался к ней, не знала, что ему отвечать.

— Деньги никогда не были для меня целью, — говорил он ей. — Родители мои были людьми состоятельными, и работать я начал, просто чтобы чем-то занять себя. Я мог полюбить тогда кого-нибудь и посвятить свою жизнь другому человеку, но Афродита не была милостива ко мне, и я подобрал себе занятие попрозаичней. К нему я быстро привык, мне нравилось, когда приходилось работать даже в выходные, нравилось засиживаться допоздна в офисе или на переговорах. Женщины, которые были тогда со мной, задерживались ненадолго, и я не прилагал никаких усилий, чтобы остановить их. Уход их был безболезненным и скорым, и на следующий день я уже едва помнил о них. Потом, спустя несколько недель после очередного расставания, неминуемо происходила новая встреча без всяких стараний с моей стороны. А потом я купил первый дом, неподалеку от центра нашего города, потом открыл первый ресторан. При крушении местной судоходной компании ко мне попали две триеры, и они стали ходить за рыбой на далекий берег Понта. Туда мы отправляли вино. Первое время меня тяготило то, что приходилось общаться с людьми грубыми, необразованными, но потом я привык и принял это как еще одно из условий игры. В конце концов, в коммерции пока еще тоже возможно оставаться художником, небольшим, но все-таки творцом.

Потом его старания, наконец, добились ответа от ее тела.

Ляжки ее были худыми, сухими, и когда его бог ворвался в нее, она почувствовала его тепло до самой кожи. Он был немолод и он любил ее не

так, как прежде любил ее Ясон. Он входил в нее уверенно и как-то тяжело, отбрасываясь назад всем телом, точно хотел уйти от нее, оставить совсем, как оставляют надоевшее воспоминание или промокшее полотенце. А потом он возвращался, каждый раз немного другим, посвежевшим, с новой силой проваливаясь в нее. Сначала ей было все равно, ее покорность была не более, чем благодарность за многие усилия его любви. Но очень скоро она почувствовала внутри себя радость, она снова была женщиной, способной испытать наслаждение. Это чувство возвращалось к ней долго, издалека, словно сорвавшийся с вершины огромный камень, вобравший в себя падения тысяч других камней так, что у подножия они становились одним потоком. Точно так же это чувство втянуло в себя тысячи других мелких незначительных ощущений, случайных быстротечных мыслей, образов-вспышек из последних прожитых дней, не оставляя ничего, кроме страха, что она может не успеть, что все оборвется, пока она еще не дойдет до главного. А потом взрыв радости и небытия, град слез, когда все-таки ей удается это сделать.

Тело его пахло совсем не так, как у других знакомых ей мужчин, которых, впрочем, было совсем мало. Ей всегда бывало достаточно представить кульминацию любовного знакомства, не доходя до нее. Иногда доводить все до конца казалось ей скучным, пригодным только для людей заурядных. По первым двум-трем часам встречи можно с точностью нарисовать ее последние минуты, говорила она. С Ясоном же все было иначе. С ним она впервые захотела пройти все, пройти до конца. Он был другим, и, наверное, только его она любила и могла бы любить в своей жизни. Но думать об этом сейчас было поздно.

После этой ночи с Эгеем Медея позволила Ясону узнать об их любви.

— Ты просто другой, Ясон. Ты боишься привязать себя к кому-то. Ты не умеешь любить.

— Тебе нравится любовь старика?

— Он не старик. Старик — это ты, Ясон. Ты им стал давным-давно. С первым приступом трусости ты превратился в древнего старика.

— Что ты несешь, Медея? Я молод и силен, как никогда. А ты просто шлюха, жалкая кокотка с черной душою! — крикнул тогда Ясон.

Медея оставила его слова без ответа. Больше она не хотела спорить, почувствовав внутри зарождение той жадной решимости, которая должна была принести ей освобождение. Главное теперь было ничем ее не нарушить, довести все до предела, когда каждый шаг, каждая мысль, каждый вздох безупречен и необратим.

На следующее утро Медея приняла предложение Эгея вместе с ним покинуть Коринф. У нее почти не осталось денег в банке, но все-таки на скорые скромные сборы должно было хватить. Так и появился в ее спальне новенький пластиковый *Carleton* — на чемодане она решила не экономить.

Два дня Ясон пролежал в предоставленной ему Креонтом комнате во дворце, все сильнее упиваясь ощущением своей бесприютности. Потом он обо всем рассказал Креусе.

— Чего же хочет она? — спросила принцесса. — Она преувеличивает, превозносит свое страдание. Она помнит только себя. Разве виновата я, что полюбила тебя? Разве моя вина в том, что я родилась позже Медеи, что я узнала тебя, когда ты уже был с другой женщиной? Мне нравилось твое тело, твои плечи, волосы на груди. Всякий раз, когда я видела тебя, я бывала тронута твоей мужественностью и потом часто подолгу не могла заснуть. Фантазии мои были не такими уж невинными, и мне бывало стыдно за них. Потом мне до спазмов стало хотеться тебя. Мое желание доводило меня до мигрени, целыми днями после наших случайных встреч я только и думала об этом, о твоем теле и о чем-то еще, о чем пока не имела никакого представления.

Креуса говорила спокойно, словно обращаясь не к Ясону, а к какому-то идеальному, выдуманному слушателю — мечте всех тех, кто борется со своим горем. Но последние слова она произнесла, глядя ему в глаза, как искушенный заклинатель и чародей:

— Ты должен помнить: я всегда, всегда буду любить тебя. Рядом ты или нет, для меня не имело никакого значения. Но теперь я не могу оставить тебя этой женщине. Без тебя мне не жить. Я уничтожу себя, если нам придется расстаться. Мне немного страшно от этой мысли, от своей решимости, какой я никогда раньше не знала, но по-настоящему мне страшно за тебя. Говорят, Медея ведьма. Даром что у нее голубые глаза и волосы цвета молодого солнца. Нам осталось всего несколько шагов к нашему счастью. Не позволим же ей его разрушить.

Ненадолго Ясон успокоил себя словами Креусы. Выйдя из дворца, он отправился в ателье. Свадебный костюм был готов, и примерка немного отвлекла его. Он попытался еще чем-нибудь занять себя, выдумать небольшое развлечение, чтобы как-то дотянуть до вечера, а потом до ночи, когда рано или поздно к нему придет сон, но невольно ноги его вели к дому, где они жили с Медеей. Несколько раз ему удавалось уклониться в сторону, выйти на набережную, остановиться в таверне в соседнем квартале, однако, в конце концов, знакомый дом надвинулся на него.

Медея не заметила, как вошел Ясон. Она была так далеко, что даже не нашла сил поздороваться с ним. Она только кивнула и вдруг поняла, что в ней больше не было к нему ни любви, ни ненависти. Ничего, одна пустота, которой, наверное, он и добивался от нее так долго, так жестоко.

Ясон опустился в старое кресло перед их кроватью. Конечно же, он не посмел взглянуть ей в глаза. Он смотрел в сторону, в темнеющий угол их спальни и был так растерян, что не заметил пластиковую глыбу собранного чемодана. Говорить он начал медленно, осторожно, словно был не уверен в том, что он хотел сказать:

— Что-то остановилось в этом мире, Медея. Мир, который я знал, умер. Я не понимаю этого, но почему-то последние два дня я думаю о смерти. Какой-то холод пробирается в меня. Ты убила наших детей, смертью должна быть ты, но иногда мне кажется, что ее холод идет ко мне от глаз Креусы. Совсем юная, впервые полюбившая дева и смерть, застывшая в ее глазах. И тогда мне становится страшно. Я люблю ее, но мой мир, мой старый мир уходит от меня. Может быть, это умирает наш мир, Медея? И наверное, тебе я не должен этого говорить, но я боюсь, что на смену ему не придет ничего другого.

Медея улыбнулась.

— Не бойся, Ясон. У тебя будет новый мир. Исчезновение и возвращение мира — невидимо для наших глаз, — все это происходит каждое мгновение. Нам кажется, что ничего не изменилось, что все осталось таким, каким было и час, и год назад. На самом же деле, за время этого нашего с тобой разговора мир успел умереть, сгореть и родиться тысячи раз. А вместе с ним умирали и рождались и мы. Когда-нибудь и ему, и нам не удастся вернуться. Когда-нибудь, странствуя по дорогам Истма, ты снова увидишь постаревший, лишенный моря "Арго", и ты приляжешь отдохнуть под его кормой. Ты заснешь и во сне увидишь все снова. Ты увидишь, как по настоянию Пелия всходили вы, молодые герои, на только построенный корабль, увидишь Лемнос и прекрасную Гипсипилу, снова согнутся ваши весла у Симплегад, и Афина удержит смертоносные скалы, услышишь пение Орфея и снова под вечер войдешь в устье Фасиса, чтобы на следующий день увидеть меня. Все повторится до мельчайшей подробности. Поэтому скажи мне, что есть смерть, Ясон? Моя любовь уходила от меня и приходила снова миллионы раз. Прости за мелодраматичность, мне, наверное, не пристало выражаться таким образом, но ты — любовь всей моей жизни, а я твоей. И ты это знаешь. Ты все это знаешь. Ты, словно мальчик, мечтаешь о бесконечной эйфории. Но в любви так не бывает. У любви

есть затишья и есть ураганы. Сейчас с Креусой у тебя время великих бурь. Но оно закончится, и ты поймешь непоправимость своей ошибки. Самое смешное — это то, что ты все это знаешь сам. Ты очень хорошо знаешь, что тебе еще не поздно было остановиться. Ты чувствуешь, что свое увлечение Креусой ты выдумал сам. Выдумал, потому что не мог больше вынести нашей любви. Но тебе было бы лучше потерпеть еще. Иначе твои мучения будут хуже боли одиночества. Та точка, вечная граница, за которой начинается крушение нашего мира, ты еще не перешел ее. Ты все еще топчешься на ней, потому что очень хорошо понимаешь: дальше конец. Оттуда, куда ты собрался, возврата нет. Мы просто умрем друг для друга. И в тебе толпятся сомнения. Несчастный Ясон, ты сам выстроил для себя свое горе. Кровь наших не родившихся детей на твоих руках. И знай: ты умрешь бездетным. Желание запустить в нее своего страуса и попользоваться золотом ее отца — это еще не любовь, Ясон. Мне жаль ее. Я могла бы приворожить тебя, сделать так, чтобы ты об этом никогда не догадался, но я оставляю тебе свободу.

— Ты обезумела, Медея. Твое спокойствие тревожит меня больше, чем твои недавние истерики. Ты совершенно безумна, колдунья.

— Прощай, Ясон. Ты добился того, что ты хотел: теперь мне все равно. Ты стал мне безразличен, Ясон. Ты дал мне самый желанный из всех даров — панцирь неуязвимости. Теперь прощай и живи так, как хочешь. Иди в свой новый мир. Иди и ищи его.

Когда Ясон ушел, Медея еще раз проверила чемодан и, едва оглядев комнаты, которые так и не стали их домом, вышла на улицу. По мостовой застучали колесики ее *Carleton*. Лагуна, где ждала галера Эгея, была всего в одном стадии, и она прошла туда сама, без помощи рабов-носильщиков, не думая о том, что в последний раз идет по улице, на которой она любила, любила так, как и на многих других, так, как уже любить она не будет. Она не смогла бы сказать, о чем думала тогда, сознание ее молчало, и она слушалась только своих ног и пальцев, упрямо сжимавших чемоданную ручку. У трапа ее встретил телохранитель Эгея, и как только она поднялась на палубу, портовый служитель горбун отдал швартовый. Галера стала отходить от причала. Позади себя Медея почувствовала Эгея.

Город с подошедшими к самой воде домами удалялся от нее, словно чья-то рука убирала со сцены старые декорации. Это было мало привлекательное место на набережной, едва украшенное тусклыми огнями, с чернеющими гротами между домами, вытянутыми причалами, с двумятремя смотрителями у пирамиды маяка, с гигантской, внушавшей ужас

статуей Посейдона. Через несколько минут их галера повернула вправо, и набережная скрылась за громадой почти неосвещенного дворца Креонта. На минуту Медея представила заумное устройство его коридоров, сумрачные залы, безлюдные перестили. И она подумала, что не может понять, почему польстился на них Ясон, благородный, способный на великое Ясон. В нем никогда бы он не смог обрести уюта. Потом, качнувшись несколько раз, исчез и дворец, и очень скоро о городе, отобравшем у нее Ясона, напоминали всего лишь редкие сполохи, и тогда Медея покорно опустилась на руку Эгея.

Во дворце было пустынно и тревожно, и от этого Ясону сделалось еще тяжелее. Он искал Креусу. Теперь для него она была больше, чем просто полюбившая его девушка. Теперь для него она была спасением. Он все сильнее ощущал внутри себя страх, готовый в каждую минуту обратиться в заурядную дикую панику, какой он не испытывал никогда, даже перед самыми опасными неравными схватками, даже тогда, когда он держал удар медноногих, дышащих пламенем быков Ареса. Он носился по темным комнатам дворца и ему казалось, что он сам вот-вот превратится в крик, какой издает погибающий мужчина — мужчина, потерявший надежду. Наконец, ему удалось встретить одного из людей Креонта.

— Принцессе нездоровится. Она уколола палец, — сказал слуга.

Когда он вошел в спальню, Креуса спала, беспокойно и как-то тяжело вздрагивая. У нее начинался жар. Красные пятна то вспыхивали, то затихали на ее лице и выброшенной из-под одеяла руке. Указательный палец был забинтован и казался каким-то чужим отростком на ее теле, точно вдруг выросшим коконом, из которого вскоре должно было развиться новое существо, плод их поспешной любви. На туалетном столике стояла когда-то подаренная им Медее диадема с вечным зачаровывающим орнаментом "меандр" — недорогая копия известного шедевра несчастного дизайнера-содомита.

Эшелон

Всё гуляют по перронам,
и не выветрить никак
ароматы эшелонов —
Воркута, Ухта, Бамлаг.

Паровоз на водопой
отцепили от состава.
Пересчет ведет конвой —
вновь кого-то недостало.

Зуботычины подряд,
что там урки и придурки.
Из вагонов дышит смрад,
выползает в переулки.

Старшине хрипит начальник:
"Глянь на станции кого.
Прихвати, пока отчалим.
Мне б сактировать его".

Хоть канул в лету эшелон,
но знаю я доподлинно,
что эта вонь — моих времен.
Родимое исподнее.

14 февраля 2010

* * *

Вынести б жизнь за скобки,
был бы опять влюблен
в пустыню — эти раскопки
осыпавшихся времен.

В рыжие дюны Аджмана,
что не разлей вода.
В леность и спесь океана,
качающего суда.

Рыбок летучих стаи —
прочерки на волне.
Как вы меня достали.
Как же вы снитесь мне.

Был бы влюблен опять я
в пражские вечера,
мраморные распятья
храма святого Петра,

образ усталого солнца
в прорезях римских аркад...
Но набежали японцы
и заслонили закат.

19-20 февраля 2010

* * *

Со времен скарабеев
портят мир понемножку
гордость римских плебеев —
дармовые лепешки.

Безотказная ловля,
где эффект мышеловки,
где гнилая торговля,
но совсем по дешевке.

Заказная вечеря
с униженьем в придачу
тем величием черни,
что сидит на раздаче.

С униженьем недетским.
Поколеньям потрава
гордость жизни советской —
дорогая халява.

22 февраля 2010

Меню

Ни в папахах, ни в погонах
никого я не виню.
Просто мясо полигонов
записали нам в меню.

Издревле божились дружно
за ценой не постоять.
Если для победы нужно,
и народ пошинковать.

Рассчитайсь, второй кто, первый.
Сообща покормим вшей.
Эй, распухшие консервы
в три наката блиндажей.

До монголов, после ига
мы не жили без войны.
И поваренная книга
как история страны.

20-21 февраля 2010 г.

Обычные слова

Рассудку вопреки
обычные слова
течение реки
вправляют в рукава.

А где вы на мели, —
увидят чудный брод.
В кружении земли —
любви водоворот.

В смущении мужчин,
прикрывших седину, —
умение плотин
принять на грудь волну.

Обычные слова.
Магический отсвет.
Сунь реку в рукава —
и грусти вроде нет.

Какой-то вялый бред.
Но оторопь берет.
И вы глядите вслед
мерцанью талых вод.

Рыжеют острова.
Осока там по грудь.
Обычные слова.
А вот — не продохнуть.

23 февраля 2010

Кризис среднего возраста

Анечке К.

За бронею передника
жить и жить бы, увы,
кризис возраста среднего
вдруг совпал с мировым.

С расстояния плевого
ясно виден финал.

Ничего вроде нового,
а вот взял и достал.

Хоть и знали — не верили:
финиш неумолим.
Что крушенье империи
по сравненью с моим?

В тихом парке гуляя,
листья вновь ворошу.
"Не садитесь, сырая", —
я детей попрошу.

24 февраля 2010

Ирина ДЕЖЕВА

Свобода

Отзываются тонкие улицы
Натоптавших в один присест
Отдают куполам по голубю
Отзовись — и уж счастья несть
Обойди, перетрогав ниточку
Перебрав за другой причал
Расплелась, размелась по плиточкам
Собирай — не собирай
Отзовутся озябшие улочки
Отпоётся, отмажется в срок
Наследившим — на пару суточек
Налетавшим — на пару строк
По Охотскому свежие яблочки
Подбирает степной приход
Разомлевших до светлых тапочек
Уступившим — Вперед!
Кто зовет, кто вернее, кто северней
По туземному детству пешком
Сном черничным, прадедовым ревером
Но поверьте, счастливым концом
Подойдет по расщелине Ладога
Одиночеств и старых зим
Откупорит осталым ладаном
Отзовется, заладит, Аминь!

* * *

Занемог, занемог
За не мог — да занемог
Был бы мог — не занемог
А не мог — так занемог
Да как взялся, занемог
А не мог бы — занемог?
Вот и он не занемог
Мог побыть да занемог
Занемог как, занемог

Мог бы быть незанемог
Мог да мог, да занемог
А за мог когда могли бы
Всё замог и занемог.

* * *

В душу как в черновик
Полой моросью
Чернью между
Сломом игр нерифмованный крик
Я неместная
С бывшим голосом в ваши скорости —
Мне тупик
Кто приник?
Кто отвык
Вслед ненадобной вере
Кое утро разглядывать в сквере
И шептать как желать?
Я займу?
В пару сабель с другой параллели
Все ли, Господи, все ли?..
Иль в пыли бытовые купели
Как целуешь чужой кадык?
Кто бежит на закат
Той же скомканной дверью
Словно ленты менять
Скоморошьи на те
Что с катушек отпели
От добычи, хрустящей на пальцах?
Вместо рыбьей зимы "возвращайся" —
Брови вкось да лавровый парик
Ложью как в черновик
В спальню беглую
Сыпет хлопьями
Солью вогкою
Кто приник
Кто отвык

Ольга КОТОВА

Одесские нонконформисты

Автор этих поэтических миниатюр не только замечательный художник, но и искусствовед, чья диссертация была посвящена кругу одесских нонконформистов. Но, оказывается, на полях диссертации Ольга писала поэтические портреты.

Е. Г.

Валентин Хрущ

Хрущик, с сигареткою в зубах, говорил,
Посмеиваясь негромко, о сказках. Шахерезада его околдовала.
Рядом рыбка деревянная лежала (сигарет и спичек явно не хватало).
Мальчик Плисса на лошадке тихо улыбался.

Станислав Сычев

"Из счастья не рождается искусство", —
Мысль Гессе подтверждает Германа
Пропахший одиночеством Сычев,
Работая в майстерне — "камере-обскуре".

Александр Ануфриев

Мир возрожденческий
Сквозь призму времени
Со Ангелами прилетел, —
Ануфриев-художник восхотел.

Владимир Стрельников

Ногу за ногу, как простыней, обернул нонконформист
И задумался. Видать, Мюнхен вспомнил.
Дом его там теперь. Одесса ж вновь осиротела.
Не впервой ей терять плоды свои. Хрущ, Ануфриев, увы...

Людмила Ястреб

Вобрало небо ястреба полет,
И крылья сильной птицы, ввысь зовущей,
То, что осталось там, внизу,
Уроком служит нам, живущим.

Виктор Маринюк

Струится свет Маринюка.
Простой и светлый женский образ
Нам говорит о мироздании:
Все гениальное так просто.

Валерий Басанец

Подернутый дымкой
Пейзаж городской,
Застыл одиноко
Вневременной.

Евгений Рахманин

Музыка Рахманина,
Живопись Рахманина,
Человек в высоком смысле,
Манит нас и манит.

Александр Стовбур

Летним вечером сквозь листья
Свет скользнул по стволу древа.
Солнца свет окрасил выси.
Птица вольная запела.

Владимир Цюпко

Абстракция его
И живописна, и материальна.
Землею пахнет и водою,
Небесной твердью и травою.

Николай Степанов

Умел любить и быть любимым.
Парил над миром без крыла.
Над бездной пронесся — и мимо.
Великое в привычном увидав.

Олег Волошинов

Черное море.
Простые мотивы.
Высокое небо.
Гармония с миром.

Виталий Сазонов

Арка. Путник одинокий.
Символ, знак абстрактность мерит.
"О духовности в искусстве",
Времени пространство верит.

Руслан Макоев

Отсчета точка — Первое. Январь.
Дом — Индия. Структурность.
Ткань — экспрессия
Письма живого.

Владимир Наумец

Кресты и стрелы —
Знак пространства.
Коллажность —
Образ сущего.

Люсьен Дульфан

В тельняшке, с разноцветными носками,
Художник эпатировал людей.
По небу плыли облака и корабли,
И ленты развивались с рукавами.

Игорь Божко

Как охотник на снегу,
За добычей по следу
Рыщет и находит.
Натура динамичная и очень артистичная
(Мастер на все руки,
На все две руки).

Сергей Савченко

В хаосе времени —
Чувство безвременья.
Счастье — трагедия.
Экстравертность, лиризм.

Уильям Батлер Йейтс

Song: Memory, Hither Come

Memory, hither come,
And tune your merry notes;
And, while upon the wind
Your music floats,

I'll pore upon the stream
Where sighing lovers dream,
And fish for fancies as they pass
Within the watery glass.

I'll drink of the clear stream,
And hear the linnet's song;
And there I'll lie and dream
The day along:

And, when night comes, I'll go
To places fit for woe,
Walking along the darken'd valley
With silent Melancholy.

Песня: Приди, моя память, сюда

Приди, моя память, сюда
И напой свои сладкие песни.
С набегающим ветром когда
Поплывет эта музыка вместе,

Над рекою задумаюсь: там
В бледном зеркале водном мечтам
Предаются влюбленные, ловят
Наважденья и снова уходят.

Я напьюсь из струи, что светла,
И заслушаюсь песней щегла,
И на землю я лягу, мечтая,
День погожий пока не растает.

Только первые звезды взойдут,
В край, что создан для слез и скорбей,
Потемневшей долиной уйду
С Меланхолией тихой моей.

The Smile

There is a Smile of Love
And there is a Smile of Deceit.
And there is a Smile of Smiles
In which these two Smiles meet.

And there is a Frown of Hate
And there is a Frown of Disdain.
And there is a Frown of Frowns
Which you strive to forget in vain.

For it sticks in the Heart deep Core
And it sticks in the deep Back bone
And no Smile that ever was smild
But only one Smile alone.

That betwixt the Cradle and Grave
It only once Smile can be
But when it once is smild
There's an end to all Misery.

Улыбка

Есть Улыбка Любви,
И есть Улыбка Лести.
И есть Улыбка Улыбок,
В ней обе вместе.

И есть Гримаса Зла,
И есть Гримаса Презренья.
И есть Гримаса Гримас,
Ей нет забвенья.

В Позвоночник до самого дна,
В Сердца самую Суть проникает.
Навсегда есть Улыбка одна,
И Улыбки другой не бывает.

Лишь однажды Улыбка придет
От Рождения и до Прощанья.
Но когда ей настанет черед,
То наступит предел и Страданью.

Song

My silks and fine array,
My smiles and languish'd air,
By love are driv'n away;
And mournful lean Despair
Brings me yew to deck my grave;
Such end true lovers have.

His face is fair as heav'n
When springing buds unfold;
O why to him was't giv'n
Whose heart is wintry cold?
His breast is love's all-worshipp'd tomb,
Where all love's pilgrims come.

Bring me an axe and spade,
Bring me a winding sheet;
When I my grave have made
Let winds and tempests beat:
Then down I'll lie as cold as clay.
True love doth pass away!

Песня

Наряды и шелка мои,
Мой смех и напускная томность:
Все стало жертвою любви.
Печальная скупая безысходность
На гроб положит тис в обрядах похоронных;
Таков удел всех истинно влюбленных.

Лицо его — как райский сад,
Когда цветы весною всходят.
Но как случилось, что краса
Дана тому, в чьем сердце зимний холод?
Гробница — грудь его, где молят за любимых,
Куда любви приходят пилигримы.

Пускай мне саван принесут,
Пусть принесут лопату, вилы;
Пусть ветры бушевать начнут,
Когда себе я вырою могилу.
С любовью искренней, оставленная ею,
В могилу лягу, глины холоднее.

I Saw a Chapel

I saw a chapel all of gold
That none did dare to enter in,
And many weeping stood without,
Weeping, mourning, worshipping.

I saw a serpent rise between
The white pillars of the door,
And he forc'd and forc'd and forc'd,
Down the golden hinges tore.

And along the pavement sweet,
Set with pearls and rubies bright,
All his slimy length he drew
Till upon the altar white

Vomiting his poison out
On the bread and on the wine.
So I turn'd into a sty
And laid me down among the swine.

Я видел церковь

Я видел церковь золотую,
Никто в нее войти не смел,
Вне стен ее молились люди,
И каждый в трауре скорбел.

Где входа белые колонны,
Змей — я увидел — тело взмыл.
Он петель золотые волны
Броском могучим длил и длил,

И по мозаикам блестящим,
Где жемчуга, рубин, янтарь,
Всем телом слизистым, смердящим
Туда стремился, где алтарь

Был белоснежный. Извергался
Яд и на хлеб, и на вино.
В свинарник снова я подался
И средь свиней лежу давно.

Divine Image

To Mercy, Pity, Peace, and Love,
All pray in their distress,
And to these virtues of delight
Return their thankfulness.

For Mercy, Pity, Peace, and Love,
Is God our Father dear;
And Mercy, Pity, Peace, and Love,
Is man, his child and care.

For Mercy has a human heart;
Pity a human face;
And Love the human form divine;
And Peace the human dress.

Then every man, of every clime,
That prays in his distress,
Prays to the human form divine:
Love, Mercy, Pity, Peace.

And all must love the human form,
In heathen, Turk, or Jew.
Where Mercy, Love, and Pity dwell,
There God is dwelling too.

По образу Божьему

Все молят Жалость, Мир, Любовь
И Милость в час беды,
Признательности люди вновь
К их сущности полны.

Ведь Жалость, Милость, Мир, Любовь —
Благой Отец, наш Бог;
Ведь Жалость, Милость, Мир, Любовь —
Родитель, дети, долг.

Людское тело у Любви,
У Жалости — лицо,
И сердце в Милости стучит,
И в платье Мир людском.

Любовь и Милость, Жалость, Мир,
Но в образе людей
Все будут в час беды молить,
Молясь в земле своей.

И в иноверцах лик людской
Всяк должен возлюбить.
Где Жалость, Милость и Любовь
Живут, — там Богу жить.

Ah! Sun-Flower

Ah, Sun-flower! weary of time,
Who countest the steps of the Sun,
Seeking after that sweet golden clime
Where the traveller's journey is done:

Where the Youth pined away with desire
And the pale Virgin shrouded in snow
Arise from their graves, and aspire
Where my Sun-flower wishes to go.

Ах! Подсолнух

Ах, Подсолнух, ты от времени устал.
Шаг за шагом солнца путь ты исчисляешь;
Где скитальца ждет пути финал,
В ту страну златую ты уйти мечтаешь.

Юноша, свою не превозмогший страсть,
С Девой бледной, что одета в саван снежный,
Из могил восстали и попасть
В ту страну благую полнятся надеждой.

Переаод с английского

Анатолий ЯНИ

Федерико Гарсиа Лорка
(1898-1936)

Сан-Рафаэль
(Кордова)

Хуану Искьердо Кросельесу

1.

Едут телеги к берегу,
тростником он вооруженный,
где рядом шлифуют волны
римский торс обнаженный.
По Гвадалквивиру катят
ряд тарантасов, мчащих
между эстампов плесени
и отзвуков туч парящих.
Поют сиротливые дети
и ткут из фантазий шали
у заброшенных старых повозок,
заблудившихся в дебрях печали.
Но Кордова беспечальна
и смутой тайн не томима,
лишь в сумерках вечера строит
архитектуру дыма.
а целомудренный мрамор
блещет несокрушимо.
Узоры воздушной свежести
лепестками из жести зеркальными
бризы серые вышивают
над арками триумфальными.
И пока под мостом выдувает
десять всплесков прозрачных,
сквозь пролом в стене убегают
продавцы изделий табачных.

2.

Соединила рыба
в текучих водах прибрежных
Кордову архитектуры
с Кордовой плёсов нежных.
Однажды с себя срывают
дети, нежны и невинны.
Товия[1] подмастерья,
будущие Мерлины[2].
Хотят они рыбе в речке
задать вопрос: что же лучше —
букеты вин ароматных
иль пляшущий месяца лучик?
Рыба в воде золотится,
где мрамор стал затемненным,
и учит детей равновесию
колонны уединенной.
Архангел испанских мавров —
блестки его потемнели —
в митинге волн высоких
ищет шума и колыбели.

*

Рыба в воде золотится.
Две Кордовы, две красавицы.
Одна из них в небо рвется,
другая в реке отражается.

Перевод с испанского

[1] Товий — библейский персонаж, которого сопровождал в путешествии в Мидию архангел Михаил.

[2] Мерлин — чародей из кельтской легенды, пророк и волшебник древнебританских саг, приурочиваемый к VI в. н. э.

Инна КОВАЛЕНКО

Джонатан Бин

1

Джонатан Бин как-то раз сказал:
"Поеду-ка я к королю на бал!"
Итак, он и к замку примчался в срок,
Но не пустили его на порог:
Забыл он шляпу, спаси его Бог!
Спаси его Бог!

2

Джонатан Бин, старый добрый Джон
С новою шляпой, забыв про сон,
В замок вернулся, но стража "Нет!
Без галстука и нам нельзя на обед!
Нельзя на обед!"

3

Джонатан Бин, настоящий солдат!
(Надел он галстук, как на парад)
К епископу мчится, но тот ему "Нет!
В пижаме пришли вы на царский обед!
На царский обед!"

4

Джонатан Бин (как его я люблю!)
Пишет такой ответ королю:
"Я задержался и к чаю не буду,
Прошу извинить за хворь и простуду,
Лучшее место — дом для меня,
Для тех, кто живет и дышит, как я!"

Улитка

Я видел — бредет по дорожке она,
И домик несет на себе до темна,
Головкой кивает направо, налево...
Хоть дом и имеет, но не королева,
Скорей клоунесса, и взгляд чужака,
Как будто пред нею обвал иль река.
Дом движется с нею налево, направо...
И издали кажется странной забавой,
А в дождь — не поверишь — ведь дом не фантом!
Становится вдруг для улитки... зонтом!

Колыбельная коту

Арчибальд во сне юлит,
Бра он лапкой шевелит,
И поют ее подвески,
Треугольнички, отрезки,
Получается: тирли.
Кошки тоже спать легли.
За канавкой и за травкой
Кошки мирно спят на лавке,
Отбивая такт хвостом
В мироздании пустом.
Получается: дон-дон
И когда приходит сон,
Нас уносит от земли
Дон-дон-дон и тирли-ли.

* * *

Пусть время прочно держит кладку
Минувшего с грядущем, — сладко
Лишь то, что счастья не прочней.
Толкут все время воду в ступке
Капустниц кружевные юбки,
Влекомые потоком дней.

Шуршат, как волны, дни. Оборки —
И те не перечесть. Сквозь шторки
На их веселье поглядим:
И вверх, и вниз, и есть, и нету,
По сетке дня, по белу свету
Скользят, вдыхая лета дым.
Давай с тобой на берег выйдем.
Едва ли их словцом обидим.
Оно — не прочная ладья
Для той, кто, не страшась погони,
Слетает запросто с ладони
В текучий пламень бытия.

* * *

То, что было вчера, — то рассохшейся глины черствей,
Безутешней волны, распростертой на каменных плитах.
Слух осеннего моря раздует угрюмый Борей,
Закипая на месте наяд и ленивых улиток.
Что примчало вчера — прочь идет от закрытых дверей,
По дороге роняя пепел, наряд драгоценный.
В залетейскую тьму, не прощаясь, вздымаясь, Нерей
Вслед волну голубую — прозрачного времени пену.
Где счастливый Язон? Может быть, Золотого Руна
Нет ни здесь и ни там? И лазурные дали лишь снятся?
Створки дня приоткрой: на волну набегает волна,
И белесые бабочки в воздухе теплом толпятся.

Перевод с английского

Александр МАРДАНЬ

Борщ в четыре руки
(Чет-нечет)
Монолог на двоих

Некоторые умеют так громко думать, что не захочешь, а услышишь.
Автор

Действующие лица

Он — мужчина 47 лет
Она — женщина 42 лет

Действие происходит поздней весной.

Сцена разделена на две равные части.
Загорается свет на левой стороне.
Обычная кухня — шкафчики, пестрые занавески. В центре кухни — стол.
В углу холодильник, на который прилеплены магнитики с записками.
На стене — часы с кукушкой. Часы стоят, одна гирька свисает до пола.
Слышно, как хлопнула входная дверь. Раздается веселый женский голос:

— Всем привее-ет!

В кухню входит Женщина, в руках у нее сумка с покупками и конверт.

Женщина (*себе под нос*)**:** А никого нет...

Она ставит на табуретку сумку, распечатывает конверт,
вынимает из него яркую открытку, читает.

Женщина: "Суперпредложение... Уик-энд в Париже. Мы ждем вас и вашего спутника в субботу на нашем вечере". Сегодня, в семь. Усё брошу и полечу вместо спутника. (*Продолжает читать.*) "Сотрите защитный слой". (*Достает монетку, трет по открытке.*) "Вас ждет приз!" Прислали лохушке заманушку... Бесплатная гостиница, зато двойная цена на перелет... (*Бросает открытку на стол и разбирает сумку — вынимает хлеб, зелень. Надевает фартук.*) Бокал шампанского и много лапши... на уши. А с другой стороны: столько любителей выпить на шару... в одном месте.

Моет руки. Замечает остановившиеся настенные часы.
Подходит к ним, тянет за гирьку, толкает маятник. Часы идут.

Женщина: Куку! Показаться не хочешь? (*Стучит пальцем по часам-домику.*) А у нас будут гости. Фройляйн Мари. Бывшая Машка.

Подходит к телефону и нажимает кнопку автоответчика. Раздается голос молодой девушки.

Голос Девушки (*говорит быстро***):** Мамуль, привет! У меня все зашибись. Зачет сдала. Через неделю приеду. Испеки шарлотку, ладно? Я тя лю.

Раздаются короткие гудки.

Женщина: На субботу — яблоки.

Она подходит к холодильнику, берет бумажку, что-то пишет на ней и прикрепляет магнитом к дверце. Автоответчик продолжает работать, и после паузы раздается другой женский голос.

Женский голос: Привет. Сегодня в шесть. Буду с моим соседом. Симпатичный мужик. И без "не хочу" и "не буду"! Не захочешь — не будешь. Привет борщу.

Женщина слушает автоответчик. Потом подходит к телефону, снимает трубку и набирает номер. Подождав, кладет трубку.

Женщина: Ну, Машка! Напросилась на борщ, с соседом вприкуску.

Достает из холодильника кастрюлю, ставит на плиту, включает конфорку. Включает электрочайник. Насыпает в чашку растворимый кофе.

Женщина: В Париж на уик-энд... Слышишь, ку-ку? (*Смотрит на часы.*) А давай тебя переименуем? Будешь Коко. Как Шанель. Королева стиля.

Моет под краном пучки зелени.

Женщина: Шанель... Шанель номер пять. Все мы вышли из этой шанели. (*Кладет вымытую зелень на тарелку.*) Когда гости из Европы, Коко, это обязывает. Даже если бывшие наши. Хотя бывших наших не бывает. Хорошо — Машка сказала, чего хочет. "За борщом зеленым соскучилась". Наверное, там щавель не уродил. Хоть предупредила заранее. Вчера бульон успела сварить.

Чайник закипает и выключается. Женщина наливает кипяток в чашку, размешивает кофе. Подходит к шкафчику, достает вазочку с конфетами. Садится, разворачивает конфету, ест, запивает кофе.

Женщина: Вот сейчас две конфеты съем... Нет, можно три. Нет, две! Съем — но не потолстею. Чего это я потолстею? Я же не завтракала! И не обедала... Почти.

Берет из вазочки вторую конфету, разворачивает, жует. Пьет кофе.

Женщина: Черный кофе, белый шоколад...

Протягивает руку к вазочке. Убирает руку. Отодвигает вазочку подальше. Пьет кофе. Посматривает на конфеты. Берет одну. Нерешительно вертит в руках. Потом быстро разворачивает, съедает и убирает вазочку в шкаф.

Женщина: Вот так! Решительно!

Заглядывает в кастрюлю, где варится бульон. Достает луковицу, чистит ее.

Женщина: Меня всегда раздражало, как он пену снимал. Зачерпнет — и по блюдцу ложкой: дзынь-дзынь! Как будто повар со стажем. И смотрит на меня ласковым, как тёрка, взглядом. Не нравится — скажи прямо! А сам резинку жует. Нельзя сказать, что чавкает, но звук... как железо по стеклу.

Вытирает слезы.

Женщина: Лук злой... Это я из-за лука, честно! А вот раньше... Мама приходила и начинала: а он один живет или с кем-то? А когда официально разведетесь? Я в слезы, она — тоже... Потом как придет — я сразу передник на шею и лук режу. (*Пауза.*) Еще он не любил перец горошком. Сидел над тарелкой и возил ложкой. Боялся, что раскусит. Ну, раскусишь, и что? (*Изображая мужской голос.*) "У меня изжога". (*Своим голосом.*) И во-о-озит ложкой!.. Пока суп не остынет... А мама говорит, что с перцем я была неправа. Не надо было класть. (*Пауза.*) Глупости, конечно. Не из-за перца же разошлись... Остыло все, как суп. (*Вытирает руки.*) О! Я сегодня гостю проверку устрою. Брошу перца... Ложку. Посмотрим, будет он горошки в тарелке ловить?

Поднимает крышку кастрюли.

Женщина: Закипел? Не помню, когда варила зеленый борщ. Я его не очень, и он не любил.

Подходит к полке, на которой стоят книги. Находит среди книг тетрадь, листает, читает рецепт.

Женщина: Так, сначала — рис.

Берет пакет с крупой, отсыпает пару горстей в миску, промывает, высыпает в бульон.

Женщина: Можно и с картошкой, а можно только с рисом. Две жменьки. Как мама учила. А он считал, что нужно точно. Стаканчик купил мерный, с черточками. Ему цена — три копейки! Забрал, когда разъезжались. Говорит: тебе не надо, ты все руками меряешь... (*Женщина моет зеленый лук.*) Послушай, Коко, неужели он всегда был таким?.. А когда встречались, мне нравилось, что аккуратный.

Вытирает руки, закуривает, подходит к часам.

Женщина: Хотя ты не в материале. Нам тебя на свадьбу подарили. (*Пауза.*) Кукушка-старушка...

Покачивает гирьку на цепочке, тушит сигарету. Берет разделочную доску, режет зеленый лук.

Женщина: Нет, фрау Маша неправа. Столько не виделись, поболтать бы... А с ней этот будет... Да не просто, а с намерениями! Я Машке тыщу раз говорила: не-хо-чу! (*Пауза.*) У всех такая арифметика: один это плохо. Два — хорошо. Два лучше, чем один. Но мы все у себя одни. Почему два — лучше? Я сто раз спрашивала, никто не знает. Два — хорошо, а три — снова плохо. Причем всем троим. Выходит, чет лучше, чем нечет? (*Читает с иронией.*) "Как важно научиться понимать, насколько лучше чет, чем нечет, чтобы при каждой новой встрече нам на одной странице книгу открывать". Кому важно, какую книгу? Жизни, что ли? По их логике, только ноль хуже, чем один.

Гаснет свет.

Зажигается свет на правой стороне сцены.
Другая кухня, похожая на первую. Стол, пестрые занавески, холодильник с магнитиками. На одном из шкафчиков — старый телевизор.
На стене — зеркало.
В кухню входит мужчина в спортивном костюме. В руках — рулон, через плечо — спортивная сумка. Мужчина ставит сумку на табуретку, разворачивает рулон. Это плакат с изображением Джоконды. Мужчина находит в шкафчике скотч и приклеивает плакат на стену.

Мужчина: Располагайтесь, мадам. Это, конечно, не Италия, где вы родились. И не Париж, где прописаны... (*Достает из сумки коробку, на которой изображена та же Джоконда. Ставит ее на видное место.*) Давно такой паззл искал.

Мужчина снимает куртку, остается в футболке и спортивных брюках. Достает из сумки плавки-шорты, отжимает их и развешивает на веревке, натянутой поперек кухни. Надевает женский передник.
Смотрит на часы.

Мужчина: Только три часа. (*Обращаясь к Джоконде.*) Сварю борщ и займусь вами.

Завязывает тесемки за спиной, а потом, морщась, с кряхтением распрямляет руки. Вращает руками, делает несколько наклонов, потирает поясницу. Достает из холодильника овощи. Заглядывает в кастрюльку, которая стоит на плите. Включает под ней конфорку.

Мужчина: Так... Фасоль замочил насмерть. Пусть варится. Ой, а томата хватит? (*Достает из холодильника банку томата. Берет мерный стакан, аккуратно отмеряет томат.*) Нормально.

Убирает банку и стакан в холодильник. Чистит морковь.

Мужчина: Самое нудное в борще — овощи чистить. А мог не мучиться. Напрашивалась помощница. В бухгалтерии работает. Такая... (*Описывает руками в воздухе изящные формы.*) Экономка. В последнее время намеки делает, видно, узнала, что развелся. Вчера в супермаркете с ней столкнулся, у кассы. В мою корзину заглянула: "Борщ варить будете?". Дедуктивный метод! Свеклу увидела. "Нет, — говорю, — винегрет". А она: "С огурцами или селедкой? Может, вам помочь? Я готовить люблю". Говорю — спасибо, сам управлюсь. (*Пауза.*) "Один буряк сказал капусте: "А мы тебя в наш борщ не пустим!"...

Продолжает чистить морковь.

Мужчина: Смешного деда в бассейне встретил... Всю жизнь прожил у моря, а теперь уроки плавания берет. Да, не брошенный в воду — плавать не научится. И борщ варить тоже... Пока жизнь не заставит.

Звонит мобильный. Мужчина достает его из сумки, смотрит на монитор.

Мужчина: Что за номер? (*Отвечает на звонок.*) Алло! Я слушаю! Нет, не Игорь, вы ошиблись. (*Отключает телефон.*) Бывает. (*Телефон звонит снова.*) Алло! Вы какой номер набираете? (*Пауза.*) Странно. Со связью что-то. (*Отключает телефон. Кладет его на стол.*) Стоп! А если он опять? (*Берет мобильный, давит на кнопки.*) Точно!

Мобильный звонит снова. Мужчина отвечает.

Мужчина: Алло! Снова здравствуйте! Нет, не Игорь, а его начальник. У нас мобильники одинаковые, и он опять взял мой. Что делать? Звоните мне. Три пятерки — двадцать — ноль один. Оператор тот же. Только имейте в виду — он на выходные уезжает на дачу с пчелами общаться... Майский мед собирать. Вы видели пчеловода в маске, говорящего по мобильному? (*Пауза.*) Пока-пока.

Отключает телефон, кладет его на стол. Моет почищенную морковь.

Мужчина: Артист! Второй раз такой номер откалывает. И что мне делать? Телефон в карман убирать?.. Забываю. Поговорю — и кладу на стол. И он кладет. А потом путает. (*Пауза.*) А может, я. Пятница, день тяжелый.

Начинает чистить свеклу.

Мужчина: Вчера мужик из соседнего отдела забежал: кто знает, почем морковь? А свекла? Шеф требует борщ обсчитать. Наш борщ — как на Западе гамбургер. Способ измерения инфляции. Подорожал борщ — подорожала жизнь. (*Пауза.*) А потом спрашивает: сам готовишь? Может, пора поискать... на кого передник надеть? Год уже прошел. Я вежливо промолчал. (*Пауза.*) Никто не приготовит, как сам. Мне, например, перец

нельзя. Кислотность повышенная. Я и вино не пью. А она всегда перец бросала — потому что положено. Кем положено? И с луком та же история. Спрашиваю: лук в котлетах есть? Говорит: нет. А это — что? Я что — слепой? Нет, говорит, ты не слепой. Ты нудный.

Дочистив свеклу, берет луковицу, чистит ее.
Морщится, жмурится, чихает.

Мужчина: Да... Лук заставит и рыбу рыдать.

Достает из сумки очки для бассейна, надевает их и продолжает чистить. Смотрит на репродукцию "Моны Лизы".

Мужчина: Вам всегда смешно. А почему — никто не знает.

Почистив лук, режет его. Ставит на плиту сковородку, жарит лук.

Мужчина: Кстати, эта... с работы... экономка. Тоже в бассейн собралась. "Хочу абонемент купить. Плавание подтягивает. Там вода теплая?"...

Пытается протереть стекло очков. Снимает их.

Мужчина: Помогают. Пока не запотеют.

Берет терку, натирает морковку.

Мужчина: В бассейне удобно знакомиться. Как на пляже. Потом никаких сюрпризов... Сегодня на соседней дорожке русалка плавала! Руками махала быстрее, чем хвостом. В ластах не догонишь, если захочешь. А мне и не хотелось...

Оставляет морковь, помешивает лук на сковороде.
Снова берется за терку.

Мужчина: Когда в руках терка, отвлекаться опасно. А то борщ перестанет быть постным. Я же не пеликан, чтобы собственным телом питаться... Первый раз готовил — неделю в пластыре ходил. Потом сообразил: не надо натирать всю без остатка.

Оставляет на столе кусочек моркови. Заглядывает в сковороду, где жарится лук. Добавляет морковь, помешивает. Принюхивается.

Мужчина: Вся квартира пропахнет. (*Помешивает овощи на сковороде. Потом трет поясницу, смотрит на форточку.*) Так... Или запах, или сквозняк.

Выходит из кухни.
Гаснет свет.

Загорается свет на левой половине сцены.
Женщина переоделась в мужскую рубашку большого размера с закатанными рукавами. На голове — бигуди, поверх которых повязана косынка.
Женщина режет лук.

Женщина: Есть песенка про одинокую женщину, которая делает вид, что у нее все классно, только ножи тупые. У меня — острые. Точильщику ношу.

Включает конфорку, ставит на нее сковороду, высыпает лук. Жарит, помешивая.

Женщина: Машку волнует, что ножи мне точит чужой дедушка, а не мужчина средних лет. Она хочет, чтобы я завела... точильщика и забивальщика гвоздей, который умеет вкручивать пробки. Считает, что я себя захлопнула. Говорит: "Поехали к нам в Германию. Готовишь ты хорошо...". И кем буду? Домработницей? Она говорит: "Да. Это самый короткий путь к счастью".

Зачерпывает из кастрюли бульон, пробует.

Женщина: Рису еще повариться надо...

Возвращается к столу, режет щавель.

Женщина: Сама за немца вышла, и мне хочет найти. Наверное, голодного. Я надену передник, а он мне — кольцо на палец. Слава борщу! (*Женщина берет листочек щавеля, жует. Морщится.*) Кислятина! (*Продолжает резать щавель.*) Машка говорит, что у русских в ФРГ есть тост: "За Германию... без немцев!". Правда, одна такая уже есть. Калининградская область называется. Но туда что-то не сильно едут. Видно, Германия с немцами вкуснее. (*Пауза.*) Я ей сказала — никуда не поеду. Тогда она решила мне счастье домой доставить! (*Поворачивается к плите.*) Ой!

Выключает конфорку. Рассматривает содержимое сковородки.

Женщина: Эх, Коко... Я же просила — скажи "ку-ку", напомни...

Выбрасывает сгоревший лук в мусорное ведро.

Женщина: Вообще, жареный лук — размазня! Но без него пресно. Как без перца. Зеленый кончился. Обычный добавлю.

Чистит и режет луковицу. Вытирает слезы. Снова жарит лук.

Женщина: Вот интересно — этот гость... мистер Игрек... Ему сколько лет? Тоже мне подруга — "приведу соседа"! Где он ей сосед? Тут или там? Голодный миллионер. Или он в бывшем Машкином доме живет? А это хрущевка... Принц без лифта.

Кладет в кастрюлю жареный лук, потом — нарезанный щавель.

Женщина: Лаврушка. (*Читает надписи на пакетиках.*) Хмели-сунели. Травки много не бывает. (*Добавляет в борщ специи, принюхивается.*) Арома-а-ат!.. Коко, чувствуешь?

Снова нюхает воздух. Поднимает крышку мусорного ведра.

Женщина: Да, не Шанель...

Вынимает из ведра полиэтиленовый пакет с мусором и выходит из кухни. Вскоре возвращается с тем же пакетом в руках. Рассматривает что-то, лежащее у нее на ладони.

Женщина: Ключ сломала. Повернула в замке. Ушко здесь, остальное — внутри. (*Пауза.*) Может, вторым ключом получится?

С пакетом в руках выходит из кухни. Возвращается. Пакет с мусором кладет обратно в ведро.

Женщина: Заклинило. Я выйти не могу. С той стороны не откроют — ключ не вставят. (*Нервно смеется.*) Значит, я в субботу не выходная. И не входная... (*Пауза.*) Что же делать? Может, ему позвонить? Пока соберется, приедет... (*Глядит на часы.*) Четыре часа. Сначала немного понудит. Но до шести — успеет. А если не успеет? Нехорошо получится. Тут он. Тут гость. Тут я. Передача эстафеты? Я в роли палочки... Ладно, попробуем.

Берет мобильный телефон, набирает номер. Слушает.

Женщина: Он со мной говорить не хочет? (*Пауза.*) Или не слышит? Может, душ принимает. (*Снова набирает номер. Безрезультатно.*) Ладно, попробую сама.

Открывает кухонный шкафчик, достает отвертку и выходит из кухни. Гаснет свет.

Зажигается свет на правой стороне сцены. На кухню входит мужчина. Он торопится к плите, на ходу натягивая согревающий пояс поверх одежды. Помешивает овощи на сковороде.

Раздается звонок мобильного.

Мужчина оглядывается на телефон, но не берет его.

Мужчина: Нет его! Уехал. А у меня сейчас все сгорит. (*Пауза.*) Он мой телефон не берет, и я его брать не буду.

Звонок прекращается. Мужчина заправляет пояс под футболку.

Мужчина: Один раз вот так из дома вышел. Пояс — поверх рубашки. Заметил только в машине. Пришел бы в офис... Весь авторитет насмарку. Не курю, весь такой спортивный... Правда, в бассейн хожу из-за спины. (*Пауза.*) Хотя... лекарше все равно нравлюсь. Она мне, кстати, бассейн и прописала. (*Пауза.*) На последнем приеме молоточком постукивает — и вдруг: вы новую комедию про холостяков видели? Может, сходим, на выходные? Я сначала растерялся, потом вспомнил, что к маме еду, с ремонтом помочь. (*Пауза.*) Кино? Мне и без кино весело... (*Напевает.*) "Если у вас нету тети, то вам ее не потерять..." Кстати, сегодня тираж. Надо телевизор посмотреть. (*Обращается к Джоконде.*) Опять

улыбаетесь? Думаете, не выиграю? Жена так улыбалась, когда я карточки заполнял.

Отставляет сковороду в сторону. Берет свеклу, натирает ее на терке. Делает резкое движение, шипит сквозь зубы.

Мужчина: Черт! (*Рассматривает ссадину на пальце.*) Срочная дезинфекция!

Моет руки, достает из холодильника начатую бутылку водки. Наливает водку в рюмку, хочет засунуть в нее палец. В последний момент останавливается, сливает из рюмки немного водки себе на палец, дует на него. С рюмкой в руках подходит к зеркалу, чокается с ним.

Мужчина: За мое здоровье! Аперитив.

Выпивает и заедает кусочком моркови.

Мужчина: Говорят, мы пьем, чтобы сделать других интереснее. А когда с зеркалом чокаемся? Собой интересуемся? (*Наливает вторую рюмку.*) Ладно... Уважаемая Мона Лиза! А давайте-ка перейдем на ты. Брудершафт не получится. Так что — за тебя, красавицу!

Выпивает. Натирает на терке свеклу.

Мужчина: Многие ее режут. А я тру. Все равно терку после моркови мыть. И руки от революционного цвета. (*Пауза.*) Для правильного выбора цвета нужен вкус, а у вкуса — не поверите, у него тоже бывает цвет: любимый и не любимый. И не только у Армани и Гуччи... Ну какой вкус у томатного сока, когда в нем размешана соль? Правильно... красный... Вот и у борща такой вкус, а фиолетовый — это вкус свекольника... Свекла. Она же — буряк. Овощ-трансвестит. Борщ, как путь в жизни, у каждого свой выходит. Одинаковых не бывает. Уж больно модель многофакторная. Каждый продукт можно резать, а можно тереть. Можно жарить, а можно тушить... Можно с мясом, можно — постный... холостой. (*Пауза.*) Кстати, мама звонит через день: "Тебе надо жениться, надо найти...".

Моет терку. Заворачивает кран, но вода продолжает идти.

Мужчина: Опять резьба. (*Закрывает кран после нескольких неудачных попыток.*) Где-то была реклама "Муж на час". Надо вызвать. А интересно — есть "Жена на час"? Пуговицу пришить, посуду вымыть... Но — на час. Хорошо, когда женщина — как лабрадор: позвал — есть, не позвал — нету.

Перекладывает жареный лук с морковью со сковороды в кастрюлю, где варится фасоль.

Мужчина: "Надо жениться, надо искать"... Кого искать? Они сами находятся. Одна ужин предлагает, другая — кино. А мне не хочется. Бес-

платный секс, как и бесплатный сыр (*обращается к Джоконде*), знаешь, где? По глазам вижу — знаешь... Не хочу. Конфеты-букеты... Вроде надежды не давал, но — обнадежил. Потом неловко. А она — дрогнувшим голосом: "Мы в ответе за тех, кого приручили". И расплачется... Свинцовое чувство вины... А еще вместе работаем... Лучше я тобой буду любоваться. (*Смотрит на Джоконду.*) Я знаю, почему тобой все восхищаются. Никогда не плачешь. (*Декламирует.*) "Я с детства не люблю очередей, ночных звонков и слез у женщин, из всех известных мне людей себя я не люблю намного меньше"...

Высыпает на сковороду тертую свеклу, жарит. Потом берет себя за запястье, щупает пульс.

Мужчина: Как-то... не очень.

Выходит из кухни. Возвращается. В руках — аппарат для измерения давления. Садится, делает несколько глубоких вдохов. Надевает манжету, накачивает грушей воздух, следит за прибором.

Мужчина: Сто тридцать на девяносто пять. Подскочило. В первый раз к лекарше пришел, она спрашивает: какое у вас обычное? А я откуда знаю? В космос не собирался. Теперь в курсе: сто двадцать на восемьдесят. Что-то сегодня сердце прыгает. Лишнюю дорожку проплыл. Возраст... Пропорция между тем, что было, и что будет.

Снимает манжету. Возвращается к плите, помешивает буряк на сковороде.

Мужчина: И что будет? Как говорил один персонаж — "Я старый и больной, меня девушки не любят". Про девушек — правда. Я им материально не интересен. А тем, кому за тридцать... Для них я не старый. И не больной. Если мне лечащий врач глазки строит, значит, не все потеряно. Машина есть, бегает еще. Квартира двухкомнатная, отцовская. Не пришлось при разводе метры делить... А почему тогда один... на кухне стою? Развелся... Вырвался... Свобода! Могу пиво пить, а могу не пить. Могу тетку на ночь пригласить, могу у нее остаться. Все могу! А что-то не вдохновляет. Вырываешься на свободу, а попадаешь в одиночество. (*Напевает с кавказским акцентом.*) "Адын, адын, совсэм адын!"

Помешивает содержимое сковороды. Смотрит на Джоконду.

Мужчина: "Вы сотканы из взглядов, как простыня из льна, как ласковый платок из шелка. Улыбка скромная загадочно-грустна, как будто в восхищеньях нету толка". Красиво? Сам сочинил. Про тебя, загадочная. А когда на работе отмечали день рождения экономки, я вместо тоста эти стихи ей прочитал. Ты меня, Лиза, прости за ветреность. Она решила, что

это про нее. Специфика женского ума: принимать желаемое за действительное. Хотя... Умная женщина — одни проблемы. Глупая — другие. А посредине... Середины нет. (*Обращается к Джоконде.*) Вот ты однозначно — лучшая. Всегда молчишь и улыбаешься. А умная или не умная... Кстати, один ученый выдвинул версию, что ты была... ну, как бы, не совсем нормальная. Он тебя измерил. Одна рука больше другой, лицо не симметричное... Вроде как диагноз. Хотя, я думаю, это от зависти. У большинства людей что-то с чем-то не совпадает. И вообще — здоровых нет. Есть не до конца обследованные. (*Пауза.*) Кажется, все. Буряк на треть уменьшился — значит, готов. Можно отправлять в компанию. (*Кладет содержимое сковороды в кастрюлю. Достает из холодильника кочан капусты.*) "Один буряк сказал капусте: "А мы тебя в наш борщ не пустим!". А кто его, буряка, спрашивать будет?

Раздается звонок мобильного.

Мужчина: Игорь кому-то очень нужен. А может, и мне сейчас кто-то звонит? Лекарша, например. Или экономка... Я тут страдаю в сомнениях, правильно ли живу, а все решается без меня.

Гаснет свет.

Зажигается свет на левой половине сцены.
Женщина входит в кухню. В руках — топорик для разделки мяса.

Женщина: Броня крепка...

Достает из кармана передника мобильный, набирает номер. Слушает.
Убирает телефон в карман.

Женщина: Наш абонент джакузи купил, что ли? Под душем так долго не стоят. А может, все-таки трубку брать не хочет? Через полчаса контрольный звонок — и буду искать другой выход. Или вход.

Помешав ложкой борщ, накрывает кастрюлю крышкой.

Женщина: Борщ — как коньяк, должен настояться. Любите вчерашний? Приходите завтра.

Открывает холодильник, достает яйца. Кладет их
в маленькую кастрюльку.

Женщина: Специально купила перепелиные. (*Наливает в кастрюльку воду.*) В четыре раза меньше, в два — дороже. Наверно, полезные. (*Смеется.*) Однажды мы с Машкой чуть пожар не устроили, в школе еще. Поставили яйца варить, а по телеку — кино. С Ален Делоном. Название не помню. В результате яйца спеклись. Я кастрюлю драила, а Машка полотенцем, как пропеллером, дым из кухни выгоняла.

Ставит кастрюльку на плиту, включает конфорку.

Женщина: Ален Делон! Первая любовь. (*Пауза.*) Нет... Первая — в детском садике. Тоже брюнет. Интересно... А почему, когда выросла, одни шатены были? (*Пауза.*) А теперь кто? Может, пора переходить на седых и лысых? Кстати, бритые в моде. Говорят — эротично. На уровне подсознания, наверное... (*Пауза.*) Чтобы раньше девочка влюбилась в лысого?.. (*Пауза.*) Как говорила моя бабушка, "ученые доказали", почему мы влюбляемся. Все дело в запахе. У каждого свой, как отпечаток пальца. Ты даже не осознала ничего, а мозги уже влюбились. В запах. Внешность — без разницы. (*Пауза.*) Придет Геракл засушенный — и я в него влюблюсь, потому что он с одеколоном угадал. Хотя здесь так борщом пахнет...

Достает из шкафа стопку тарелок. Вытирает их полотенцем. Чистые складывает в другую стопку.

Женщина: Много способов стать счастливым... Чем-то подушиться. Что-то выпить. Или понюхать. Или покурить. Таблетку принять. Укол сделать... Один недостаток: счастье проходит быстро, вместе со здоровьем.

Женщина вытерла все тарелки, но продолжает говорить и не замечает, как берет тарелки из стопки чистых, протирая их по второму кругу.

Женщина: А может, мне согласиться — в Германию?.. Кухаркой. Пора их, наконец, научить. Они что делают: когда борщ готов, вынимают капусту, буряк, картошку — и в миксере растирают, в кашу. А потом обратно выливают. И эта бурда у них — борщ?! Или вместо сметаны сладкие сливки добавляют. Кошмар!

Все тарелки снова в одной стопке — дважды вытертые. Женщина снова берет верхнюю. Смотрит на тарелку.

Женщина: Все вытерла? Или нет?.. (*Рассматривает одну тарелку, другую.*) А говорил — неаккуратная! Ну, думал... Некоторые умеют так громко думать! Не захочешь — а услышишь.

Вдруг принюхивается. Снимает крышку с кастрюльки, в которой варятся яйца, хватает тряпку и снимает кастрюльку с плиты. Ставит в раковину и включает воду. Берет полотенце и крутит над головой, как пропеллер.

Женщина: Мне только пожара не хватает... В запертой квартире.

Гаснет свет.

Зажигается свет на правой стороне сцены. Мужчина стоит у плиты, помешивает содержимое кастрюли.

Мужчина: Борщ — это хорошо. А второе? (*Заглядывает в холодиль-*

ник.) Грустно. (*Достает коробку молока. Наливает в чашку, пробует.*) Не скисло. Значит, будет манка.

Наливает молоко в кастрюльку, ставит на плиту. Находит в шкафчике пакет с манкой, отсыпает крупу в чашку.

Мужчина: Когда я в последний раз манку ел? По-моему, когда ребенку было пять лет. Тогда все недоеденное было мое. Как-то сказал жене, что после такого завтрака хочу не на работу идти, а с совочком в песочницу... А она разозлилась: мне что — десять блюд готовить? Тебе тяжело есть то же самое? Как в анекдоте: "Чем мужа кормите?" — "Что сами едим, то и ему даем". Однажды промерз, рюмку выпил, закусил кашей... А она, зараза, сладкая!..

Наливает рюмку водки. Заглядывает в холодильник, достает банку с огурцами. Поднимает приветственным жестом рюмку, смотрит на Джоконду.

Мужчина: Ну... Ты не против?

Выпивает. Закусывает огурчиком. Возвращается к плите. Высыпает манную крупу в молоко и варит, помешивая.

Мужчина: Вообще-то, мы ссорились редко. Обиделся — замолчал. День проходит, другой... Будто в молчанку играем. Но кто-то первым обязательно заговорит. (*Пауза.*) Жили мы неплохо. Среднеустроенная семья. Лев Николаевич писал: "Все счастливые семьи похожи друг на друга"... Как дауны. (*Пауза.*) Может, и мы были похожи на других? Но ей проблем недоставало. Стала заниматься чужими, подругиными. Весь вечер на телефоне, исповеди выслушивает, утешает. Бывает, у нас разговор на повышенных тонах, а подруга позвонит — и у жены голос такой ласковый. Может раздражать отзывчивая жена? Может, потому что все на них уходило, а дома — по остаточному принципу. Я ей как-то сказал: "Знаешь, где заканчивается путь заботы о ближнем?.. На кресте".

Снимает с плиты кастрюльку с кашей.

Мужчина: Интересно, зачем я ее сейчас сварил? Ее сразу есть нужно, а у меня борщ не готов. А потом — как манку греть?

Трет грудь слева. Снова садится за стол, меряет давление.

Мужчина: Сто сорок пять на девяносто. И пульс восемьдесят. Нет, дистанцию надо сокращать. Тоже мне, амфибия...

Достает с полки поваренную книгу, листает.

Мужчина: Гурьевская каша. (*Читает.*) Сливок нет. Изюм где-то был... Орехов и сахара побольше, и все запечь. (*Ставит книгу на место.*) Значит, будет не первое и второе, а первое и третье. Борщ и десерт. И здесь середины нет.

Чистит картошку.

Мужчина: Сначала все разговоры дома — только о подружках, потом с ними стала все свободное время проводить. Как-то поругались из-за них. Она мне бросила: "А у тебя кроме денег друзья есть?" — "А ты разве не друг?" — "Я? Жена. Это другое". Вот так... А потом: "Можно Лида у нас поживет?". У этой Лиды, кстати, история... экзотическая. Жили они скромно, она мужа подпиливала — смотри, как люди крутятся... Потом и у него бизнес появился. Редкий. Змей разводит. Кобры, гадюки... Шипят и несутся, как куры. Яйца откладывают, из них змееныши вылупливаются. Не знаю, что совсем маленькие едят, а большие — мышей. Живых. Или замороженных, причем — живьем. В комнатах змеи плодятся, в морозилке мыши хранятся... Подросших змеек хозяин продает. Таким же ненормальным. Деньги большие. А жена ушла. Что самое интересное — она змей не боится. Она к ним приревновала. Говорит: он в своих гадин влюбился. Лучше бы пил или даже гулял. Это нормальнее, чем переживать, что любимая кобра захандрила. Вот спрашивается — где логика? Другую женщину она простит, а змею — нет.

Почистив картошку, моет ее, режет и кладет в кастрюлю, где варится борщ.

Мужчина: Разошлись. Пока они квартиру разменивали, Лида у нас жила. Попросилась на пару недель. Жила три месяца. Пока я шипеть не стал, как гадюка. Потому что — сколько можно? Она, конечно, деликатная, но все равно — чужой человек в доме! Они с моей весь вечер ля-ля, тополя... А я вроде третий. Ненужный. А то еще одна придет... Сядут вместе на кухне и дымят, как линкор, в три трубы.

Помешав борщ, закрывает кастрюлю крышкой. Достает из кухонного шкафчика супницу, ставит ее на стол. Берет щипцы для орехов, садится к столу, достает из супницы орехи и давит их, а затем выколупывает ядра и складывает их на блюдце.

Мужчина: Орехи Игорь привез, с дачи. Презент, за похищенный телефон. А что еще с него взять? На мед у меня аллергия. (*Давит орех.*) В конце концов, Лида от нас съехала. А осадок остался. Вроде я эгоист. Моя такой вывод сделала. Не сказала ничего, но подумала. Некоторые умеют громко думать... В общем, тот развод оказался заразным. Надоело мне быть чужим на этом девишнике. (*Раздавив очередной орех, съедает содержимое.*) Эгоист... Человек, который себя любит больше, чем меня. Каждый из нас эгоист. И это хорошо. Сказано же: "Возлюби ближнего, как себя". А если себя все время ущемляешь? Что получается? Тут подвинулся, там уступил... В итоге я — уже не я, а какой-то остаток... Как в ЗАГСе

говорят? (*Цитирует с иронией.*) "Вы — две половинки одного целого". Не хочу быть какой-то дробью! Я, например, хотел альбомы коллекционировать. Прадо, Уффици, Лувр. (*Смотрит на Джоконду.*) Тебе хорошо. У тебя там компания! Все богатые и знаменитые. А как к вам попасть, на зарплату завлаба? Только репродукциями мог любоваться. Думал — вместе будем... А ей — неинтересно. Что за увлечение — картинки смотреть? Если бы я умел рисовать, то нарисовал бы картину: на кровати лежат мужчина и женщина, каждый читает свою книгу, но книги — одинаковые... И назвал бы эту картину "Гармония".

Откладывает молоток, берет блюдце с чищеными орехами и ест их.

Мужчина: Ей машину водить хотелось, но я за руль не пускал. Боялся. За нее боялся! А она считала, что машину жалею. (*Пауза.*)

Наверное, есть тысяча причин, почему люди расходятся. И только одна — почему они вместе. Но ее никто не знает. Говорят — любовь. Но если она есть — куда девается? Была — и вдруг нету? Почему сначала жить друг без друга не могут, а потом видеть не хотят? Диагноз придумали: "не сошлись характерами". Двадцать лет сходились... (*Пауза.*) Вчера анекдот рассказали: мужик читает тв-программу: в пятницу матч по боксу на звание чемпиона мира. Всю неделю готовится — ящик пива в холодильник поставил, пиццу заказал, кресло переставил. Пятница, матч начался. На двадцатой секунде — нокаут. Судья посчитал до десяти. Матч окончен. Мужик недоуменно смотрит на пиццу, пиво, на экран. Тут заходит жена и говорит: "Ну, теперь-то ты меня понимаешь?". Нет, с этим-то, Лиза, у нас все было в порядке. А вот с пониманием напряженка...

Рассматривает пустое блюдце.

Мужчина: Будет гурьевская без орехов.

Заглядывает в кастрюлю, где варится борщ, помешивает.

Режет капусту.

Мужчина: Обиды глупые... Я же ее знаю! Пару раз давал руль, за городом, на проселочной дороге. Координации никакой, сконцентрироваться не может. (*Пауза.*) А потом все удобно вышло. Ей квартира, мне машина. Хотя моих четыре колеса деньги кушают быстрее, чем ездят. И стоянка дорогая. В последнее время под домом ставлю.

Оставив капусту, вытирает руки передником, подходит к окну. Замирает.

Мужчина: Мама дорогая! Угнали! Угнали мою старушку!

Выбегает из кухни.

Гаснет свет.

Зажигается свет на левой стороне сцены.

Женщина у плиты. Зачерпывает поварешкой борщ из кастрюли и наливает немного в тарелку. Дует в ложку, пробует.

Женщина: Душевно. Кислинка есть, но в меру. Коко, сколько у нас куку до шести часов? (*Смотрит на часы.*) Надо перекусить, а то гости, как всегда, опоздают, и я буду кусаться.

Открывает шкаф, достает конфету, ест.

Женщина: Так все-таки — хочу я знакомиться или нет? (*Пауза.*) Что делать, когда не знаешь, что делать? Бери листочек и дели его пополам. На одной половине, в колонку, все аргументы "за", на другой — "против". Плюс — минус. Потом смотришь, чего больше. Простая арифметика.

Листает лежащую на столе тетрадку с рецептами.

Женщина: Какие рецепты... Прошлый век. Трюфели. Мы с Машкой делали. Сухое молоко, масло, какао... (*Листает тетрадку.*) "Когда придешь, позвони мне на работу". (*Пауза.*) Это он. Мобильных не было, записки писали. (*Смотрит в тетрадь.*) Всегда так — без обращения. "Позвони". И все. Лаконичный до скупости. (*Пауза.*) Вообще, не сказать, чтобы он был жадный, но — не щедрый. Это — разница. Хорошо, что нам не пришлось квартиру делить. Боюсь представить... А так — у него родительская освободилась.

Листает тетрадь. Берет ручку, чертит вертикальную линию.

Женщина (*пишет, произнося вслух*)**:** "Надо. Не надо". Нет, не так... "Нужен". "Не нужен".

Подходит к плите, заглядывает в кастрюлю.

Женщина: Много вышло. Все не съедим, останется. А кому? Оля только на выходные приедет, борщи столько не живут. Да она его и не любит. Боится лишнюю ложку проглотить, чтоб в джинсы влезть. Любая мини-юбка приличнее, чем эти штаны. Я как-то увидела, как она на улице присела, кеды зашнуровать. Ужас! "Штаны подтяни! Все видно!" А она — спокойно: "Так модно". А кеды?.. Мы такие только на физкультуру надевали.

Женщина открывает шкафчик, вытаскивает из него кастрюли, стаканы... Из глубины шкафчика достает супницу.

Женщина: А в нее влезет? (*Заглядывает в кастрюлю.*) Столько лет все на троих готовила. Потом на двоих. Потом на одну. Нечет. Чет. Нечет. Арифметика.

Убирает обратно в шкаф всю посуду, кроме супницы. Вытирает ее.

Женщина: Раритет. Как это я не выкинула? Конечно, это элегантно — подавать суп в такой емкости. Но дома, где все свои, переливать туда-сюда? Проще прямо из кастрюли. И супницу мыть не придется.

Ставит супницу на стол. Достает вилки, ложки, вытирает.

Женщина: Сервиз имени свекрови. Подарила. На двадцать четыре персоны. Как в этой квартире столько человек могли поместиться? Только стоя... А сама она всю жизнь из кастрюли наливала. И на всех один нож на столе... А в гости придет... (*Изображая чужой голос.*) "Чего вы супницей не пользуетесь?" (*Своим голосом.*) Вот, попользуюсь. Сразу два раза. В первый и последний. Правильный стол накрою. За запертой дверью. Нет, надо что-то делать!.. (*Снова берет трубку, набирает номер. Ждет.*) Может, Маша?

Снова набирает номер, слушает.

Женщина: "Нет связи с телефоном вашего абонента".

Выходит из комнаты. Возвращается. Ставит на стол три бутылки — водку, коньяк, вино. Протирает бутылки полотенцем, рассматривает. Открывает водку, наливает маленькую рюмочку.

Женщина: За связь с телефоном нашего абонента! (*Выпивает. Закрывает бутылку.*) Правильно, коньяк к борщу — не годится. Значит, так: гостю — водка, а нам с Машей — вино. Белое. (*Рассматривает этикетку.*) Хотя я бы пила водочку. К селедочке. (*Пауза.*) И все-таки, как-то... Мужчина придет знакомиться. А я — водку?

Открывает холодильник и убирает в него бутылки.

Женщина: Ну и что? Лично я его не звала. Мне чихать, что он подумает. Я изображать трезвенницу не собираюсь. Да, мне не двадцать лет, я курю и водки не чураюсь. А еще у меня дочка, мама-гипертоник и аллергия на кошек. И без стыда признаюсь, что не люблю джаз, а люблю оперетту. А кому не нравится — дранг нах Дойчланд. И дальше по тексту.

Она закуривает. Делает несколько затяжек. Улыбается.

Женщина: Ладно, Коко... Чего я развоевалась? Не захочу — не буду. Налью соискателю — и пойму. Человек когда выпьет, сразу проявляется, как позитив... или негатив на фотобумаге. Главное, чтоб гость буянить не начал. А то — все бывает. Вот мой один раз выпил лишнего — и к тебе, Коко. (*Подражает голосу мужа.*) "Мне этот дятел надоел". (*Своим голосом.*) Подошел — и кулаком... Теперь часы идут, а ты молчишь.

Женщина тушит сигарету в пепельнице.

Женщина: Вот так... жили-были... дочку родили. Он очень сына хотел, но на второго не решились. В общем, были муж-жена, а стали папа-мама. А потом она выросла и уехала учиться, и мы опять стали мужем и женой. Нет, вру, не стали. Как-то все само собой сошло на нет: он не дотронулся — я не прикоснулась. Я не позвала — он не повернулся. Пауза за-

тянулась... Перешла в обиду. А потом как-то уже и не хотелось. И тогда стало ясно: папа такой, может, и нужен, а муж — нет. Бумаги на развод подаю, адвокат спрашивает: муж пьет, бьет, гуляет? Говорю: нет. "Значит, так и запишем — не сошлись характерами"...

А если заново? Трудно представить, но — бывает. Разводятся, расходятся, а через пару лет — опять съезжаются. Потому что другой семьи не вышло, а бывший муж — он все равно родной. Я бы могла так? Могли бы мы опять?..

Женщина достает из холодильника водку, наливает рюмку.

Женщина: Нет. Не смогли бы. Я бы не смогла. Уже год прошел... Больше — пятнадцать месяцев. А у меня его фраза в ушах звенит: "Тебя никто не выдержит!". Никто?!

Подходит к тетрадке.

Женщина: Нет, назло ему. Чтобы доказать... Просто — ради эксперимента. Неужели он прав? Неужели меня нельзя выдержать? Можно меня выдержать, даже если на руки взять. (*Ставит пометку.*) В графу "Нужен" — плюс. (*Подходит к часам, приветственно поднимает рюмку.*) Твое здоровье, Коко! (*Выпивает, закусывает конфетой.*) Не бойся, я немного. Для тонуса. (*Стучит пальцем по часам.*) Ку-ку...

Гаснет свет.

Зажигается свет на правой половине сцены.
В кухню входит мужчина. Потирает грудь с левой стороны, потом берется за пульс.

Мужчина: Фу... Ничего себе пробежка. Без лифта. От склероза ноги страдают, забыл, что машину за углом оставил! Хорошо — в милицию не позвонил. (*Заглядывает в кастрюлю, где варится борщ.*) Все нормально? Борщ, как и любовь, нельзя надолго оставлять.

Садится за стол, надевает манжету для измерения давления, накачивает грушей воздух. Затем отпускает грушу, берет бутылку и наливает рюмку водки. Смотрит на показания прибора.

Мужчина: Нет, пока не надо. Пусть стабилизируется.

Снимает манжету, выливает рюмку обратно в бутылку. Режет капусту.

Мужчина: Пашка на права сдал, теперь тоже обижается, что я ему машину не даю. А я не против, только когда я рядом. А без меня — это ж понятно: компания, девочки, лихачество. Ранняя весна... Мозгов-то в девятнадцать не густо. Себя помню. Хоть он у меня любитель мудрости, блин. На философский поступил. Сколько ему ни объяснял, что кроме

учебы в жизни есть еще работа... Как говорил мой покойный отец: "Мудрый — это умный в рассрочку". Нет, каждый хочет на собственные грабли наступить. А все мамино влияние! Подруга, которая мужа с коброй не поделила, на кафедре философии работает. Книги ему подсовывала — Камю, Сартр, Фромм... Быть или не быть... Быть или иметь... Слова умные выучил: экзистенциализм, постмодернизм. Бороду отпустил, волосы до плеч, джинсы рваные. Мудрец сопливый... Кстати, Пашка — то немногое, что получилось по-моему. Она дочку хотела, а я сына.

Кладет в борщ капусту.

Мужчина (*Джоконде***):** Лиз, скажи, тебе там не скучно, в Лувре? Может, знаешь: одиночество — когда ты никому не нужен, или когда тебе никто не нужен? Я сначала думал, что первое. Но ведь те, кто на самом верху, — они-то всем нужны, а при этом самые одинокие.

А почему люди расстаются? Не знаешь? Устают смотреть в глаза друг другу? Кто из нас первый устал? Я... А может, она, а я не заметил...

После гляделок стали в молчанку играть. Оба понимали, что пора разойтись. А кто первый скажет? Во Франции есть агентства расставаний. Сотрудник сообщает твоей половине, что финита ля комедия. За деньги, естественно. Интересно, как это выглядит? "Будьте любезны, передайте жене, что я хочу с ней развестись". — "Ваша жена сказала, что вторую такую дуру вы не найдете". — "Такую? Точно — не найду".

Раздается звонок мобильного. Мужчина смотрит в зрительный зал.

Мужчина: Это у вас или у меня? (*Смотрит на телефон, лежащий на столе.*) У Игоря.

Включает конфорку под сковородой. Смотрит на часы.

Мужчина: До розыгрыша полчаса. Посмотрим-посмотрим. Между прочим, я два раза выиграл. Один раз мелочь. А второй — еще при коммунистах. Сто рублей. Чемодан купил, мечтал в Европу съездить. С ним и ушел...

Роется в сумке, достает лотерейную карточку, рассматривает ее.

Мужчина: Даты, цифры... Дембель, свадьба, сын родился, кандидатскую защитил, начальником отдела стал. Развод. Итого — шесть. Из сорока девяти.

Снова подходит к столу, наливает рюмку, выпивает.

Мужчина: Лиза, кто это сказал, что жизнь состоит из любви и ошибок? Не знаешь? И я не помню. По-моему, она состоит из любви и одиночества. А может, из одного одиночества? Ведь мы все у себя одни. Одни... Конечно, мне нужен кто-то, чтобы рассказать о себе. Обрати внимание:

не послушать кого-то, а рассказать о себе! Но разве этим "кто-то" не могу быть я? Что я о себе знаю? И люблю я свои желания, а не себя с повышенным давлением.

Может, и любви нет, как снежного человека. Каждый ее описывает по-своему. Я думаю, любовь — это трансформированное одиночество. Когда одному уже никак... И в дружном коллективе никак... Но если у явления много определений, то вряд ли оно существует. Был бы эталон любви... Под стеклянным колпаком, рядом с метром и килограммом...

Вдруг бросается к сковороде, снимает ее с плиты.

Мужчина: Философ! Про томат забыл. (*Рассматривает содержимое сковороды*). Уф... Вроде не подгорело. (*Перекладывает в кастрюлю с борщом.*). Теперь можно и томат в компанию... Там уже все перемешалось... "Смешались в кучу кони, люди" — это плохо, это война. Лучше, когда люди не смешиваются, а переплетаются... Я бы и сейчас вышел на демонстрацию под лозунгом: "Люби, а не воюй". От этих недолюбленных и недолюбивших все войны и случаются...

Пробует борщ.

Мужчина: Нормально. Когда настоится — лучше будет. Если раньше не съем. (*Съедает еще ложку.*) Почти как у нас с ней. Мы поначалу часто вдвоем готовили, в четыре руки. Конечно, она была шеф, а я, так сказать, поваренок. Свеклу почистить, картошку, чтобы она маникюр не портила. Над луком вместе плакали, потом смеялись. (*Пауза.*) Хорошо было. Разве такое может повториться... без нее? А может, я до сих пор — с ней? Готовлю, спорю, говорю... Только ты, Лиза, об этом никому не рассказывай.

Я до сих пор по утрам стараюсь не шуметь. Говорят — не сошлись характерами. На самом деле, биоритмами. Птицы в одной клетке не ужились. Я — жаворонок, она — сова. Мне спать хотелось, ей — телек смотреть. Утром — наоборот: ходил на цыпочках, чтобы не разбудить.

Опять звонит мобильник. Мужчина берет его, смотрит на монитор, но не отвечает.

Мужчина: Надо же! Упорная дама. Нет связи с телефоном вашего абонента. (*Кладет телефон на стол. Пробует борщ, добавляет специи.*) Вам Игорь нужен, а я ничем помочь не могу. И вообще — не грузите меня. У меня разгрузочный день. Холостой борщ и холостой вечер. (*Пауза.*) Порядочный человек чужие письма не читает и чужие трубки не берет. Кстати, о порядочности. Вышел как-то из института зимой, иду к машине. Слышу: "Мужчина! Мужчина, постойте!". Обернулся. Женщина поскользнулась, кулек порвался, все рассыпалось — яблоки, капуста... Она

это все собирает. И видит, что я вижу... Отворачиваться неудобно. Подошел, собираю яблоки. Другого пакета у нее нет, я из машины свой принес. Собрали урожай, все не помещается. Она мне в руки кочан капусты сует, и жалобно так: "Мужчина, помогите донести? Мне один квартал!". Я ее, конечно, подвез. Оказалось, три. Потом между домами, налево-направо, за угол... Пока обратно выруливал — за столбик зацепился, машину поцарапал... А все из-за чего? Из-за ложного чувства порядочности.

Берет пульт, включает телевизор. Раздается голос диктора: "Здравствуйте! Сегодня суббота. Политика за неделю".

Мужчина щелкает пультом — голос замолкает.

Мужчина: Выборы. Сейчас наобещают каждой бабе по мужику, каждому мужику — по две бабы... У лжи короткие ноги, но память у людей еще короче... Игорь интересно рассказывает, как пчелы голосуют. Почти как люди, только результаты подтасовывать еще не научились... Все за новую матку проголосовали — старую убили. А если голосов поровну — желающие остаются со старой, а остальные улетают с новой. Матриархат. Насекомые все-таки. Куда им до нас...

Гаснет свет.

Зажигается свет на левой половине сцены.

Женщина стоит, прижав к уху телефон. Затем, отключив, убирает его в карман. Достает из холодильника мисочки, судочки. Нарезает сыр.

Женщина: Пришла я к подруге на день рождения. Почти все — парами. (*Копирует интонации радушной хозяйки.*) "Все собрались, прошу к столу!". (*Своим голосом.*) Я села с краю. Тут одна... вешалка для бижутерии... захихикала: ой, вам на углу нельзя сидеть! Примета такая — замуж не выйдете. Я улыбнулась на все тридцать два с металлокерамикой и говорю, что хочу немножко отдохнуть от предыдущего замужа, поэтому специально села поближе к балычку. Вам ведь жирного нельзя? Она от возмущения чуть маслиной не подавилась. Конечно! На ней блузка по швам трещит...

Достает из банки маслины, кладет в вазочку.

Женщина: А рядом со мной пара... Он достает из ее сумочки платок, сморкается и кладет обратно. Понятно, что муж и жена... Уставился на меня. На тарелку мне подкладывает, в рюмку подливает... Потом пачку протягивает, зовет на балкон. Соврала, что не курю. Сам пошел... А жена в тарелке ковыряет и глаза поднять не может. Тогда я ей водку налила. Себе тоже плеснула... Она со мной чокнулась, залпом выпила, зажмурилась, вроде от водки, а у самой вот-вот тушь потечет.

Все меня жалели, а она завидовала. Муж на нее внимания обращает не больше, чем на швабру, но она от него не уйдет. Потому что у нее двое детей и секретаршина зарплата. Понятия не имеет, как квартиру разделить, и кому она нужна в сорок три с двумя пацанами? С мужем плохо, а без него... Не умеет и боится. И завидует. Но никогда в этом не признается, даже себе. А я умею быть одна и не хочу слезы вытирать. (*Пауза.*) Минус. Минус ему — большой и жирный! Где у нас графа "Не нужен"?

Ставит отметку в тетради. Берет миску, которую достала из холодильника. Перемешивает ее содержимое, пробует.

Женщина: Нет, без чеснока — не то. И потом, чеснок от вампиров — первое дело. Вампиры ж не только кровожадные. Энергетические опаснее. Сидишь, общаешься, потом еле до кровати доходишь.

Чистит чеснок, с ожесточением давит его в чесночнице.

Женщина: Не буду я блюдо портить!

Перемешивает салат, ставит его в холодильник.

Женщина: А может, все-таки кулинарный тест устроить? Борщ пересолить. Посмотрим, как жених себя поведет. Скажет: "Влюбилась хозяйка!". Банально. А если поймет, что специально? Встанет и уйдет... Значит, нервный и без чувства юмора. Такого нам не надо. А если будет молча есть? Соляной барьер высокий? Или покорностью берет? Чем еще берет? Борзыми щенками? Автопокрышками? (*Пауза.*) Ладно, не буду я пересаливать. Тебя, борщ, жалко!

Включает электрочайник, насыпает кофе в чашку.

Женщина: Вот так, Коко. Оля приезжает нечасто. Вполне можно... знакомство завести. Я же не пластмассовая... (*Пауза.*) Мне что — нравится быть одной? Говорят, одиночество — это свобода. Свобода — когда оно не навсегда, когда с ним можно расстаться... Бывают такие моменты, когда одной лучше. Когда хочется забраться в раковину, как улитке... А потом проходит время — и выглядываешь. Смотришь, не идет ли кто... Много проходит. А который из них — твой? Хорошо самолетам: у них позывной есть "свой — чужой". А у людей позывных нет. И как свое счастье от чужого отличить?

Наливает кипяток в чашку, размешивает кофе, пьет.

Женщина: Спать одной ложиться — тоскливо. А просыпаться? Просыпаться веселее. Я с утра — не красавица. Люблю себя в порядок привести. Кофе выпить без свидетелей... А у него по утрам всегда были вопросы. А я: "Возможно, наверно". Он сердился. В общем, засыпать приятно с мужчиной, а просыпаться... Где бы такого взять, чтобы ночью исчезал?

Допивает кофе, споласкивает чашку. Вытирает стол. Натыкается на рекламную открытку, вертит ее в руках.

Женщина: Наверное, другая не сидела бы тут, с борщом, а поехала бы на рекламный вечер. Ресторан, незнакомые люди, музыка... Так и знакомятся... Может, и в самом деле выиграю поездку в Париж? Сижу в кафе на Елисейских полях, и тут подходит он!.. Ален Делон.

Опять рассматривает открытку.
Приклеивает ее на холодильник магнитиком.
Гаснет свет.

Зажигается свет на правой половине сцены.
Мужчина пританцовывает посреди кухни, взяв в руки телевизор.

Мужчина: Вы-игр-рал! Вы-иг-рал! Дорогой ты мой!

Целует экран. Ставит телевизор на столик.

Мужчина: Все выиграли! И дембель, и сынок мой бестолковый, и степень кандидатская, и должность тяжелая, и свадьба первая. Она же единственная. Пять из шести. Эх, черт! С разводом промазал. Хотя сорок первого числа развестись было практически невозможно. Но пять номеров — это, как ни считай, а меньше десяти тыщ хороших денег не получится.

Наливает рюмку. Подмигивает Джоконде.

Мужчина: Ну что, Лиза? За удачу! Может, ты мне ее и принесла. Без тебя что-то не складывалось. Тебе повезло — тебя Леонардо нарисовал. А мог ведь другую Мону изобразить. И мне повезло, что не забыл карточку заполнить. Я ведь одни и те же цифры зачеркиваю. Главное — тираж не пропустить. Представляешь, если б забыл? Это ж какая обида была бы! Ну, на эти даты больше не выиграю. Теорию вероятности не обдуришь. Ничего, другие жизнь подскажет.

Выпивает рюмку.

Мужчина: Лиза, ты даже не догадываешься, как мужику нужна победа. И чем больше, тем лучше. Вот сейчас машину-старушку подрихтую. Всю починю, всё заменю. А может, наоборот? Новую куплю. Ну, если не новую-новую, то поновее. И в квартире ремонт сделаю. А то метры есть, а комфорта мало. Пашке компьютер куплю. Самый новый, самый навороченный, чтоб весь курс завидовал. А на работе никому не скажу, даже Игорю. А то он сразу одалживать на новые ульи будет. Ему пчел не хватает. А экономке? Скажу, но попозже, когда все потрачу. Нет, неправильно... в ресторан ее приглашу. Любительницу готовить. На чужих кухнях. Вместе с лекаршей из лазарета. Пусть пообщаются. Посоревнуются в честном бою.

Берет лотерейную карточку, приклеивает ее магнитом к холодильнику. Подходит к зеркалу, висящему на стене.

Мужчина: Молодец! Горжусь своим упорством! У меня тут как-то с Пашкой диспут случился на философские темы. Почему, говорит сын мой, гордость — это хорошо, а гордыня — смертный грех, причем первый в расстрельном списке? "Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха"... Потому, говорю, что от гордыни все беды на земле. Войны, перевороты, измены. Кстати, не только христианство — все религии призывают к смирению. Ислам в переводе — "покорность", идея буддизма — избавьтесь от желаний, и вы избавитесь от страданий. Пашка задумался: "А прогресс как же? Эволюция, в конце концов? Стало быть, у амебы проснулась гордыня стать инфузорией туфелькой, и все завертелось?". А потом говорит: "Тебе не кажется, что те, кто всего добился, говорят остальным — "а вам не надо". Тем более что на всех не хватит. За ограничение рождаемости борются те, кто уже родился?". Тут я ему конкретные советы по рождаемости стал давать, и философскую нить мы утеряли... Может, и хорошо, что утеряли. Пусть желает. Кому нужна жизнь без желаний? Лучше желать и страдать, чем блаженствовать, как овощ, пока тебя в борщ не бросили.

Звонит мобильный. Мужчина берет трубку, отвечает.

Мужчина: Алло! Нет, девушка, это не Игорь. (*Пауза.*) Не могу. Он уехал. Будет только в понедельник. (*Пауза.*) Куда? Не-е-ет, девушка, какой еще ресторан? Ну, это же он обещал, а не я. А что там надо делать? Ну, если только поприсутствовать... (*Пауза.*) Лотерея? Еще одна? Нет, это я о своем... Розыгрыш? Чудесно. В Париж на уик-энд? Это во Франции, да? Столица? Ну надо же! Как вам сказать... С утра не собирался. Хотя чемодан приобрел уже давно. Есть шанс?.. И Мону Лизу в Лувре увидеть? Целую, не из кусочков? (*Смеется.*) А вы там будете? Не будете? Тогда не поеду. Зачем мне презентация, если там не будет девушки с приятным голосом... (*Пауза.*) Так они же все парами... Не все? И фуршет с шампанским? Прекрасно. А борщ будет? Что ж это за фуршет — без борща? Шучу-шучу, не переживайте. Раз Игорь обещал... Если женщина просит... Приеду. Мне тут недалеко. Успею.

Мужчина отключает телефон, наливает рюмку.

Мужчина: Может, и в самом деле — поехать? А, Лиза? Ну, я, конечно, обещал тебя собирать, но это можно и завтра сделать. А что? Фуршет, презентация, туры будут разыгрывать. Ну, понятно, не выиграю. Ясно, что пиарятся и залежалые путевки продают. А с другой стороны, это сколько ж там интересных людей будет, которым в Париж хочется! И я ведь всю

жизнь туда мечтал... А что мне машину-то менять? Нормально ездит, и квартира у меня уютная. Нет, компьютер Пашке куплю. А на остальные деньги поеду в Париж. Не выиграю тур, так куплю... А вдруг мне на фуршете кто-то понравится? Приглашу на чашечку кофе. И не на кухню, а в Париж. А, Лиза, отпустишь? На твои жилищные условия глянуть. Улыбаешься. Значит — отпустишь. Ну, за тебя, за доброту твою.

Выпивает и выходит из кухни.

Гаснет свет.

Зажигается свет на левой половине сцены.

Женщина подметает кухню.

Женщина: Не люблю дни рождения. Заканчиваются еще хуже, чем начинаются. Поздно, темно. "Все девчата парами, только я одна". Начинаются разговоры — кто проводит? Некоторые молчат, другие рассуждают, кому в какую сторону ехать. В результате провожают взглядом, а я такси заказываю. Водитель мрачный, на руке наколка "Вася", представляется Петей. Счетчик не работает. (*Пауза.*) Нет, кавалер нужен! Ставим плюс.

Делает отметку в тетради. Отходит к форточке, закуривает.

Женщина: Подруга на работе говорит: ты нерешительная, выбрать не можешь, бери в пример Скарлетт. Принесла мне "Унесенные ветром". Да... Скарлетт... Красотка в локонах. А характер — железобетон. "Парень, к ноге, к ноге, кому сказала?! Пошли под венец!" Три брака за десять лет — и все по расчету, ни одного мужа не любила, а если какая проблема — "Я подумаю об этом завтра".

А мне зачем сейчас что-то решать? Ну, придет... Может, такой жуткий, что и думать не о чем. Мне еще не так плохо, чтоб вместе с кем попало. А вдруг наоборот — красавец мачо? А если я ему не понравлюсь? Тогда — тост добрых женщин: "Пусть плачут те, кому мы не достались! Пусть сдохнут те, кто нас не захотел". (*Пауза.*) А если я никогда не влюблюсь? Чем бы это счастье ни пахло. Инстинкт самосохранения? В молодости сначала больно, потом приятно. В зрелости — наоборот: сначала приятно, а потом больно. Часто — очень. (*Пауза.*)

Ну, может, скатерть и не нужна, но хоть какую-то красоту устроить надо? Свечи, например. Интим... Борщ при свечах. Хотя — нас трое... (*Хочет раздвинуть кухонный стол, но не может справиться с механизмом. Устав, садится на табуретку.*) Но я же его сама раскладывала!

Возится с механизмом, пыхтит. Наконец, стол раздвинут. Садится за стол, берет тетрадку, где нарисовала колонки "за" и "против" знакомства.

Женщина: Ну? И какой в этом смысл? Все сама-сама — тяжело. Надо ставить плюс. А потом его упрашивать что-то сделать? Лучше сразу ни на кого не рассчитывать, а вызвать мастера и заплатить. Вон, все столбы в рекламе — "Муж на час". Зачем на всю жизнь? Значит — минус. Итого: плюс-минус. В результате — ноль. Ничья... И я ничья...

Женщина опирается на стол локтями.

Шатается... Раньше не шатался. На меня в кафешках официанты как на ненормальную смотрят. Я за стол сажусь — и сразу начинаю искать, что бы такое под ножку подсунуть. Интересно, в парижских кафе столики шатаются?

Женщина накрывает стол скатертью, расставляет приборы, бокалы. В центр стола ставит супницу. Выходит из кухни. Возвращается с подсвечниками, ставит их на стол. Снимает с полки вазу для цветов, вытирает.

Женщина: Он с цветами придет или без? Прагматики считают — лучше подарить конфеты. А я больше цветы люблю... Последний раз он принес семнадцать роз. У меня день рождения семнадцатого. Но было грустно. Я уже тогда понимала, что мы вот-вот расстанемся. Вспоминалось хорошее, такое вспомнилось... Я тебе, Коко, и рассказать не могу. Не потому что неприлично, а потому что слов таких нет. В общем, было в нашей жизни — прекрасное... Жалко, что серо закончилось. А розы стояли красивые, но через несколько дней умерли, как все умирает. С тех пор цветы не покупала... А еще мне грустно, когда показывают соревнования этих... ледорубов... нет, ледорезов. Которые статуи изо льда вырезают. Дворцы, лебеди, жар-птицы... Все сверкающее, хрупкое, но скоро растает. Как любовь.

Осматривает накрытый стол. Снимает передник. Ставит на подоконник зеркало, садится перед ним. Снимает бигуди.

Женщина: Вернемся к гостю. Ну какой он, если в нашем возрасте один? Почему его никто не охомутал? Это же я такая нерешительная, и в разводе всего год, и ничего мне пока не надо... А сколько вокруг решительных... Может, он больной? И буду я про его изжогу слушать и каши варить? О! Действительно — надо борщ переперчить. Если гастрит — сразу станет ясно. А если у него с желудком все в порядке? Перец ничего не даст, только ужин испорчу. А потом буду его радикулиты мазями растирать?.. Медицина насчитала у человека семьдесят тысяч заболеваний! Главное, чтоб не все сразу... Язву определим, а гипертонию упустим.

А если здоровый, то почему один? Характер тяжелый? Мне только придирок недоставало. Или ревности... А вдруг он вообще аферист? Квартиру захапает. А что? Сейчас это легко, главное деньги на юриста иметь —

и все что хочешь отсудить можно. Или вон по телеку показывали: любовь, чувства... А через неделю — ни денег, ни ценностей.

Пауза.

Нет, ерунда. Аферист Маша ко мне не приведет. У нее все четко: аусвайс, фейс-контроль, отпечатки пальцев... Я знаю, что мне не нравится... Мне не нравятся мужчины, которых друзья с женщинами знакомят. Я-то люблю решительных. А тот, которого водят и невест ему демонстрируют... Минус! (*Ставит отметку в тетрадке.*) Хотя на улице я тоже не знакомлюсь. Они же ко всем пристают, озабоченные.

Правда, однажды встретился... Вежливый. Давно... На улице поскользнулась, упала. Сумку уронила, все рассыпалось. Вдруг машина рядом останавливается, дорогая, красивая... Водитель выходит, руку подает, помогает подняться. Рука крепкая, взгляд уверенный. "Женщина, у вас голова кружится? Вас подвезти?" Так захотелось сказать: кружится... Но подумала — муж, дочка... "Нет, — говорю, — спасибо, все в порядке".

Женщина смотрит на часы. Берет мобильный, набирает номер.

Женщина (*радостно*)**:** Алло! (*Неуверенным голосом.*) Извините, кажется, я ошиблась? Мне нужен... Да. (*Пауза. Растерянно.*) Не может? Через полчаса? (*Пауза.*) Ну, спасибо. (*Отключает телефон. Кладет его в карман. С сарказмом.*) Какой приятный женский голос. Ну, погоди. Перезвонишь — я попрошу гостя трубку снять. Надеюсь, что у него с голосом все в порядке. (*Смотрит на тетрадь.*) Плюс!

Делает отметку в тетради. Роется в шкафу, достает топор, выходит из кухни. Слышны удары.

Звонит телефон. После нескольких звонков включается автоответчик. Женщина возвращается в кухню, кладет топор в углу.

Женщина: Ну вот, тетка выходная. И входная... Коня на скаку остановит, топориком дверь отопрет...

Нажимает на кнопку телефона, идет к раковине и моет руки. Из автоответчика раздается женский голос — тот же, что вначале.

Женский голос: Здрасьте... За хлебом вышла? Слушай внимательно. Гостю тапочки не подсовывай, в Европе обувь не снимают. В туалет — два рулона бумаги. И еще... Удели внимание белью. Чтоб было одного цвета. (*Хихикает.*) Может, я уйду пораньше. И не душись много. Дурной тон. Скоро будем.

Пауза.

Женщина: Пустили Маньку в Европу. Через... шенген. (*Берет тетрадь, в которой делала пометки.*) Нужен — не нужен, плюс-минус... Четнечет... (*Вырывает страницу, рвет ее.*) Я знаю, где надо знакомиться.

На презентации. Коктейль, коктейль... И меня кто-то пригласит на чашку кофе... В Париж, где столики не шатаются. И все в белье. Одного цвета. Спасибо, Маша. Я запомню. (*Подходит к плите, поднимает крышку кастрюли.*) Плюнула бы, но культура не позволяет. (*Закрывает крышку.*) Вот так, Коко. Я теперь — выходная, и все могу. Может, я схожу с ума? Да, схожу. С того ума, который был, — я схожу. И сажусь на другой.

Выходит из кухни.

Гаснет свет.

Зажигается свет.

Мужчина входит в кухню. Он одет в костюм и рубашку, в руках — галстук.

Мужчина: Вот так всегда. Планируешь одно, а получается... разное. Как французы говорят — ту нуво ту бо. Все, что ново, то прекрасно. А то от разговоров с самим собой недолго до занятий любовью с тем же собеседником. (*Перед зеркалом завязывает галстук.*) Когда ж я его в последний раз завязывал? Еще в прошлой жизни. (*Завязав его, смотрится в зеркало. Затем берет в руки коробку с пазлом, смотрит на репродукцию Джоконды.*) Ты от меня, красавица, не убежишь. В чем твоя загадка? Улыбка? Твоя загадка — в твоих ногах: красивые или нет? Уверен — красивые. А иначе стал бы тебя Леонардо рисовать?

Достает из шкафчика сапожную щетку, чистит туфли.

Мужчина: Интересно, эта... которая позвонила... Игорю просто знакомая, или как? У него, кстати, этих "или как" — почти как пчел. Он говорит: знаешь, что такое вечность? Время между тем, как с женщиной переспал и посадил ее на такси. Циник. Но что интересно — женщинам нравится. Сорок пять лет, женат не был. Ему все твердят: женись, как же без детей!.. А у него любимый анекдот: сбежал мужик с каторги, словили. Следователь спрашивает: "Чего бежал?" — "Жениться хотел". Следователь задумался: "Странное у тебя представление о свободе".

Целую теорию придумал. Говорит: мужчина — животное полигамное, его природа так задумала. А женщина — наоборот. Вот семья у львов — сколько их там? Один глава, несколько самок, общие дети... И у мусульман похоже, а это четверть мира. Главное — чтобы честно. Никто же этой, в парандже, не говорит, что она будет единственной? И Игорь не обещает, что под венец поведет.

Заканчивает чистить туфли.

Вообще, мужчины делятся на тех, кто любит женщин, и тех, кто любит

женщину. Я, наверное, отношусь ко второй категории. Может, еще время не пришло. Возраст полигамный не наступил.

Снова подходит к зеркалу, смотрится. Расправляет плечи, поглаживает свой торс.

Мужчина: Мама дорогая! (*Снимает пиджак, расстегивает рубашку, добирается до согревающего пояса, растягивает его и снимает через голову. Снова застегивает рубашку, заправляет ее в брюки, надевает пиджак, поправляет галстук.*) Вот теперь я готов к фуршету. (*Подходит к плите, открывает крышку кастрюли.*) Настаивайся. Я, может, не один вернусь.

Закрывает кастрюлю крышкой, выходит.

Гаснет свет.

Зажигается свет на левой половине сцены.

В кухню входит Женщина. На ней красивое платье, туфли на каблуках. Она осматривает накрытый стол. Убирает один прибор в шкаф. Берет тетрадку с рецептами, вырывает чистый лист, садится за стол, пишет и озвучивает написанное.

Женщина: "Заходите, не заперто. Борщ на плите, остальное в холодильнике. Не забудь сметану. Борщ с ней вкуснее, как Германия с немцами. Руки об скатерть не вытирать. Будете уходить — дверь прикройте плотно. Гитлер капут". (*Смотрит на часы.*) Правильно, Коко? Записку в дверь воткну. Если плотно прикрыть — не заметно, что не заперто. И вообще — кто заметит? Верхний этаж, посторонние сюда не забираются. А если заберутся?.. (*Пауза.*) Я подумаю об этом завтра! Всем привет!

Складывает листок пополам. Подходит к холодильнику, отлепляет магнит, который держит рекламную открытку.

Кладет ее в сумочку и выходит из кухни.

Из часов появляется механическая кукушка и кукует шесть раз.

Гаснет свет.

* *Зажигается свет.*

На сцене — столик в кафе, звучит песня Эдит Пиаф "Падам-падам". За столиком сидят Мужчина и Женщина в той же одежде, в какой они шли на презентацию. Перед ними кофейные чашки. Мужчина держит счет. Они с Женщиной, повернувшись в одну сторону, рассматривают кого-то, потом дружно смеются.

* Последняя сцена — для тех, кто любит пословицу "Хорошо то, что хорошо кончается".

Мужчина: Смешной.

Женщина: Когда серьезное лицо делает.

Мужчина: А как он испугался, когда ты под столик полезла?!.. (*Копирует Пиаф.*) "Падам-падам, мадам-мадам!"

Женщина: Он, кстати, опять шатается. Дай мне счет, подложить.

Мужчина: Подожди, я должен проверить.

Он изучает счет. Раздается мелодия, Женщина вынимает из сумки мобильный, отвечает.

Женщина: Привет. Нет, не вернулась. Еще в Париже. Мы продлили поездку на пять дней. Вернусь — перезвоню. (*Отключает телефон.*)

Мужчина (*оторвавшись от счета*)**:** Это кто?

Женщина: Машка. Я тебе про нее рассказывала.

Мужчина: Замечательно, когда у человека есть друзья.

Протягивает ей счет, показывает строчку.

Мужчина: Это что?

Женщина: Улитки, наверное. Равлики-павлики.

Мужчина: А это?

Женщина: Луковый суп.

Мужчина: Было. Вкусный, и без перца!

Женщина: И мне теперь без перца нравится.

Мужчина вынимает из бумажника нужные купюры, пересчитывает, заглядывая в счет. Затем кладет деньги под пепельницу, а счет протягивает женщине. Она складывает бумажку в четыре раза и засовывает ее под ножку столика.

Женщина: Ждем сдачу?

Мужчина: Нет. Поделимся праздником с официантом. Так что делаем? Ты хотела перчатки купить?

Женщина: Ну, а как же из Парижа — и без перчаток? Еще часы настенные хочу посмотреть.

Мужчина: Тогда — в магазин.

Женщина: Но ты же хотел в Лувр? Говорил, тебя там знакомая ждет. Лизой звать.

Мужчина: Весь день потратим. Я же альбомы купил.

Женщина: Альбом — на потом. А здесь — глаза в глаза. Оставим покупки в гостинице и поедем в Лувр.

Они встают, Мужчина берет пакеты с покупками.

Мужчина: Хороший ресторанчик.

Женщина: Хороший. Только жаль, что у них нет борща. Я соскучилась.

Мужчина: Настоящий борщ надо есть дома, под водочку. А в Париже...

Женщина: ...поздней весной, когда цветут каштаны...

Мужчина: С годами понимаешь, что поздняя лучше ранней.

Женщина: Согласна. Так вот, в Париже надо есть это пирожное... Ти-и...?

Мужчина: Ти-ра-ми-су.

Женщина: Правильно. Кстати, мы его заказываем четвертый день подряд, и везде готовят по-разному.

Мужчина: Как борщ. У каждого он свой. Ты какой любишь — красный или зеленый?

Женщина: Красный.

Мужчина: Замечательно. Вернемся — приготовим.

Женщина: А кто будет овощи чистить? У меня маникюр.

Мужчина: А зачем перчатки из Парижа? Ладно, шучу. Овощи буду чистить я. В четыре руки борщ вкуснее получается.

Уходят.

Декабрь 2009,
Одесса

Александр МАНИОВИЧ

Возрожденная рукопись

— Дайте-ка посмотреть, — Воланд протянул руку ладонью кверху.

— Я, к сожалению, не могу этого сделать, — ответил Мастер, — потому что я сжег его в печке.

— Простите, не поверю, — ответил Воланд, — этого не может быть. Рукописи не горят.

М. Булгаков. "Мастер и Маргарита"

Разговор с Сергеем, нашедшим рукописи воспоминаний и дневника скульптора Бориса Эдуардса

У рукописей есть счастливое свойство — они не горят и не пропадают, сколько бы им не пришлось томиться в безвестности (заметим, что сам роман Михаила Булгакова пролежал неопубликованным 26 лет). Но не все верят этой непреложной, как издавна считается, истине, что рукописи не горят. Хотя современные ученые доказали, что даже во вселенской "черной дыре" информация не исчезает бесследно.

При подготовке и проведении европейским интерклубом "Дом Дерибаса" (штаб-квартира в Берлине) и Российским центром науки культуры на Мальте Первых Международных "Эдуардсовских чтений" (Ла-Валетта, Мальта, 6-11 октября 2008 г.), посвященных творчеству известного одесского скульптора Бориса Васильевича Эдуардса (1860-1924 гг.), устроители были в активном поиске каких-либо достоверных сведений, относящихся к послереволюционному периоду жизни и творчества скульптора. Но, к сожалению, поиски не увенчались большим успехом (за исключением одной познавательной публикации президента Национального исторического общества Мальты доктора Альберта Ганадо, с которой участники чтений познакомились уже на Мальте).

Наш разговор в Москве с Сергеем Мозалёвым состоялся в дни, когда общественность отмечала 85-летие со дня смерти Бориса Эдуардса (Мальта, 12 февраля 1924 г.). И посвящен он был не так давно обнаруженным Сергеем в Лондоне рукописи дневника скульптора, описывающего события 85-90-летней давности его жизни на Мальте, а также рукописи воспоминаний скульптора о его одесских детских и юношеских годах.

Александр. Сергей, наш разговор мы предварили афоризмом Воланда "Рукописи не горят". Согласись, что в обстоятельствах нашего вир-

туального знакомства был какой-то элемент булгаковской мистики. Следует призадуматься — при бесчисленном количестве онлайн-магазинов и сайтов, посвященных библиофилам, меня привело именно на твой сайт. И несмотря на опубликованный перечень, включающий тысячи антикварных книг и рукописей, я все же стал его терпеливо просматривать, пока не обнаружил № 416, "Дневник одесского скульптора Бориса Эдуардса". И не успел я связаться с тобой, обладателем этого раритета, как встречно получил от тебя электронное письмо.

Сергей. Действительно. Но мне было легче — совершенно случайно попав на сайт Европейского интерклуба "Дом Дерибаса" (www.DeribasInfo.de) и узнав о деятельности клуба по увековечиванию памяти Бориса Эдуардса, я решил с тобой познакомиться. Жаль, что это не произошло ранее. В дневнике Бориса Эдуардса содержится много информации, которая могла быть тебе очень полезной при пребывании на Мальте.

Александр. Расскажи, пожалуйста, что собою представляют рукописи.

Сергей. Дневниковые записи охватывают четырехлетний период жизни скульптора на Мальте. Носителями являются четыре ежедневника за 1920 год (1 января 1920 г. — 5 января 1921 г.), 1921 год (1 января 1921 г. — 31 декабря 1921 г.), 1922 год (1 января 1922 г. — 16 октября 1922 г.) и 1923 год (8 февраля 1923 г. — 31 декабря 1923 г.). Первый является ежедневником фирмы "T. J. and J. Smith", последние три — ежедневники фирмы "Collins Royal Diary". Дневниковые записи практически велись на каждой странице, иногда дата записи не совпадала со страничной датой ежедневников. В общем, автором убористым почерком исписано около тысячи двухсот страничек. Освещена история семьи, жизнь общины российских беженцев на Мальте, взаимоотношения российской общины с английской военной администрацией острова, даются оценки происходящим в России и, в частности, в Одессе политическим событиям. Автор комментирует свое творчество, описывает взаимоотношения со своими друзьями-мальтийцами и соотечественниками.

Отдельная тетрадь содержит воспоминания о детских и юношеских годах жизни скульптора, проведенных в Одессе. 2 мая 1920 г. Эдуардс записывает: "Хочется оглянуться на пройденный путь за 60 лет. Я решил приступить к письму своих воспоминаний, стараясь держаться последовательности течения жизни и событий. Записки буду вести в отдельной книге". Писать свои воспоминания он начал еще в Одессе, но "две тетра-

ди воспоминаний взяла Ольга Смоленская и верно зажилила, потому, несмотря на напоминания, не возвратила их мне" (26 января 1920 г.).

Александр. Ныне средствами массовой информации неимоверно раздут интерес к частной жизни. Постоянно смакуются подробности приватной жизни известных личностей, зачастую они сопровождаются пошлыми откровениями. В Интернете можно постоянно лицезреть ее интимные моменты. Не знаю, как ты, Сергей, относишься к этому, но я не очень люблю погружаться в подробности чужой жизни, тем более скандально препарируемой, а еще хуже — подсмотренной журналистами и папарацци. Совсем другое дело дневники и воспоминания, за которыми стоят реальные достойные личности и их мысли.

Вот почему вызывает большой интерес мемуарный материал Бориса Эдуардса, охватывающий детские и юношеские годы проживания будущего скульптора в Одессе, а также послереволюционные годы его жизни и творчества на Мальте. Ведь после того как скульптор в середине 1919 года покинул Одессу, широкой общественности была безвестна его судьба. Не было известно, где он жил, когда умер и где похоронен. Было совершенно не известно, как сложилась послереволюционная творческая судьба скульптора. Даже его племянник считал, что Борис Эдуардс жил и скончался в Италии в 1930 году.

И когда появилось сообщение о том, что стараниями посольства Российской Федерации и Российского Центра науки и культуры на Мальте была найдена и восстановлена могила Бориса Эдуардса, мы (это берлинцы Светлана Звоницкая, Инна Новикова и твой собеседник) решили полететь на Мальту. И стали первыми одесситами, возложившими цветы и привезшими горсть одесской земли на могилу любимого одесситами скульптора, похороненного на старом мальтийском кладбище Ta'Braxia Cemetery (Floriana).

Сергей. Согласен с тобой, Александр. Я также презираю смакование подробностей чужой частной жизни, но при этом неравнодушен к мемуарам. Считаю, что мемуарный жанр прекрасен и вечен. А авторские рукописные раритеты особенно ценны. Я много лет занимаюсь поиском и собирательством антикварных книг.

Несколько лет назад при посещении одной из частных библиотек в Лондоне я увидел несколько старых ежедневников, исписанных на русском языке. И задался целью установить личность автора дневника. Из калейдоскопа разрозненных дневниковых фрагментов складывался его образ — он из России, в частности, из Одессы (имелись его суждения

о происходящих событиях в России и в послереволюционной Одессе), по профессии скульптор (имелись сведения о заказах художественных работ и их выполнении). Автор упоминал о художественных произведениях, которые перед эмиграцией передал в Художественный музей Одессы. Когда я увидел упоминание о Российской императорской Академии художеств, то принял решение тщательно изучить дневниковые записи, дабы установить личность автора. Было ясно, что дневник принадлежит известной и незаурядной личности.

И тут помог случай — антикваром, владельцем ежедневников, мне дополнительно была передана тетрадь, исписанная тем же почерком. На титульной странице тетради было написано: "Мои воспоминания из пройденной 60-летней жизни" (эта надпись, как и весь последующий текст, автором была написана с употреблением буквы "*ять*"). В тетради появилось имя автора — Борис, а также упоминание о его деде — Josef Wiliam Edwards. И тут, как ты, Александр, понимаешь, оставалось лишь обратиться к Интернету. До того имя и творчество Бориса Эдуардса (Boris Edwards) мне были мало знакомы.

Александр. В период жизни Бориса Эдуардса на Мальте эта страна была английской подмандатной территорией. Так что в какой-то степени может быть понятно обнаружение рукописей в Лондоне. Тебе удалось как-то проследить возможную связь Бориса Эдуардса с лондонским антикваром? Кто мог быть посредником? Владелец рукописей что-то рассказывал?

Сергей. Владелец рукописей дневника и тетради воспоминаний не помнил, как они к нему попали. У него одновременно можно было увидеть много прижизненных изданий поэтов Серебряного века — Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой, Блока, Белого, Гумилева, Волошина, Пастернака и других. Многие книги были с их автографами и дарственными надписями.

В 1982 году в Лондоне ушла из жизни Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн. Ей было 94 года. Она была последней из самых блистательных женщин, которой довелось быть современницей расцвета Серебряного века русской поэзии. Божественно красивая потомственная грузинская княжна Андроникашвили в начале XX века содержала в Париже и Лондоне модные литературно-художественные салоны. Была в центре заграничной русской художественно-артистической жизни. Дружила с Ахматовой, Мандельштамом, долгие годы материально поддерживала Марину Цветаеву. Ее портреты ныне находятся в музеях — многие извест-

ные российские художники (Серебрякова, Петров-Водкин, Сомов, Григорьев и др.), а также французы и англичане воспели ее красоту. После смерти Саломеи Андрониковой издания из ее личной библиотеки попали к антикварам. Именно среди них мною были обнаружены рукописи Бориса Эдуардса. Можно с большой вероятностью предположить еще одну линию. Ты видел, что в дневнике Эдуардса часто упоминается имя Михаила Брайкевича, жившего в Лондоне. Это имя тебе о чем-то говорит?

Александр. Говорит о многом. Он был весьма известным коллекционером времен Серебряного века и первой волны русской эмиграции. Михаил Васильевич Брайкевич родился в Одессе, многие годы работал в Одессе, откуда эмигрировал в 1920 году. По воспоминаниям современников, Михаил Брайкевич был человеком большой жизненной энергии и кипучей разносторонней деятельности. Будучи талантливым инженером, окончившим Санкт-Петербургский институт путей сообщений, он участвовал в строительстве российских портовых сооружений и железных дорог. В период Временного правительства, когда, как он писал, над городом витал "призрак кровавой бойни", Михаил Брайкевич был городским головой Одессы (1917-1919 гг.). В Одессе он возглавлял отделение Русского технического общества, Военно-промышленный комитет, был вице-президентом Одесского общества изящных искусств. И активно занимался коллекционированием произведений искусства.

Перед своим отъездом за границу он устроил в Новороссийском университете выставку произведений, хранившихся в его коллекции. Свою большую коллекцию произведений художников "Мира искусства" (более ста единиц), уезжая, он подарил Новороссийскому университету (позднее эти произведения были переданы музею, ныне они составляют гордость Одесского художественного музея). Рассматривая серовский портрет Саввы Мамонтова, многочисленные работы Константина Сомова, "Болотные огни" Врубеля и многие другие замечательные произведения, посетители Одесского художественного музея ныне с благодарностью вспоминают имя Михаила Брайкевича. А в 1976 г. дочь Брайкевича Ксения Филдинг-Кларк подарила Одесскому художественному музею портрет Михаила Брайкевича и его дочери Татьяны, выполненные Константином Сомовым, другом и меценатом которого был Брайкевич.

Сергей. Тебе, очевидно, известно, что, живя в эмиграции, Михаил Брайкевич собрал вторую коллекцию произведений русских художников (Сомов, Серов, Серебрякова, Бакст, Леонид Пастернак, Григорьев, Бенуа,

Добужинский и др.), которая была подарена оксфордскому Музею Эшмолеан (Ashmolean). Михаил Брайкевич стремился, чтоб русская художественная школа заняла подобающее место в европейской культуре.

Александр. Незадолго (за два месяца) до своей кончины Борис Эдуардс отправил в Лондон несколько своих произведений для участия в традиционной Колониальной выставке. В дневниковой записи от 10 декабря 1923 г. содержится перечень отправляемых работ (с их оценкой): бронзовая статуэтка "Дама в кресле" (30 ф. ст.), статуэтка "Дама в кресле" из бронзы и слоновой кости (130 ф. ст.), два мраморных этюда (профили по 35 ф. ст.) и бронзовая фигурка собачки (25 ф. ст.). Участию этих работ в выставке содействовал Михаил Брайкевич. Нет сомнений, что упомянутые произведения Эдуардса ныне находятся в Англии, что в Англии находится самая, на мой взгляд, поэтическая работа скульптора — "Дама в кресле" (причем в единственном варианте исполнения головы фигуры из слоновой кости). Хранится, может, в том же Музее Эшмолеан, куда дочь Михаила Брайкевича Татьяна передала коллекцию умершего отца.

Сергей. Во время своего будущего пребывания в Англии я обязательно постараюсь посетить Музей Эшмолеан. Надеюсь, что длительный ремонт музейного здания завершился. Впрочем, уже ныне можно заглянуть в каталог русского собрания Музея Эшмолеан, подготовленный Ларисой Николаевной Салминой-Хаскелл.

Александр. Бориса Эдуардса и Михаила Брайкевича связывала тесная дружба еще с одесских времен, она продолжилась и в послереволюционное время. В письмах из своего лондонского предместья Хемптон-Хилл Софья Андреевна и Михаил Васильевич Брайкевичи постоянно заботливо морально поддерживали Бориса Эдуардса, советовали ему переехать в Лондон, предлагали проживание в их доме, присылали учебники английского языка.

Сергей. Известно ли, чем занимался Михаил Брайкевич, живя в Лондоне?

Александр. Он участвовал в строительном бизнесе, морских перевозках. И занимался многосторонней общественной деятельностью. В 1920 г. основал и был почетным председателем Русского экономического общества в Лондоне, редактировал и издавал "The Russian Economist. Записки Русского экономического общества" (на двух языках), занимался публицистикой. Активно участвовал в работе Русского общества по оказанию помощи голодающим в России. Всю его жизнь сопровождала главная всепоглощающая страсть — коллекционирование произведений

русских художников, в основном, круга "Мир искусства". Он дружил со Мстиславом Добужинским, Сергеем Рахманиновым, Константином Сомовым. Содействовал участию работ Бориса Эдуардса в лондонской Колониальной выставке 1923 г., планировал написать книгу о творчестве скульптора. В дневниковой записи Эдуардс об этом упоминает: "Брайкевич не оставляет мысли написать и издать книгу обо мне. В последнем письме он много об этом говорит и просит прислать ему материалы. Я теперь занят писанием воспоминаний о моей 60-летней жизни, и уже третья тетрадка заполнена до половины. Когда кончу, пошлю ему, может быть, он выберет там что-нибудь для себя удобное" (29 октября 1920 г.). Позднее Эдуардс отмечает: "Брайкевич большой оптимист, пишет: "Скоро поедем в Россию, а там столько будет дел" (21 октября 1921 г.).

Сергей. Как известно, в своем духовном завещании (июль 1921 г.) Эдуардс назначает Михаила Брайкевича распорядителем своего имущества до вступления завещательных наследников в законное наследие. После смерти Бориса Эдуардса его жена Роза Райш (Rosa Reisz) покинула Мальту и, судя по всему, дневники и воспоминания своего супруга она могла передать Брайкевичу. А после смерти Михаила Брайкевича (1940 г.) рукописи Бориса Эдуардса могли попасть к букинистам либо оказаться в библиотеке Саломеи Андрониковой.

Александр. Сергей, обратил ли ты внимание, что Борис Эдуардс и Михаил Брайкевич умерли в один и тот же день (но в разные годы) — 12 февраля? Вряд ли следует усматривать в этом что-либо символичное. Давай вернемся к дневнику. Как ты считаешь, найденный ежедневник за 1920 г. был ли началом ведения дневника? И полностью ли найдены дневники и воспоминания?

Сергей. Да, это начало дневника и воспоминаний. Дневник начат 1 января 1920 г., и об этом имеется запись. Обычно Эдуардс начинал ведение дневника с первого же дня нового года, а посему можно предположить, что еженедельник 1924 г. им уже был приобретен. И записи уже имелись, ибо в последней дошедшей до нас дневниковой записи скульптора, датированной 31 декабря 1923 г., жалоб на здоровье не было.

Одновременно с началом ведения дневника Эдуардс приступил к написанию воспоминаний в отдельных тетрадях. "Хочется оглянуться на пройденный путь за 60 лет. Я решил приступить к письму своих воспоминаний, стараясь держаться последовательности течения жизни и событий. К тому же, теперь здесь совершенно нет никакой работы, и я со спокойной совестью могу заняться записками, которые буду вести в отдельной кни-

ге", — записывает он 2 мая 1920 г. На обложке тетради воспоминаний написано — "1-я тетрадь. Мальта, 5 мая 1920". На первой странице тетради — "Malta, St. Ignatius College, St. Julian's" и заглавная надпись "Как прошла моя жизнь". Далее текст: "15 мая 1920 года мне минуло *шестьдесят* (подчеркнуто автором дневника) лет. В наш век электричества и покорения воздуха для полетов человека в желаемых направлениях 60-летняя цифра удовлетворительна. И, пройдя жизнь такого большого времени, я хочу оставить записки о ней, которые как бы возобновляю, ибо многое своевременно записанное осталось в моем бедном Отечестве за невозможностью взять всего собою во время бегства, спасаясь от кровожадных лап вершителей комунарного режима в России. Эти воспоминания хочу провести по годам, и потому начну с самого раннего детства, связав несколько слов с предками".

Из дневниковых записей известно, что тетрадей воспоминаний было три. Найденная мною первая тетрадь воспоминаний была написана в период с 5 мая по 8 августа 1920 г. Записи этой тетради охватывают раннее детство и юность, завершаются поступлением семнадцатилетнего юноши в Одесское художественное училище (1877 г.).

Александр. В различных статейных материалах приводятся противоречивые сведения о происхождении Бориса Эдуардса. Что сообщает скульптор о своих предках?

Сергей. Он пишет: "Дед отца служил гусаром английской армии и был первым комендантом Гибралтарской крепости по окончании войны с испанцами. Дед мой со стороны отца, Josef Wiliam Edwards, великобританноподанный, прибыл в Одессу со своим небольшим парусным флотом, где и поселился, продолжая торговые дела, которыми занимался по выходе в отставку. Бабушка, жена деда, Камила Мария Феррари, испанка из Гренады, была с ним обвенчана в полевой военной церкви и стала его женой, не зная говорить по-английски, а ее муж не знал испанского языка, что впоследствии сладилось, так как, по словам бабушки, дед владел шестью языками. И она, что я помню хорошо, говорила на четырех языках хорошо и пятом русском с соответствующим акцентом... Бабушка сохранила до последних дней красивые черты лица, действительную красоту чистокровной испанки, пленившей моего деда. Деда я никогда не видел и знаю по портрету, всегда висевшему в гостиной. В Одессе дед развил большое торгово-промышленное дело, он открыл громадный магазин английских товаров, помещавшийся на углу Дерибасовской и Ришельевской и известный до самой революции под фирмой Вильям Вагнер. Кро-

ме этого, дедом был основан большой кожевенный завод, восемь собственных парусных барков служили для доставки товаров из Англии в Одессу и вывозили сырье из Одессы" (май 1920 г.).

Но пришла беда — несколько кораблей утонули во время жестокого шторма, и на них погиб сын деда. В том же году пожар уничтожил кожевенный завод. Отец Бориса Эдуардса Вильям Осипович открыл новые магазины английских товаров в Пале-Рояле, а также на углу Ришельевской и Ланжероновской. После трех лет удачной торговли магазины обанкротились. "Моя мать Софья Юрьевна Кирякина происходила из чиновничьей семьи. Никаких документов об этой семье я не находил, лишь из рассказов знаю, что дед молодым чиновником женился на бабушке, которая была турчанкой и при крещении была наречена Анастасией". В семье Эдуардсов, жившей на Ямской ул. (ул. Новосельского), было пятеро детей — трое сыновей и две дочери. Семья в шестидесятые годы жила в достатке, и детство Бориса Эдуардса до семилетнего возраста было беззаботным и счастливым.

Александр. Выходит, Борис Эдуардс родился в семье, далекой от искусства. Или в его роду были люди, профессионально принадлежащие к миру искусства?

Сергей. О профессиональной принадлежности к искусству кого-либо из членов семьи информация в записях не содержится. Но тяга и любовь к искусству присутствовали. Отец Бориса все свободное время отдавал детям, прививал им интерес к искусству — водил в гравюрные мастерские и эстампные магазины, покупал гравюры и лубочные картинки, читал им книги. Он сам любил заниматься резьбой по дереву. В детстве и юности Борис любил изготавливать макеты парусников и различных кораблей. "Мои способности к искусству были заложены отцом и бессознательно развивались им с самых малых лет. Говорю бессознательно, так как он первым был противником моего желания стать художником" (май 1920 г.). Борис Эдуардс, вспоминая о квартире бабушки, которая была обставлена богатой мебелью, стены которой украшали дорогие старинные картины, приходит к убеждению, что художественные начала к нему перешли со стороны отцовской линии. После смерти бабушки вся ее обстановка и произведения искусства перешли в семью Бориса Эдуардса. Он вспоминает о наличии в семье картин Сальватора Роза, Рубенса, Тинторетто, Поля Бриля.

Александр. Можно себе представить степень зажиточности и художественных вкусов дедушки и бабушки, коль ими приобретались произ-

ведения художников XVI века (Тинторетто) и XVII века (фламандцы Рубенс и Поль Бриль, итальянец Сальватор Роза).

Сергей. Эдуардс пишет, что отец во время нужды продал много произведений искусства. Вспоминает, как в галерею графа Толстого была продана за 300 рублей картина Сальватора Роза, а часовщику Штерну — за 200 рублей картина Тинторетто.

Александр. Эмигрируя, Борис Эдуардс в 1918 г. "подарил Одесскому художественному музею картины Цикарели и Поля Бриля. А великолепную картину Рубенса на дереве "Охота на кабана" отдал на хранение тому же музею в день бегства из Одессы от большевиков в 1919 г." (май 1920 г.). Директором музея был в то время его друг Кирьяк Костанди, которому Эдуардс передал произведения искусства через свою натурщицу Н. Мельничук в присутствии известного художника Бориса Эгиза. В 1923 г. Эдуардс получил письмо от Б. Эгиза, приехавшего в Константинополь и сообщившего, что картина Рубенса, как и многие другие переданные скульптором работы, хранится в Художественном музее.

Сергей. После разорения торгового дела отца продажа произведений искусства не спасала семью от глубокой нужды. "Мне пошел девятый год. Жизнь была очень тяжела, семья бедствовала... Настало тяжелое время, когда мы уже позабыли о возможности пообедать, а лишь чашка чая с кусочком хлеба". Это был 1869 год. Бориса зачисляют на учение в подготовительный класс уездного училища, однако из-за неуплаты за обучение он не был допущен к выпускному экзамену, в первый класс не переведен и отчислен из училища. Юный Борис начинает работать в химической лаборатории В. Красильникова. "Мама всегда утешала меня, приговаривая: "Вот, Боря, подожди, потерпи. Скоро папа получит работу, заработает деньги и отдаст тебя в училище". Но ни ей, бедной, ни мне не пришлось дождаться этого благополучия. Время проходило быстро, и мне уже стукнуло 12 лет" (май 1920 г.). Нужда не позволила ему продолжить учебу в училище, и отец определяет его на работу слесарем на завод Беллино с оплатой 10 копеек в день. Семья живет далеко от завода, работа начинается в шесть утра, и юноше приходится вставать в полчетвертого утра. "Недосыпание за ночь и недоедание днем среди отвратительной обстановки развращенных нравов рабочих делали жизнь ужасно тяжелой. У меня развилось малокровие и астма, мучавшая меня особенно во время дороги домой по окончании работы. Я не мог пройти и одного квартала без того, чтобы присесть на обочину мостовой. С множеством тяжелых переживаний, уколов самолюбия и т. п. мы протянули с братом 2,5 года этой беспо-

лезной для жизни и разрушительной для здоровья траты времени". Братья бросают работу, и это приводит к конфликту с отцом, за ослушание выгоняющим их из дому.

Борис более года, как он пишет, "скитался". И вот однажды он попадает "в биржевой зал, где устроилась передвижная выставка картин Общества передвижников. Среди всех меня особенно поразила одна большая картина, изображавшая Христа в пустыни, работы Крамского. Эта картина решила мою судьбу". Он решает пойти к директору Рисовальной школы Общества изящных искусств Францу Моранди, просить о зачислении в школу без уплаты за обучение. Моранди в зачислении ему отказывает, но затем Борис по ходатайству родственника И. Спиранде был зачислен в безоплатную группу, занимавшуюся два раза в неделю после обеда. Его учителем стал "скульптор итальянец очень высокого роста, типичный с огромным носом, красивый с очень добрыми глазами, всегда спокойный, умело забиравший в свои руки всех попадавших к нему учеников и делавший их своими преданными слугами и друзьями. Этот необыкновенный человек, которому я обязан всем своим начальным образованием по искусству, был моим лучшим другом и впоследствии, когда я уже стал художником. Дружба эта искренняя и чистая продолжалась до последних дней его жизни, которую он кончил, можно сказать, на моих руках. В течение последних 22-х лет мы с ним виделись почти каждый день, а по понедельникам для него всегда были накрыты приборы, он был нашим дорогим гостем, ни разу не пропустив обеда в понедельник, равно как и во всех случаях семейных торжеств. Это был ломбардец из Милана Луиджи Доменик Иорини. Ученик знаменитого скульптора Джорджио, создавшего бессмертную колесницу в упряжке четырех лошадей на Триумфальной арке в Милане. Иорини был человек чистой души, прекрасный и всеми любимый, таких людей я больше не встречал на моем веку. Умер дорогой мой учитель и друг от воспаления в легких на 86-м году жизни" (август 1920 г.).

Александр. После смерти Иорини (1911 г.) Борис Эдуардс обратился в совет Общества изящных искусств с предложением учредить фонд стипендии имени Луиджи Иорини. Он вносит в фонд 200 рублей. Эдуардс пишет, что "теперь эта стипендия еще не утверждена, так как я умышленно оттягивал собрание комиссии о стипендии, чтобы увеличить сумму, которая в настоящее время достигла уже 6-7 тысяч рублей" (8 августа 1920 г.). И добавляет: "Теперь с наступлением большевизма и полного разгрома школьного порядка, не знаю, как повернется дело со стипен-

дией, но если Бог сподобит мне возвратиться в Одессу и опять стать во главе преобразованной мною Школы рисования в Высшее художественное училище, я постараюсь оживить дело о стипендии Иорини и дать ей реальный ход" (август 1920 г.).

Луиджи Иорини отдал преподаванию в Художественном училище более 30 лет. Наиболее известными работами скульптора в Одессе являются скульптуры богини плодородия и земледелия Цереры и бога торговли Меркурия, установленные в фасадных нишах бывшей Купеческой биржи (ныне городская Дума). В 1898 г. Борис Эдуардс выполнил прекрасный прижизненный скульптурный портрет своего учителя и друга Луиджи Иорини, который ныне хранится в Одесском художественном училище им. Грекова. Портретный бюст Луиджи Иорини считается одним из лучших в портретном творчестве Бориса Эдуардса, создавшего скульптурные портреты многих известных людей современности (Александр Бернардацци, Луи Пастер, Влас Дорошевич, Анна Есипова, Эраст Андриевский, "Шурка" и др.).

Сергей. Этим этапом жизни Бориса Эдуардса (1877 г.) мы вынуждены завершить наш разговор о проведенных в Одессе детских и юношеских годах будущего скульптора. Борис Эдуардс завершил свою первую тетрадь воспоминаний словами: "Продолжение в следующей тетради. 8 августа 1920 г.". Поиск последующих двух тетрадей воспоминаний скульптора предстоит.

Ты обсуждал с Почетным консулом Украины на Мальте Джоном Дебоно вопрос установки мемориальной доски на мальтийском доме, где жил Борис Эдуардс. Вы как-то определили, о каком доме может идти речь? О скитальческой жизни скульптура на острове без соболезнования читать невозможно. Я насчитал шесть адресов, куда за неполные пять лет проживания на острове судьба и английская военная администрация Мальты перемещали Эдуардса с малолетней Асей, дочкой его умершей родной сестры.

Александр. Ты прав. Борис Эдуардс приплыл на Мальту предположительно 25 апреля 1919 г. на корабле Bermudian. Он жил то в помещении Технического училища (3 версты от города), то в громадном холодном деревянном военном бараке, то в семинарском помещении пустующего с 1907 г. колледжа английских гугенотов St. Ignatius College в St. Julian's, в последний год снимал квартиру. При поселении все квартиры требовали ремонта, приобретения элементарной мебели. Мастерские всегда были в отдалении от квартиры. Всюду его сопровождали бытовые неудобства: "Приготовление пищи на маленькой керосинке. Угля и дров нет. Надо ку-

пить старые ящики из-под консервов, чтобы делать приспособления. Другого леса тут добыть нельзя. Занимаюсь при мизерной лампочке-керосинке, издающей неописуемую вонь" (июнь 1920 г.). Последняя квартира Эдуардса была в Birkirkara, адрес ее известен (по информации доктора Альберта Ганадо — 73, Fleur-de-lys Road, Birkirkara, Malta). Запись 15 сентября 1922 г.: "Нанял квартиру в Биркиркара за 12 ф. ст. в год (уплата до 15 декабря 1923 г.)". По окончании срока найма: "Наняли новую квартиру там же в Биркиркаре, будет готова через 2-3 месяца. Мастерская будет при квартире". Эта запись была сделана 11 декабря 1923 г. Переехать в новую квартиру Борису Эдуардсу уже не было суждено.

Сергей. Борис Эдуардс был очень политизирован. В первые годы эмиграции практически нет ни одной записи без комментария событий в России, в мире. Он откликается на высказывания Ллойда Джорджа и Аристида Бриана, военные успехи Врангеля и Деникина, речи "мерзавца разбойника Ленина". Корабли, плывущие с Сицилии и из Константинополя, почту привозят нечасто. Он жадно читает газеты "Новое русское слово", "The Times", "Призывъ". Его гнев и ненависть к большевикам безмерны: "Из России потрясающе дурные сведения — большевики стараются во всю. При мысли обо всем происходящем в России просто задыхаешься, и сил не хватает пережить мысли, направить их в другую сторону... Голова трещит от мысли, что делается на дорогой Родине. Содрогаешься от ужасов большевизма. Проклятая чума. Мысли не идут в голову, а работа в руки" (1920 г.).

Александр. Особенно с большим нетерпением он ожидает сообщения из Одессы, в которой он прожил 60 лет своей жизни и в которой потерял все то, что составляло смысл его жизни. Каждое сообщение из Одессы горестно наполняет его душу. В общем потоке эмиграции в "окаянные дни" Одессу покидает его друг художник Петр Нилус. Эдуардс был в переписке с Петром Нилусом, жившим в Париже. "П.А. Нилус переслал мне письмо А. Федорова. Описывает житие в Одессе. Ужас и горе... Сегодня плакала моя душа, читая письма из Одессы, которым были посланы посылки с продовольствием... Сегодня прочитал в газете более подробное сообщение о смерти дорогого товарища К.К. Костанди — умер от голода бедняжка. Он был такого крепкого здоровья, что при нормальных условиях мог бы жить еще лет 10" (1921 г.). Речь шла о Кириаке Костанди, замечательном одесском живописце и талантливом педагоге. Борис Эдуардс вместе с ним в 1890 г. был одним из членов-учредителей "Товарищества южнорусских художников" (ТЮРХ).

Сергей. Эдуардса удручают постоянные известия о "вакханалии грабежа" в Одессе, разграблении его квартиры и мастерской.

Александр. Меня очень удивляет, что в дневниковых записях никак не отражена реакция скульптора на акт вандализма — уничтожение памятника Екатерине II в Одессе. Не мог Эдуардс при своих активных связях с одесситами об этом не знать. Или это ими скрывалось от Эдуадса из-за нежелания его расстроить. Впрочем, вряд ли могло быть такое длительное коллективное умолчание. Нет эдуардсовских комментариев и по поводу сноса памятника Екатерине II в Краснодаре (Екатеринодаре), проектные разработки и строительство которого он несколько лет осуществлял после смерти автора памятника — скульптора Михаила Микешина.

Сергей. Действительно, это странно. При бегстве у Бориса Эдуардса практически все осталось в Одессе. Собственный дом в Софиевском переулке и мастерская с инструментом, дача, художественные работы. На Мальте у скульптора в наличии оказалась небольшая сумма обесцененных российских денег, которые, к тому же, отказывались менять. Об использовании каких-то мифических российских акций говорить не приходится. Английская военная комендатура предоставляла беженцам временное жилье. Нужно было постоянно переезжать, самостоятельно ремонтировать и обставлять комнаты, одеваться, обучать и одевать растущую девочку. Обстановка в общине российских беженцев неблагоприятна — распри и оговоры, фискальство, кража хозяйкой харчевни М. Лихачевой средств, выделяемых английской комендатурой на общинное питание (было даже заведено уголовное дело). "Говорили, что в России было гадко, но теперь присмотрелись мы все, что за сволочь публика тут" (7 мая 1920 г.). "Эмигранты обнаружили здесь поведение, достойное презрения. Главная интриганка Ольга Путятина, дочка бывшего сумасшедшего адмирала Зеленого, одесского градоначальника" (12 мая 1920 г.). Были и такие встречи (радостные и грустные): "В Риме в русской таверне встретили наших беженцев, бывших на Мальте. Графиня Елизавета Александровна Мусина-Пушкина сидит за буфетом. Очень обрадовалась, что я ей признался. Вспоминали прошлое, когда я бывал в их дворце" (11 июля 1921 г.).

Дневниковые записи первых двух лет жизни Эдуардса на Мальте читаются с состраданием: "До того хочется съесть что-либо хорошо приготовленное, что и описать трудно. И надо больших усилий воли, чтобы удержаться от покупки таких великолепных котлеток и пирожков, которые готовит княжна Вяземская и продает в Барге... Хожу таким оборванцем, что и сказать стыдно... Ужасно мне трудно выбиться из нужды" (июнь 1920 г.).

Александр. При этом Эдуардс старается оказывать посильную помощь другим. Он посылает в Константинополь деньги детям, помогает знакомым — семье М. Ньюман и другим. "Получил письмо из Парижа от вновь образованного Одесского землячества, просят пожертвовать на голод. Но что я могу дать больше одного-двух шиллингов, ведь сам до изнеможения работаю, чтобы не голодать. Лондонскому землячеству пожертвовал 2 медальона стоимостью там 10 фунтов" (11 июня 1922 г.).

Сергей. По прочтении дневника убеждаешься, что Борис Эдуардс был не просто трудоголиком, а человеком огромной силы воли и работоспособности. В его записях постоянно упоминается о чувстве долга по отношению к удочеренной Асеньке, необходимости ее достойного содержания и обучения, необходимости заработка на хлеб. И несмотря на приступы малярии, сердечную боль, оттекшие руки и ноги, он, превозмогая себя, ежедневно идет в мастерскую. Где он, скульптор, "поставлен в ряды рабочих": "Болят руки — очень тяжела черная работа. Не малый труд 9-10 часов помахать трехфутовым молотком... Трудно без помощников — и лепить, и отливать, и отбивать мрамор, и отвозить. Ужасная усталость".

Александр. Сергей, ты сказал: "Эдуардс — человек огромной силы воли и работоспособности". Наверное, это сказано недостаточно. Дело не только в том, что он, превозмогая себя, каторжно трудится. Не имея финансовой возможности нанимать рабочих, он не чурается самостоятельно выполнять любую черновую работу. Он пишет: "Невероятно тяжело сознавать интеллектуальное умирание и переход от художника к ремесленнику" (30 июня 1921 г.). "Тоска берет, как подумаю, что я перестал быть художником. Необходимость заработка на хлеб при отсутствии требований на художественные произведения ставят меня в ряды рабочих. Теперь я литейщик, формовщик, кочегар, слесарь, чеканщик" (6 июля 1922 г.).

На Мальте он, образно говоря, был "человек-мастерская". Заказывает мрамор (его давнишний поставщик — Анонимное общество С. Генро), закупает кирпич, песок, глину, уголь, воск, канифоль, строит печи для обжига, мастерит формы, изготавливает вагранки. Сам осуществляет заливку форм и плавку в вагранках. ("Я стал бронзолитейщиком".) И все это в условиях мальтийской жары, когда плавится материал, в условиях постоянных проливных дождей и высокой влажности, когда ущербно остывает бронза. Работает в невентилируемых помещениях. Как ему теперь пригодился весь опыт, приобретенный на заре своей деятельности, когда он, скрыв свою профессию скульптора, инкогнито проработал чернорабочим на литейном заводе Барбадьен в Париже (1889-1890 гг.)! По возвращении

в Одессу он открыл "Первый на Юге России художественно-бронзово-литейный завод и Первое на Юге России ателье художественной и промышленно-художественной скульптуры". Деловой хватки Эдуардсу было не занимать, он и теперь, на Мальте, решает "сделать запросы об организации художественного или художественно-промышленного училища". Борис Эдуардс с юношеским задором осваивает новые технологии. При изготовлении многофигурного барельефа для банка Чикиони он выполняет "первые в жизни отливки в столь крупных масштабах (62 пуда)" (27 июля 1922), впервые берется за "выполнение работы по отливке из серебра четырех медальонов на сюжеты из священной истории" (22 октября 1923 г.). Все работы он выполняет в своих самодельных литейных мастерских, и лишь один раз выполняет объемную работу (заказ маркиза Чикиони) в арендованной профессиональной литейной мастерской братьев Дебоно.

Сергей. И все это при тяжелейшем, а порой критическом физическом самочувствии. Эдуардс, казалось, уже привычно описывает в дневнике свои сверхмучительные ежедневные приступы болезни, свое постоянное очень тревожное сознание "близости конца". Невозможно себе представить, как человеческий организм смог более десятилетия практически ежедневно выдерживать такие чудовищные малярийные приступы, какими судьба незаслуженно наградила Бориса Эдуардса.

Александр. Эдуардс приехал на Мальту тяжело больным. Причем эта болезнь его изводила долгие предреволюционные годы. В 1896 году умер известный российский скульптор Михаил Микешин, автор памятника Екатерине II в Екатеринодаре (Краснодаре), и Борис Эдуардс был приглашен продолжить работы по изготовлению и сооружению памятника, который был открыт в 1907 г. Пребывание в Екатеринодаре закончилось для Эдуардса тяжелым заболеванием — он заразился малярией.

Эти страдания в дневнике описываются практически ежедневно: "Малярийные припадки допекают... Малярия меня окончательно добивает... Малярия не прекращается несмотря на изрядную долю хинина... Целый день шумит в голове от хинина, а прока что-то мало... Сердце уже не выносит хинина в той мере, которая нужна для подавления малярийных приступов... Придется уступить малярии или помереть от действия хинина... Микробы малярии, очевидно, распространились по всему организму и оказывают уничтожающее действие... Ужасающий припадок, пришлось класть лед на голову... Малярия пересиливает, и сердце уже не выдерживает даже небольших порций хинина... Сердце мое не хочет работать, я просто замерзаю, если не обложусь бутылками с горячей водой... Сердце

не работает, я чувствую, как коченеют все мои члены, холод охватил все существо... Лихорадка и состояние морального отчаяния, ощущение близости смерти действуют мучительно на психику... Припадки грудной жабы, которая грозит меня задушить... Я сильно похудел, состарился, изменился до неузнаваемости... Я не узнаю себя, совершенного старика... Умирание очевидное... Ужасно предчувствую конец. Боюсь лечь спать... Вероятно, конец придется встретить здесь. Как хотелось бы мне возвратиться в Одессу и там сложить кости. Как хотелось бы мне лечь рядом со всеми своими... Очень гадко болеть без денег".

Хотя Эдуардс, как всегда, деятелен и общителен, он постоянно мучительно переживает свое личное одиночество. "Одиночество донимает, да так, что бросился бы в объятия каждому, кто бы тепло отнесся ко мне... На душе камнем лежит безысходная тяжесть, одиночество гнетущее... Настроение отвратительное, чувство сиротства до того съедает, что сегодня я даже плакал — так нервы расстроились... Тоска и одиночество невероятные... Одиночество ужасное и гнетущее. Так ведь в этом одиночестве прошла вся жизнь моя бедная". В июле 1921 г. Эдуардс оформляет завещание: 50% наследства предназначаются двоим детям от брака с княгиней Татьяной Ухтомской, остальные 50% — Анастасии (Асе). Распорядителем имущества до его наследственного дележа был назначен Михаил Васильевич Брайкевич.

Сергей. Будучи физически совершенно обессиленным и морально раздавленным, Борис Эдуардс в этот период создает замечательные произведения. Создает свою поэтическую "Девушку в кресле", считая ее своей "лебединой песней". Эту работу Эдуардс называет по-разному — "Барышня в кресле", "Дама в кресле" или просто "Сидящая в кресле".

Александр. Сергей, ты себе представить не можешь те чувства, которые нами овладели при впервые увиденной этой великолепной жанровой композиции в Музее изящных искусств Мальты. Она на нас всех произвела потрясающее впечатление. Эдуардс пишет, что директор созданного Музея изящных искусств В. Бонелло (март 1923 г.) в "неописуемом восторге от моей Дамы, он назвал в каталоге выставки мою Даму "Jognibello". Замечу, что нынешний директор Музея изящных искусств (Ла-Валетта) господин Сандро Дебоно разрешил нам сфотографировать это произведение, ныне под названием "Reverie" экспонирующееся в музее.

Эдуардс, влюбленный в свою "Девушку в кресле", решает выполнить скульптуру из слоновой кости. Он просит Михаила Брайкевича помочь с приобретением слоновой кости, в Берлине посещает фабрику Венцель,

выпускающую машины для обработки слоновой кости. "Наследник Венцеля меня узнал, несмотря на прошедшие 10 лет (я покупал машину, которая осталась в Одессе). Купил набор великолепных инструментов" (8 сентября 1921 г.). 22 апреля 1923 г. он записывает: "Какая прекрасная поэтическая вещь вышла. Как великолепно сочетается бронза со слоновой костью. Рассмотрение Дамы вызывает столько радостных переживаний, точно мне в первый раз удалась работа. Я нахожу, что это высокоаристократическое произведение чрезвычайной художественной ценности. Я иногда не верю, что я сделал такую вещь, и мне еще больше становится больно своего прозябания здесь. Я не смог удержать слезы от воспоминаний об утраченном прошлом. Так дико отнятом и ограбленном у меня". "Она действительно такая прелесть, что оторваться от нее нельзя. В былое время, если б я выставил свою Даму в Питере, сейчас бы была куплена в музей или частную коллекцию" (18 марта 1923 г.). Его радует, что выпущены почтовые карточки с изображением "Дамы в кресле" (октябрь 1923 г.). Именно это произведение, выполненное в единственном экземпляре (частично с использованием слоновой кости), ныне предположительно может быть в Музее Эшмолеан.

Интересна история создания этого произведения. В январе 1920 г., когда скульптор переживает тяжелые известия из Одессы и мальтийские житейские неурядицы, он без натурщицы лепит маленький "очень удачный этюд" сидящей в кресле девушки. У него возникает решение "выполнить ее в несколько большем масштабе и сделать из мрамора" (26 января 1920 г.). В марте в студию "пришла В. Лихачева и ее сестра красавица княжна Дедешкелиани. Какое очарование женщины, попросил ее позировать, на что она восторженно ответила согласием. Это может быть моя "лебединая песня", но какая прекрасная" (15 марта 1920 г.).

Сергей. Очень впечатляет большой перечень работ, выполненных Борисом Эдуардсом во время пребывания на Мальте. Думается, это настоящий подвиг творческого и физического труда тяжелобольного человека, причем живущего в совершенно некомфортных условиях. В дневнике упоминаются мраморные медальоны адвоката Неварда, княгини О. Вяземской, княгини Дедешкелиани, княгини Д. Чудной, мадам Кекевич, жены художника Велла, брата Розы Райш — А. Найс, жены Мицци, бюст княгини О. Вяземской, памятник и бюст мадам Байяды, барельеф адвоката Мевсуди, памятник Кауни, фигурная группа для фонтана дачи Анапа, мраморный бюст Босады, памятник Фавни ("Сидящий ангел у креста"), памятник майору Дж. Дугласу, Группа утешения на семейном участке

Luigi Stagnetto (кладбище на Гибралтаре), статуя Мадонны Кармелитки, фигура Ангела для церкви в Сенглея, серебряные медальоны для пьедестала Мадонны, многофигурный барельеф для банка маркиза Чикиони, оформление кабинета Чикиони в стиле Людовика XVI и другие. Некоторые работы Эдуардс тиражировал. В частности, было выполнено более 50 экз. композиции "Дама в кресле". Многие заказчики с большими трудностями расплачивались, на творчестве скульптора зарабатывали посредники. "Бонелло делает гешефт на моих работах... Выплачивает по 1-2 фунту, которых едва хватает заплатить за харчи" (май 1920 г.). "Заказали 300 статуэток Мадонны, а взяли одну. Хорошо, что я отлил 20" (30 апреля 1922 г.). Иногда скульптору даже приходилось обращаться в суд (дело Кармело Малия, февраль 1922 г.).

Александр. Сергей, ты не упомянул исполнение бюста генерал-губернатора Мальты фельдмаршала Герберта Плюмера (Gerbert Plumper), героя Ипрского сражения 1917 г. Сам лорд не позировал, скульптор пользовался Атласом атрибутов обмундирования, предоставленным британской военной комендатурой. Современники фельдмаршала отмечали, что Эдуардс достиг полного портретного сходства и отражения индивидуальности британского военачальника. Комендант Мальты "майор Смит смотрел бюст лорда и пришел в восторг... Бюст производит фурор", — записывает скульптор в дневнике (29 марта 1920 г.).

Многие работы Эдуардса ныне находятся в частных коллекциях жителей Мальты. Скульптор часто делал подарки, даря свои произведения мальтийцам — архитектору Бонелло, адвокату Велла, нотариусу Катания, профессору Гамильтону и другим. Выступая в программе "Эдуардсовских чтений" (Ла-Валетта, октябрь 2008 г.), президент Национального исторического общества Мальты доктор Альберт Ганадо сообщил о наличии в своей коллекции нескольких произведений Эдуардса, в том числе и портретного бюста фельдмаршала Герберта Плюмера.

Сергей. Я понимаю, что за давностью лет практически невозможно с какой-то полнотой изучить мальтийский творческий период Бориса Эдуардса, но хоть какие-то попытки делаются?

Александр. Делаются, но очень слабые. И в основном, искусствоведами Мальты, одесситы как-то отстранились. С 1920 г. в России не вышло ни одного сборника статей, ни одной книги, посвященной творчеству Бориса Эдуардса. В это трудно поверить, но это, к сожалению, факт. Трудно понять, чем Борис Эдуардс заслужил у соотечественников такое отношение к своему творчеству. Время обличения "предателей Родины" ведь давно прошло.

Мы с тобой, Сергей, говорили, как горестно Эдуардс переживал ограбление своей мастерской. На Мальте однажды произошел случай, который обострил эту боль. Эдуардс записывает: "Здесь у одного купца Кутаяра оказалась моя бронзовая статуэтка, купленная им у какого-то матроса судна, пришедшего из Одессы. Это оказался эскиз Суворова на коне, утвержденного покойным государем, который я вылил в бронзу. Он был куплен за 2 ф. ст. Очень мне было тяжело видеть эту бронзу, и я делал над собою усилие, чтоб не заплакать над этим свидетельством моего разорения, разорения моей мастерской, моей души. Как мне больно и обидно было, сколько воспоминаний связано с этой статуэткой. Кутаяр предложил, чтобы сделать ему модель всего памятника" (28 июня 1920 г.). "Кутаяр захотел, чтобы я восстановил пьедестал с барельефами, как они есть на памятнике" (31 января 1922 г.). Эдуардс смонтировал модель памятника Суворову. "Кутаяр принял работу памятника Суворову. Но, Боже, какое отсутствие какого-либо понимания или интереса к тому, что я сделал. Больше всего тщеславие: "Вот это сделано по заказу А. Кутаяра и будет на выставке" (17 апреля 1923 г.).

Сергей. Эдуардс упоминает о создании памятника "Героям 6 июня": "Комиссия поручила работу памятника убитым 6 июня 1919 г. за освобождение Мальты. Плата за сооружение смехотворна — 170 ф. ст. Но я сделаю" (12 марта 1923 г.). Александр, ты видел этот памятник?

Александр. Лишь на фотографии. Этот памятник был установлен на кладбище Adoloratto, кстати, рядом с выполненным Эдуардсом памятником Кауни. Исполнение скульптором памятника "Героям 6 июня" было единственным общественным заказом. На создание памятника была выделена мизерная сумма, этот памятник нельзя причислить к разряду выдающихся эдуардсовских произведений.

Борис Эдуардс дружил со многими известными деятелями искусства Мальты. Их моральная, а иногда и материальная поддержка была для него значима. Его вместе с воспитываемой им Асей часто приглашают в гости В. Бонелло (в марте 1923 г. он стал первым директором основанного Музея изящных искусств), семья художника Велла ("Запахи мастерской Велла меня оживляют... Решил с сеньоры Веллы сделать медаль... Велла подарил мне свой натюрморт, участвующий на выставке. Какой чудный этюд, какой колорит и какая гармония в отношениях красок"), он общается с архитекторами Бокалло, Вассалло и Малиа, скульптором Кардоно, художником Дингли, адвокатом Велла и нотариусом Катания.

Сергей. Хочу заметить, что не всегда гладко складывались отноше-

ния Эдуардса с местными художниками и скульпторами. Это понятно — никто из них не мог приблизиться к профессиональному уровню Бориса Эдуардса, у многих была профессиональная зависть и даже злость от потери части заказов из-за появившегося конкурента. Не этим ли следует объяснить хулиганский поступок — на выставке 1923 г. статуэтка "Дама в кресле" была повреждена, "какой-то негодяй сделал пробой в левой груди бронзы. Подлец этакий!" (26 декабря1923 г.).

Александр. Эдуардс часто приглашает друзей к себе на чаепитие. "Купил у мальтийца тульский самовар, так ему обрадовался, точно Россию увидел" (16 мая 1920 г.). Он дружит с известным российским историком и библиографом Константином Адамовичем Военским ("Спасибо К.А. Военскому, он оказался необычайно сердечным, отзывчивым человеком". 3 февраля 1920 г.). Беседы с Константином Военским, автором многих работ по истории России, в том числе по истории Отечественной войны 1812 г., были для Эдуардса "глотком Родины". Тем более что Военский был автором и монографии "Русский музей императора Александра III" (1897 г.), в котором, как известно, были и работы скульптора. Константин Военский умер в 1928 г., похоронен на том же кладбище Ta'Braxia Cemetery (Флориана), что и Борис Эдуардс. Эдуардса связывают приятельские отношения с живущими по соседству семьями художника Иона Перова и княгини О. Вяземской, Бонч-Бруевичей, Новосельцевых. А вот с известным архитектором Николаем Красновым, архитектором двора его императорского величества, отношения почему-то не сложились ("Краснов умеет влезть без мыла в самые тесные скважины". 13 марта 1920 г.).

В 1921-1923 гг. Эдуардс несколько раз принимал участие в ежегодно проводимых на Мальте групповых художественных выставках. Представленный портретный бюст генерал-губернатора лорда Плюмера произвел фурор. О выставке 1922 г. скульптор отозвался не очень лестно: "2-3 удачные картины и мои работы. Остальное — такая дрянь, что у нас на ученическую выставку не поставили бы" (5 мая 1922 г.). На этой выставке Эдуардс представил бюст Баяды, медальоны Мицци, Веллы, Баяды и Розы Райш. На выставке 1923 г. Эдуардс представляет "Даму в кресле", четыре медальона и модель памятника А. Суворову. "Выставка имела большой успех. Мои работы всеми признаны первыми, лучшими из всех. Получил столько поздравлений от людей совершенно мне не знакомых, что если бы был моложе, то это могло бы мне вскружить голову. Впрочем, за эти годы мытарств и горя я позабыл даже, что ведь я в самом деле хороший художник" (25 декабря 1923 г.).

Сергей. Из записей Эдуардса становится подробно известным период "выживания Лигой наций беженцев с острова". Английская военная администрация была лишь добросовестным исполнителем. Все началось в ноябре 1921 г.: "Губернатор лорд Плюмер сообщил о необходимости отъезда беженцев в Египет и поселения их на Кипре" (22 ноября 1921 г.). "Объявлено, что после 28 февраля 1922 г. ни одного беженца на Мальте не должно остаться. Комендант Смит предупредил об окончании 1 января выдачи пайка. Семьи отправляют в Египет, а оттуда на Кипр, в Сербию, Болгарию, Чехословакию. Будут давать паек еще 2 года" (ноябрь 1921 г.). Перед скульптором возникает серьезная проблема — куда уезжать с ребенком? "Нужно готовиться к отъезду, распродавать весь накопившийся скарб. Перевожу скульптурные бебехи, растыкиваю их по разным чужим людям. Надо собираться, но как быть с работами и куда наметить путь?" — это записи февраля 1922 г.

Прессинг английской комендатуры продолжается: "Сегодня все получили письма: "Информируем, что 28 февраля вы должны выехать из колледжа, куда вам угодно. Прилагаемую подписку прошу подписать и сдать коменданту". Разговоры никакие не допускаются, а квартиру найти по нашему карману нет никакой возможности... Чем ближе 28 февраля, тем неотступнее думы, куда деваться" (22 января 1922 г.). "Выживание беженцев с Мальты идет полным ходом. Сегодня от коменданта всеми получены письма с обратной распиской: "Я подтверждаю, что информирован комендантом по распоряжению военного правительства Англии, что никакие отсрочки продолжения питания и никакие финансирования проездов за счет английского военного правительства не будут производиться больше, и прекращаются 28 февраля 1922 г.". Просьба к беженцам — указать, куда желают ехать" (2 февраля 1922 г.). "Сегодня опять новые английские распоряжения, терроризирующие нас. Объявили, что ввиду закрытия кредитов 30 марта, все должны к этому времени выехать, так как после этого числа денег на проезд даваться штабом не будет" (20 марта 1922 г.). "Сегодня говорил с комендантом, мне будет выдан билет для проезда в Берлин и ходатайство разрешения у немецкого правительства на долгосрочное проживание в Германии. После 28 февраля я смогу оставаться на этой же квартире, пока уеду, но продовольствие прекращается". "Тадко чувствовать себя в роли собаки, лишенной своего старого дома и места. И куда она не пойдет, ее всюду гонят. Так и нас бедных бездомных беженцев" (8 февраля 1922 г.).

Замечу, что все это происходит в те же дни, когда представители английской военной администрации и художественная общественность

Мальты восхищаются выполненной Эдуардсом портретной скульптурой генерал-губернатора Мальты фельдмаршала Герберта Плюмера. Александр, тебе известно, чем было вызвано решение Лиги наций о выселении российских эмигрантов с Мальты?

Александр. Ответить на твой вопрос не могу. Информацию о решении Лиги наций по принудительному переселению российских беженцев с Мальты на остров Кипр, в Египет и другие страны я впервые узнал из дневника Эдуардса. Чем оно было вызвано, не знаю. Пытался выяснить из публикаций, но в доступной литературе их не обнаружил. Как известно, ни в одной из континентальных европейских стран такая переселенческая ситуация не возникала. Наоборот, с 1921 г. по решению Лиги наций российским беженцам там выдавались Nansen-Pass, предоставляющие им многие гражданские права. Информация о выдаче российским беженцам на Мальте "нансенских паспортов" мне не встретилась.

Принуждаемый к отъезду, Борис Эдуардс пишет запросы в разные страны, хотя при наличии работы принимает решение остаться на Мальте. В этот момент к нему поступает предложение министерства промышленности Мальты возглавить курсы по подготовке учителей. "Выясняется с моей службой у мальтийцев. Парламент должен рассмотреть мое назначение, и тогда в благоприятном случае я останусь на Мальте" (4 февраля 1922 г.). Он решает поехать к Розе Райш в Bad Neugeim (Германия) и до 1 октября вернуться с ней на Мальту. Параллельно они принимают семейное решение приобрести домик под Берлином или Мюнхеном. В октябре 1923 г. Борис Эдуардс возвращается с Розой Райш на Мальту, и впервые, пожалуй, за все годы наступают несколько месяцев его счастливой семейной жизни. Они принимают гостей, отмечают день рождения Розы. Но это семейное благополучие длится совсем недолго. 30 июня 1924 г. Роза Райш вместе с Асей, пережив утрату Бориса Эдуардса (12 февраля), покинули Мальту, уплыв в Гамбург.

Сергей. А не задумывался ли ты над тем обстоятельством, что на могиле Бориса Эдуардса вовремя не было сооружено какое-то достойное надгробие, что за три четверти века могила скульптора оказалась как-то утерянной? Спасибо посольству Российской Федерации и Российскому Центру науки и культуры на Мальте, разыскавшим могилу Бориса Эдуардса и установившим на ней надмогильную плиту.

Александр. Я до сих пор как-то не нахожу объяснения этому обстоятельству. Как человек, создавший десятки высокохудожественных произведений, в том числе памятников-надгробий в разных странах,

смог после смерти оказаться не отмеченным достойным памятником или надгробием?

Старинное интернациональное кладбище Ta'Braxia Cemetery было основано в 1857 г., на нем сохранились не поврежденными сотни памятников конца XIX — начала XX века, в том числе и на могилах людей, живших вместе с Борисом Эдуардсом в лихие годы эмиграции на Мальте. Константин Военский, Екатерина, Павел, Ольга и Наталия Путятины. На старинном еврейском участке сохранилась могила одессита — Якова Бецинского (Giacomo Bescinsky, ум. 1871 г.). Никак не могу понять, как могила человека, окруженного при жизни уважающей его творческой интеллигенцией — архитекторами, скульпторами, художниками, оказалась без памятника. Если не говорить об оригинальном заказном памятнике, уверен, что в мастерской Бориса Эдуардса были десятки неиспользованных мраморных элементов, а также форм надгробных произведений, отливки которых могли быть компиляционно использованы. После смерти Эдуардса на Мальте оставалась несколько месяцев его супруга Роза Райш, которая также могла распорядиться и оставшимися художественными произведениями, и деньгами для установки памятника или достойной надмогильной плиты. Да, и Михаил Брайкевич мог впоследствии распорядиться, будучи по завещанию доверенным лицом. Согласись, что эта совершенно необъяснимая, на мой взгляд, ситуация как-то дополнила и без того трагические обстоятельства жизни Бориса Эдуардса.

В былые времена всегда при виде одесского особняка Бориса Эдуардса мне представлялась не только царящая там возвышенная творческая атмосфера, но и картина какого-то семейного счастья, покоя и благополучия за его стенами в начале двадцатого века. Знакомство с дневниковыми записями, обнаженно представившими трагизм личной жизни скульптора, напрочь разрушило это мое идиллическое дежавю.

Сергей. А не стоит ли нам взвесить необходимость "разглашения" того, что Эдуардс пишет о своей личной жизни? Ведь с читателями может произойти то, что произошло с тобою.

Александр. Считаю, что твои сомнения напрасны. Знакомство с личной неустроенностью и трагическими обстоятельствами жизни Бориса Эдуардса, не приведшими к его депрессии, не подавившими у скульптора желания служения искусству и возможности творчества, причем жизнеутверждающего, только возвеличивают его, совершившего, на мой взгляд, человеческий и творческий подвиг.

Не многим суждено вынести столько житейских невзгод и горя, сколь-

ко свалилось на Бориса Эдуардса в течение всей его жизни. Это, прежде всего, неудачная женитьба на княгине Татьяне Дмитриевне Ухтомской. "Всю мою жизнь разбила эта истеричка, эгоистка и беспутная баба. И не только мою, но и сестры Лиды" (24 декабря 1921 г.). "Одаренная, порывистая, но никчемушная натура" (6 марта 1922 г.).

Любимая родная сестра Лидия за несколько месяцев до его эмиграции умерла. "Лидия в последние 10-15 лет моей жизни при неудачной женитьбе была моим ангелом-хранителем. С Лидией мы не расставались всю жизнь до 1918 г., когда она в ноябре скончалась на моих руках после тяжелых страданий от испанской инфлюэнцы" (6 ноября 1923 г.). На его попечении осталась малолетняя дочка сестры — Асенька (ей было около четырех лет), вместе с которой он эмигрировал. "Господи, продли мне дни, чтобы укрепиться и вырастить эту девочку, такую дорогую мне!" (25 июля 1922 г.).

Война разлучила его с любимой женщиной Розой Райш (Rosa Reisz), живущей в Bad Neugeim (Германия). Роза Райш, не переждав войны, вышла замуж. Но ее брак был неудачен. В июле 1921 г. Эдуардс едет в Германию, где после семи лет разлуки встречает свою возлюбленную, "милую немочку Röschen". "Милая Роза, я люблю ее, как и прежде, и страшно рад вновь встретиться с ней. Я мечтаю остаток своей жизни прожить в содружестве с Розой, которая так давно и крепко любима". Любовь Розы Райш взаимна, она пишет: "Я пойду жить с тобой, куда бы ты меня не позвал, хоть на край света. Лишь бы быть с тобой и служить тебе" (31 октября 1921 г.).

В Берлине Эдуардс оформляет официальный развод с княгиней Татьяной Ухтомской, с которой не живет и не общается с 1902 г. И еще в посольстве он хлопочет об удочерении Аси. В феврале 1922 г. Эдуардс получил документ о разводе: "Это такое облегчение моего жизненного кошмара, последние 15 лет тяготившего надо мной". 25 декабря 1922 г. Эдуардс венчается с Розой Райш гражданским браком в Bad Naugeim и в православной церкви в Висбадене.

В дневнике много озабоченных записей о судьбах его дочери Мусиньки ("Мушки") и сына Саши, живущих в Константинополе. "Я дедушка. У Мусечки 17 октября родился сын... Письмо от Мушиного мужа — сообщает о скоротечной послеродовой чахотке, что Мусинька в безнадежном состоянии". 20 декабря 1922 г. Мусинька умерла, ей было 20 лет.

За этим следует очередной удар судьбы: "Получил мартиролог, перечисляющий умерших наших товарищей, в котором узнал о смерти моего

сына Саши, который оставил вдову и 14-месячного младенца. Бедный Саша, его смерть была совершенно для меня неожиданна. Трудно смириться с его смертью. Теперь надо устроить, чтобы приблизить к себе внука, как единственного носителя фамилии Эдуардсов, и помочь матери вырастить его. Саня безумно любил этого ребенка. Воображаю, как тяжело Татьяне Дмитриевне, она осталась одна-одинешенька. Сама виновата — переоценила свои таланты и осталась при разбитом корыте, однако мне ее очень жаль" (1 мая 1923 г.).

Из дневниковых записей мы узнаем о некоторых подробностях семейной размолвки. Забрав дочку, "честолюбивая мать таскала несчастного ребенка по разным захолустьям Бессарабии и Подолья, добывая себе театральные лавры в разных бродячих труппках. Обанкротившись в отношениях со мной и разорив семью, потащила ребенка в Москву, подвергая его самым неправильным условиям жизни. Потом перевезла в Феодосию и поместила на жительство в семье. Что хорошего она там видела в течение нескольких лет?" (10 января 1922 г.).

Сергей. Европейским интерклубом "Дом Дерибаса" (Берлин) в октябре 2008 года в Ла-Валетте были проведены Первые Международные "Эдуардсовские чтения". По многим положительным оценкам прессы мне известно, что это стало первым общественно значимым культурологическим мероприятием, проведенным заграничной одесской диаспорой в Европе. Чем был вызван у клуба такой большой интерес к жизни и творчеству Бориса Эдуардса?

Александр. В студенческие годы, посещая библиотеку "Горьковку" и направляясь к остановке трамвая, я постоянно проходил стометровку Софиевского переулка. Проходя мимо особняка Бориса Эдуардса (Софиевский пер., 3), вспоминал, что это был один из центров общественно-художественной жизни города, здесь бывали Луиджи Иорини, Кириак Костанди, Петр Нилус, Тит Дворников, Борис Эгиз и другие известные деятели искусства, студенты Художественного училища. Всегда было интересно заглянуть в бывшую мастерскую скульптора и во двор, где работали художники, скульпторы, камнетесы, чеканщики. Интересно было наблюдать за работой мастеров, но пришлось видеть стоящие и лежащие конвейерно-поточные скульптуры Ленина, Сталина, металлургов с ковшами и их подружек — "Девушек с веслом", которых долгие годы плодила советская мастерская Художественного фонда.

В сентябре 2007 года, когда в Одессе был установлен реабилитированный памятник Екатерине II и когда были постоянные казацкие потасовки

у памятника, одесская пресса уделяла повседневное внимание этим событиям. А вот об имени создателя памятника как-то совершенно забылось. Мне не встретилось ни одной статьи, посвященной Борису Эдуардсу. Я ностальгически решил с друзьями пройтись по своему студенческому маршруту, подойти к особняку скульптора. И то, что пришлось увидеть, не могло не удивить. Я имею в виду состояние особняка и мастерской скульптора, отсутствие охранной грамоты (хотя бы "Памятника культуры местного значения"), отсутствие элементарной мемориальной таблички.

За рубежом Одессы в разное время и по разным причинам очутилось много выдающихся потомственных одесситов, и "Домом Дерибаса" было принято решение изучить послереволюционные судьбы некоторых из них — ученого Георгия (Джорджа) Гамова, скульптора Бориса Эдуардса, художника Франца Рубо, мецената барона Эдуарда фон Фальц-Фейна и других. Кстати, по совместной инициативе "Дома Дерибаса" и барона Эдуарда Александровича фон Фальц-Фейна мэрией Одессы была установлена мемориальная доска на доме, в прошлом принадлежавшем основателям заповедника Аскания-Нова, семье Фальц-Фейн и семье Скадовских-Фальц-Фейн, основателям города Скадовск. Это известный "Дом с атлантами" на Надеждинской ул., 5/7 (архитектор Лев Влодек).

Сергей. Мы познакомились с дневником Бориса Эдуардса, охватывающим несколько лет его жизни в изгнании. Узнали неизвестные факты его творческой и частной судьбы, жизни российской диаспоры беженцев на Мальте. Что можно сказать обо всем этом?

Александр. С именем Бориса Эдуардса у россиян и одесситов связано много прекрасного. Он был основателем скульптурной школы города, Одессу украшают его произведения — памятник Основателям города (с фигурами Екатерины II, князя Григория Потемкина, графа Платона Зубова, адмирала Иосифа де Рибаса и инженер-полковника Франца де Волана), портретный бюст архитектора Александра Бернардацци, памятник врачу Эрасту Андриевскому и др. Более тридцати произведений скульптора находятся в Одесском художественном музее и Одесском художественном училище им. Грекова, его произведения находятся в Русском музее (Санкт-Петербург), музеях Англии и Мальты, в частных коллекциях. Борис Эдуардс был академиком Российской императорской Академии художеств (1915 г.), членом-учредителем "Товарищества южнорусских художников" (ТЮРХ), соорганизатором Художественного училища. А перед эмиграцией — директором этого училища.

Дневник Бориса Эдуардса — это не мемуаристика в прямом понимании, а своего рода летопись. Прочтя дневник, мы узнали подробности мальтийской жизни скульптора, сохранившего культурные ценности в изгнании, несмотря на оторванность от родной культурной среды. И преумножившего их. Перед нами возник доселе совершенно неизвестный облик счастливого художника, произведения которого восторженно и с благодарностью воспринимались людьми, и человека, тяжело больного и глубоко несчастного в личной жизни. Человека, в годы эмиграции изо всех сил боровшегося за жизнь и за выживание.

Борис Эдуардс вышел победителем, к исходу его дней судьба стала благосклонно к нему относиться. Он стал полноправным гражданином Мальты (сентябрь 1922 г.), министр народного просвещения Мальты предложил ему руководство курсами по подготовке учителей рисования, его избрали почетным членом Художественного общества Мальты, министерство промышленности Болгарии предложило ему профессорскую должность в Художественно-промышленном училище, он обрел счастье в личной жизни, его заработки позволили ему, наконец, снять квартиру с мастерской. Но до смерти оставались считанные дни. Победить коварную малярию ему не удалось. Он прожил всего 64 года...

В заключение нашей беседы я хочу выразить тебе, Сергей, признательность за то, что ты предоставил именно Европейскому интерклубу "Дом Дерибаса" эксклюзивное право знакомства с дневником и воспоминаниями Бориса Эдуардса.

И мы смогли вместе с Борисом Эдуардсом вспомнить его юношеские годы, виртуально пережить тяжелейшие последние пять лет его жизни в изгнании. Если и есть что-то истинное в знаменитой булгаковской фразе "Рукописи не горят", это именно то, что в круговороте эмигрантской жизни уцелели дневник (1920-1923 гг.) и воспоминания Бориса Эдуардса, уцелело более тысячи двухсот рукописных страниц скульптора.

Сергей. Благодаря благотворительной деятельности Европейского интерклуба "Дом Дерибаса" стали известны подробности мальтийского периода жизни и творчества Бориса Эдуардса. Произошло настоящее чудо — почти через столетие к нам пришли мысли Бориса Эдуардса. Нужно сделать, чтоб они нашли дорогу к читателям.

Александр. Ты прав. Остается только добавить, что ныне в Украину и Россию возвращается имя академика Российской императорской Академии художеств (1915 г.) и само творчество Бориса Васильевича Эдуардса.

Восстановлен памятник Екатерине II в Одессе, автором которого является Борис Эдуардс. Восстановлен также памятник Екатерине II в Краснодаре, проектирование и строительство которого после смерти скульптора Михаила Микешина было осуществлено при участии и под надзором Бориса Эдуардса. В этом памятнике авторству Эдуардса принадлежат скульптурные фигуры кобзаря-слепца и мальчика-поводыря.

По чертежам скульптора, принятым городской Думой еще в 1907 году, намечена установка памятника градоначальнику Одессы (1878-1895 гг.) Григорию Маразли.

Берлин – Москва

Ольга ТАНГЯН

Испытания Юрия Трифонова

В нашем альманахе Ольга Юрьевна Тангян уже публиковала материалы о своем деде – интереснейшем художнике первого одесского авангарда Амшее Нюренберге. Сегодня мы представляем читателям ее воспоминания об отце Юрии Трифонове и матери певице Нине Нелиной (Нюренберг).

Е. Г.

Писатель Юрий Трифонов дважды добивался большого успеха. Вначале в юности, когда опубликовал свой первый роман "Студенты" (1950). Но еще большей славы он достиг через двадцать шесть лет. В 1976 году была опубликована повесть "Дом на набережной", ставшая ключевым событием литературной жизни 70-х годов. Трифонов часто повторял слова Достоевского о том, что "человеку для счастья нужно столько же счастья, сколько и несчастья". Ему потребовалось многое пережить, чтобы написать свою лучшую книгу.

26 сентября 1966 года в возрасте 43 лет умерла жена Трифонова, моя мама, певица Большого театра Нина Нелина. Неожиданная смерть молодой известной женщины вызвала большое количество версий. Несмотря на официальную справку об "инфаркте миокарда", причины смерти назывались самые разные, вплоть до самоубийства. На трагическое событие в нашей семье откликнулось много людей. Писали друзья, писали организации. У меня до сих пор хранится стопка писем и телеграмм.

В 1968 году Трифонов женился на Алле Пастуховой. Новый брак не вытеснил потрясение от недавней утраты. Именно тогда он написал одну за другой полные самоанализа и самооправдания "московские повести": "Обмен" (1969), "Предварительные итоги" (1970), "Долгое прощание" (1971), "Другая жизнь" (1975) и, наконец, "Дом на набережной" (1976). Пастухова не только проявила большой такт в этом вопросе, но, будучи профессиональным редактором, во многом способствовала его работе. В этих повестях Трифонов заново переосмыслил свою прежнюю жизнь.

Отец говорил мне: "У тебя нет матери, не будет и отца"

Первое время после смерти мамы мы с отцом все время находились вместе. Мне даже казалось, что он искал во мне защиту, и это наполняло меня гордостью. Когда я ложилась спать, он садился рядом и читал мне вслух книги, чаще всего Чехова.

Вскоре Трифонов написал рассказ "Самый маленький город". Его история была такова. Два болгарских друга отца — писатель Банчо Банов и журналист Вырбан пригласили нас в Болгарию справлять Новый 1967 год. Им хотелось

окружить нас своей дружеской заботой. Впервые я встречала Новый год вдвоем с отцом в Доме болгарских журналистов в Софии. Помню в ресторане висели транспаранты "Честита Новата година!".

Юрий Трифонов читает дочери Ольге. 1955 г.

Представляя моего отца своим друзьям в Софии, Банчо Банов с непередаваемым выражением говорил: "Юрий Трифонов — писатэль!". Он сам и его друзья тоже были писателями и журналистами, но Банчо хотелось подчеркнуть особое значение Трифонова. В этой похвале чувствовалось не только желание сделать приятное товарищу, но и некоторая профессиональная ревность. Банчо казалось, что отец ставил перед собой слишком большие творческие задачи. Помню, что отец немного нервно реагировал, когда тот в который раз преподносил его как "писатэля".

Жили мы с отцом в отеле, холодном и неуютном. Разговаривали друг с другом мало, оба были малоразговорчивыми. Отец писал со скрытой болью: "И вот что случилось с тех пор: я остался один... Я остался один со своей молчаливой Алей". Отец ведь тоже нуждался в собеседнике, помощнике. Как отчаянно звучал вопль о помощи у Мандельштама: "Читателя! Советчика! Врача! На лестнице колючей разговора б!".

Я тогда не понимала, что болгарские друзья пригласили нас, чтобы поддержать. И совершенно не могла осознать, что я делала в этом незнакомом месте с молчаливым и угрюмым отцом. Поэтому часто спрашивала его одно и то же:

— Папа, зачем мы сюда поехали?

У отца не было ответа. Не мог же он мне ответить, что мы бежали из Москвы от горя и одиночества. Но, видимо, мой вопрос причинял ему боль, поскольку позже он вставил его в свой рассказ.

Много лет спустя я встретила писателя Макса Бременера, сокурсника отца по Литинституту. И он спросил меня, действительно ли я задавала отцу этот вопрос, или он его придумал. И я подтвердила, что все было действительно так. Бременер утвердительно кивнул головой, нисколько не

удивившись. Он знал, что отец многие вещи брал из жизни. Он просто хотел проверить свое предположение.

Болгарские друзья не ограничились чествованием Нового года в Софии. Они решили повозить нас по окрестностям. Так мы попали в "самый маленький город" — Мелник. Город Мелник живописно располагался в горах, которые зимой были покрыты снегом, и находился почти на границе с Грецией. Впервые в жизни я ночевала в келье монастыря, который был переделан под гостиницу.

Мелник славился не только своим красным вином, но и молчаливыми стариками:

"В Болгарии же встречаются громадные сборища молчаливых стариков... Аля очень подошла бы к компании болгарских стариков", — писал Трифонов.

Однако Мелник был важен для Трифонова не только тем, что был "самым маленьким" в мире. Несколько лет назад он был в Болгарии с мамой. И жившие там старики оставались такими же, как они их тогда увидели. Почему же все оставалось прежним — и горы, и молчаливые старики, и старое полуразвалившееся "рено" его друга, и даже город, который постоянно уменьшался, но все же не исчезал? А его жизнь и любовь исчезли. Отец пытался разобраться в своих чувствах — и не мог:

"Когда-то в незапамятные времена, шесть лет назад, я ехал в Родопах, и меня как мгновенным холодом овеяло вдруг то ощущение счастья, которое тогда было со мной. Это было сложное и одновременно такое ясное, полное, вбиравшее в себя все остальное, но неосознаваемое ощущение покоя, простое, как сон души. И в этом сне были дорога, узнавание, мысли о деле, о моем деле, только о моем и ничьем больше, и упругость руки, и ожидание встречи, и любовь, которая жила со мной так же незаметно и привычно, как дыхание, и сумерки, и прохлада ущелья, и шум реки, и еще то, что за поворотом, за горами, за годами.

Снова было ущелье, другое ущелье, но такое же сумеречное, и шум реки. Но того ощущения, похожего на сон, не было. Как все, и это бывает у человека однажды. Проклятое, единственное однажды, о котором не догадываешься, когда оно есть, а потом оно возникает уже как воспоминание".

Мысли о том, что "нигде" и "никогда" (мы были неверующими и не представляли себе потусторонний мир), казались отцу непереносимыми. Несмотря на то, что Вырбан, возивший нас на своей маленькой машинке, пытался убедить его в том, что исчезнувшие люди крепко держат нас в своих объятьях и на самом деле они вовсе и не исчезали:

Юрий Трифонов и Ольга. 1960 г.

"— Та цепь, которой шли слепые царя Самуила, держась за руки, она не порвалась и дотянулась до нас, и мы держим их за руки, тех слепых болгар.

— А они держат нас, — сказал я.

— Они держат нас, как же! — сказал Пенчо".

Рассказ "Самый маленький город" был напечатан Твардовским в 1968 году в "Новом мире". Много лет назад Твардовский напечатал в своем журнале дипломный роман выпускника Литинститута Трифонова "Студенты", после чего последовали громкий успех и Сталинская премия. Вскоре после этого вокруг молодого писателя разразился скандал, когда его с позором чуть не исключили из комсомола, но ограничились строгим выговором, — при поступлении в Литинститут он не указал в анкете, что его отец старый большевик Валентин Трифонов являлся "врагом народа". Возможно, это была ревнивая реакция коллег на столь быстрое восхождение к славе.

Через некоторое время Твардовский взял со своим автором дистанцию. Он посчитал, что после первого успеха тот расслабился. Или, как он выражался, "темечко не выдержало". Вместо того чтобы сразу засесть за новую книгу, Трифонов, к неодобрению Твардовского, отдал свой роман в театр и стал вести светский образ жизни, выступая перед читателями

и давая интервью журналистам. О метаморфозе, которая произошла с его другом, поэт и переводчик Лев Гинзбург высказался со свойственной ему иронией и лаконизмом: "Трифонов получил Сталинскую премию, купил машину "Победу" и женился на солистке Большого театра Нине Нелиной".[1] Все это казалось его товарищам, в основном, бедным студентам Литинститута и бывшим фронтовикам, верхом роскоши. Позже к атрибутам хорошей жизни добавилась дача в поселке писателей. Отношения Твардовского с Трифоновым прервались на долгие годы.

Трифонов страдал от охлаждения к нему Твардовского, которого бесконечно уважал. Отец даже считал, что именно благодаря Твардовскому он вообще стал писателем, что было, конечно, преувеличением. Но ничего нельзя было исправить. Трифонов несколько раз давал материалы в "Новый мир", но неизменно получал отказы. Даже когда мои родители купили в 1964 году дачу в Красной Пахре рядом с дачей Твардовского, тот лишь сухо приветствовал отца через забор.

Помню, как однажды первого апреля я была с родителями на даче, и мама предложила придумать шутку, чтобы разыграть папу: "Первое апреля — никому не верю". И я придумала: "Давай скажем папе, что к нему заходил Твардовский, но не застал его дома и ушел. Вот будет смешно". Значит, я уже тогда чувствовала, что этот вопрос волновал отца. Но мама подумала и сказала, что это не подходит: "Это злая шутка, она может огорчить папу".

Отношения Трифонова с Твардовским восстановились вскоре после смерти мамы. Доказательством этого послужило появление в журнале "Новый мир" его рассказов "Вера и Зойка" и "Был летний полдень" (№ 12, 1966 г.), а также "Самый маленький город" и "Голубиная гибель" (№ 1, 1968 г.). Трифонов написал, что после этих публикаций он "снова стал автором "Нового мира" ("Записки соседа").

Вырбан был прав: ушедшие близкие крепко держат нас в своей власти. Участие мамы в жизни отца ощущалось еще долгие годы после ее смерти. Когда в 70-е годы стали появляться "московские" повести и рассказы, и Трифонов обрел свой подлинный голос, одна литературная дама даже сделала такое парадоксальное заявление: "Это Нина диктует ему *оттуда*".

В мемуарах о Твардовском ("Записках соседа") Трифонов вспоминал, как он в очередной раз отдал рассказ "Самый маленький город" в "Новый мир", хотя и сознавал, что своими экзистенциальными "вечными темами"

[1] Л. Гинзбург. Разбилось лишь сердце мое.

тот не соответствовал установкам журнала на политическую злободневность. И Твардовский ему на это прямо указал: "Я понимаю, вы хотели бы такой памятничек...". Уже в слове "памятничек" угадывалась смесь иронии с осуждением, вызванная тем, что Трифонов писал не столько о потере жены, сколько о собственном горе. Поэтому не жене — "памятник", а себе — "памятничек". Но потом Твардовский вдруг проявил неожиданную мягкость: "Если хотите, мы его напечатаем. Как хотите". Трифонов "очень хотел", поскольку считал его "из пятерки лучших рассказов" и поскольку для него он слишком много значил: "Он был о больном, самом больном для меня тогда, и казался мне настоящим". Рассказ был напечатан, отношения с Твардовским восстановились. Помимо всего прочего Твардовский проявил человеческое участие к горю Трифонова.

В рассказе Трифонова "Самый маленький город" еще было заметно влияние Хемингуэя, которым он увлекался в начале 60-х годов и чей портрет висел у отца напротив письменного стола. Та же недосказанность — нигде не было ни слова сказано о смерти жены. Та же "теория айсберга", когда о главном не говорилось, а можно было лишь догадываться. Так отец догадался, о чем думала дочь:

"Вошла Аля, и я по ее глазам понял, о чем она думала; ее лицо было бледно и ничего взрослого, такое маленькое, детское, бледное, гордое лицо, и мое сердце рванулось и сжалось, но я ничего не сказал".

В счастливое для нашей семьи время мои родители встречали Новый 1963 год вместе с писателем Виктором Драгунским и его женой Аллой. Позже А. Драгунская написала:

"Мне вспомнился Новый год в нашей квартире на Каретном ряду, который мы встретили с Ниной и Юрой... Когда было достаточно выпито и "отсмеяно", Юра вдруг сказал, оглядев наши книжные полки: "Витя, где у тебя Хемингуэй?". Найдя и полистав одну из его книг, он нашел то, что ему было нужно, и сказал: "Садитесь поближе. Я буду читать вам кусок из моей любимой повести". И Юра начал читать. Это была глава из "Иметь и не иметь". Тот момент, когда Мария узнает о смерти Гарри, смертельно раненного кубинцем. "Кубинцы всем приносят несчастье", — думала Мария. Сидя одна, она вспоминает жизнь с Гарри Морганом. Как они любили друг друга! Это потрясающий кусок. Юра читал прекрасно, глухим низким голосом, но так проникновенно! Нина смотрела на него блестящими, влюбленными глазами.[2]

[2] Цитировано по книге А. Шитова "Юрий Трифонов, хроника жизни и творчества". Екатеринбург, 1997.

О детстве и юности Трифонова

Юрий Трифонов (1925-1981) родился в привилегированной семье. Его отец профессиональный революционер Валентин Трифонов был крепко встроен в систему партийной власти. Мать Евгения Лурье была молода и верила в будущее своей семьи. Его матери было 20 лет, когда родился первенец. Дочь Татьяна родилась через два года. Хотя дочь была ближе матери, сын всегда оставался ее любимцем. Она с раннего детства распознала его литературные способности.

Первый удар поразил Юрия в 1937 году, в возрасте 11 лет, — арест отца как "врага народа". Вслед за ним в 1938 году была арестована и отправлена в лагерь мать. Когда ее забирали, она просила сына не терять мужества и не бросать занятия литературой. 12-летний Юрий записал этот эпизод в свой дневник (1938 г.):

"— Ну, все! Кончено! Больше писать не буду! — в отчаянии махнул я тогда рукой.

— Ничего, пиши, у тебя уже хорошо получается! — сказала мне мама".

Вера матери помогала ему в испытаниях, которые последовали довольно скоро. Юрия с сестрой Татьяной выселили из дома правительства напротив Кремля ("Дома на набережной") в коммунальную квартиру. Их воспитывала строгая бабушка по материнской линии, тоже старый большевик Татьяна Словатинская.

Из романа "Утоление жажды":

"Нет, настоящее было, но недолго, лет до одиннадцати, детство было настоящее, а потом все полетело кувырком: отрочество ни к черту, юность искалечена войной, а потом непрерывная борьба за то, чтобы быть человеком, несмотря ни на что. Всю жизнь я изо всех сил старался поправить непоправимое. И тысячи других занимались тем же".

Юрию и Татьяне Трифоновым все же повезло больше, чем другим. Во-первых, они воспитывались у бабушки, а не в детском доме, как многие их сверстники в схожей ситуации: Сталин не арестовал Словатинскую, которая давала ему приют во время нелегального проживания в Петербурге до революции и помогала ему деньгами и теплыми вещами, когда тот находился в ссылке в Сибири. Во-вторых, из лагеря, правда, через восемь долгих лет, вернулась мать.

Во время войны из-за сильной близорукости (–7) Юрий не был призван в армию. Но его жизнь и без того была нелегкой — эвакуация в Таш-

кент, работа на военном заводе, голод, тревога о родителях. И при этом неотрывная мечта стать писателем. Он продолжал писать стихи и прозу и в 1944 году поступил на заочное отделение Литинститута.

Успех романа "Студенты", опубликованного в 1950 году, был недолгим. Уже в мае 1951 года ему напомнили, кем он был на самом деле, — сыном "врага народа". От него отвернулись как многие друзья, так и редакторы. Долгие годы Трифонов зарабатывал спортивной журналистикой. У него наступила мучительная творческая пауза на двенадцать лет.

О детстве и юности Нины Нелиной

Нина Нелина (урожденная Нюренберг, 1923-1966) родилась в артистической семье. Ее отец Амшей Нюренберг был художником и искусствоведом. Мать Полина Мамичева — балериной и художницей.

Нине было семь лет, когда мать привела ее в музыкальную школу Гнесиных. Проверив ее музыкальный слух, директор школы Елена Гнесина сказала: "Девочка способная. Она мне понравилась, и я беру ее к себе". Во время учебы на фортепиано Нина напевала. Таким образом, у нее был обнаружен голос (колоратурное сопрано). Перед войной она окончила Гнесинское училище по двум дисциплинам — фортепиано и вокалу.

Во время войны Нина была в Ташкенте с родителями, куда ее отец Нюренберг был направлен для работы в Узбекском Союзе художников. Она начала учиться в Ленинградской консерватории, которую тоже эвакуировали в Среднюю Азию.

Удивительное совпадение: в том же 1942 году Юрий и Татьяна Трифоновы вместе с бабушкой Словатинской тоже находились в Ташкенте. Юрий заканчивал там школу. Об этом времени он вспоминал позднее в повести "Исчезновение" (1987). Он, как и Нина, мечтал поскорее вернуться в Москву, что оба и сделали при первой возможности. Как же они там не встретились? Но, может быть, они все же друг друга заметили? И это определило их дальнейшую судьбу?

В возрасте 23 лет Нина еще до окончания консерватории начала выступать в Киевской опере, но скоро вернулась в Москву, где после первого же прослушивания была принята в Большой театр. Когда в 1946 году стала оформлять документы, ее предупредили: "У нас — русский театр". Нина взяла себе артистический псевдоним Нелина, производное от имени "Неля", как ее называли дома.

Нина Нелина после исполнения роли Розины в "Севильском цирюльнике"
Фото из журнала "Смена", 1948 г.

В 1948 году Нелина дебютировала в роли Розины в опере Россини "Севильский цирюльник". Целый год готовила эту роль под руководством народной артистки Валерии Барсовой и выступила с большим успехом. В газетах появилось много восторженных отзывов, Нелину называли самой молодой и обаятельной исполнительницей роли (журнал "Смена" за 1948 г., статья "Самая молодая Розина"). Роль Розины всегда оставалась одной из лучших в репертуаре Нелиной.

За время работы в Большом театре Нелина участвовала в 15 постановках, в том числе исполнила главные женские роли в операх "Риголетто" и "Лакме", выступала с театром на гастролях в Венгрии, Германии, Австрии. В 1955 году вместе с группой известных артистов участвовала в концертах на Северном полюсе.

Однажды на выступлении Нелиной побывала поэтесса Инна Гофф[3], тогда еще студентка Литинститута. Вот какое свидетельство она оставила в своих воспоминаниях:

"Мне случайно довелось быть на ее дебюте. Она пела партию Джильды в "Риголетто". Не будучи театралкой, завсегдатаем премьер, знатоком

[3] Вскоре она стала женой поэта Константина Ваншенкина. И. Гофф и К. Ваншенкин учились вместе с Ю. Трифоновым в Литинституте. Семья Ваншенкиных была дружна с семьей Трифоновых.

оперного искусства, я, тем не менее, отметила тогда в дневнике, выделила для себя первое выступление незнакомой мне новой певицы:

"...на "Золушку" не хватило 14 рублей. С горя пошли в филиал Б. Т. на "Риголетто". Пели Иванов — Риголетто, Ханаев — Герцог, Джильду пела — 1-е выступление — молоденькая певица Нина Нелина. Голос хороший, ей много и тепло аплодировали".

Судя по записям в дневнике, было одиннадцатое декабря сорок девятого года. Воскресенье. Дневной спектакль. Вспоминаю, что было много цветов. И что после спектакля ее без конца вызывали. Она выходила, прижимая к груди охапку цветов, роняя их. С горящими щеками...[4]

Начало семейной жизни

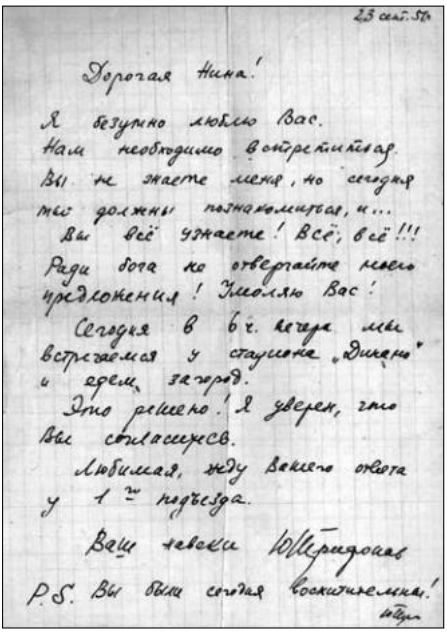
По поводу известного высказывания Л. Толстого о том, что "все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему", Трифонов в повести "Предварительные итоги" рассуждал: "Толстой прав наполовину, все счастливые семьи счастливы одинаково, это верно, но и несчастные семьи тоже ведь, боже мой, несчастливы както однообразно". А может быть, наоборот: "Все счастливые семьи счастливы по-разному, и все несчастливые семьи несчастливы тоже по-разному"?

Трифонов и Нелина очень любили друг друга. Но так быстро все пронеслось... Они познакомились, сразу увлеклись друг другом и быстро поженились. Потом начались трудности.

В мае 1951 года, когда Трифонов познакомился с Нелиной, он пребывал в угнетенном состоянии. После успеха романа "Студенты" над ним в Литинституте устроили настоящее судилище и чуть не исключали из комсомола. Его друзья либо высказывались о нем негативно, либо просто отмалчивались. Как и на всех показательных процессах, выступавшие отмечали в Трифонове недостаток лояльности. В частности, он читал стихи неблагонадежной Ахматовой.

Этот жизненный урок тяжело дался Трифонову (см. рассказ "Недолгое пребывание в камере пыток" из сборника "Опрокинутый дом", 1981 г.). После первого столь жизнерадостного романа "Студенты" он уже никогда не мог создать ничего оптимистичного. И крайне редко улыбался. Хотя любил шутки и смеялся остротам других, например, своего друга Л. Гинзбурга.

[4] И. Гофф. "Водяные знаки". "Октябрь", 1985, № 8.

23 сент. 51г.

Дорогая Нина!

Я безумно люблю Вас.
Нам необходимо встретиться.
Вы не знаете меня, но сегодня
мы должны познакомиться, и...
Вы всё узнаете! Всё, всё!!!
Ради бога не отвергайте моего
предложения! Умоляю Вас!

Сегодня в 6 ч. вечера мы
встречаемся у стадиона „Динамо"
и едем за город.
Это решено! Я уверен, что
Вы согласитесь.
Любимая, жду Вашего ответа
у 1-го подъезда.

Ваш навеки Ю.Трифонов

P.S. Вы были сегодня восхитительны!

На первое свидание Трифонов пригласил Нелину на футбольный матч. Она посчитала стадион забавным местом для встреч и часто об этом вспоминала. Надо признать, что писатель довольно неуклюже начал ухаживать за красивой артисткой. Но для этого есть и объяснение, ведь Трифонов уже тогда начал увлекаться футболом, а мама жила в Доме художников на Верхней Масловке, рядом со стадионом "Динамо".

У меня сохранилась любовная записка Трифонова Нелиной, в которой он в шутливой форме, стараясь скрыть неловкость, объяснялся ей в своих чувствах. Иначе как шуткой я не могла бы объяснить в записке обилие восклицательных знаков, обращение к Богу, слова "любимая, умоляю и т. д.". Подобные стиль и лексика были совершенно не свойственны обычно сдержанному Трифонову:

"*Трифонов — Нелиной в Большой театр, 23 сент. 51 г.*

Дорогая Нина!

Я безумно люблю Вас. Нам необходимо встретиться. Вы не знаете меня, но сегодня мы должны познакомиться, и... Вы все узнаете! Все, все!!! Ради бога не отвергайте моего предложения! Умоляю Вас!

Сегодня в 6 ч. вечера мы встречаемся у стадиона "Динамо" и едем за город. Это решено! Я уверен, что Вы согласитесь.

Любимая, жду Вашего ответа у 1-го подъезда.

Ваш навеки, Ю. Трифонов.

P. S. Вы были сегодня восхитительны!

Ю. Три..."

Уже при первом знакомстве отец рассказал маме о своем трагическом детстве, об аресте родителей. А у мамы, напротив, было счастливое детство, обожавшие ее родители, безоблачная карьера. И она сразу пожалела отца, так как чувствовала потребность помогать тем, кто в этом нуждался.

Узнав о жизненных испытаниях отца, мама сразу взяла его под свою опеку. И стала его жалеть. По шекспировской формуле: "Она его за муки полюбила, а он ее за сострадание к ним". Ее сочувствие было первым признаком любви. Отец сам утверждал, что мама была крайне жалостлива. Зная это на собственном опыте, он иногда опасался, что мамина жалость могла перекинуться и на других. Испытывал муки ревности. Поэтому написал в "Долгом прощании":

"От этой мысли была смутная радость и чувство превосходства: таинственное *что-то*, нужное для счастья, казалось Ляле, у нее есть. Потому что, когда другие были несчастны, ей хотелось жалеть и облегчать, делиться чем-то, а значит — было чем делиться, если получалось такое желание".

И далее:

"Тут не актерское, не среда, а — характер. Доброта, будь она неладна... Ребров знал, что при Лялином мягкосердечии самая страстная ненависть может легко перекинуться в страстное сожаление, даже в сочувствие, тут надо держать ухо востро".

Родители поженились в мае 1952 года. Позже мама записала в своем дневнике:

"...годовщина свадьбы 2-е мая — действительно, я маюсь".

Для Нелиной брак с Трифоновым был вторым. Первый раз она вышла замуж в 18 лет за своего сокурсника в Гнесинском училище, красавца Владимира Чекалина. Это был незрелый студенческий брак, который продлился недолго. Впоследствии Чекалин стал солистом Львовской оперы.

Сложности семейной жизни и сложности характеров двух талантливых и уже сложившихся личностей обозначились довольно рано. Мое появление на свет лишь добавило проблем. Мама начала разрываться между театром и ребенком. Трифонов, которому в ту пору было всего 26 лет, искал свое место в литературе и не был готов к роли отца. Бабушка Полина нянчилась со мной, но и, как многие тещи, подливала масла в огонь.

Из дневника Нины Нелиной:

"Литературу я любила с раннего возраста. Читала очень много. В книгах я видела вторую жизнь, преображенную мозгом и сердцем писателя. Книги меня воспитывали и учили. Вот почему я писателей считала людьми, наделенными богатой и интересной душой. И когда мой знакомый актер меня познакомил с писателем, я, не очень анализируя его душевные качества, увлеклась им и вышла за него замуж. Я тогда еще не понимала, что между писателем и человеком может быть большая дистанция. И что этот провал в жизни писателей — частое явление.

Мои родители к моему замужеству отнеслись весьма критически, справедливо указывая на недолголетие "брака в быстром темпе". Особенно родители были настроены против моего брака, когда узнали, что я готовлюсь быть матерью.

Мать мне часто говорила: "Ты — актриса. У тебя на первом плане — искусство, а ребенок помешает им заниматься. У Неждановой и Барсовой не было детей. Умные актрисы!" Но я твердила: "Мать, все должно быть заполнено!"

Появился ребенок. Я выхлопотала развод со своим первым мужем и узаконила свой брак с писателем. Время показало, что я не совсем верно себе представляла будущую семейную жизнь. Но я старалась не испытывать огорчения и не гнуться. Порой было тяжело и обидно, но я твердила, что нельзя терять мужество и самообладание!

Ребенок принес бессонные ночи. Я вставала с несвежей головой, усталой. Утром — репетиции, вечером — спектакли. Муж сладко спал до 11-12 часов. Завтракал в постели. Читал газеты, журналы. Потом немного поработает. Вечером — в Союз, в ресторан. Друзья, кофе, коньяк и литературные сплетни. Так текла наша жизнь. Эгоизм мужа, его неизменно укрепившееся мнение, что "он — всадник, а я — лошадь", давали себя крепко чувствовать..."

Действительно, отец был флегматичен, медлителен, пассивен, немного барин. Он не любил ездить общим транспортом или водить машину, предпочитал брать такси. В работе знал меру. Самое продуктивное время для работы у него были утренние часы. На моей памяти вставал он часов в 8. Быстро завтракал и садился за письменный стол. Работал примерно до 13-14 часов, а потом обедал, читал, слушал по радио "вражеские голоса", встречался с друзьями. Вечерами он очень редко брался за работу. Часто цитировал слова Тургенева о том, что "русский писатель любил, когда ему мешали работать". Эти слова относились к нему самому. Он мог подолгу отвлекаться от работы — на телефонные разговоры, чтение газет, спортивные передачи, встречи с друзьями, походы в ЦДЛ, поездки за границу.

Надо сказать, что на многих, особенно на женщин, Трифонов производил обманчивое впечатление. От его поклонниц я часто слышала мнение, что он умел тонко передавать женские чувства, что предполагало в нем нежную душу. Внешне он казался немного вялым, добродушным и деликатным. За этим, однако, обнаруживался скрытый темперамент и довольно жесткий характер. Трифонов умел принимать твердые решения и отстаивать свои интересы. Причем делал это неожиданно, не произнося

лишних слов. Эту особенность своего друга поэт Борис Слуцкий обозначил интересным словосочетанием: "флегматичный напор".

Мама, напротив, выглядела сильной личностью, роковой женщиной. Но, по существу, была недостаточно стойкой. Она с невероятной энергией бралась за разнообразные, часто второстепенные, дела, не очень задумываясь над тем, к чему это может привести. Когда отошла от работы, то с полной отдачей переключилась на семью, хозяйственные дела и стала жить как обычная женщина, а не как известная артистка, что в конце концов привело ее к глубокому разочарованию. К тому же, на этих хлопотах она надорвала свое здоровье. Этот феномен внутреннего разлада с собой был отражен Трифоновым в образе главной героини Риты из повести "Предварительные итоги":

"Она не должна была уходить с работы тогда, пять лет назад, ибо праздный человек теряет равновесие".

В обычной жизни мама, в противоположность отцу, была активна, делала все быстро, всегда спешила. Всю инициативу в доме брала на себя. Она старалась мотивировать отца к работе, подгоняла его. То же самое относилось ко мне — я ленилась, откладывая уроки на поздний вечер, с чем мама безуспешно боролась. Сама она вставала рано, делала зарядку, репетировала, готовилась к спектаклям. Не помню, чтобы она много готовила. Но хорошо помню, как она следила за чистотой — все постоянно мыла, собирая каждую соринку. И не ходила, а бегала, причем на очень высоких каблучках-шпильках, которые были тогда в моде. Будучи солисткой главного театра страны, она оставалась простой и доступной, не боялась физического труда, никогда не строила из себя диву, не преподносила себя как звезду. Она не страдала "звездной" болезнью, к чему имел склонность Трифонов.

Иногда, на мой взгляд, мама была даже чересчур демократичной. Вспоминаю такой случай. Будучи красавицей с юности и до последних дней жизни, она постоянно привлекала к себе внимание, где бы ни находилась. Но относилась к этому буднично и с юмором. Однажды мы стояли в очереди в магазине. Было лето, и мама надела платье с яркими цветами и глубоким декольте. Мужчина, стоявший рядом, долго смотрел на это декольте, а потом неожиданно ткнул в него пальцем, будто желая удостовериться, настоящее ли оно. Мама нисколько не возмутилась, но восприняла это спокойно. Мы долго смеялись над этой историей.

Столь большое различие в темпераменте и даже трудолюбии приводило к тому, что родители часто ссорились. Причин для ссор, как всегда, хва-

тало. Мама была вспыльчивая и обидчивая. Она могла сгоряча наговорить резкостей, но потом быстро все забывала и шла мириться. Отец не был злопамятным, но отличался невероятным упрямством. Он не желал идти на поводу у того, что считал "женскими капризами". К тому же, его отличали болезненное самолюбие и сосредоточенность на себе, на целом клане Трифоновых.

Когда в конце 50-х годов мы жили на Ломоносовском проспекте, мама один раз в гневе разбила папины очки, что меня очень огорчило. В другой раз, уже на Песчаной улице, она в сердцах выбросила с шестого этажа елку, которую отец принес в дом к Новому году. Была чем-то разгневана. Однажды на даче она, к полному изумлению друзей, просто выкинула на улицу трофейную китайскую игру маджонг, в которую Трифонов часто играл с Львом Гинзбургом и их общим другом, которого они называли Полковником. Мама посчитала, что друзья отвлекали отца от работы. Трифонов дивился таким сумбурным реакциям, но это его мало трогало.

Друзья родителей — супруги поэтесса Инна Гофф и поэт Константин Ваншенкин — давали разные оценки маминого характера. Они говорили, что Нина была *горячая* (И. Гофф), или *вздорная* (К. Ваншенкин).

Нарастающие сложности

Позже моих родителей стало разделять и то, что у отца карьера пошла на подъем, а у мамы на спад. В 1956 году, вскоре после XX съезда партии, в Большой театр поступил список артисток, которых привозили к Берии, где значилась и моя мама. Это больно ударило не только по ней, но и по Трифонову. По Москве пошли слухи, создающие неприятные ситуации. В защиту мамы бабушка Полина написала обличительное письмо в администрацию Большого театра, чем лишь обострила и без того напряженные отношения на маминой работе. Этот эпизод был описан Трифоновым в повести "Долгое прощание". В результате Нелина в 1957 году была вынуждена перейти из Большого театра в Госконцерт. А в 1963 году уволилась по состоянию здоровья.

Мама продолжала оставаться красивой, но начала болеть и чувствовала, что стареет. Она стала больше ревновать отца. Вместо того чтобы ее успокаивать, отец сознательно разжигал ее ревность, дразнил ее ("и для потехи раздувал чуть затаившийся пожар"). Не знаю, была ли мамина ревность обоснована. В любом случае, можно найти и перечислить массу других поводов, по которым люди могут раздражать друг друга и не ла-

дить между собой. Особенно когда не идут на компромиссы и не желают делать уступки.

Недавно я пересмотрела фильм Феллини "Джульетта и духи" глазами мамы, как она увидела его в 1966 году, оставив запись в своем дневнике:

"В среду я взяла билет на 9 утра на фильм Феллини "Джульетта и духи". Какая великолепная Мазина! Какое скорбное, умное и лучистое лицо. Сюжет понятен и близок каждой женщине. Джульетта меняет парик за париком, платье за платьем. Ей ничего не идет, она стареет. Очень грустно, но это так, тем более она льнет к любви. Но, к сожалению, он лжет, обманывает ее. У него любовница. И вот случайно она узнает о его связи, и мир вокруг нее рушится. Ее преследуют духи, злые видения, кошмары. Она чувствует, что сходит с ума, ей страшно, она зовет маму, сестру, но человек одинок, всегда одинок, и надо суметь, надо побороть свою болезнь и надо жить. И вот после всех галлюцинаций и кошмаров она выходит на луг, зеленый прекрасный луг и идет со своей чудесной жалкой улыбкой. Идет вперед, зритель верит: она будет жить, муж ее покинул, но она справится. Много в фильме символики, бутафории, фрейдистских мотивов, но в основе лежит реалистическая женская судьба, и она трогает и заставляет плакать".

Несомненно, мама делала проекцию на себя, на свои отношения с отцом, испытывая схожие страхи, что и героиня. Ее мучили те же демоны ревности, недоверия. И так же, как Джульетта, она надеялась избавиться от своих наваждений и выйти на луг с чудесной улыбкой. Она действительно избавилась от мук, но, к сожалению, оказалась в ином мире. Возможно, Феллини и вкладывал такое двойное метафорическое значение в понятие "луг".

Вспоминается моя единственная поездка с родителями в Коктебель в 1960 году. Мама распевала модную тогда песенку:

Миленький ты мой,
Возьми меня с собой,
Там в краю далеком
Буду тебе женой.

Милая моя,
Взял бы я тебя,
Но там, в краю далеком,
Есть у меня жена...

Раньше мне казалось, что эта песня — о коротком курортном романе. Когда я размышляю теперь над ее смыслом, мне представляется, что женщина просит мужчину впустить ее в свою жизнь, а тот отгораживается от нее под разными предлогами — то у него уже жена есть, то сестра... Существует такой стиль отношений, когда партнеры заблокированы, неспособны выразить свои чувства, перейти границу. Возможно, это имела в виду Ахматова, когда писала: "Есть в близости людей заветная черта, ее не перейти влюбленности и страсти...".

Однажды по неизвестной мне причине мама с отцом поссорились. Отец решил уехать в Москву, оставив нас на курорте одних. Он поехал с кем-то на машине, но через несколько часов вдруг предстал перед нами с растерянным видом. Мы с мамой не удивились. Такое случалось и раньше: родители ссорились, отец уезжал, но позже по какой-то причине возвращался назад. Однако теперь дело выглядело серьезно. Водитель "мерседеса" несся со скоростью 120 км по горной крымской дороге и сбил старика с внучкой, одного из них насмерть. Водителю как-то удалось выкрутиться, откупиться деньгами. На отца этот случай произвел тягостное впечатление. Ведь он спешил в Москву, что могло подтолкнуть водителя ехать быстрее и спровоцировать аварию. Эти угрызения совести переданы в повести "Предварительные итоги":

"Впрочем, было и убийство. Трагическая история шесть лет назад, когда я возвращался из Риги на машине Арутюняна, его жена сидела за рулем, и мы сбили на Минском шоссе старика. Бедняга был пьян вдребезину. Он умер через два часа в больнице. По закону отвечала жена Арутюняна. Ее сумели спасти, она получила год условно, но ведь и я был виновен — я очень спешил в Москву, так же, как она".

Наблюдая трудные отношения моих родителей и то, что мама стала отходить от профессии, моя бабушка Полина несколько раз вмешивалась, умоляя маму развестись. Но ничего не менялось, родители продолжали жить вместе. Мама утверждала, что не хотела оставлять меня без отца. Но я думаю, что дело было не только в этом.

У меня сохранилось мамино заявление в народный суд с просьбой о разводе, "так как мы не можем жить без ссор, а это невыносимо", — объясняла она свою мотивацию. Но заявлению так и не был дан ход: отец уговорил маму изменить свое решение, и она согласилась. Это произошло вскоре после возвращения из Парижа.

В 1960 году Трифонов и Нелина впервые посетили Париж, где мама была со своими родителями в далеком 1928 году, а отец до этого никогда

не был. Дед постоянно рассказывал о двух поездках в Париж в 1910-х и 1920-х годах, о своих друзьях. И мама всегда мечтала когда-нибудь посетить этот замечательный город. Именно Трифонов помог маме осуществить ее мечту. В чем же тогда заключалась причина их конфликта?

Нюренберг снабдил родителей адресами своих старых друзей, которые еще оставались живы. Тогда Трифонову не удалось посетить Марка Шагала, с которым Нюренберг делил одно ателье в 1911 году и сохранял с ним дружбу долгие годы. Однако Трифонову с Нелиной удалось найти другого друга Нюренберга, с которым он жил в юности в Елисаветграде и в Одессе: скульптора-анималиста Иосифа Константиновского (во Франции он укоротил свое имя на Констан). Следы этого посещения угадываются в небольшом эссе Трифонова "Начало" (1976). Настоящее имя художника не названо Трифоновым из политических соображений — в те годы встречи с художниками-эмигрантами могли иметь для отца плохие последствия:

"Десять лет назад в Париже я искал одного художника, который переселился в Париж до революции. Он начинал когда-то вместе с Марком Шагалом и другим художником[5], оставшимся в России, который дал мне адрес и просил передать привет Шагалу и этому второму. Шагал оказался на юге, второго я нашел на окраине Парижа. Он был анималистом... Комната была одновременно мастерской. Все было знакомо, как везде, как в старых мастерских в доме художников на Верхней Масловке, где я прожил пять лет: гипсы, подрамники, кушетка, запах краски, электроплитка, на которой стоял чайник".

О поездке моих родителей в Париж вспоминали друзья отца. Родители рассказывали, как перед обратным вылетом не могли найти свои документы и билеты. Поэтому они застряли в Париже и были вынуждены обратиться в советское консульство. А потом билеты вдруг обнаружились в их собственном чемодане. Тех, кто хорошо знал Трифонова, это обстоятельство нисколько не удивило. Отец часто бывал рассеян: забывал важные документы, не раз опаздывал в аэропорт, и самолет улетал без него.

Я помню, что родители вернулись из поездки притихшие и без багажа. Багаж пришел позже. Это я хорошо запомнила, так как ждала "заморских" подарков, а вместо этого получила неопределенные заверения в их скором прибытии. Мама показалась мне непривычно тихой. Скорее всего, дело было не в билетах и документах, а в багаже, который был почему-то задер-

[5] Имеется в виду художник А. Нюренберг.

жан и пришел отдельно. Возможно, друзья Нюренберга что-то передали для него, что вызвало проблемы с таможней и потребовало вмешательства консульства. Теперь можно лишь строить догадки о том, что история с посещением художника-эмигранта переполнила чашу терпения отца, который очень серьезно относился к своей литературной карьере и не хотел ею рисковать. В Париже родители уже твердо решили развестись, но в Москве вновь помирились.

Раньше, когда родители ссорились, мне было всегда жальче папу. Он был тихий, а мама шумная. Постепенно я стала все больше и больше принимать мамину сторону. Делала это интуитивно, чувствуя, что мама имела более уязвимую позицию. Один раз после ссоры родителей я даже возмущенно заявила отцу: "Я бы никогда не вышла за тебя замуж!". В повести "Другая жизнь" я обнаружила типичную для себя реакцию на ссоры родителей:

"Иринка тоже молчала. Она чутко улавливала трещины и размолвки, возникавшие между родителями, и реагировала по-своему. Нет, не пыталась рассеивать, веселить или мирить, как, по рассказам, делали другие дети, а вела себя точно так же, как родители: если они угрюмо молчали, и она тотчас замыкалась, если были сварливы и раздражительны, и она разговаривала точно так же раздражительно, ворчливо, как маленькая старушонка".

У мамы рано появилась усталость от жизни, что было вызвано взаимным непониманием в семье. В повести "Предварительные итоги" Трифонов зафиксировал настроения и разговоры, которые велись в нашей семье "на кухне". Героиня размышляла о том, что ей уже поздно менять свою жизнь:

"Она говорила: "Когда три эгоиста живут вместе, ничего хорошего быть не может". — "Да, но у каждого эгоиста есть выход, — говорил я. — Найти доброго человека, который будет ему все прощать". — "Это такая волынка — искать доброго человека. Я устала. Я уже старая женщина".

Напряжение в семейной жизни нарастало. Отец был сдержан и закрыт, а мама слишком эмоционально все воспринимала. Она нуждалась в проявлении чувств, а отец был слишком сосредоточен на себе. Ему было важнее всего состояться как писателю. После долгой паузы отец написал роман о строительстве Каракумского канала "Утоление жажды" (1963). Но это была не его тема и не та книга, которую он действительно хотел писать. Поэтому получилось вымученно, полуправда. Он чувствовал раздражение, которое срывал на близких людях.

Когда в стране началась "оттепель", Трифонов занялся историей своего отца. Работал в архивах, встречался со старыми большевиками. Появилась документальная повесть "Отблеск костра" (1965). Мама усмотрела в этой книге не столько гражданскую смелость, сколько желание напомнить о славном прошлом своей семьи и попытку вписаться в модную дискуссию. В своем дневнике Нелина написала в 1966 г.:

"Сейчас в связи с темой культа личности все старые большевики и их родственники хотят оживить историю и показать себя, какими они были героями и как много они сделали для народа. Да. Все это для себя. Все это — хвастовство. И очерк Юра пишет для себя, чтобы рассказать, что его отец был в правительстве. Вот видите, какой я! И этим возвыситься. Все это тщеславие!

Очерк скучный, хотя проза кое-где хороша. Отец выглядит каким-то вождем, почти всенародным, а Юра — сыном этого вождя".

Надо пояснить, что мамина реакция подогревалась нарастающей неприязнью между ее семьей и семьей отца, которая достаточно тяжело сказывалась на Трифонове. Мама упрекала Трифоновых в показном альтруизме, называя его "ханжеством", а Трифоновы относились к артистическим интересам Нюренбергов с известным высокомерием. Мучительные чувства раздвоенности между двумя семьями были подробно описаны Трифоновым в повестях "Обмен", "Долгое прощание", "Другая жизнь".

Мама была откровенна как в восхищении талантом отца, так и в критике его взглядов и поступков. Она непреклонно верила в его писательский дар, но и не оставляла без внимания его человеческие недостатки: тщеславие, равнодушие, эгоизм. Поэтому в "Предварительных итогах" Трифонов написал:

"Но главное, что было в Рите, при всех ее качествах и невозможностях, — она понимала, что я такое, как я задуман и что из меня получилось. Даже в тот последний день, когда произошла ссора из-за жировок и Рита сказала, что я профессор Серебряков, что она всю жизнь надеялась на что-то во мне, но ничего нет, я пустое место, профессор Серебряков, я это услышал и не взорвался. Потому что в ее словах была боль, истинная боль, которую я почувствовал".

О том, как близко к сердцу принимала мама все написанное отцом, свидетельствовала И. Гофф, посетившая с К. Ваншенкиным и их общим другом, известным футболистом А. Старостиным, моих родителей:

"Она показала мне только что написанную статью Юры в защиту катаевского "Святого колодца". Усадив за стол, заставила тут же прочесть...

Потом сказала, что Юра написал несколько очень хороших, просто великолепных рассказов. В ее словах звучала материнская гордость".

(И. Гофф. "Водяные знаки")

Смерть мамы

Последний мамин дневник, который она писала в 1966 году, незадолго до своей смерти, был грустным в отношении себя и суровым в отношении отца:

"Господи, помоги! Хочу быть здоровой, энергичной, и, если надо будет, расстаться с Юрой. А не быть такой несчастной, зависимой.

Чувствую себя понемногу лучше. Уже нет такой угнетенности, а есть чувство, что жизнь может быть хороша, прекрасна. Думала о любви мужчины к женщине, о желании обладать и жить физически. Забота о женщине, желание окружить ее вниманием, теплом, щедрость к ней, ничего не жалко для любимой. Жалость к ней и боль, если ее обидят, гордость за нее. Можно найти, чем гордиться во всякой женщине, и желание быть ее защитником, опорой, если даже на нее никто не нападает, а она сама может напасть.

У Юры этого нет. Только глухое раздражение, злоба, желание сделать больно и говорить и делать то, что мне неприятно, по возможности неприятнее, по возможности, назло.

Не чувствую себя женщиной с ним, да еще красивой... Всегда ощущение бедной родственницы, да такой, которой стесняются. У меня всегда есть чувство, что он выдает меня за другую. Это не я, а какая-то несчастная дурочка. Как это он ухитряется? Я не ощущаю не только локтя его товарищества, а даже элементарного интереса к своей соседке. Оля, которая очень редко, но все же где-то с ним была, тоже очень жаловалась на его полную индифферентность к ней.

Странный человек! Не интересуется ничем в отношении меня и думает, что все должны им интересоваться. Его делами".

Отцу мама там же адресовала предостережение:

"Он еще не догадывается, в какой пустыне он скоро окажется".

Через несколько лет отец в повести "Другая жизнь" описал схожими словами свое одиночество после ухода мамы из жизни. Только вложил эти мысли в голову женской героини, тоже внезапно потерявшей мужа. Образ "леса" часто использовался в произведениях Трифонова как метафора "жизни":

"Она подумала: как мне жить в этом лесу одной?"

В отличие от мамы, Трифонов был не столь прямолинеен в своих оценках и высказываниях. Как в литературе, так и в жизни он привык выражаться эзоповым языком. Поэтому часто прибегал к помощи цитат. В юности Трифонов сам сочинял стихи, иногда делал дарственные надписи на книгах в стихотворной форме. Но всегда любил декламировать стихи, и хорошо это делал, выражая тем самым свои тайные мысли. Только с годами я начала понимать, что имел в виду отец, зачитывая мне те или иные строки.

Трифонов был хорошо знаком с немецкой лирикой. Этот интерес был не случаен. В детстве в семье Трифоновых жила немецкая бонна, которая разговаривала с ним и его сестрой Татьяной по-немецки. Даже при поступлении в Литинститут Трифонов подавал в приемную комиссию собственные переводы Гете и Гейне, но экзаменаторы предпочли его единственный рассказ. Ближайшим другом отца был знаток немецкой поэзии Лев Гинзбург. Друзья часто зачитывали друг другу те или иные стихи немецких поэтов.

Строки одного стихотворения Гейне я часто слышала от отца: "но в мире ином друг друга они не узнали". Эти же строки я встретила позже в его последнем романе "Время и место" (1982). Что они означали? Опасался ли отец того, что они с мамой не узнают друг друга в "мире ином"?

Когда я целиком прочла стихотворение Гейне (в переводе Лермонтова), из которого взята цитата, я была поражена. Так это стихотворение соответствовало отношениям моих родителей, их мучительной любви, которая не могла себя выразить, полностью реализоваться. Только гений, точнее, два гения — Гейне и Лермонтов — могли отразить эти противоречивые чувства:

Они любили друг друга так долго и нежно
С тоской глубокой и страстью безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья и встречи,
И были пусты и хладны их краткие речи.

Они расстались в безмолвном и гордом страданье,
И милый образ во сне лишь порою видали, —
И смерть пришла: наступило за гробом свиданье...
Но в мире новом[6] друг друга они не узнали.

[6] В других переводах — "в мире ином".

Жизнь мамы внезапно оборвалась в Друскининкае, куда она уехала после ссоры с отцом. Эта ссора была одной из многих, но оказалась последней. Отец никогда в этом никому не признавался, но всю жизнь корил себя этим. Как будто два друга отправились в бой, а из боя возвратился только один. И другой всю жизнь испытывал необъяснимое чувство вины перед своим рано погибшим другом.

Смерть Нелиной в 1966 году глубоко потрясла Трифонова. Его "московские повести" отразили все этапы семейной драмы. "Долгое прощание" — первая стадия семейных отношений. Он — начинающий писатель, она — поднимающаяся в карьере артистка. Поиски пути, компромиссы. "Обмен" — молодая семья, столкновение двух родственных кланов, дефицит чуткости в отношениях. "Предварительные итоги" — кризисные отношения двух зрелых людей, жена не работает, муж перебивается случайными заказами, оба неудовлетворенны, раздражены и не щадят друг друга. "Другая жизнь" — один из партнеров умирает, другому память возвращает совместную жизнь, угрызения совести.

На вопрос американских славистов в 1977 году, насколько автобиографичной являлась его повесть "Другая жизнь", Трифонов отвечал следующее:

"И я терял близких, и как раз толчком к этой вещи была смерть близкого мне человека, моей первой жены Нины. Эта смерть произошла совершенно внезапно в 1966 году, абсолютно неожиданно, непредвиденно. Это оказало на меня очень страшное воздействие, и долгое время я как-то не мог даже по-настоящему прийти в себя и работать. Я не могу сказать, что это длилось годами, но, во всяком случае, несколько месяцев. Состояние было очень тяжелое..."[7]

Отец говорил: "В нашей семье у всех есть талант — у меня, у Нины, у Нюренберга..."

— Твои старики звонили, — говорил мне отец, когда мы с ним еще жили вместе.

Или:

— Звонила старуха.

А другой раз просто:

— Звонила бабка!

Тогда я понимала, что мне звонили бабушка с дедушкой. Когда к теле-

[7] А. Шитов. Там же, с. 507.

фону подходил отец, они сразу бросали трубу. После смерти мамы их отношения с отцом были окончательно порваны. Я знаю, как, овдовев, страдал отец. Но и судить стариков я не могла.

После смерти мамы у стариков разгорелся конфликт с отцом. Они писали на него жалобы в Союз писателей, писали открытые очерняющие его письма. Распространяли по разным инстанциям мамин дневник. Иногда бабушка звонила отцу ночью с проклятиями. Я видела, как после таких звонков у отца дрожали руки.

Бабушка, Полина Мамичева, происходившая из старообрядческой купеческой семьи, отличалась нетерпимостью и стремлением к справедливости, что принимало резкие и причудливые формы. В частности, она писала многостраничные тексты разоблачительного свойства, которые сама она называла "срыванием масок", и отправляла их как близким людям, так и в инстанции.

Бабушкино эпистолярное творчество особенно обострилось после смерти мамы. В своих письмах она обвиняла отца в том, что он загубил мамину карьеру, что плохо о ней заботился, не проявлял отзывчивости, когда она болела и нуждалась в его помощи. Он позволил уехать маме на лечение без путевки. Она была предоставлена самой себе, снимала комнату у чужих людей. Накануне смерти мама позвонила отцу. Она просила его приехать. О чем они говорили? Может быть, он грубо с ней говорил, и утром с ней случился приступ? А может быть, мама от обиды приняла слишком много снотворного? Точно известно, что перед поездкой они поссорились. Мама уехала взбудораженная, в расстроенных чувствах. Незадолго до этого мама жаловалась бабушке: "У меня плохая семья". Все это старики не могли простить отцу.

Отец часто зачитывал мне вслух еще одно стихотворение Гейне, несомненно, подразумевая конфликт двух семейных кланов, ужасную травлю, которую ему устроили мои старики, и непостижимый уход мамы из жизни:

Они меня истерзали
И сделали смерти бледней, —
Одни — своею любовью,
Другие — враждою своей.

Они мне мой хлеб отравили,
Давали мне яда с водой, —
Одни — своею любовью,
Другие — своею враждой.

Но та, от которой всех больше
Душа и доселе больна,
Мне зла никогда не желала,
И она не любила меня!

Трифонов и Нелина
1960-е годы

В какой-то степени отец бы прав. Мама ушла из жизни, оставив нас всех на произвол судьбы, вышла из игры.

Дед, художник Амшей Нюренберг, вначале видел в своем зяте талантливого писателя, родственную творческую душу. Но, прожив с Трифоновым шесть лет в Доме художников на Верхней Масловке и наблюдая с близкого расстояния его эгоизм, а затем прочитав мамин дневник, написанный ею за несколько месяцев до смерти, он полностью поменял к нему свое отношение. Нюренберг тоже написал Трифонову 20-страничное письмо, где дал собственную оценку причин гибели своей единственной дочери.

Из письма Нюренберга — Трифонову (1969 г.):

"Юра!

Прошло три года. Три года, как мы опустили в могилу урну с прахом нашей безгранично любимой, дорогой Нины... Три года невыносимых страданий и слез...

Долго я не мог глядеть на мраморный бюст Нины, на ее развевающиеся волосы, на печальные губы и, особенно, на глаза, полные сдержанного глубокого страдания. На меня глядит молодая, красивая, благородная женщина, за улыбкой скрывающая свои скорбные переживания.

Часто мне кажется, что Нина шевелит губами и меня спрашивает: почему вы меня не спасали, врача не звали? Где вы были?

Если Вы не забыли, через несколько дней после смерти Нины, в присутствии Левы Гинзбурга я много говорил о причинах смерти Нины. Гинзбург убеждал нас, что в ее смерти виновато только ее больное сердце. И чтобы смягчить эту страшную трагедию, я и Вы, Юра, должны жить в дружбе, подать друг другу руку. Я протянул Вам руку. Потом мы разошлись.

Перед трагическим отъездом она успела заскочить к нам и рассказать, как вы ее травили:

— Он сегодня был невыносим... все хулиганил. Я должна отдохнуть от него.

Мы ее умоляли остаться, но она, находясь в сильном возбуждении, была неумолима.

— Нет, нет, — повторяла она, — я еду.

Я предлагал себя в попутчики.

— Нет. Нет.

Тогда себя в попутчики предложила Полина Николаевна:

— Я тебя, дочка, буду успокаивать... Буду за тобой ухаживать.

— Нет, нет, — повторяла Нина, — я поеду одна.

И часто хваталась за сердце.

Профессор Коган утверждает, что в эти часы начало инфаркта уже было у нее оформлено.

Вы, с присущей Вам жестокостью, махнули на все рукой. Доведя ее до белого каления и решив ее "хорошенько наказать", Вы ее отпустили "на все четыре стороны".

Через день мы с Полиной Николаевной были у профессора Когана. Он уже все знал. Я ему показал справку, выданную судебными врачами Трускавца[8]. Коган поглядел на меня и Полину Николаевну и с раздражением сказал:

— В ее смерти виноват Юра. Он ее угнал на тот свет...

И, погодя, с печалью добавил:

— Ее можно было спасти, но вблизи ее никого не было. Она умерла брошенная в одиночестве.

И прибавил:

— У сердечников бывает два-три инфаркта, и они неплохо выживают. Она уехала в предынфарктном состоянии. Сколько лет он дергал ее усталое, больное сердце.

Убитые горем, я и Полина ушли домой. И тогда у меня и у Полины появилось глубокое убеждение, что Вы действительно виновны в смерти нашей дочери. И мы начали Вас считать своим врагом. И тогда я дал себе слово до гроба мстить Вам за смерть Нины!.."

Сам Трифонов выразился о своих отношениях с Нюренбергом лаконично и просто:

"Иона Александрович сначала меня любил, потом возненавидел. И я тоже в разные времена относился к нему по-разному".

[8] В письме Нюренберг ошибочно называл Друскининкай Трускавцом.

В рассказе "Посещение Марка Шагала" (цикл "Опрокинутый дом", 1981) больше не было дано никаких пояснений. Просто констатировался данный факт. Отец не ругал тестя и не оправдывал себя. Он всегда утверждал, что не бывает как полностью хороших, так и совершенно плохих людей. Это утверждение он относил и к самому себе.

Рассказ "Посещение Марка Шагала" был навеян историей Нюренберга. Сразу после смерти деда в январе 1979 года отец звонил мне по телефону с выражением соболезнования, а потом сообщил, что собирался о нем написать, и спрашивал, не могла бы я добавить интересные детали. Но я тогда была не в состоянии сосредоточиться, и отец написал рассказ, опираясь исключительно на собственные воспоминания.

"Опрокинутый дом" был отмечен критиками как единственное произведение, в котором автор вышел из тени и показал свое истинное лицо. На самом деле Трифонов никогда не скрывал ни собственное лицо, ни лица своих ближайших родственников и друзей. Все были у Трифонова невероятно узнаваемы. Он никого не щадил, включая самого себя. Каждое слово, каждый поступок, каждый характер имели своих прототипов. Трифонов даже сам сетовал на нехватку фантазии, на то, что ему приходилось все списывать с натуры. Иногда, правда, слова и жесты одного известного ему лица он вкладывал в иной характер. Беря за основу мужские прототипы, создавал женские образы. Так, в повести "Другая жизнь" он выразил собственные переживания вдовца через образ героини, потерявшей мужа.

В моем представлении рассказ "Посещение Марка Шагала" стал прощанием Трифонова не только с Нюренбергом, но и с Нелиной, со своим прошлым. Он описал свою единственную встречу с Шагалом в его доме на Лазурном берегу. Та встреча, которая не удалась ему с мамой в 1960 году, произошла теперь, много позже, в 1980 году. Уже не было на свете ни Нюренберга, ни Мамичевой, ни Нелиной. О маме отец написал коротко и емко:

"Я был женат на дочери Ионы Александровича. Мы прожили с ней пятнадцать лет до ее внезапной смерти на литовском курорте, куда она умчалась в одиночестве непонятно зачем".

Сколько досады и раздражения в этой фразе! Зачем мама уехала, зачем она нас оставила? Историю своей любви он увидел глазами Шагала:

"Летающие любовники" Шагала — это мы все, кто плавает в синем небе судьбы. Я догадался об этом позже".

Недаром Трифонов прожил несколько лет в доме художников на Верхней Масловке. Он, как и Нюренберг, стал ценить фантазию Шагала и его сине-голубую палитру.

Для отца рассказ явился еще способом получить отпущение грехов. Разговаривая с Шагалом, он невольно вспоминал своего тестя Нюренберга и искал с ним, только что умершим, контакта. Хотя бы через Шагала, хотя бы после смерти. Потому заканчивал рассказ словами о всеобщем примирении:

"На обратном пути мы ехали побережьем, и море лежало в сумерках громадной сине-голубой простыней, под которой можно было спрятать всех, всех, всех".

"И, обняв, смотрела ему в глаза синими ласковыми глазами ведьмы..." ("Обмен")

Трифонов постоянно вспоминал Нелину. Об этом сохранилось свидетельство еще одного его друга по Литинституту, писателя Анатолия Медникова. Тот записал в дневнике три встречи с Трифоновым в разные годы, причем последняя встреча произошла за три месяца до смерти отца. Тогда он снова мысленно коснулся мамы:

"1966 г. Мы сидели, беседовали в его кабинете. Потом я записал в дневнике: "Юра после смерти жены тоскует, не может работать. Сказал мне: "Закончилась полоса жизни, а как жить дальше? Трудно. Я очень ее любил"...

Мы встретились еще через два с половиной месяца. Это было 27 февраля 1967 года. Юрий Валентинович показался мне более бодрым, жизненные силы и творческая энергия постепенно возвращались к нему... Я почувствовал в тот день, что Юрий Валентинович начинал входить в свою рабочую форму, но потрясение, им пережитое, еще не зарубцевалось окончательно и время от времени, видимо, давало рецидивы...

19 января 1981 года... Мы заговорили потом о Туркмении. Я тогда вернулся из республики со свежими впечатлениями... Туркмения Трифонова интересовала, хотя он туда уже не ездил.

— Как первая любовь, это не забывается, — заметил Трифонов".[9]

Роман "Время и место" (1981) заканчивался сценой, когда герой романа, писатель Антипов (анти-тип автора?) шел по Тверскому бульвару навстречу старому другу. Они встречались, обнимались, садились на лавку. Место было выбрано не случайно — на Тверском бульваре находился Ли-

[9] А. Медников. "Жажда истины". Журнал "Юность" № 10, 1985 г.

тинститут, его альма-матер. "Это ты?" — спрашивал один другого. Они не виделись много лет. И следовал финал:

"Москва окружает нас, как лес. Мы пересекли его. Все остальное не имеет значения".

И не случайно опять возникал образ "леса", служившего для Трифонова символом "жизни". *Они пересекли лес* означало — *жизнь кончилась*.

В этой сцене меня не оставляла мысль, что отец шел по Тверскому бульвару навстречу маме. И они узнавали друг друга, хотя отец изменился, постарел. Из-под его меховой шапки (как я хорошо помню эту шапку!) торчали "клочки седых волос". Они вместе садились на скамейку. Кто знает, сколько раз они в юности здесь встречались и сидели на этой скамейке? А теперь им предстояло так много рассказать друг другу — всю жизнь, которую отец прожил без мамы. Неважно, сколько было горечи и непонимания. Главным было то, что они встретились "в мире ином", что они "пересекли лес", прожили жизнь. Все остальное не имело значения.

14 апреля 2010 года

Елена ШЕЛЕСТОВА

Высокий романтик
К 20-летию со дня смерти Олега Соколова

Апостол Павел, ты извечно прав:
Не оставаяся собою,
Мы умножаем общество варрав,
Живущее одним разбоем.
Из стихов О. С.

"Его убьют после смерти", — как-то сказала Ольга Ильницкая Борису Нечерде. Этот разговор двух поэтов приводится в газетной статье Бориса "Старинный сундук Олега Соколова" (о судьбе наследия художника) — она включена в издаваемый в Италии сборник "Легенда Одессы — художник Олег Соколов". Нечерда скептически отнесся к этому мрачному предсказанию. Но, увы, события двух десятилетий, протекших после смерти О. Соколова, развиваются действительно в "убийственном" ключе (условно, конечно, говоря). Олега как бы жалеют, считая его не более и не менее чем жертвой тоталитарного режима. "Нельзя кривее и ошибочнее понять человека!" (как тут не вспомнить слова классика). А между тем Олег любил высказывание Апостола Павла: "Я свободен, потому что связан". Исповедовал он и сентенцию знаменитого поэта: "Есть упоение в бою, у бездны мрачной на краю". Сейчас таких людей называют экстремалами.

Характерно, что О. Соколов как сильный человек не испытывал ненависти к своим идеологическим гонителям. Бывало, он посмеивался над их "агрессивным невежеством" (популярное и даже модное в 60-е годы XX в. выражение, рожденное политической войной (или игрой) по типу "вызов-ответ"), когда на него навешивали кличку "буржуазный импрессионист". Надо сказать, что именно к этому течению в живописи он не имел никакого касательства. По закону обратной связи, его беспощадные критики, бывало, "оттаивали", меняя бесконтрольную злость на подобие интеллигентного "покаяния". Так, автор газетной инвективы "Без методы и направления" неожиданно подарил Олегу "Путешествие Гулливера" Дж. Свифта с посвятительной надписью из Шекспира: "Герой! На битве хочет знать про битву!". Здесь подкладкой злой иронии служит затаенная "зависть"(?). Ибо Олег действительно знал — и "на битве про битву"

(о судьбе социализма), и многое другое, по диалектике вещей противоречивое для других, яснее ясного для него. В частности, это было знание будущего — проскопия, этим он потрясал, когда его предсказания — ближнего и дальнего действия — сбывались на глазах у всех.

Дорогого стоило и его знание собственного будущего — получить, в конце концов, престижное фундаментальное признание. Это вылилось в то, что не кто иной, как городские власти вынесли решение об увековечении памяти художника через оптимально высокую оценку его вклада в искусство. Он был объявлен "музейным" художником, и было принято решение горисполкома (подписанное В.К. Симоненко) о создании музея-квартиры Олега Соколова на правах отдела Музея западного и восточного искусства, где художник проработал ровно полжизни. При этом агитационное и ознакомительное красноречие употребил тогдашний председатель комиссии по культуре горсовета Е.М. Голубовский, товарищ и соратник Олега Соколова по борьбе за деполитизацию искусства уже в суровые 50-е, а не только в либеральные 60-е годы XX века.

Разумеется, предчувствие благосклонности судьбы давало ему несгибаемый внутренний стержень, оно держало его в хорошей форме — и физической, и творческой. Художник-космист, он без всяких трений вписывался в "свое" время, в "свой" "космический век", в громкую эпоху НТР, когда искусство и наука подали друг другу руку. Он действительно родился вовремя, так как склад его дарования соответствовал требованиям взаимопроникновения этих двух сфер; он чувствовал себя находящимся как бы в эпицентре некой очистительной грозы и бури.

Когда-то Парацельс сказал, что звездное небо есть и внутри человека. Олег смотрел в себя, находя "пейзажи неведомых звезд" в "пейзажах" своей души, и "край" его души всегда в аккурат приходился на "край мироздания". Физика и метафизика (выход за пределы физического) были двумя сторонами одной медали для него, провозгласившего свое кредо, одновременно гордое и смиренное: "Я менее песчинки на земле, живущий сразу в двух мирах". Право позиционировать себя именно таким образом давало ему само "устройство" его творческого аппарата, одинаково хорошо оснащенного обширным интеллектом и столь же широким спектром эмоциональных ресурсов: он, что называется, "мыслил сердцем и чувствовал умом".

Его "мыслеформы" — плоды его "умозрения" (мысль плюс чувство, а точнее, чувство, помноженное на мысль), выливались в новаторские даже для науки "лабиринтные" построения "полимодальных" картин, отно-

сительных по линии обозрения верх-низ, лево-право. С какой бы стороны человек ни пытался выйти из лабиринта, он обязательно выйдет к центру — так в свое время писатель Джером К. Джером определил красивую загадку лабиринта как такового — трудное путешествие по нему сравнимо разве что с многоступенчатым решением математической задачи. Абстрактные работы О. Соколова композиционно строятся именно по такому принципу: "устремляясь на центр" (слова из его стихов, всегда дополняющих "наведением" на цель, подсказкой его видеоряд). "На центр" он был ориентирован и в жизни — тот центр в центре системы центров, о котором писал его великий современник ученый и теолог Тейяр де Шарден, назвавший этот центр "Точкой Омега" и снабдивший его эпитетом "сияющий", ибо разумел под центром всех возможных центров — БОГА. "Быть центрированным", — вторил Тейяру Герман Гессе (его роман "Игра в бисер" был настольной книгой Олега), — означает способность "вписываться в систему, которой принадлежишь".

И этой системой для Олега была не идеологическая система социализма как частный случай, а потому прокрустово ложе для художника, а нечто совершенно иное, вмещающее миры, вселенский миропорядок, автором которого для Олега являлся Господь Бог Творец, Бог как великий художник, — по слову святого Иоанна Кронштадтского. И в этих размышлениях Олег Соколов в полной мере совпадал с мыслями великого авторитета от физики А. Комптона, нобелевского лауреата, который считал признание Высшего Разума, правящего миром, оптимальной и самой разумной из всех возможных наличествующих научных моделей и концепций мира. "Центрированность", по Гессе, помогала адептам "Игры в бисер", идущим от множественности к единству, достигать "порога универсальности", когда "ветка жасмина, фуга Баха и математическая формула" осознаются как явления одного порядка, когда человек умеет и может идти от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному. Идти ЛЕГКО! Как это давалось и удавалось Олегу Соколову.

Видимо, не случайно само его творчество, его наследие состоит примерно 50:50 из произведений (или образов) конкретных и абстрактных. Он тяготел (для зрителя лучше сказать: "тяготеет") к "гетерогенности" (кибернетический закон необходимого разнообразия). Синтезируя цвет, звук, слово (изопоэзия, цветомузыка), он ведет нас к обетованному "порогу универсальности", с которого можно шагнуть в метамиры, те множественные миры, за которые мученически поплатился жизнью Джордано Бруно, ибо судьи его забыли слова Иисуса Христа: "У Моего Отца обителей много". Веря в Вечную Жизнь, альфу и омегу христианства, он был христианином, хоть и грешным, но в то же время очень истовым, в том смысле, что исповедовал "свободу от", а не "свободу для", кроме того, в его лице мы уже имеем человека более высокой эволюционной организации, чем средний нормальный человек с его неразлучным "эго". Олег Соколов был не просто "человек мыслящий", "человек действующий", "человек играющий", он был *Homo socials* — "человек социальный", не вращающийся вокруг самого себя, как это происходит с людьми, называемыми "эгоцентристами".

Он не был ни завистлив, ни ревнив по отношению к коллегам, чужие стихи ему часто очень нравились, и он, как бы по совету Максимилиана Волошина, относился к ним как к своим, с кровным интересом (нельзя не заметить, как часто он прославляет других поэтов в своей "изопоэзии", даже чаще, чем себя). Нежно ранимый, он был одновременно и мужественным, и напористым, педантичным в вопросах чести и обязательств (сказывалось его дворянское происхождение?).

И при всем том он был нонконформистом, в отличие от более поздних поколений авангардистов, тяготеющих к комфорту в своем интерактивном искусстве, — угождать, потрафлять вкусу зрителей, чтоб всем было приятно — и художнику, и его адресату. Киевские критики Анна Матвеева и Михаил Брыных пишут об актуальном "комфортном" искусстве как о зараженном вирусом китча, они упрекают современный авангард в "отсутствии жажды абсолюта" (с маленькой буквы).

Олег Соколов чтил Абсолют, Абсолют с заглавной буквы, потому имел очень стойкий иммунитет ко всякого рода микробам и вирусам искусства. Ему была неведома вальяжная расслабленность в его художественном "почерке", напротив, в его произведениях всегда остро ощущается напряжение в отношениях между формой и содержанием, которое С. Эйзенпггейн считал критерием и признаком высокого уровня художественности.

Еще не исследована интересная грань феномена О. Соколова: он был графологом (он анализировал почерк и за знаком каким-то образом "видел" смысл). Графику-графологу Олегу Соколову виделся в этом эксклюзивном синтезе некий крест. Как бы со вздохом он писал об этом так:

Пути познания себя тернисты.
Кто тайну знаков мог расшифровать?
Ладонные рисунки золотистые
И почерка таинственную гать...

Что у каждого хорошего художника "свой" почерк, известно давно. Когда проектировался надгробный памятник Олегу Соколову, в мастерской на кладбище случайно присутствовал скульптор Е. Лелеченко. Он посетовал, что в камне невозможно передать гибкую элегантность соколовской линии. На что она похожа? Пожалуй, на синусоиду китайского знака *дао* ("великого предела"), то есть чего-то симметричного и асимметричного одновременно. Это как образ и как формула человеческого центростремительного движения-полета. Это как образ и формула общечеловеческого (и потому в том числе и личного для О. С.) движения-полета от несовершенной земли к совершенному небу.

Поистине это был высокий романтик космической эры. Можно предсказать, что на полку Истории он ляжет со своим наследием как представитель знаменитого славянского космизма, достигшего высшей сидерической (звездной) стадии поверх тсллургической (земной) и солярной (солнечной) стадии у народов Европы, Азии и... Америки.

Вадим ЧИРКОВ

Пророк с продранными локтями… или Мой гуру

Ефиму Ярошевскому

…Это из его раннего стихотворения: "Пророком с продранными локтями я становлюсь во главе племен…". Уже не помню ,что было дальше, – не помню продолжения… Да и было ли оно?

…Тогда он называл себя "пророком с продранными локтями" (впрочем, произносил он это и ради рокота, который у него здорово получался).

"Мой гуру, — писал я о нем несколько позже, — великолепной лепки голова, длинные черные волосы, зачесанные назад, острый, как бритва (сказал один художник), нос, запекшиеся губы оратора ("горлана, главаря": он был влюблен тогда в Маяковского, завидуя "поэтическим мускулам" того и его напору, ну и "Разговору двух судов на черноморском рейде", конечно…). Взгляд — сверху (он высокого роста), быстрый, как бы искоса, внимательно-пронзительный, словно бы именно в этот момент увидевший в собеседнике главное…

Он лежит на деревянном топчане в нашей махонькой комнатке (я сказал "топчане", но хочется сказать "оттоманке"), лежит, подперев великолепную голову худой темной с длинными пальцами рукой и, время от времени проверяюще на меня поглядывая, рассказывает:

— …Это было лицо, хорошо выдержанное в утреннем зеркале, готовое к предстоящему дню, — лицо красивой женщины…

Наша комнатка, чуть ли не из фанеры комнатушка с двумя топчанами и тощими матрацами на них находилась в пионерском лагере на тринадцатой станции Фонтана, здесь мы и познакомились. Я, студент педина, вчерашний матрос, подрабатывал летом в должности "инструктора по плаванию", он пришел сюда наниматься на работу воспитателем.

— Я задержал глаза на ее лице, не скрывая, что любуюсь им, — и эта первая за утро мужская дань была замечена и взята…

Мне нужен был собеседник, ему же нужна была "аудитория", и он нашел ее во мне, чьи способности в то время выражались в умении слушать и слушать: я от своих сверстников, оставшихся на "гражданке", изрядно во всем за четыре года флота поотстал.

На целый месяц я стал этой "аудиторией" Ефима, единственным его слушателем. Свои рассказы он перемежал чтением стихов, читал их вдохновенно, мастерски, то придавливая меня бронзовым гудением: "Опускайся, южной ночи гнет", — то отзываясь на чью-то строчку внутренним звоном: "По рыбам, по звездам проносит шаланду...". Иные он просто пел высоким голосом: "Дверь, настежь дверь! Качается снаружи обглоданная звездами листва, дымится месяц посредине лужи...".

— Почему по звездам? — сердился я. — И как это листва может быть "обглодана звездами"?

Он, глянув на меня искоса и что-то для себя мгновенно уяснив, объяснял. Я слушал его молча, только глазами показывая, что понял. Он же ронял (рокоча) непонятное: "Рано... рано...".

А тот рассказ продолжался:

— Для троллейбуса она была слишком хорошо одета, она была даже в тонких черных перчатках, несмотря на лето, и я подумал, что, скорее всего, шофер ее благополучного мужа внезапно заболел, или машина сломалась у порога ее дома. Глаза мои были слишком откровенны, они требовали (просили, скорее) хоть какого-то ответа. Можно было ответить мгновенной льдинкой из-под ресниц, отвергнув мое откровенное восхищение, можно было сердито закрыться, как веером, веками... красивая женщина ответила мне иначе. Она сняла перчатку и выставила на мое обозрение свою руку, кисть руки... (Ты заметил, кстати, что слово "кисть" одинаково приложимо к винограду и к руке?)

Это не была рука аристократки, — продолжал Ефим, — с длинными тонкими "нервными", как принято было говорить в блоковские времена, пальцами (все эти руки в 20-х годах уехали за границу), нет, это была пухлая ручка с дивно ухоженной кожей, с тоненькими кончиками недлинных пальцев, с заостренными розовыми ноготками, которые выдавали... хищницу, насытившуюся, но все равно с интересом поглядывавшую на проходящую мимо дичь.

Рука эта не ведала никакой домашней работы, даже, может быть, мытья посуды. Она тончала день ото дня, становилась все более хрупкой. Из всех прикосновений эта рука знала только собственную кожу, не менее нежную, собственные волосы, да, понятно, кожу мужчины. На безымянном пальце было золотое обручальное кольцо самой высокой пробы — цвет его говорил сам за себя: в нем было что-то от купеческой сытости, кустодиевской румяности, упитанности, хотя это слово никак не подходит к драгоценному металлу, розовое, оно матово лоснилось...

Показав мне всего-навсего свою руку с кольцом, женщина ответила таким образом моему взгляду, — вот какая началась телепатия...

— Понимаешь, — отвлекся он, — телепатия существует, но существует она пока только между мужчиной и женщиной...

— ...началась телепатия... — продолжил рассказ Ефим. — Она вопросила: "А вправе ли ты коснуться моей руки, взять ее в свои руки? Сможешь ли ты содержать этого зверька — смотри на него — в той же холе, какую он сейчас имеет? А ведь это лишь рука...".

Тут меня пробрала дрожь: почти незаметное глазу движение обнаженной руки и, наверное, тела, вдруг обнажило на мгновение всю женщину. Я не вздрогнул, увидев ее такою, я задохнулся...

А сама рука — я не сводил с нее глаз — продолжила говорить то, чего не успели сказать глаза: "Сможешь ли ты, право же, интересный парень, но так себе одетый, оплатить стол в лесном ресторанчике? Я ведь пью только дорогие коньяки... Сможешь ли ты заткнуть деньгами рот хозяина полутайной гостинички в том же лесу? А на какие подарки ты способен? Ты глянь, глянь на мое золото!..".

Ох, как много сказала мне лежащая на колене, обтянутом дорогой тонкой бежевой тканью, со снятой перчаткой рука! Так много, что я, растерянный от обилия ее откровенных "слов", не успевал отвечать, но, видимо, все-таки ответил — выражением лица, потому что женщина будто бы со вздохом скрыла руку под перчаткой (зверек спрятался в нору), но послала все же мне короткий взгляд, в котором я легко прочитал: "Спасибо тебе, милый, что первым оценил меня в это утро, мне такие взгляды нужны, без них и жизнь не в жизнь. Но...".

Но...

Троллейбус остановился, она встала, она вышла... И, не оборачиваясь, пошла к высокому центра города зданию, стройная, снова недоступная, скрыв свою обольстительную и мало кому доступную руку, прекрасно зная, что я не свожу с нее глаз. Впрочем, на мгновение она, будто чтобы глянуть зачем-то направо, еще раз показала мне свой профиль: точеный носик, полные губы и красивых очертаний подбородок...

Я уже сказал: Ефим пришел наниматься в лагерь на работу воспитателем.

Я в тот день дежурил у ворот и сидел возле них на скамейке, рисуя от нечего делать в блокноте стоящий напротив коряжистый абрикос. Он вошел — белый полотняный костюм и, как мне до сих пор кажется, соломенная шляпа канотье, высокий, черноволосый, с необычайно внимательны-

ми темно-карими глазами, примерно моих лет... Поздоровался картавя и спросил — в голосе его прорывался бархатный актерский баритон — спросил, может ли он увидеть начальника лагеря. Покосился на блокнот, оценил меня, спортивного вида парня, занятого неспортивным делом, и мягко заметил, что вот эта линия, показал, кажется ему слишком жирной, чем сразу расположил меня к себе.

Я отыскал начальника, свел его с пришедшим, потом уговорил шефа принять человека, окончившего свердловский филфак (сведения были сообщены мне по дороге). Шеф доверился мне, спортивного вида парню, и таким образом Ефим оказался в одной со мной комнате.

Из всего, о чем он мне в то лето рассказывал, понятны мне были только его рассказы о встречах с женщинами (речь шла о девушках, но это слово никак не вписывается в строку, слово Женщина, а то еще и Она, звучит иначе, общее, может быть, просто биологично. Итак, он мне рассказывал о встречах, как только что мной приведенная, где все начиналось со взглядов, ими же через несколько минут все и заканчивалось. Был только обмен взглядами, ну и, разумеется, то, что он (и, может быть, она) при этом испытали, какое обещание он получил взамен на свою мольбу... и этого моему гуру было вполне достаточно, чтобы он почувствовал себя счастливым. У его встреч никакого продолжения не было. Он мог встретить эту женщину завтра же, но, не послав ей телепатического своего взгляда, мог пройти мимо нее равнодушно. Таким образом, его рассказы повисали в воздухе, как воздушные шары. На грешную землю они не опускались.

Кажется, он тут же переводил испытанные при встречах чувства в строчки, и строчки становились его достоянием, как, к примеру, донжуанский список ловеласа.

На целый месяц я стал "аудиторией" Ефима, единственным его слушателем.

Кончился лагерный сезон, мы разошлись. Он убрался на свою Молдаванку, на Шолом-Алейхема, где жил со своей полупарализованной матерью, я — в общежитие педина.

Потом мы как-то случайно столкнулись на улице, пошли вместе. Он сообщил, что опять ищет работу. Там и сям, там и сям. В киностудии, где набирают массовку, Ефим ставил свою фотографию и ждет, что, может, его вызовут... Книжное издательство получило заказ на книжицу об одесском морском порте, он рассказал, как бы ее написал он, Ефим. Процитировал мне самую первую фразу будущей книжки: "На белых парусах вле-

тает в наш порт далекая чужеземная волна. Она швыряет в берег букет пены, который несла так долго, так бережно...". Что-то в этом роде...

Разговаривая, мы встретили знакомого Ефима, он пригласил нас к себе. Приятели еще по дороге завели разговор, в котором я снова мало что понимал: они говорили о каком-то гениальном поэте, о котором я и не слыхивал на своем краснознаменном флоте, приводили его строчки, казавшиеся мне престранными, иноязычием, что-то вроде: "Рояль дрожащий пену с губ оближет. Тебя сорвет, подкосит этот бред...".

Я, понятно, молчал; Ефим время от времени бросал на меня быстрый и соболезнующий взгляд; я молчал, но лицо мое, видимо, выдавало внутреннее напряжение: я старался хоть что-то понять...

Я слушал Ефима молча долго — может быть, год. Потом — робко — заговорил. Он прислушался... Поправил, подхватил... Я понял, что слушал не зря. Из Слушателя я стал Собеседником.

Так-то я и попал через некоторое время в компанию "одесских уличных философов", как назвал Исаак Бабель племя молодых людей, населяющих ночные улицы города.

Они ходят парами, редко втроем, "роняя слова, как сад янтарь и цедру", читая в такт шагам стихи — чужие и свои, написанные давно и вчера, и произнося только что рожденную строчку, словно считав ее с асфальта, на котором ветер раскачивает фонарные тени платанов и каштанов, отчего немного кружится голова.

Они читают и читают стихи, произнося их торжественно, высоко, гулко в коридоре улицы, — словно молясь, словно заклиная чей-то дух явиться сюда, призывают его каждой строчкой в собеседники, в слушатели, в свидетели... Они ходят в такую ночь по краю чуда — и вдруг, качнувшись вместе с тенью дерева на асфальте, переступают какую-то границу — и дух великого поэта, жившего некогда здесь, вняв наконец призыву, влетает в кого-то из них двоих либо касается его лба кончиком крыла, и тот вдруг останавливается, осененный, и, задыхаясь, спешит сообщить напетое духом (небрежно брошенное сверху) целое четверостишие. Четверостишие, проложенное темными полосками одесской июльской ночи.

Но чаще всего за время ночи рождалась всего лишь одна строчка, но — гениальная:

Скорбим, как будто мы бессмертны...

Оба поэта повторяют ее так и этак; громкие их голоса заставляют шевелиться голубей на карнизах, и галки высоко на платанах спрашивают друг у друга спросонья: что случилось?

Скорбим как будто... Мы — бессмертны!
Скорбим как будто мы, бессмертны...
Скорбим как! Будто мы бессмертны.

Но вот в чем беда. Стрела этой строки, вылетев из лука и зачав полет, не понеслась дальше, понуждая поэта, увидевшего на мгновение далекую цель, вытянуть из колчана и другую стрелу, она была перехвачена на лету, собеседники стали перебрасывать ее, еще горячую, из рук в руки, и она стыла на глазах, движение в ней пропало, далекая цель, мелькнув, исчезла, и следующая стрела так и осталась в колчане...

Ах, каким гениальным могло быть это стихотворение! Но какая, какая за этой строчкой идет следующая строка?! В какую цель было устремлено ее острие?

Мои поэты идут молча, что-то все же бормоча про себя, примеряя то одну, то другую строчку к первой, но ни одна уже не подходит. По количеству энергии, заложенной в первую, все остальные ниже. Инерция кончилась, движения нет, запал иссяк. Стихотворения уже никогда не будет.

Началами стихов одесских уличных философов засеяны цветочные клумбы центральных улиц. Может быть, они взойдут когда-нибудь невиданными цветами, и какой-нибудь молодой и веселый бродяга легко нарвет целый их букет...

А еще они ходят друг к другу — по протоптанной дорожке, а вернее, по кругу, навещая одних и тех же приятелей. Все они живут в бедных маленьких квартирках с темными потолками и стенами, с газовой плитой у входной двери, с туалетом во дворе, они живут, как правило, с больными или не очень здоровыми мамами; единственная комната разделена на два помещения: большее — мамино, где мама не сходит с кровати, в меньшем на неработающей плите рядом с узкой кое-как застеленной кроваткой — гора самых разных книг с закладками меж страниц, книг, открытых на какой-то странице, так и не перевернутой, пожелтевшие рукописи, фотографии, рисунки-шаржи, надписанные, но не отосланные конверты, клочки бумаги с горстью карандашных слов... Главенствует однако здесь, здесь царь и бог — пишущая машинка, какой-нибудь "Ундервуд". Эта машинка — она воздвигнута на самом видном отовсюду месте, а особенно от входной двери, — эта машинка покрыта давней пылью, она бездействует, но она же и действует, ибо является постоянным напоминанием хозяину о его долге и призвании: сесть однажды — ах, сесть однажды! — к этой маленькой пирамиде, стереть с клавишей пыль и застучать, застучать, увековечивая черной краской заветные слова, вы-

держанные, отстоявшиеся, проверенные месяцами, годами, может быть, уже — десятилетиями...

Они ходят друг к другу по кругу. Они встречаются, закуривают, гость, сидя на продавленном диване, поглядывает быстрым искоса взглядом на хозяина, тот стоит перед ним, о чем-то рассказывает, размахивая руками, тараща блеклые голубые глаза... Но кто-то уже звонит в дверь, ему открывают, он входит — притворно скромный, а на самом деле смертельно ядовитый, со сладенькой улыбочкой на змеиных устах, Гриша, "мудрый и лукавый"... Открывает сладко-ядовитый рот:

— Ну-с, какие новации в вашей организации? — берет со стола сигарету и закуривает, и садится в самый угол дивана, продавив его чуть ли до пола, задрав колени чуть не подбородка. — Так какие новации?..

Начинается обмен найденными строками, ибо главные новости в этой "организации" — строки, то из ненаписанной прозы, то из недописанного стихотворения. То один, то другой, подхватив инерцию, заключенную в сказанной строке, сообщает вторую, может быть, даже — третью (и останавливается)... Под темным потолком возникает устный рассказ — недлинный, невиданный, вызывающий, смешной, хулиганствующий, законченный гениально — в стиле самых великих, чьи духи, не исключено, посетили на минуту-другую комнату с продавленным диваном и пишущей машинкой на самом видном месте.

Мой гуру, обладающий феноменальной памятью и самым изысканным литературным вкусом, поспешив после этой беседы домой (а скорее, сорвавшись неожиданно), спешно записывает дома (согнувшись над подоконником: стола у него нет, согнувшись, хихикая, переминаясь с ноги на ногу) рассказ на клочке бумаги, рассказ, начатый, кстати, его возмутительной строкой и законченный либо им же, либо "мудрым и лукавым".

Большинство творений удивительных этих ребят — коллективное творчество. Творчество небольшого избранного проверенного и опостылевшего круга людей, чем-то одним похожих друг на друга.

(Один из одесситов, не менее "великий", чем те, о ком я рассказываю, но так и не опубликовавший за свою жизнь ни строки, зато много чего сообщивший ценного своим слушателям, на эту мою фразу отозвался очень эффектно:

— Любое творчество коллективно! — и повторил: — Все человеческое творчество коллективно!

Раньше я бы с ним согласился полностью, теперь — на четверть. Может быть, — на треть. А вообще...)

В то время, о котором я пишу, почти ничего из сочиненного свободолюбивыми одесситами опубликовано быть не могло. Сначала у них были кое-какие надежды, после — иссякли. И они стали писать... еще свободнее. Точнее — они все чаще стали на страницах (и клочках бумаги) просто-напросто хулиганить, показывая нахальнейшую из фиг официальной советской литературе и давая время от времени короткие образцы того, как можно и нужно писать.

В иную строку знакомый мне одессит вкладывал столько энергии, сколько другому хватило бы на рассказ. (Примерно так, между прочим, высказался Пастернак, почитавший дневники Пришвина.) Но одессита никто не печатал, и праздника, какой испытывает пишущий с выходом номера газеты с его стихотворением, а тем более с выходом собственной книги, никто из них тогда не испытал. (И они, повторю, стали писать... еще свободнее. И — еще короче.)

Мой Ефим работал, например, преподавателем русской литературы и языка в вечерней школе рабочей молодежи, да и то от поры до поры. Молодежь эта приходила на уроки после восьмичасового дня у станка и таращила закрывающиеся от усталости глаза на Великолепного Ефима, который, широко расшагивая у доски, читал им ни с того ни сего:

...Для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там...

Читал — и искоса и быстро на учеников поглядывал, словно желая понять в аудитории главное.

Он часто называл себя пророком с продранными локтями...

И все-таки был, был в нашей жизни (в нашем приятельстве, во встречах наших) эпизод, где присутствует движение, энергия, сюжет, в конце концов.

...Ночью мы идем с Ефимом к морю. Это за городом — там, где собственные дома, дачи, сады. Над морем яркая круглая луна. Она освещает узкую улочку, по которой мы бредем, не разбирая дороги, кусты цветущей сирени над калитками. Сквозь черную листву серебряно светятся крыши.

Все сказочно, все полно значения, все, что мы видим, неоднозначно. И — вторично. Сирень не назовешь просто сиренью, ибо это сирень Врубеля, ибо это "глубокий обморок сирени" Мандельштама, ибо это "соски сирени" Заболоцкого, в самом деле — гроздья ее тяжелы, округлы, душисты...

Что же еще, что же еще нового можно сказать о сирени?

Молочно светящаяся табличка на калитке, полускрытая кустами цементная дорожка к дому, свет настольной лампы из-за шторы, крадущееся к луне хищного облика облако — все это только части того цельного и огромного, что называется майской ночью у моря, когда светит полная луна.

На море лежит лунная дорожка.

Дорожка, похоже, выложена живой трепещущей рыбой. Нет, это мост! Длинный — до самого ночного горизонта, где под луной лежит светлая площадка, — висячий мост, сверкающий златом и звенящий серебром, сказочный мост, выстроенный, как известно из русских сказок, за одну только ночь.

"Вот тебе твой мост, — сказал Иван-дурак царю, показывая на лунную дорожку, — вот тебе заказанный тобою мост, — сказал Иван-дурак-поэт".

Мы стоим высоко над морем: берег внизу и вдали, к нему ведет тонущая в темноте деревянная лестница.

Здесь все сотворено из двух изначальных материалов — Тьмы и Света. Наверное, бог-художник, сказав: "Да будет свет!" — вызвал сначала из небытия луну и, вдоволь налюбовавшись Первым Пейзажем, пригласил в дневные светила солнце.

Мы стоим очарованные, подавленные храмово величественным зрелищем, мы искоса поглядываем друг на друга и боимся произнести хоть слово — найди-ка его, соразмерное тому, что мы видим!

В горле моего гуру начинает клокотать, но он не выпускает рвущихся наружу слов. Он судорожно хватает ртом воздух, извиваясь даже, чтобы помочь вдоху, забрасывает голову, стонет...

Луна сияет, как новая монета, она кажется звонкой, как щит, луна светит, как прожектор, луна висит над морем, как часы, под которыми принято назначать свидание...

Мой гуру бормочет, прикашливая:

— Луна... полночная луна... Когда... — и неожиданно, словно что-то или кого-то услыхав, замирает. Слушает, запрокинув голову... Потом поднимает руку, поворачивается ко мне. Гордый, вознесшийся надо мной, как памятник, — профиль его врезан в луну, — выждав паузу, чтобы аудитория настроилась, произносит:

Когда над Черным морем полночь
Пробьет торжественно луна,
Я призову тебя на помощь,
Тебя, эвксинская волна.

Из бесконечности, оттуда,
— он показывает рукой в темь моря, —
Накатит первая строка, —
И вздрогнет жаждущая чуда
Поэта ..... рука!

Там, где пушкинское многоточие, было некое та-та-та, некий, вернее, гул, заменявший три слога еще не найденного слова.

— Кто это? — взволнованно спрашиваю я. — Это...

— Это я! — гордо отвечает мой гуру. И, сойдя с пьедестала, делает торжественный приглашающий жест к лестнице, к берегу моря, к волне.

Мы спускаемся по ней, и на первой же площадке, на скамейке, находим — как подарок, как приз, как приношение — початую бутылку шампанского и букет махровых гвоздик!

— А?! — победоносно оборачивается ко мне Ефим — он словно знал, что внизу нас ожидает шампанское.

— Да, — соглашаюсь я, из осторожности все же нюхая вино, — да, да...

Стихотворение заносится при лунном свете в блокнот. Мы делим пополам букет и, отпивая глоток за глотком шампанское, долго слушаем доносящийся снизу накат прибойной волны. Ефим повторяет стихотворение, пробуя строку этак и так:

Из бесконечности, из мрака...

Из темноты, из первородства...

То стихотворение, насколько я знаю, так и не было дописано, а недостающее слово не было найдено. Первоначальный его смысл затерялся в вариантах, написанных потом...

Не знаю, что тому виной. Может, сам город, где лучше всего думается, сочиняется на улицах и вдвоем, где так трудно усидеть дома, слыша за окном шумящую, поющую, зовущую к себе жизнь? Радость, ожидающая тебя за дверью, кажется заманчивей и ближе, чем радость от рождения следующей строчки, и ты бросаешь перо... (Потом, спустя годы, он предложил найденное слово: "поэта легкая рука...". С легкой руки поэта? Не знаю, может быть...)

"...Как-то сидел я весь в грустях, — писал мой гуру в своем романе с гениально-уничижительным названием "Провинциальный роман-с", рома-

не, состоящем из небольших кусочков прозы, — сидел, опустив ноги в чемодан с рукописями. Бумаги мои — дни мои, вечера и ночи, разделенные годами, десятилетиями, — давно жили друг с другом, роились... Выцветали чернила, за ними требовался уход, им хотелось воздуха, внимания. Они лежали все вместе, в непозволительной связи друг с другом. Вытащить все это, перетряхнуть, омыть слезами... Воздать должное, показать миру. А что стесняться, в самом деле!.. Ведь это были стихи, романы, мысли, эссе! Ведь это черт знает... Таким Николаем Васильевичем Гоголем чувствуешь порой себя, что... Не знаешь, право, что и подумать. Вытащу, вытащу их на свет Божий, и да станет сокровенное откровенным!..

И пришел Гриша, и спросил, естественно:

— Принимаешь ножные ванны?

Как прекрасно, как хорошо спросил!.."

.....

Одесса — Нью-Йорк

От редакции. Поздравляем нашего любимого и уважаемого автора Ефима Ярошевского с 75-летием и в полном соответствии с традициями его предков желаем не только дожить, но и доработать в литературе до 120 лет.

Валерий БОДЫЛЁВ

Человек в пейзаже

Вступление

На выставках известного одесского художника Сергея Лыкова, как правило, случайных посетителей не бывает. Почитателей немного и они постоянны. Кого на вернисажах не встретишь никогда — так это живописцев. Еще бы, у них свой счет к художнику, — ни к какой школе, стилю, определенному жанру он не принадлежит. Авангардисты, несмотря на наличие у С. Лыкова явных модернистских произведений, своим его не считают. Классические "одесские пейзажисты" с разными степенями приближения к импрессионизму или пуантализму с большой долей сомнения всматриваются в его ландшафты. Немало вопросов возникает у культурологов, к примеру, к картинам из цикла "Недоверие к Караваджо". В принципе, подобная отстраненность, пребывание на расстоянии имеют свое преимущество — "быть над схваткой", хотя безоговорочного признания не приносит. На всякий случай, запомним подобный разнобой мнений, — к нему мы еще вернемся в "Заключении".

Свой среди чужих

Как художник С. Лыков проявился в "смутное" перестроечное время, которое, скорее, можно назвать "fin de siècle" — ситуацию, по определению Шпенглера, повторяющуюся со времен эллинизма, своеобразного античного постмодерна. "Конец века" в стране растянулся более чем на десятилетие. От обычного, по Шпенглеру, имеющего естественный ход событий, он отличался тем, что у нас целые полвека движение нового искусства тормозилось. Естественно, появилось множество школ и направлений.

Надо отдать должное — С. Лыков "выбирался своей колеей". Уже в первых работах — "Концерт барокко" (86 год) и "Элегия" (89) — нет постмодернистского равнодушия, чрезмерной иронии и издевки. Казалось, все атрибуты, имеющиеся в изобилии на полотнах его коллег-авангардистов, соблюдены, но за всем этим искренность, увлеченность персонажами картин. Извечно повторяющаяся коллизия слабости и силы в истории соблазнения Данаи из одноименной картины, которая представляется, по сути, вечным персонажем... Интересно, что во всех трех произведениях из эпох барокко, античности и Средневековья символом, наме-

ком обозначен таинственный проход во времени. И нам непонятно, попадаем ли мы в те отдаленные эпохи, или их мистическая энергия вторгается в пределы настоящего. Вглядитесь, в холсте "Даная" — это раздвинутые завесы. В "Концерте барокко" темный портал, отсвечивающий багряным огнем, и в "Элегии" — распахнуто готическое окно, сквозняк из которого втягивает портьеры, придавая движения картине.

Отношения Лыкова к сюжетообразующим импульсам (культурные коды многих эпох и частей света) происходят скорее из Серебрянного века. Тогда в русской живописи, философии и литературе произошел всплеск интереса к культурному наследию. Но преобладающим подходом стали почтительность и уважение. В постмодернистской среде тоже наблюдается поворот в сторону духовного наследия, но это джентльменский набор эрудита, бездушное цитирование, циничная игра культурными и религиозными образами.

Еще одной особенностью творческого подхода есть изображение жестов, ведь каждое живое существо можно рассматривать как наследственную совокупность определенных жестов. Таким образом, семиотика жеста дает наилучшее определение таинства и ритуала, который на самом деле не что иное как повторение жестов прародителей. С. Лыков является настоящим мастером жеста, даже на тех полотнах, где нет никакого движения, и персонажи неподвижны. Посмотрим, к примеру, на портрет Елены Некрасовой. На первый взгляд, он совершенно статичен. Но что-то вызывает скрытое напряжение, тревогу. И этим "что-то" оказывается скрытое движение кисти, натягивающей туманное пятно шали. И только позже мы видим склоненные невидимым сквозняком перья (почти по А. Блоку) и птицу, готовую взлететь.

Настоящим изобилием жестов отличается картина из цикла "Недоверие к Караваджо", превращаясь в изысканные мизансцены А. Таирова и А. Арто. В этом выявляется уникальная драматургичность живописного воображения С. Лыкова. Жесты в интерпретации художника выдают не только простые чувства, они являются носителями гораздо более существенных понятий. Жесты утверждают границы нашей обособленности, определяют наше место в мире, как микрокосм (работы "Встреча 1", "...2", "...3"). С. Лыков усиливает любой жест до своего рода ритуала, отвечающего основным потребностям человека, пытающегося вычленить себя из слепой природы и создать начатки духовности. Как утверждает конфуцианский дискурс, ритуалы помогали объединить намерения, направить действия, гармонизировать души и добиться всеобщего равновесия сил. Именно эту задачу гармонизации пространства и несут ритуальные жес-

ты на полотнах С. Лыкова. Вспомним горизонтали жестов на его картине "Петр и Павел" и сравним их с вертикалями Платона и Аристотеля из "Афинской школы" Рафаэля. Вглядимся в жесты и позы мудрецов на картине "Чудо с бабочкой" (2003), напоминающих бесчисленные поклонения волхвов из живописи Ренессанса.

А теперь об онтологической разности подходов авангардистов и живописца С. Лыкова. Внутреннее "эго" типичного авангардиста пронизывает сознание успокоительной и недолговечной силой. Законы перспективы, уменьшающие относительно "я" все, что от него удаляется, подпитывают авангардиста соблазнительной идеей господства, а привычка выпячивать свое мнение утверждает в правоте подобного метода. Самосознание побуждает авангардиста полагать любой объект, зависящим от него, считать происходящее в мире инсценировкой, поставленным "перформансом". Это исходит от первоначальной степени самосознания: примитивного анимизма и полудетского магизма. Поэтому авангардист и навязывает "городу и миру" свое узкосубъективное, держащееся на воле и весьма своеобразном представлении (почти по А. Шопенгауэру).

С. Лыков говорит языком архетипов, которые на самом деле есть исторически законсервированные "культурные коды". Вот почему с необъяснимой верой в авторский показ мы обращаемся к событиям "осевого времени" (К. Ясперс), представленным на его полотнах "Переписчики Торы" (1999), "Петр и Павел" (2004), "Чудо с бабочкой" (2003), "Аматерасу" (2004), "Монахи" (2004). Каждая из этих работ — вещь в себе, "замкнутая монада". Рассказать о любой из них — попытаться вскрыть многослойность апокрифа, разобраться с тем, какая концепция лежит в основе, в каждом полотне множество аллюзий, реминисценций, ассоциаций. Зачастую С. Лыков обращается за поддержкой к выдающимся деятелям мировой культуры (Караваджо, Хонхорст, Рембрандт), вступая с ними в напряженный диалог. Но это не является постмодернистским цитированием, применяющимся скорее как элемент отторжения от классики. С. Лыков же подчеркивает нерасторжимую связь с традицией, лишь высвечивая все ее стороны, которые доселе пребывали в тени.

В одной из рецензий я обнаружил совершенно правильные выводы о том, что искусство С. Лыкова — настоящее, достоверное, визуально безупречное, и поэтому рождающее доверие. Но это всего лишь констатация общеизвестного факта. Почему столь притягательна живопись С. Лыкова? Отнюдь не культурологичностью сюжета, хотя это тоже имеет место. Причем значительное. И даже не мастерской композицией. И не только завораживающим коло-

ритом. И не удивительной динамикой — все изображаемое находится в естественном движении. Картины отличают одно глубинное свойство.

Но подойдем к этому тезису издалека. Мы вообще не смоги бы ничего понять, если б события не вызывали у нас какого-либо воспоминания. Мы не сумеем принять что-то, прежде чем не соотнесем с прецедентом, сохранившимся в нашей памяти. Об этом говорил еще Платон: "Наши знания зависят от реминисценции". "Мы видим лишь то, что нам знакомо", — утверждал Гете. Но глубже этих философов зашел М. Пруст, связав со вкусом пирожного "мадлен" проход в глубину утраченного времени. Мне представляется, что в каждом полотне С. Лыкова есть этот своего рода вкус комбрейских бисквитов, испробовав которых, мы непостижимым образом попадаем в пограничное состояние своей жизни, будь то чарующее воспоминание о детстве, пора любви или проникновение в свои прежние существования. Другими словами, произведения Лыкова глубоко экзистенциальны, и этот драматизм, тревога, трепет, завораживают, втягивают в пространство картин. Для примера приведем "Ностальгические интерьеры" и "Дикие тени любви". Вот эта экзистенциальность, а не достоверность (реалистов хватает и без него), заставляет подолгу задерживаться у полотен художника. Среди них работы из цикла "Ловцы снов". Каждый может вспомнить сон, неожиданно раскрывающий какой-то утраченный смысл. На представленных работах мы видим последнее замирание сознания перед проблеском из будущего и отблеском из прошлого: еще миг — и все откроется. Но от разгадки, и таким образом, исчерпывания смысла, автор нас оберегает.

Для многих смысл обретается только в дороге, а дорога — это движение, перемещение в пространстве. А если считать время четвертым измерением пространства (что в среде постэйнштейновской физики является общим местом), то, пожалуй, можно подозревать, что автор переносит нас именно во времени — столь необычные чувства посещают зрителя при вглядывании в полотна из цикла "Дороги". Исходя из этого тезиса, пространство есть средство для путешествия во времени. Глядя на летящую птицу, аллею придорожных деревьев, устремляющих, заостряющих движение, мы путешествуем во времени этих предметов и этих пространств с разными бытийными временами. Все это можно испытать, промчавшись по его "Дорогам", ощущая весомость проносящегося времени, встречая идущих даосов, ощущая тень Бога на облаках.

И в завершение — о новых работах, выставленных в проекте "Ностальгия по настоящему". Обратим внимание на то, что в половине работ, будто какие-то тайные знаки, появляются птицы. Уже с древности мы, сугу-

бо земные существа, с восхищением взирали на крылатые создания, способные свободно перемещаться в пространстве, отрываясь от телесного низа и устремляясь к божественному верху. Птицы, таким образом, считались вестниками богов, и разнообразные проявления духовной силы связывались с их крыльями. Птицы, крылья и полет символизировали высшие состояния существа. Знакомство с небом позволяло приравнивать птиц к ангелам и приписывать им ангельский язык.

На полотне Лыкова мы видим три светильника, направляющие свет вверх, и птиц, почти растворенных в свете, возносящихся в сияющие золотом эмпиреи. "Мальчик с птицей" — просветленный ребенок с голубой птицей, своеобразным осколком неба. "Будда с птицей" — два персонажа горнего мира. "Женщина и птица" — окрыленность первой и воплощение возвышенного в телесном у жилицы воздуха. Во всех картинах рассеяно легкое золотистое свечение, золоченные блики и отблески.

Впрочем, пересказывать истории идей, пейзажи самоуглубленной души — дело неблагодарное, тем более, что концепции и мнения могут быть самыми различными. Остается только определить характер работ С. Лыкова, если это возможно, когда в живописи стала преобладать полистилистика. И все же я бы осмелился представить их как "пейзажи души", "пейзажи времени", "пейзажи сна". В каждом холсте помимо обычных живописных атрибутов есть свой концепт, психологизм, жесткий диктат тайны.

Заключение

В завершение остается привести одну дзэнскую историю о старом художнике. Долгие годы работая над главной своей картиной, он пребывал в уединении. А когда посчитал свои усилия достаточными, явился во дворец и поднес шелковый свиток императору, а тот вместе с придворными стал разглядывать картину. Полотно представлялось совершенным и безукоризненным, но у всех появилось странное чувство разочарования и неловкости, какого-то неуловимого изъяна. Один винил рисунок, другой краски. Все затруднялись определить, в чем тут дело. Император в самых мягких и осторожных словах выразил общее мнение. Старик, спрятав руки в широких рукавах халата, молча выслушал его. Когда критика была закончена, он почтительно поклонился, а затем непостижимым образом, ступив ногой внутрь полотна, исчез.

Может быть, и нам стоит присмотреться — и найти художника среди его творений...

Феликс КОХРИХТ

Светлое желание

"Казалось бы, живешь в Одессе всю жизнь, знаешь художников смолоду. Тех, кто сегодня по праву считаются метрами современного искусства". Цитата принадлежит автору этих строк и взята из статьи "От "А" до "Я", опубликованной в сборнике "Черный квадрат над Черным морем". Он вышел без малого десять лет назад и стал вторым в двухтомнике, дополнив "Портфолио" (1999 г.). Специалисты полагают, что эти книги дают достаточно полное представление о рождении и становлении авангардного искусства не только в Одессе, но и за ее пределами.

Но был еще один проект (правда, в 1980-е годы этот термин не был столь востребованным) — известный московский фотограф, знаток авангарда Валентин Серов создал два несброшюрованных альбома репродукций произведений одесских художников-нонконформистов, снабдив их выразительными портретами авторов. Валентин работал в мастерских, квартирах коллекционеров, в том числе и в нашей. Сегодня эти альбомы — большая редкость, нет с нами и автора, и Юрия Егорова, Валентина Хруща, Люды Ястреб, Николая Степанова...

Но и в XXI веке плодотворно и ярко работают — и в Одессе, и в других странах — Александр Ануфриев, Владимир Стрельников, Виктор Маринюк, Евгений Рахманин, Михаил Черешня, — к счастью, их больше...

Трое из героев Валентина Серова (Валерий Басанец, Олег Волошинов, Игорь Божко) недавно стали собеседниками двух Евгениев — Голубовского и Деменка, — придумавших и успешно осуществивших свой оригинальный и многотрудный замысел. Они составили двадцать профессио-

нальных разносторонних острых вопросов и задали их двадцати художникам, представляющим разные возрастные, мировоззренческие, стилистические составляющие того, что мы называем одесской школой. Беседа с Юрием Егоровым состоялась раньше — в рамках телепрограммы Е. Голубовского. Разумеется, у каждого из нас (в том числе — у меня, принадлежащего к этому кругу много лет) есть свое представление и о "наборе" участников диалога, и о его композиции. Но, признаюсь, вариант Голубовского — Деменка мне интересен, а порой — неожидан и поучителен.

Название сборника уходит корнями в 1915-1917 годы, когда в Одессе выходили альманахи, объединявшие литераторов и художников, ставших родоначальниками уникального направления — Юго-Запада, представители которого стали классиками Нового искусства. Пять сборников вышли, а шестой — "Смутная алчба" — так и не увидел свет... Есть что-то печальное и тревожное в этом названии, которое можно осмыслить как Неосознанное, а может быть, и Неосуществимое Желание...

И вот спустя 83 года оно реализовалось тщаниями Голубовского и Деменка — представителей разных поколений одесских культурологов и собирателей. Сборник вышел, увы, небольшим тиражом. Следует сказать об изысканно лаконичном, но удивительно образном дизайне Анны Голубовской и о титаническом труде Татьяны Коциевской, которой пришлось расшифровывать магнитофонные записи диалогов и, как говорится, "доводить их до ума".

Читать тексты — занятие увлекательное, особенно для тех, кто знает и участников разговора, и их творчество, и может в меру своего опыта общения с ними и оценить искренность, полноту ответов, и насладиться их хитроумными уходами в "несознанку"... Впрочем, тем они и интересны: каждый — штучный товар...

Выделю лишь некоторые общие положения, представляющие для меня и личный, и общественный интерес.

На вопрос "Как вы считаете, является ли Одесса художественной провинцией?.." старшие по возрасту ответили отрицательно, а вот молодежь, увы, в ряде случаев с этим согласна... Впрочем, один из самых ярких и энергичных мастеров Стас Жалобнюк уверен: "В каком-то смысле Одесса является художественным центром, потому что здесь есть традиция, здесь есть преемственность".

Отсюда — и следующий вопрос: "Современные искусствоведы называют Егорова, Хруща классиками одесской школы. Согласны ли вы с этим? Кого бы еще вы бы назвали классиком?". Здесь, к моему удо-

вольствию, практически все ответили утвердительно. Добавляли не менее достойные фамилии.

С нетерпением ожидал ответов своих давних знакомцев на непростой вопрос: "Есть такое понятие — самооценка. В художественной жизни Одессы как вам видится ваше место — в первой десятке, в первой пятерке?..". Валерий Басанец: "...Я боюсь ошибиться в самооценке, мне лучше быть менее, нежели чтоб потом разочарование наступило". Игорь Гусев: "Скорее всего — первая сотка. Если в Одессе жили... Кандинский и Костанди, то я считаю, что нужно выстраивать ряд от них...". Александр Ройтбурд: " Я, конечно, не считаю себя величайшим гением всех времен и народов, но художник я хороший". Владимир Кожухарь: "Я давно руководствуюсь заповедью — не соревнуйся". Есть и другие точки зрения — собеседников-то двадцать. Мне, пожалуй, ближе всего точка зрения Юрия Плисса: "В античности задавали такой вопрос художнику. Они так решали: кто второй после тебя?.. Так они выявляли первого"...

Художники отвечали даже на вопрос, который удивил бы их зарубежных коллег некоторой бесцеремонностью: "Где, когда и за сколько были проданы ваши работы в прошлом году?". Каждый изворачивался, как мог... Меня тронул и обезоружил ответ Эсфири Серпионовой, признавшейся: "А за сколько — это я даже, честно говоря, не запоминаю, потому что сразу деньги уходят".

С особым интересом изучал я мнения художников, отвечавших на заковыристый, пожалуй, самый фундаментальный в предлагаемом списке вопрос: "Что такое современное искусство, а что такое актуальное искусство?". Наиболее развернутый ответ дает художник и кандидат искусствоведения Ольга Котова. Прочтите эти размышления — они того стоят. Для себя выделил ее сентенцию: "Во всей истории искусства, как только что-то становится модным, оно перестает быть актуальным".

Надеюсь, актуальными останутся и проблемы, которые поднимают в своем диалоге Евгений Голубовский, Евгений Деменок и их, вернее, наши собеседники. Нам обещано, что разговор с художниками продолжится в следующих выпусках альманаха. Рискну предложить для него новое название: вместо "Смутной алчбы" — "Светлое желание". Оставляю себе право начать рецензию на его выход в 2011 году цитатой: "Казалось бы, живешь в Одессе всю жизнь...".

Вера САВЧЕНКО

Черное / белое — новое / старое

И вот тогда из снов, из пустоты...
Свой тайный смысл доверят мне предметы.
Б. Ахмадулина

Древние китайцы считали, что лучшим учителем человека является... камень. Ведь камни имеют свои, зачастую исчисляемые веками истории и судьбы... Но так же, как нередко истины изрекаются устами младенцев, возможно, и вещи, чей возраст ребячески несолиден, способны удивлять заключенным в них глубокомыслием? По крайней мере, погружаясь в проект Сергея Кириченко "Инсталляции времени", избавляешься от высоколобого снобизма по отношению к обычным предметам, неожиданно понимая, сколь много нового они могут открыть, особенно в момент преображения искусством.

В серии инсталляций С. Кириченко нет камней, и в качестве объектов эстетического созерцания здесь буквально предстает какой-то чердачный хлам и чепуха, в подчеркнутом фотографиями А. Шевчука виде — "дырки от бублика". Но все эти утюги и пылесосы, швейные машинки с теннисными мячиками да разделочными досками творят эстетику?! И упомянутые "дырки" тут не только не случайны, они задают тон — визуальный и смысловой — всего проекта. Когда художники пишут классический натюрморт, одно из профессиональных правил гласит: "Смотри не только на предметы и отношения между ними, но и на "дырки" между предметами. Поскольку они-то порой оказываются самыми важными". Вот и в этих инсталляциях дырки получили первую скрипку. Но что же

определяет тему разыгрываемого действа? — Время, неуловимое и одновременно неукоснительно оставляющее печать своего дыхания на происходящем. Оно и то, что сохраняется в следах многочисленных артефактов, но и то, что ежесекундно утекает сквозь пальцы, во все эти дыры-зияния, как будто в никуда и в ничто. А потом, может быть, сохраняясь лишь в безмерных черных дырах космоса, возвращается к нам в ощущениях дежавю или глубже, по М. Мамардашвили, в поразительно точных попаданиях в некие прежде, задолго до тебя, кем-то открытые мысли, образы — "точки культуры".

"Инсталляции времени" — это и подсознательные попытки художника найти решение вечной фаустовской проблемы "остановить мгновенье".

Перед нами словно прокручиваются кадры истории — личной и общей, социальной, но преломленной неповторимым авторским взглядом и восприятием. В вертикальных пространствах ниш, будто кадры хроники, мелькают отрывки из "повести временных лет" длиною в человеческую жизнь. В ней все воочию слагается из мелочей, с подчеркнутым отсутствием какой-либо пафосности и геройства... Но вместе с тем тут есть и все то высокое и настоящее, что может определить полноту и подлинность человеческого бытия. Здесь время будто замедляет свой ход, дабы дать нам шанс почувствовать иной статус и измерение видимого. Как в фильмах А. Тарковского, возникают

паузы — долгие, тягучие всматривания-погружения в части целого, одновременно исполненные простоты и глубины.

Словно молоком заливает художник свои предметы и окружающее их пространство, и этот момент становится контрапунктным. Единый белый тон заостряет внимание на конфигурации предметов и их взаимоотношениях, делает более актуальной оппозицию белое-черное, обнаруживая в этом противопоставлении новые ракурсы, связи и смысловые повороты. В конечном итоге, в этой ситуации художник позволяет свету, как при вспышке озарения, выявить то, что ранее было замылено привычным восприятием. С. Кириченко не стыдится своих большей частью незатейливых и простоватых героев-"собеседников" — чайников, сушилок для посуды, ставших сегодня забавным реликтом деревянных счетов *etc*. Напротив, иногда с улыбкой и всегда с любовью он выводит их туда, на свой Млечный Путь, где, как шелуха, спадает вся утилитарная временность их существования. Прежняя внешняя пестрота и дробная разрозненность снимаются единым жестом художника-творца, способного даровать былому и старому новое измерение более совершенной реальности.

Роман БРОДАВКО

Профессор Гликман

Впервые я услышал это имя в студенческие годы. Обучаясь на вечернем отделении филфака, я благодаря незабвенной Берте Яковлевне Барской увлекся историей классической зарубежной драматургии. И тогда в мои руки попала книга Исаака Гликмана о Мольере. Книга, написанная глубоко и изящно, в которой высокий научный уровень органично сочетается с доступностью изложения. Так умеют писать только большие ученые. Шло время — и имя Исаака Давидовича Гликмана стало попадаться мне при изучении самых разных пластов отечественной культуры. Порой возникал вопрос: "А тот ли это Гликман?". И оказывалось, что именно "тот": выдающаяся творческая личность, ярко проявившая себя и в академической науке, и в литературе, и в театре, и в музыке, и в кино.

Исаак Давидович родился в Витебске в семье еврейского актера Давида Гликмана и был младшим среди трех братьев. Старший брат, Соломон, погиб смертью храбрых на фронте в годы Великой Отечественной войны. Средний, Гавриил, в июле 1941 года, будучи студентом последнего курса Академии художеств в Ленинграде и имея отсрочку от военной службы, оставил учебу в престижном творческом вузе и поступил в артиллерийское училище. Командуя батареей, он дошел до Германии. Вернувшись с фронта, этот одаренный художник и скульптор в полной мере испытал на себе всю мерзость послевоенного антисемитизма. Его картины не выставлялись и не закупались государством. Гавриил Гликман существовал на частные заказы, в основном, делал памятники ушедшим видным деятелям культуры. То, что ему предлагали такие работы, свидетельствует о признании его таланта в кругах ленинградской интеллигенции. Кстати, очень высоко отзывался о творчестве Гавриила Гликмана Дмитрий Шостакович — один из самых близких друзей Исаака Давидовича. Когда в "железном занавесе" появилась щель, Гавриил Гликман уехал из СССР в вынужденную эмиграцию, где к нему быстро пришел заслуженный успех. В результате наша культура не досчиталась еще одного таланта.

Теперь о младшем из Гликманов. Факультет музыкальной режиссуры Санкт-Петербургской консерватории, основанный профессором Эммануилом Капланом, дал миру многих известных постановщиков опер и балетов, и все они с восторгом отзываются о своем Учителе — профессоре Исааке Гликмане. Но педагогическая деятельность — лишь малая часть творческой жизни И.Д. Гликмана. В 40-е годы он возглавлял литературную

часть Малого оперного театра, справедливо называвшегося тогда творческой лабораторией современных опер. Сотрудничая с композиторами, либреттистами, постановщиками, он помогал рождению новых сценических произведений, со временем вошедших в золотой фонд мирового оперного искусства. Среди них — "Война и мир" Сергея Прокофьева по одноименному роману Льва Толстого.

Глубокий знаток законов драматургии музыкального театра и кинематографа, Исаак Гликман органично соединил в своих киносценариях к экранизациям известных опер и оперетт — "Евгений Онегин", "Пиковая дама", "Князь Игорь", "Флория Тоска", "Крепостная актриса" — эти два, казалось бы, таких далеких друг от друга жанра искусств. Будучи долгие годы музыкальным консультантом и редактором на киностудии "Ленфильм", он помогал Григорию Козинцеву в работе над фильмами "Гамлет" и "Король Лир" (с гениальной музыкой Шостаковича). С его безупречным вкусом считались известные кинорежиссеры Трауберг, Эрмлер, Ивановский...

Исаак Гликман многие годы дружил с выдающимся музыковедом И.И. Соллертинским. Эта дружба обогащала обоих новыми творческими идеями. Оба славились не только как интеллектуалы, но и как по-настоящему остроумные и доброжелательные люди. Многим известны устные рассказы Ираклия Андроникова, среди которых повествование о том, как Ираклий Луарсабович пробовал себя в качестве музыкального комментатора в питерской филармонии, и чем это закончилось. В этом рассказе есть такие строки:

"В это время в голубую гостиную не вошел и не вбежал, а я бы сказал, как-то странно впал Соллертинский. Хрипло спросил:

— Что ты наделал?

А я еще вопросы стал ему задавать:

— А что я наделал? Я, наверно, не очень складно говорил?

Иван Иванович возмутился:

— Прости, кто позволил тебе относить то, что было, к разговорному жанру? Неужели ты не понимаешь, что произошло за эти двадцать минут?

— Иван Иванович, это же в первый раз...

— Да, но ни о каком втором разе не может быть никакой речи! Очевидно, ты действительно находился в обмороке, как об этом все и подумали....

...Что было потом, помню неясно. Знаю только, что возле меня сидит человек, которого до этого я видел, наверное, не больше двух раз, — известный ныне искусствовед Исаак Давидович Гликман, коего числю с тех пор

среди своих лучших друзей. Он похлопывает меня по плечу, говорит, что не я один, но и филармония виновата. Надо было прослушать сперва, а не так выпускать человека. И он подмигивал Соллертинскому. И Соллертинский уже смеялся...

...Мы вышли втроем. Лил дождь. Пошли на Пушкинскую..."

Еще одна грань творческого дарования Исаака Гликмана — его либретто к балетам. Среди них — поставленный Юрием Григоровичем в Большом театре балет Шостаковича "Золотой век", с триумфом обошедший весь мир, балеты "Встреча" (на музыку Девятой симфонии Шостаковича), "Бык на крыше" на музыку французского композитора Дариюса Мийо, "Золотой ключик" Моисея Вайнберга.

Гликман — автор нового перевода текстов оперы "Кармен": впервые прозвучали разговорные диалоги вместо речитативов. Мастерски выполнены переводы текстов известных классических оперетт: "Периколы" и "Цыганского барона"...

Особый разговор о литературной деятельности И. Гликмана — о его книгах, статьях, рецензиях. Исчерпывающи по глубине содержания его работы о Карло Гольдони, о французском комедиографе XVIII века Реньяре, о русском драматурге Сухово-Кобылине... Эти книги и статьи стали необходимым пособием для нескольких поколений режиссеров и актеров драматического театра. А монография "Мейерхольд и музыкальный театр", над которой автор трудился много лет, стала настольной книгой для специалистов, занимающихся оперной режиссурой.

Здесь, по-видимому, уместно привести отзыв выдающегося дирижера современности Валерия Гергиева: "Книгу Исаака Давидовича Гликмана "Мейерхольд и музыкальный театр" я взял с собой в Мюнхен и Милан, где у нас были юбилейные концерты, посвященные П.И. Чайковскому. Читая книгу там, я как бы не расставался с музыкальной культурой Петербурга-Ленинграда. Для меня эта книга и личность автора слиты воедино. Я знаю многих "рапиристов" от нашей критики, которые колют и режут все, что попало, с авторитетным видом, не обладая при этом достаточными знаниями и культурой. К счастью, Исаак Давидович к таким не принадлежит. Мы здесь, в Кировском театре, благодаря общению с Исааком Давидовичем, всегда имели возможность получить консультации по многим спорным вопросам в нашем театральном деле. Теперь же мы имеем бесценную возможность прочитать его мысли о таком сложном явлении, как Мейерхольд и его оперные постановки, о победах, озарениях режиссе-

ра, его поисках, даже его заблуждениях... Я желаю Исааку Давидовичу многих лет творчества и уверен, что он поможет раскрыть секрет души оперного театра еще не одному дарованию".

Важное место в истории музыкознания XX века заняла книга "Письма к другу" с подзаголовком "Дмитрий Шостакович — Исааку Гликману". Сюда вошло около 300 писем великого композитора, где Шостакович делится с ним самыми сокровенными раздумьями. Дружба этих людей длилась более 40 лет — и письма охватывают почти весь этот период. Сами письма и блистательные комментарии к ним Исаака Гликмана позволяют читателям прикоснуться к духовному миру крупных личностей, чьи мысли отражают сложную, трагическую эпоху, в которую довелось им жить. Петербургский музыковед Михаил Бялик писал: "Книга эта сразу же была признана самым достоверным документальным свидетельством жизни и художественного процесса величайшего музыканта. Она переведена на немецкий, французский, японский языки. Сейчас готовится в Лондоне ее английское издание, и можно не сомневаться, что ей, подобно "Беседам о Гете" Эккермана, уготовано жить в веках"...

Из писем мы, в частности, узнаем об исполнении в доме Шостаковича в 1950 году, во время разгула сталинских репрессий, его вокального цикла "Из еврейской народной поэзии", об истории создания 13-й симфонии с "Бабьим Яром" на стихи Евтушенко. Кстати, первым, кто обратил внимание Шостаковича на эти стихи, был Исаак Гликман. Он прочитал их в "Литературной газете" и сразу же принес композитору.

Интересны факты, приведенные Гликманом, о многолетней дружбе Шостаковича и выдающегося дирижера Евгения Мравинского. Ему посвятил композитор свою Восьмую симфонию. А в период травли и обвинений Шостаковича в "формализме" Мравинский исполнил его Пятую симфонию и под гром оваций поднял партитуру высоко над головой. Мравинский был старше Шостаковича ровно на три года, три месяца и три недели. Несмотря на то, что они всегда были "на вы", в их дружбе было нечто очень нежное и трогательное. Исаак Давидович Гликман вспоминал, что ему нередко случалось вместе с Мравинским провожать Дмитрия Дмитриевича на вокзал. Попрощавшись с ним, они обычно оставались на перроне до отхода поезда и смотрели через закрытое вагонное окно на стоящего в вагоне Шостаковича. Однажды он выглядел сумрачным, нахохлившимся, с непокорной прядью волос на лбу, и Евгений Александрович ласково произнес: "Ах ты, мой милый воробушек!". И хотя слова не были услышаны композитором, в них было столько тепла, что они, вероятно, отозвались в его душе.

В 1990 году мне посчастливилось общаться с Исааком Давидовичем Гликманом. В Ленинградском отделении Союза композиторов обсуждались произведения Юрия Фалика, прекрасного автора и дирижера, нашего земляка. Общий уровень обсуждения поражал аргументированностью, глубиной анализа, точностью оценок. А выступление Гликмана, на мой взгляд, было образцом взыскательного и одновременно доброжелательного и тактичного отношения к композитору. После обсуждения, уже за чашкой кофе, Исаак Давидович блистал остроумием. Он поражал своей непосредственностью, удивительной молодостью духа. А ведь тогда ему было уже под восемьдесят. Рассказывал о тридцатых годах, страшных репрессиях, которые "выкашивали" лучших из лучших. О страхе, который перебороть могли далеко не все.

И.Д. Гликман прожил большую и интересную жизнь (он скончался в 2003 году) — и остался в своих трудах и учениках. О нем хочется сказать словами В.А. Жуковского:

"О милых спутниках, которые сей свет
Своим присутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были".

Семен ГЕХТ

Абрикосовый самогон

От редакции. Несколько лет искусствовед Алена Яворская посвятила "возвращению из небытия" писателя Семена Гехта, одного из тех, кем может гордиться одесская литературная школа. Результат ее труда – большой том сочинений С. Гехта, вышедший в нашем городе. Поздравляем составителя и знакомим читателей с рассказом, опубликованным в сборнике "Перевал" в 1925 году.

Десять лет длилась тяжба между Каховкой и Алешками. Десятым годом был двадцать первый. Хотелось бойкой Каховке быть днепровским центром, но этим центром были сонные, плавающие в дюнах Алешки.

Где-то переиначивались судьбы, перекраивались карты, честные люди теряли свой облик, свой цвет и запах, но здесь, на пламенном Правобережьи — всегда разговор одинаковый, словно кто-то замариновал людей и мысли их, и их желания.

— Как это так! — кричали каховчане, — в Алешках пристань — не пристань, а бадья, и речка то-о-же — паршивая. Конка, одно удовольствие — голое солнце и песок по колена. В нашей Каховке — асфальт и Днепр, и кусты, и прохлада, в будни — базар, по воскресным дням — ярмарки, что хочешь выбирай: пшеница — на отбор, и кони красавцы. Сам бог Каховку назначил быть столицей.

Хорошо говорили каховчане. Каховская кровь — таврическая кровь, кучегурами пылает, виноградом брызжет.

Но в Алешках народ хоть и не торгового звания, а себе на уме. Отвечали алешкинские огородники так:

— Вам сам бог завещал, да нам губисполком приказал.

Ездили обиженные каховчане в Алешки на съезды. Кричали на съездах со слезой, с надрывом.

— Наша программа такая. Пора обратить внимание, приложить данные усилия, добиться во что бы то ни стало собственного исполкома и комхоза.

Ничего не помогало. Из Алешек шли директивы, из Алешек летели приказы, и Каховка принимала их к сведению, к исполнению, безропотно подчинялась и съеживалась в зеленой зависти.

Но крепки пословицы, и против них не попрешь. "Будет, — говорит одна, — и на нашей улице праздник". "Всякому овощу, — поддакивает другая, — свое время". Это значит, что каждому городу — будь он велик или

мал — сужден свой час, знаменательный час, когда прокатившееся по его стогнам событие делает его местом историческим. Стоял в Каховке сивашский стрелковый полк. Врангеля поперли, о войне забыли, и занимался этот полк караульной службой и любовью. Был в этом полку адъютант, беловолосый латыш Дрн — сам, как крыса, и фамилия крысиная. Стрелки считали его своим, городские торговцы хаяли, но с лаской, огородники любили его весьма. А женщины — те ценили его манеры, но возмущались его речью. О всякой вещи, будь она самого прелестного назначения, он говорил в мужском роде.

Завелась у него в Каховке Оксана, а сердце у Дрна было такое же, как и волосы, и стал он яростным каховским патриотом.

— Чудной мой латыш, — говорила ему часто Оксана стеклянным голосом, голосом, не допускающим возражений, — ты здесь власть, тебя у нас за начальника считают, и почему бы тебе не осрамить этих алешкинцев? Зазнались они очень, гордые — не подходи.

Дрн слушал и мотал на ус. Но когда узнал, что в Алешках его называют не Дрн, а дрянь, его щеки вспыхнули, как плавни в засуху.

В то время в Таврическом уезде убирали урожай. Был двадцать первый год, невероятная засуха сожгла Юг, урожай выдался худой и жалкий. Чахлая карликовая пшеница, сморщенная картошка и желтые водянистые огурцы. Хорошо только вышли абрикосы. Такие же, как и всегда, пухлые и ласковые, с ямочками и пылью. И что важнее всего — их было много. В Алешках их было невыносимое количество. Город задыхался от их клейкого аромата, их желтизна смешалась с белым цветом мазанок и бурой массой песка — другого цвета город не видел. У каждого огородника было собрано не меньше двухсот пудов. Вывоз был запрещен, налог внесен, оставались целые возы, абрикосы от времени портятся и гниют, что прикажешь делать с ними?

В Алешках бывает так. Стоит одному сделать какое-либо дело, как все остальные делают то же самое. Люди, как дети, и мозги их — воск, лепи, что попало, — материал подходящий. Это обстоятельство быстро уразумел молодой огородник с Доброй Слободки Франц Самосуд. Никто не знал, откуда он родом и к какой нации принадлежит. Полагали, что либо еврей, либо немец, но женщины настаивали, что турок.

— У него глаза, — говорили они, — шелковые-шелковые, бархатные-бархатные, совсем турецкие.

Жил он в Алешках всего полгода и огород получил по ордеру, от кол-

хоза. Хозяйство у него было плевое, но продуктов всегда горы стояли. Говорили алешкинцы робко, что он — жулик и жила, но любили его за балагурство, и никому не удалюсь узнать, закупил он свое добро или сам наработал.

В июльский день Самосуд вылез во двор и стал сушить абрикосы. С утра до вечера сидел он подле воза, бережно разламывал абрикосы пополам, выхватывал косточку и раскладывал все абрикосы отдельно и косточки отдельно на крыше своей мазанки.

— Абрикосу надо сушить, абрикосу, — кричал он сверху своим соседям, — если ее да не сушить, пропадет, как сирота пропадет.

И доверчивые алешкинцы на следующий день только и делали, что сушили абрикосы.

Но через два дня Самосуд сполз, кряхтя, с крыши, зло плюнул в корзину и сказал тем же соседям:

— Абрикосу сушить, что блох разводить. Дрянь дело, товарищи. Овчинка выделки не стоит. На рубль наработаешь, на копейку удовольствия, на копейку.

Вечером этого же дня все горожане прекратили вялую сушильную работу.

И вот тут-то начинается история с самогоном, печальная и неуклюжая история, переиначившая судьбу двух днепровских столиц.

— Надо варить самогон, надо, — сказал озабоченный Франц Самосуд. — Настоящий абрикосовый самогон. Без него пропадет абрикоса, как сирота пропадет. А в самогоне — крепость и сладость. Приятное с полезным, гони самогон, товарищи, гони.

И алешкинские огородники начали гнать самогон.

Но как он делается? Посмотрим, как его делал в данном случае Франц Самосуд.

Он разложил абрикосы на горящем песке под отвесными лучами солнца и ждал, пока они, абрикосы, густо перепреют. Потом он свалил их в гигантскую кадушку и долгие часы стоял над нею, мешая фруктовое тесто круглой тяжелой качалкой. Когда оно перебродило в кадке и превратилось в кислую огненную жижу, Франц установил блестящую жестяную змею, самодельный аппарат. Он разогревал чан, абрикосовая жижа уходила парами, пары переползали из трубы в трубу, медленно охлаждались и оседали уже на дне настоящим абрикосовым самогоном.

Так делал этот напиток Франц Самосуд, и точно так делали его на другой день все огородники.

А рыбаки, у которых есть плоскодонные шаланды, но нет огородов

с фруктовыми деревьями, которые имеют в изобилии карасей и хамсу, но совсем не имеют абрикос, эти рыбаки покупали их и варили самогон, варили с упоением, со злостью, с обидой.

Под знаком самогона кончился бешеный июль. И начинался уже август, когда Самосуд произнес однажды на рыночной площади в шумный базарный день следующие слова:

— Граждане огородники, — сказал Самосуд, — много работы ждет нас впереди, много. Еще баштаны лежат неубранные и зеленые кавуны...

Хорошо говорил Самосуд. Недаром он был горожанин. И не напрасно прозвали его балагуром.

Он предлагал устроить трудовой праздник. Местом действия будет Добрая Слободка, материалом — абрикосовый самогон, а в программе — песни и танцы.

Он обещал пригласить почетных гостей — местную власть: комхоз и исполком, и духовное сословие.

— Ох, подведет, — думали те, что постарше, — куда немец гнет — не иначе как политика.

Но люди в Алешках, как дети, и мозги их — воск, лепи что попало, материал подходящий.

И Самосуд лепил.

Что было потом, никто хорошенько не помнит. Видели только, как Франц разъезжал до самого вечера в крашеном шарабане, как он остановился у крыльца земской управы, где теперь находился комхоз, как выходил из калитки церкви Бориса и Глеба, видели еще, как он весело потирал руки, когда спускался с исполкомовской террасы.

А вечером... Но вот что произошло вечером на Доброй Слободке, в городе Алешках, уездном таврическом центре и первой днепровской столице.

Среди гостей были Митяй-Митюха — заведующий комхозом, военмор Дырка — секретарь исполкома, и батюшка Андрей. Столов и стульев не было. Стаканов также не было. И еще не было никакой закуски. Сидели группами, подле каждой кадушки по десять человек. Самогон черпали жестяными чумичками и пили его молча.

Глаза у всех были турецкие, а носы хуже турецких — багровые, огненные, казацкие. Огородники ползали, карабкались, плясали вокруг костров, вокруг кадушек, ковырялись руками в остывшей жиже, плевали в нее и снова запивали. Почетные гости были в ажиотаже. Военмор Дырка спал на груди у отца Андрея, а Митяй-Митюха лил обоим на головы по капле самогон.

В темноте Самосуд держал речь. Он говорил о том, что необходимо сделать общественный поступок для гражданской пользы. Огородники кричали — согласны, клянемся, и заставили отца Андрея читать анафему каховчанам.

— Пусть знают наших, гони анафему, поп!

И батюшка читал срамословную анафему.

Потом Самосуд опрокинул кадушку, темная жижа побежала по траве, и влез на нее.

— Рядовой Юла, отправляйся на колокольню. Да не жалей каната, не жалей.

Огородник, которого звали Юлой, был толст и неподвижен. И менее всего он был похож на Юлу. Он поплыл мелкими шажками вниз по Слободской, улице, к церкви Бориса и Глеба.

Десять минут спустя город содрогался от колокольного звона. Звон был неожиданным и необычайным, и очень печальным. Юла вызвонил на колоколах "Яблочко".

Пили, пели и снова пили. Шаландщик Давыдко, молодой цыган, кричал скользким фальцетом:

— Я имею предложение, — кричал он, размахивая руками, как веслами.

— Какое предложение, какое? — спросил Самосуд.

— Построить радиостанцию. На этом самом месте. В знак памяти.

— Хорошо. Ты говоришь, радиостанцию, ты говоришь? А материал, Давыдко, материал где ты возьмешь?

— Какой же материал? — усмехнулся Давыдко. — Шпалы у нас есть, скажи, есть?

— Ну, есть, ну?

— И проволока есть?

— Есть.

— И песок есть, и камень есть, так?

— Так, — весело свистнул Самосуд и скомандовал: — Айда, ребята, строить радиостанцию.

Шпал под рукой не оказалось. Выдергивали целиком загати и сваливали их в кучу. Проволоки также не нашлось. Вместо проволоки натаскали сухой камыш и конопляные палки.

Радиостанция была уже почти готова, то есть была сооружена клеть из трех гнезд, расположенных ярусами и удлинявшимися кверху. Внизу поставили круглую корзину, а наверх забросили бечеву с флагом.

Флагом служила желтая юбка, на ней был мелом нарисован череп и написано большими буквами: "Смерть Каховке".

Итак, радиостанция была почти готова, когда Самосуд спросил:

— А кабель, Давыдко, кабель?

Давыдко вылупил глаза.

— Черт, — буркнул он с досадой, — о кабеле-то я и не подумал.

Самосуд захохотал диким хохотом. Потом он схватил радиостанцию за фундамент и повалил ее.

— Отменяется, несостоятельно.

И, обратившись к обществу, он сказал:

— Граждане огородники, предлагаю перебросить мост через Конку, мост. В лесопилке, за кучегурами, сложено десять тысяч срубов, сложено.

Эти слова были встречены веселым гулом и хохотом. Мост через Конку — да это ведь закадычная мечта всех алешкинцев, да тогда ведь Каховке похвастаться нечем будет, а кому не приятны успехи своей родины?

И Самосуд это обстоятельство также уразумел.

В веселое гуденье вмешался печальный и дикий колокольный звон — Юла вызванивал на колоколах танго.

Был второй час ночи — горланили уже петухи и пахло рассветом, когда желтая алешкинская луна была очевидицей следующего шествия:

По всем улицам, вниз по пути к плавням и камышовым зарослям медленно двигались телеги, фуры и шарабаны, запряженные лошадьми, волами, верблюдами и огородниками. На телегах были сложены свежие пахучие сосновые срубы. Обоз, уже достигавший плавней, кончался за Доброй Слободкой.

Шествие напоминало похоронную процессию — его сопровождал тягучий непонятный мрачный колокольный звон.

Над зданием земской управы часы показывали четыре часа и тридцать минут, когда прелестная пунцовая алешкинская заря была свидетельницей следующего события:

Огородники бросали срубы в воду. Митяй-Митюха читал над ними благословение. Военмор Дырка тяжко спал, уткнувши голову в грязь. Отец Андрей скулил над ним отходную. Давыдко просовывал ему в ноздри сухие камышинки и зажигал их.

Видела еще алешкинская заря, как горожане водружали собственный флаг на Конке — этим флагом была разодранная на семь кусков ряса отца Андрея.

Флаг был прикреплен к носу плоскодонной шаланды.

Шаланда была опрокинута вверх дном. И был уже седьмой час, когда Дырка проснулся и спросил:

— Товарищи, где же Самосуд?

Тогда все обернулись и увидели, что Франц Самосуд мчался в крашеном шарабане, запряженном парою вороных, вниз по городскому шоссе, держа направление на Каховку.

Беловолосый Дрн пришел из штаба рано вечером. В штабе нечего было делать — в то лето занятия Сивашского стрелкового полка были несложны: посменные караульные часы и бессменное любовное томление.

У калитки Дрна встретили Оксана и Самосуд. Самосуд был возбужден. Оксана щебетала.

— В чем дело? — спросил Дрн.

Самосуд выхватил из кармана газету и прочел:

— Общественное безобразие в уезде...

Дрн просиял.

— То-то, — вздохнул он, улыбаясь.

— Преступное попустительство алешкинских властей, — продолжал Самосуд.

— То-то, — опять вздохнул с радостью Дрн.

— Отчисление от должности, строжайшее порицание, судебное следствие.

— Вот то-то и оно-то, — сказали вместе Оксана и Дрн.

Позже, когда латыш немного успокоился, Самосуд ткнул ему газету. В ней траурной каймой были обведены следующие строки:

"В губернии говорят о перенесение днепровского центра из Алешек в Каховку".

Дрн торжествующе затопал ногами:

— О, какой фокус, — закричал он, — какой перемен, какой событий! О, мой милый жен, поцелуй Самосуд за мой счет.

И он закрыл глаза от счастья. Самосуд наклонил голову, и Оксана приблизила к его щеке горячие потрескавшиеся облупленные губы.

Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

"Черед видений сумрачных..."

ЭХО

Иллюстрированный журнал литературы, критики, театра, искусства и кино.

СОДЕРЖАНИЕ:

Лена Сен. ПОД КОКАИНОМ.
Ольга Дилен. ИТАЛЬЯНСКИЙ КНЯЗЬ. Рассказ.
Валерий Брюсов. КОШМАР.
Валерий Санчов. ДЛЯ ВСЕХ!.. Рассказ.
А. И. Куприн. МОЙ ЗАКАТ. Сонет.
Ал. Шиллис. ВЕСЕННИЙ ЦВЕТ. Стихи.
Фурнер. БУМАЖНИК. Юмореска.
Лена Горлов. ШПРЕТОЧКА. Стихи.
Лена Сен. *.* Стихи.
Ольга Дилен. *.* Стихи.
В. Сангов. НЕПОНЯТНЫЙ РАССКАЗ.
Иоанн Бал. ИДИЛИЯ. Стихи.
И. Сургов. *.* АККОРД.
Wiki. КАНКАН.
Конкурс рассказов.
Хроника.
Пр. И. Мадробурский. ШУТКА.
. СТРАХОВКА.
Библиография.
Объявления.

ОТ РЕДАКЦИИ. Настоящий номер был отпечатан до перехода власти к Советам.

№ 2.
Апрель 1919 г.

Цена 2 р. 50 к.

"Эхо" – иллюстрированный журнал литературы, искусства, критики, театра и кино, начавший выходить в Одессе весной 1919 года. У издателей были, как обычно, большие планы на будущее. Никто не думал, что в начале апреля французские и греческие войска будут спешно покидать наш город, получив экстренную телеграмму: "Министерство Клемансо пало, в Париже баррикады, революция...".

К этому времени вышел уже второй (и последний) номер журнала "Эхо", на котором потом сделали штамп от редакции: "Настоящий номер был отпечатан до перехода власти к Советам".

Увы, первый номер журнала не удалось обнаружить ни в фондах научных библиотек Одессы, ни у краеведов. Содержание единственного сохранившегося выпуска представляет собой весьма пеструю смесь из полудекадентской поэзии и достаточно приземленных прозаических произведений. Здесь и сказка о современной Золушке под названием "Итальянский князь", и горькая натуралистическая зарисовка "Для всех" талантливого Валерия Санчова, которую редакторы планировали потом выпустить отдельным изданием, и рассказ "Шутка" поэта и прозаика И. Мадробурского.

На страницах журнала находим редкие публикации сонета А.И. Куприна "Мой закат" и стихотворение Валерия Брюсова "Кошмар", а также опусы явной фаворитки издания Лены Сен. Книги этой поэтессы "Эхо" активно рекламировал.

Привлекает внимание любопытная литературная хроника. Например, журнал рассказал своим читателям о планах книгоиздательства "Омфалос", судьбой которого активно интересовались одесские исследователи в течение последних десятилетий.

Занимательно читать о "литературных уродствах" Леонида Гроссмана. Мы, студенты-филологи, почитали его и, помнится, с удовольствием изучали в 60-70-е гг.

На примере журнала "Эхо" еще раз убеждаешься в пользе знакомства с периодикой старой Одессы. Независимо от количества увидевших свет номеров того или иного издания, в них всегда обнаруживаются редкие сведения и свидетельства ушедшей жизни.

Татьяна ЩУРОВА

МОЙ ЗАКАТЪ.

(Сонетъ).

Я знаю тріумфы. Свистъ толпы разъяренной.
Удары и ласку, поцѣлуй и мученья.
Ядъ мысли и слова этотъ ядъ утонченный,
И отдыхъ сладкій послѣ сраженья.
Путь скорби широкій, кровью весь обагренный.
Тропу незамѣтную, тропу наслажденья.
Глотками, глотками пилъ я жизнь, упоенный,
И кубокъ брошу безъ размышленья.
Пускай моя память на путь мной свершенный
Все вспять возвращая, не хочетъ забвенья,
Но тихъ мой закатъ, ничѣм не смущенный;
Душою порой вспоминаю теченье
Годовъ промелькнувшихъ, какъ миражъ отдаленный!
На днѣ бокала — нѣтъ огорченья.

А. И. Купринъ.

ВЕСЕННІЙ ЦВѢТЪ.

Ты вся въ цвѣту, какъ подъ окномъ моимъ акація; меня зовутъ къ себѣ твои бутоны губъ, но я иду къ твоей душѣ, гдѣ инкрустаціи, къ твоимъ глазамъ иду, гдѣ спряталася глубь. Пускай въ саду моемъ акація срѣзается и голый стволъ растетъ, какъ призрачный скелетъ. Когда душа съ тобой... съ тобой въ одно сливается, — могу ли я тогда о чемъ-нибудь жалѣть?.. Въ саду скелетъ... Но мысль моя твоей касается, и я — какъ ты въ цвѣту, вся жизнь — весенній день... Пусть за окномъ моимъ акація срѣзается, — ты садъ души моей... и ты — моя сирень.

Ал. Шатловъ.

Мартъ, 1919 г.

КОШМАРЪ.

Есть въ мірѣ демонъ, съ женственнымъ лицомъ,
Съ когтями львицы, съ тѣломъ сухопарымъ,
Садится къ спящимъ онъ, согнутъ кольцомъ,
На грудь, и мы — зовемъ его кошмаромъ.

Онъ давитъ насъ, и вотъ, въ тяжеломъ снѣ,
Чередъ видѣній сумрачныхъ преходитъ;
Дыханье стѣснено, чело въ огнѣ,
И судорога тщетно пальцы сводитъ.

Намъ грезится ужасныхъ ликовъ рядъ:
Смѣются дьяволы надъ всѣмъ завѣтнымъ,
Терзаютъ близкихъ, алтари сквернятъ
И стонамъ вторятъ хохотомъ отвѣтнымъ.

Нельзя бороться и бѣжать нѣтъ силъ:
Оковы на ногахъ и руки въ путахъ,
Повсюду вскрыты пропасти могилъ...
Блестятъ изъ мглы орудья пытокъ лютыхъ...

И вдругъ мы вспомнимъ: это все — кошмаръ,
Рукой свободной призраковъ коснемся...
Все сгинетъ вмигъ, исчезнутъ страхи чаръ
И мы дрожа отъ радости проснемся!

Валерій Брюсовъ.

* * *

(АККОРДЪ)

Была весна... Цвѣты благоухали и въ рощахъ пѣли соловьи, въ саду, подъ липою густою, впервые встрѣтилась мнѣ ты.

Прошла весна... Цвѣты увяли, покинулъ рощу соловей. Я вновь въ саду, подъ той же липой, но безъ тебя, съ тоской моей.

И. Сухинъ.

НИГРЕТОЧКА.

Что вамъ до совдепіи? Что вамъ до политики,
Стройная нигреточка въ шелковыхъ чулкахъ?
Сидя въ ресторанчикѣ, кушая бисквитики,
Вспоминать не хочется о такихъ вещахъ.

Вещи посерьезнѣе роются въ головочкѣ,
Чей карманъ расплатится за "Альбертъ" бисквитъ.
Что маркизъ давно уже не несетъ обновочки,
И графъ N въ четвергъ не отдалъ визитъ.

Кружатся органныя, пѣсни моветонныя.
Слушаетъ нигреточка, губки закусивъ.
По щекамъ подкрашеннымъ капельки соленныя
Непрерывно падаютъ на чужой ростбифъ.

Плачетъ горько бѣдная, подвергаясь критикѣ.
Vis-a-vis сидящаго дэнди въ домино.
Гдъ-жъ ей до совдепіи, гдъ-жъ ей до политики,
Если вновь предвидится ужинъ и вино.

Леонъ Гордонъ.

ПОДЪ КОКАИНОМЪ.

Мозгъ затуманенъ наркозомъ,
Прянно въ чаду кокаина
И надъ чаруйнымъ психозомъ
Фея горитъ окариномъ.

Ласки мертвящія грубы
Въ шорохѣ мига ночного,
Грустно сжимаются губы,
Гаснетъ послѣднее слово.

Шопотъ забытой легенды,
Слово прощальныхъ напутствій.
Скрылись въ туманѣ студенты
Въ мракѣ истомныхъ безчувствій.

Августъ, 1918 г.

Лена Сехъ.

* * *

Было все лилово... маево и нѣмо
Цвѣлъ розанъ пунцовый для малютки — Васъ.
Я читалъ Вамъ строфы жалобной поэмы
И сіяли огни въ глуби Вашихъ глазъ.
Было все лилово... даже Ваши взгляды,
Даже Ваши ласки трепетавшихъ рукъ.
Поцѣлуямъ робкимъ оба были рады.
Мы тогда не знали терній и мукъ.
Было все лилово въ Вашемъ будуарѣ,
Въ комнату малютки тихо май вошелъ.
Оба были знойны въ сказочномъ угарѣ,
Въ сказочномъ угарѣ вечеръ насъ оплелъ.
Было все лилово... Стало вдругъ все красно.
И розанъ пунцовый радостно расцвѣлъ.
Со стихомъ поэмы свѣтлой и прекрасной
Въ вечеръ я лиловый грезово ушелъ.

Лена Сенъ.
Январь, 1919 г.

Разсказъ Валерія Санчова.
(Окончаніе).

.....

Сумерки сгущались и какъ будто бы темной вуалью охватывали всѣ предметы, придавая имъ таинственный оттѣнокъ и мало-по-малу скрывая ихъ очертанія въ вечерней мглѣ.

Аксинья неподвижно лежала на кровати, плотно прижавъ пылающее лицо къ подушкѣ. Она старалась забыться, уснуть, или хотя бы задремать, но благодѣтельное забвеніе не приходило и въ разгоряченный мозгъ легли мысли о произошедшемъ.

Да... уже... совершилось... неслышно шептали запекшіяся губы и гдѣ-то въ мозгу имъ аккомпанировала жуткая и навязчивая мысль:

— Ты пропала!.. ты пропала!.. про-пала!..

Въ комнату ворвался первый лучъ восходящаго солнца и какъ будто-бы привѣтствовалъ дѣвушку.

Аксинья зачерпнула всей грудью воздухъ.

— Теперь я для всѣхъ! — подумала она и произнесла громко: Для всѣхъ! для всѣхъ!..

Въ домѣ просыпались.

Она силилась отогнать эти мысли, плотнѣе закрывала глаза и сжимала ротъ до скрежета зубовнаго, но губы также безвольно и неслышно шептали:

— Совершилось... совершилось...

И въ мозгу также назойливо копошилось:

— Пропала!.. пропала!.. пропала!..

Передъ глазами поплыли красные и зеленые квадратики и кружочки, и Аксиньѣ казалось, что она проваливается въ бездну, и жаль было невозвратныхъ минутъ и въ то-же время жгуче-пріятны были эти мгновенія. Были ненавистны и радостно близки грубыя объятія юношей и такъ унижающе-оскорбительны, и между тѣмъ милы ихъ споры изъ-за первенства обладанія ею, когда она трепетала полуобнаженная на диванѣ. До мельчайшихъ подробностей проходили передъ ней сцены прошедшихъ минутъ и она снова переживала ихъ. Она начала вздрагивать, точно такъ, какъ вздрагивала въ одной лишь приподнятой и свернувшейся въ жгутъ на шеѣ рубашкѣ давившей ей горло и затруднявшей дыханіе. Подъ тяжестью Сергѣя, когда его потные и толстые мясистые пальцы увлажняли ея голое тѣло. Изъ груди ея вырвался вздохъ не то печально-грустный, не то сладострастный, и передъ ея взоромъ про-

шли видѣнія тѣхъ мгновеній, когда она безвольно и недвижно лежала уже на коврѣ, и свернувшаяся рубашка была снята совершенно, а худой и мрачный со сверкающими глазами Владиміръ своимъ угловатымъ и костлявымъ туловищемъ прижималъ ее къ жесткому плюшевому ковру и холодными длинными пальцами перебиралъ ея груди, а затѣмъ въ приливѣ чудовищнаго сладострастія впился губами въ ея тѣло. Ей было немного больно, но она не сопротивлялась, не думала сопротивляться, и даже если-бы эта мысль и зародилась въ ея головѣ, она сочла-бы ея дикой и безумной и отогнала прочь. И даже теперь, понявъ произошедшее, она себя не винила въ томъ, что не убѣжала, когда выпустивъ ее на минутку изъ рукъ, братья горячо принялись убѣждать другъ друга въ своемъ правѣ на первенство на обладаніе ею. И тогда она знала, что можетъ встать и уйти, но какая-то внутренняя сила ее удерживала и она страшась и понимая, что сейчасъ произойдетъ, все-таки осталась и не сопротивляясь отдалась и Сергѣю и Владиміру. Она слышала доносившіеся изъ кухни крики барыни и глухое ворчаніе кухарки и внутренне драма ея при мысли, что вдругъ кто нибудь можетъ войти.

Она ясно помнила, что послѣ всего этого она быстро встала, одѣлась и забывъ застегнуть подвязки и кнопки лифа, а только пристегнувъ нѣсколько крючковъ блузки и оправивъ растрепавшіеся волосы, молча направилась къ двери, обернувшись сказала.

— Сережа, застегните курточку, и вы, Володя, тоже, а то сейчасъ мамаша...

Больше она ничего не произнесла. Голосъ ея былъ спокоенъ и она сама удивилась своему безразличію, и только придя въ свою комнату упала на кровать и прижалась лицомъ къ подушкѣ.

— Поганные!.. Поганные и меня опоганили... она приложила руки къ дрожащимъ вискамъ.

Въ груди что-то защемило и начало сильно биться.

— Ишь ты, опоганенная, а сердце и душа есть, — промелькнула ироническая мысль, и точно упиваясь сарказмомъ она думала о своемъ паденіи, о своей "поганности" и все перебирала мельчайшіе подробности случившагося и ей становилось все легче и легче.

.....

Часы мѣрно тикали на ночномъ столикѣ у кровати Аксиньи, и на мгновенье прервавъ свою монотонную музыку, какъ будто къ чему то приготовлялись. Что-то внутри захрипѣло, заскрежетало и часы хриплымъ звукомъ начали выбивать часы. Восемь. Было уже почти совершенно темно.

Аксинья поднялась съ кровати и подошла къ окну. Постояла немножко. Во всемъ тѣлѣ чувствовалось что то новое, непонятное.

Постучалась въ дверь Надя и позвала ужинать. Аксинья отказалась. Сказала, что голова болитъ. Дѣвочка ушла. Анна Степановна постояла еще немного у окна, затѣмъ задернула занавѣсъ. Въ комнатѣ стало совершенно темно. Стало какъ-то не по себѣ, Скучно. Пожалѣла, что отказалась сойти внизъ поужинать. Голода не ощущала, но тамъ съ людьми было бы какъ-то лучше. Подошла къ двери. Пріоткрыла немного. Съ низу доносился звонъ посуды и столоваго серебра.

— Ужинаютъ, — промелькнула мысль.

Хотѣлось сойти внизъ. Сдѣлала шагъ и отчутилась въ корридорѣ, но дальше итти не могла. Остановилась и стала прислушиваться къ шуму, доносившемуся изъ столовой. Преобладалъ низкій, почти мужской голосъ госпожи Бѣлкиной и пискливый Нади. Самаго Бѣлкина очевидно не было.

— Уберите со стола. Это былъ голосъ хозяйки.

— Кончили, — подумала Аксинья и попятилась обратно въ комнату. Дверь осталась полуоткрытой. Ощупью въ темнотѣ добралась къ окну и сѣла на подоконникъ. Часы продолжали мѣрно тикать.

Аксинья сидѣла, ни о чемъ не думая. Мыслей не было. Не считала времени. Слегка затаила дыханіе.

V.

Бѣлкин поднимался на верхъ. Жена передала ему, что Аксинья больна и послала его узнать что съ ней. Госпожа Бѣлкина была очень мнительна и заразы боялась пуще всего.

Аксинья слышала чьи-то тяжелые шаги на лѣстницѣ, но она не шевельнулась. Въ корридорѣ было совершенно темно и инженеръ зажегъ спичку. Слабый отблескъ огонька попалъ въ комнату. Бѣлкинъ подошелъ къ двери, она оказалась открыта, вошелъ и не сразу замѣтилъ Аксинью, недвижно сидѣвшую на подоконникѣ.

— Аксинья, гдѣ вы? спросилъ инженеръ.

Аксинья не отвѣтила, но Бѣлкинъ увидѣлъ ее и подошелъ.

Она сидѣла блѣдная, уставившись взоромъ въ одну точку, чуть чуть повыше дверьного косяка. Кофточка ея была застегнута только на одинъ крючокъ, изъ подъ нея торчалъ лифъ. Шея была вся обнажена, руки сложились какъ будто для молитвы на колѣняхъ.

Эротическая мысль промелькнула въ мозгу Бѣлкина. Онъ сразу догадался.

— Вы больны?..

Спичка погасла. Онъ началъ чиркать. Зажегъ другую и освѣтилъ Аксинью. Она сидѣла также какъ и прежде, только взоръ ея обращенъ былъ на Бѣлкина.

— Вы больны? повторилъ онъ вопросъ.

Въ его мозгу рисовалась картина тождественная съ недавней дѣйствительностью. Кровь прилила къ лицу. Въ колѣняхъ онъ чувствовалъ дрожь. Ноги подгибались. Было физически не возможно думать. Локоть его задѣлъ занавѣсъ и немного отодвинулъ. Въ комнату проникъ лунный лучъ, придавъ всей обстановкѣ таинственно-магическія очертанія. Спичка догорая, обожгла пальцы Бѣлкина, онъ отбросилъ ее и нечаянно рванулъ полу дѣвушкиной кофточки. Крючокъ оборвался, кофточка соскользнула съ плечъ и Аксинья очутилась передъ Бѣлкинымъ полуобнаженная, рука его коснулась темнаго тѣла и ощутила нѣжную грудь дѣвушки.

Инженеръ не выдержалъ. Онъ схватилъ Аксинью въ объятія и прижалъ къ груди. Дѣвушка не противилась. Прежняя апатія снова овладѣла ею: ей было все равно.

Въ мозгу родилась мысль:

— Отецъ... сыновья... всѣ...

Бѣлкинъ положилъ дѣвушку на кровать. Она прижалась къ ему и руками обхватила его шею.

.....

Бѣлкину Аксинья отдалась добровольно.

Онъ скоро ушелъ, и внизу успокоилъ жену:

— Аксинья вполнѣ здорова, только голова...

.....

Дѣвушка лежала навзничь, закинувъ руки. Глаза ея были широко открыты.

— Семейная собственность... Отецъ... сыновья... Родовое имущество...

Она улыбнулась, оскаливъ свои хищныя зубки дикаго звѣреныша.

— Сыновья... отецъ... — она не хотѣла думать и быстро поднялась...

Валерій Сачковъ.

ШУТКА.

Очеркъ.

I.

Никита Максимычъ — пакгаузный агентства Рѣчного пароходнаго общества. Онъ цѣлый день на ногахъ; занятъ ежедневной пріемкой и выдачей груза кліентамъ пароходства.

За день Никита Максимычъ такъ устаетъ, что вечеромъ, поздно, возвратившись домой не чувствуетъ подъ собой ногъ и все тѣло у него ноетъ. Только горькая нужда заставляетъ его занимать эту каторжную должность въ пароходствѣ.

Сегодня Никита Максимычъ былъ особенно заваленъ работой. Утромъ съ пароходомъ прибыло много разнаго мелкаго груза; почти до трехъ часовъ шла выгрузка, а потомъ началась выдача товаровъ получателямъ и затянулась до вечера; вечеромъ опять нельзя было передохнуть: принимали транспортъ рыбы для отправки въ сосѣдній портъ. Вернулся Никита Максимычъ домой часовъ въ одиннадцать, разбитый, уставшій, съ синяками на зеленовато-желтомъ чахоточномъ лицѣ, тотчасъ же упалъ на диванъ.

— Никитушка, встревожилась жена: —

А какъ же съ ужиномъ то? Неужто опять ничего не закусишь?.. Боже мой, вѣдь, ты изъ силъ выбьешься?..

Никита Максимычъ махнулъ рукой.

— Не могу!.. Ничего не хочу... Только отдыха. Охъ, какъ усталъ!.. Все тѣло ломитъ... Хоть бы буксиръ съ баржами не пришелъ... Ужъ и не знаю, что буду тогда дѣлать. Не буди меня по пустякамъ...

— А развѣ ночью парохода ждешь? испугалась жена.

— Все возможно... Эти пароходы не ходятъ по расписанію.

— Боже мой!.. Боже мой!.. закрыла лицо руками жена.

— Ну, ну... уже началось... съ неудовольствіемъ произнесъ Никита Максимычъ... Ложись-ка и ты... Покойной ночи!..

И Никита Максимычъ повернулся къ стѣнѣ. Слышно, какъ тиктакаютъ часы, висящіе на стѣнѣ, да со двора доносится завываніе вѣтра и всхлипываніе дождя. У воротъ заскрипѣла калитка. Кто то сильно стукнулъ въ окно. Никита Максимычъ вскочилъ съ кровати.

— Что это? бормочетъ онъ: — Показалось?..

— Никита Максимычъ! а, Никита Максимычъ! вдругъ раздалось за окномъ.

"За мной", подумалъ Никита Максимычъ: — "Степка".

— Кто тамъ?.. Что нужно?.. Я слышу!..

— Пароходъ съ баржей идетъ!.. Пожалуйте въ агентство!.. Никита Максимычъ вздрагиваетъ и лицо его принимаетъ восковой оттѣнокъ.

— Пароходъ! съ ужасомъ повторяетъ онъ про себя: — Господи. Въ головѣ шумъ... въ вискахъ стучитъ!..

— Хорошо, громко говоритъ онъ: — я сейчасъ приду...

— Скорѣе! доносится за окномъ. Шлепаютъ по грязи удаляющіе шаги. Никита Максимычъ быстро одѣвается. Уже в пальто и шляпѣ онъ нерѣшительно подходитъ на ципочкахъ къ кровати жены.

"Спитъ", думаетъ про себя онъ, взглядывая на улыбающееся во снѣ лицо жены: — Навѣрное хорошій сонъ снится... и онъ, близко нагнувшись, осторожно, что-бы не разбудить ребенка, шепчетъ:

— Аня!.. Аничка... Проснись!..

Жена долго не можетъ проснуться. А вокругъ по прежнему тихо; только воетъ на дворѣ вѣтеръ, булькаютъ капли дождя, да тикаютъ часы... Наконецъ, Анна Даниловна просыпается и тотчасъ же бросается къ ребенку... Но увидѣвъ предъ собой мужа, она съ полуоткрытымъ ртомъ смотритъ на него.

— Ты одѣтъ?.. Куда же ты?..

— Пароходъ идетъ... Сейчасъ человѣкъ за мной приходилъ изъ агентства... Запри, милая, за мной дверь...

II.

Еле волоча ноги по грязи, тяжело дыша, поминутно кашляя, Никита Максимычъ плетется къ пристани агентства. На пристани темно... И только у сторожевой будки, гдѣ сложены мѣшки съ мукой, бочки съ мясомъ, ящики, земледѣльческія орудія — горитъ, слабо мерцая столбовой фонарь, освѣщая небольшой квадратъ асфальта. Съ одной стороны виднѣется часть

зданія агентства съ вывѣской надъ дверью; съ другой стороны рѣки — силуэты судовъ, стоящихъ у пристани съ торчащими, какъ щетина, мачтами. А подъ деревяннымъ навѣсомъ играютъ въ карты три человѣка. Одинъ изъ нихъ сторожъ Митька, небольшой, съ плутоватымъ лицомъ мужичекъ; двое другіхъ — рабочіе, служащіе въ пароходствѣ; одинъ — молодой парень Алешка; другой — бородатый мужикъ Степка. Вдругъ парень вскакиваетъ съ мѣста и, тыча пальцемъ по направленію къ городу, съ испугомъ говоритъ:

— Никита Максимычъ уже идетъ!..

— Гдѣ?.. Гдѣ?.. Да неужто?..

— Нешто не видѣте?..

Игра прекращается, всѣ трое смотрятъ въ темнѣющую даль.

— Здравствуйте, ребята! вынырнувъ изъ темноты и, подходя къ сторожамъ, произноситъ Иванъ Максимычъ: — Что? пароходъ идетъ?..

Сторожъ и рабочіе вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, молчатъ. Во всей согбенной фигурѣ Никиты Максимыча видна усталость; на лицѣ и, особенно, въ выраженіи глазъ, боль и печаль... Грудь тяжело вздымается.

— Что же вы молчите?.. Гдѣ-же пароходъ?..

Сторожа переглядываются и Митька, скорчивъ на своемъ плутоватомъ лицѣ печальную мину, жалкимъ голосомъ говоритъ:

— Простите, Никита Максимычъ... Простите насъ...

На лицѣ пакгаузнаго выражается тревога.

— Что такое?.. Несчастье случилось?..

— Мы ошиблись. Зря васъ больного разбудили. Пароходъ, который мы приняли за "нашъ" оказался "чужимъ"...

"Разнесетъ сейчасъ", подумалъ Степка.

— Нѣтъ парохода?.. Въ голосѣ Никиты Максимыча послышалось невыразимое счастье.

— Ошиблись!.. тараща на пакгаузнаго удивленные глаза, пробормотали сторожа.

Лицо Никиты Максимыча просіяло.

— Слава Богу!.. а я-то думалъ, притащило пароходъ не во время!..

Никита Максимычъ снова зашагалъ по грязи, направляясь въ городъ.

— Дуракъ онъ, и не подумалъ, что мы его надули. Дѣйствительно дурень!..

— Вотъ видите, ребята, авторитетно замѣчаетъ Митька, тасуя карты: — А вы боялись затѣять эту исторію... Надо еще разъ продѣлать эту штуку, когда онъ будетъ, какъ особенно уставши... Коли мы не спимъ, пущай же и онъ не спитъ... ничего что больной!

— Да, это понятно... соглашаются рабочіе. — Жаль, что эту самую исторію опасно надъ агентомъ продѣлать... а то бы, ахъ, какъ занятно было...

Всѣ трое начінаютъ хохотать. Смѣхъ ихъ долго раскатисто носится въ воздухѣ и, кажется, что вѣтеръ и дождь не въ силахъ его заглушить... А вдали стушевывается во мракѣ фигура Никиты Максимыча... Слышится кашель надорванной больной груди...

Ив. И. Мадробурскій.

Кино-Театръ „ХАМЕЛЕОНЪ", Нѣжинская 37.

Большая праздничная программа. Захватывающая трагедія танцовщицъ изъ цикла «Бѣлыхъ рабынь» „ПОХИЩЕННАЯ ЖИЗНЬ" въ 4 частяхъ. „ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКИ" Драма въ 4 частяхъ. „ИЗЪ МРАКА ЦАРИЗМА КЪ СІЯНІЮ СВОБОДЫ". Сверхъ программы „Похороны Краснаго Лейтенанта ШМИДТА въ Одессѣ.

Театръ **Дѣтской Сказки** Макса Поляновскаго.
Б.-Ришельевекій театръ.

Въ Воскресенье 24-го марта **Золушка**

Въ Понед. 25 марта 2-й разъ **Дѣти Капитана Гранта**

Начало въ 1 часъ дня.

Готовится: ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА.

ШТЕМПЕЛЯ·ПЕЧАТИ
и Типо-Литографія
ТЕЛЕФОНЫ
68-59 и 24-50.

ПИСЬМ. И КАНЦ. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ДАВИДЪ ГРИНЗАФТЪ
Одесса, Греческая, № 20.

АПТЕЧНЫЙ СКЛАДЪ
Б. КРАХМАЛЬНИКЪ и А. СОКОЛИКЪ
Одесса. Канатная 46.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА
ПАРФЮМЕРІИ и КОСМЕТИКИ
русскихъ и заграничныхъ фирмъ
по оптовымъ цѣнамъ.

Иван ЛИПТУГА

Лондон подобен океану...

Бывая в разных странах, автор этих заметок зачастую ведет запись ярких моментов своих путешествий. Каждая страна и каждый город уникальны и интересны для детального изучения. Описать на нескольких страницах путешествие в новую страну задача вроде бы несложная, но отразить дух этого места, передать колорит, настроение и истинное содержание — задача непростая, тем более если мы говорим о таком городе, как Лондон.

Лондон всегда был гигантским океаном, в котором, по убеждению самих англичан, образно говоря, нелегко уцелеть. Если посмотреть на город сверху, то можно увидеть море крыш, а людские потоки в его темной глуби похожи на пути обитателей мирового океана. Здесь вечно бурлит беспокойная жизнь со своими водоворотами и течениями, пеной и брызгами. Лондон, подобно океану, манит и притягивает к себе всех, кто ищет богатство и славу, но нередко захлебывается в его волнах.

На месте нынешнего Лондона много миллионов лет назад действительно была морская пучина. Доказательством этому служит вырытый в 1877 году гигантский колодец 1146 футов в глубину, который пронизал толщу Земли сотен миллионов лет до первобытных из пород, из которых впоследствии был построен город.

Сегодня Лондон — столица Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и крупнейший город на Британских островах. Его площадь — полторы тысячи квадратных километров, а население с учетом прилегающих районов насчитывает более одиннадцати миллионов человек. Большой Лондон состоит из Сити и окружающих его тридцати двух крупных городских административных районов. Здесь самая высокая на Британских островах плотность населения.

За свою многовековую историю город пережил взлеты и падения, пожары и эпидемии, был столицей самой могущественной империи мира. Лондон, безусловно, играет ведущую роль в политической и культурной жизни Великобритании. В нем находятся парламент, правительство и высшие органы правосудия. Как культурный центр Лондон приобрел известность своими музеями и художественными галереями, театрами и музыкальной жизнью. Для полноты представления о городе, думаю, нужно коротко рассказать историю происхождения и развития города.

История Лондона, считая с прихода римлян на Британские острова (43 год н. э.), насчитывает почти две тысячи лет. Римляне возвели мост че-

рез реку и основали свое первое поселение на северном берегу Темзы, названное Londinium. Около двухсотого года город был обнесен крепостной стеной, которая почти на тысячелетие определила его размеры. После падения Римской империи Лондон пришел в упадок.

Только в начале VII века город начал возрождаться. Примерно в 604 году возводится первый собор — Св. Павла. В IX веке Лондон вновь превратился в процветающий центр торговли, однако стал добычей викингов. До XI века городом владели то норманны, то викинги, то англичане. В середине XI века король Эдуард Исповедник утвердил англосаксонское владение над Лондоном.

Средневековая история Лондона начинается с 1066 года, когда Вильгельм Завоеватель был коронован королем Англии в только что построенном Вестминстерском аббатстве. Благодаря ему Лондон стал крупнейшим и богатейшим городом королевства. В 1176 г. возвели первый каменный мост Лондона, который был единственным в городе до 1739 г. Ричард I предоставил Лондону право на самоуправление в 1191 году, и на следующий год и был избран его первый мэр.

Во время правления Елизаветы I население Лондона за 40 лет удвоилось и к 1600 году достигло двухсот тысяч человек. В 1560 году была основана Королевская биржа, а в 1599 г. дал первые спектакли театр "Глобус", в котором ставилось большинство пьес Шекспира. В XIX веке население Лондона возросло с одного миллиона в начале до шести миллионов в конце века.

Первую городскую железную дорогу проложили в 1836-м. Затем были построены вокзалы. В 1863 году была открыта первая линия Лондонского метро. Проект оказался очень удачным, и вскоре возникли новые маршруты, по которым в 1906 году отправились электрические поезда. Первые автобусы вышли на улицы Лондона в 1904 году.

В 1830 году были снесены старые постройки у Букингемского дворца и создана Трафальгарская площадь, на которой через два года возводится Национальная галерея. В 1834-м пожар уничтожил здание парламента и Вестминстерский дворец. На их месте построили современное здание. Знаменитая башня с часами, известная как Биг-Бен, украсила столицу в 1859 году. Происхождение названия неизвестно, но на самом деле Биг-Бен — это не башня и не часы, а колокол. В начале XX века было построено много новых крупных магазинов, театров, шикарных отелей, большая часть из которых — в районе Вест-Энд.

Большое количество зданий викторианского Лондона было разрушено в результате немецких бомбежек во время второй мировой войны. По-

PLASKE
ПЛАСКЕ

слевоенный период отмечен огромным притоком иммигрантов из разных стран бывшей Британской империи. Переселенцы из Гонконга селились в Сохо, иммигранты с Карибских островов — в Ноттинг-Хилле, сикхи — в Саутхоле, киприоты — в Финсбери. В 1946 году самолеты впервые вылетели из нового аэропорта "Хитроу". Двухэтажные красные автобусы вышли на лондонские улицы в 1956 году. Последним большим проектом XX века и второго тысячелетия стал Миллениум-Доум — выставочный центр, открытый 1 января 2000 года.

Многовековая история Лондона представлена в музеях и национальных галереях. Кроме этого столица славится множеством достопримечательностей. Я убедился, что ничего похожего нет в остальном мире. С ними обязательно нужно познакомиться, если посчастливится побывать в Лондоне.

Среди уникумов — колесо обозрения "Глаз Лондона", самое высокое в мире (135 м). На нем можно совершить получасовой полет над столицей Великобритании, восхищаясь великолепными видами. Королевские ботанические сады раскинулись на площади в 300 акров и содержат более 40.000 видов растений. Королевский госпиталь в Челси сейчас известен не как медицинское учреждение, а как место, где ежегодно в мае проводится самая аристократическая выставка цветов. Подземелья Лондона (им более 2000 лет) расположены глубоко под историческими мостовыми. Они дают нам возможность погрузиться в жестокое и кровавое прошлое.

Лондон переполнен удивительными местами, людьми разных национальностей и интереснейшими фактами. Вот один из парадоксальных примеров: в аэропорту вас может встречать представитель погранслужбы — девушка в парандже с разрисованными хной руками, в такси вам будет улыбаться киприот, в отеле — индус... И все они считают себя коренными и полноправными жителями Лондона.

10 интересных фактов, связанных с Лондоном

Лондон — один из самых сухих городов Европы! В год в Лондоне выпадает 590 миллиметров осадков, а, например, в Риме — 760, во Флоренции — 870, в Милане — 1000.

Все британцы считают, что именно они ездят на "правильной" стороне дороги.

В Лондоне более 1000 улиц, и каждый житель Лондона имеет атлас "A to Z" с картой города. Таксисты обязаны знать все улицы на память и проходят специальный курс длительностью три года!

Лондонцы говорят по-английски с абсолютно непонятным акцентом.

Underground — официальное название метро. Tube (труба) — разговорное название, которое пошло от цилиндрической формы туннелей.

У англичан на самом деле тонкий и очень забавный юмор. По шуткам британцы не уступают одесситам!

Каждый житель Лондона в среднем за день появляется на 50 камерах слежения и 15 фотографиях туристов, так что все на всякий случай улыбаются.

На некоторых автобусных остановках есть табло, показывающие минуты до прибытия следующего автобуса в реальном времени. А еще в Лондоне автобусы курсируют круглосуточно, так что можно гулять до утра!

На умывальниках везде по два крана: один для горячей воды, другой для холодной. Нужно набирать воду в раковину и таким образом умываться — в целях экономии.

Британцы безумно любят своих домашних питомцев и даже пишут им завещания.

Лондон

Анатолий ГОРБАТЮК

Рацпредложение

История эта произошла более сорока лет назад, когда одесситы вместе со всем прогрессивным человечеством (именно так!) готовились достойно встретить 50-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Молодежь, конечно, не совсем понимает, что это значит — "встретить достойно", а в то далекое уже время самый последний лодырь и прогульщик понимал: любое "красное число" в календаре должно быть отмечено каким-то трудовым подвигом, чтобы в торжественной обстановке получить переходящий вымпел или Почетную грамоту. Иногда к таким замечательным призам присовокупляли и небольшую денежную премию, но это не было главным. Так, по крайней мере, считало руководство любого уровня...

Одесские портовики, естественно, подготовили к этой великой дате — 7 ноября 1967 года — особый трудовой подарок: досрочную сдачу в эксплуатацию нового морского вокзала. Старый морской вокзал, расположенный на Военном молу, давно себя изжил и, без преувеличения, весь город с нетерпением ожидал этого события: открытия красавца морского вокзала на Новом молу — как раз напротив знаменитой лестницы и венчающего ее Дюка. И таки открыли — в присутствии именитых гостей из Москвы и огромного стечения горожан! Многие проектировщики из "Черноморниипроекта", как и особо отличившиеся строители из "Черноморгидростроя", получили вполне заслуженные награды: и те, и другие, казалось, душу вложили в такой замечательный объект. Правда, как и подавляющее большинство сдаваемых в те годы новостроек, новый морвокзал сразу в эксплуатацию не запустили: еще несколько месяцев строители в поте лица устраняли выявленные комиссией недоделки согласно составленному акту. Но это — так, производственные мелочи. Настоящая же беда свалилась на руководящие головы порта чуть позже, когда неожиданно выяснилось, что теплоснабжение морского вокзала осуществляться не может, потому что тепловые сети города, к которым его подключили, не рассчитаны на такого мощного потребителя. Как говорится, приехали: зима, что называется, на носу, а радиаторы стоят ледяные, и из импортных кранов течет исключительно холодная вода! Катастрофа!

Технический совет порта проводит заседание за заседанием, но теплее от этого в помещениях морвокзала почти не становится. И здесь прозву-

чало спасительное предложение пожилого и мудрого начальника отдела механизации: поставить на прикол возле морского вокзала два портовых буксира и их мощными паровыми котлами обеспечивать отопление и горячее водоснабжение. Эврика! А нытье специалистов-экономистов по поводу того, что это вызовет сумасшедшие затраты (Вы хоть представляете, сколько стоит один час эксплуатации буксира?! А сразу двух? И эту сумму нужно умножить на 24 часа, а полученную уже совершенно фантастическую цифру следует умножить еще на 5 — число месяцев отопительного сезона... Кошмар!..), так вот, это нытье никто из руководства порта слушать не стал — главное, морвокзал не будет заморожен!..

Будучи еще совсем молодым специалистом и занимая почетную должность инженера-сантехника технического отдела, я с большим интересом прислушивался ко всему, что говорилось на эту очень животрепещущую тему, не переставая искренне восхищаться светлой головой начальника отдела механизации. Однажды, играя во время обеденного перерыва в настольный теннис в вестибюле управления порта, я услышал из стоящего на подоконнике портативного приемника старую-престарую песню: "Наш паровоз, вперед лети, в коммуне — остановка!..". Меня будто током долбануло: а что, если попробовать?!.

Под большим секретом я поделился своей идеей с моим непосредственным начальником — молодым, энергичным и, главное, думающим руководителем. Он сразу понял суть и дал добро на то, чтобы я втихаря начал наводить справки. В тот же день я побывал в управлении Одесско-Кишиневской железной дороги, переговорил с нужными людьми и понял: нахожусь на правильном пути! А идея-то была на удивление простая: использовать как источник теплоснабжения не дорогостоящие буксиры, а ожидающий превращения в металлолом давно отслуживший паровоз (их в паровозном депо оказалось несколько), за аренду которого придется перечислять совершенно символические деньги. Кроме того, порту будет необходимо содержать кочегаров. Слава Богу, адреса нескольких стариков, водивших в свое время паровозы, а сейчас изнывающих от скуки на мизерной пенсии, мне вручили в железнодорожном отделе кадров. Уговаривать поработать на неподвижно стоящем паровозе, а получать зарплату, будто паровоз летит куда-то по рельсам, их долго не пришлось. И стоимость угля. Вот и все расходы! Прикинув, даже с некоторым запасом, все расходы по эксплуатации паровоза и сравнив эту сумму с расходами на два буксира, я даже аппетит потерял, настолько разительной оказалась разница!

На следующий утро я зашел к начальнику Бюро рационализации и изобретательства (БРИЗ) порта. Съевший в подобных делах не одну собаку (это, конечно, образное выражение), начальник БРИЗа идею поймал на лету, похвалил, после чего с весьма скорбным лицом сообщил, что пробить ее будет очень сложно, как и получить все необходимые согласования на ее осуществление. Я тоже проявил сообразительность и тут же предложил оформить это рационализаторское предложение как совместное. Человек повеселел сразу же, вручил мне пустой бланк для заполнения и методику расчета экономического эффекта от внедрения предложения.

...Не знаю, как сейчас, но во времена брежневского "развитого социализма" поощрения рационализаторам начислялись, можно сказать, символические — какие-то эфемерные доли процента от экономического эффекта самого предложения. Несмотря на такую явную несправедливость, сумма предполагаемого вознаграждения меня буквально сразила — целых 1200 рублей! Это при моей-то зарплате в 110 целковых, представляете?! Даже притом, что мне теперь полагалась только половина, все равно это была фантастика — целых 600 рублей!.. Боже, какими мы были наивными!..

...Первое согласование нужно было получить у обладателя светлой головы — начальника отдела механизации. Я остался ожидать в коридоре, а начальник БРИЗа (мой временный "компаньон") зашел к нему в кабинет. Вышел "компаньон" довольно быстро: "Он хочет с тобой говорить". Лицо его опять стало печальным. Я робко вошел в кабинет, хозяин которого любезно предложил мне сесть напротив него.

— Анатолий, ты посчитал экономический эффект от своего предложения по сравнению с моим — по буксирам. Не считаешь ли ты справедливым в таком случае включить в состав авторской группы и меня? Ведь если бы не я, тебе бы и сравнивать не с чем было бы...

Мне ничего не оставалось, как утвердительно кивнуть головой и вписать еще одну фамилию в список авторов. "Ничего, — успокоил я себя, — 400 рубчиков — очень большие бабки..."

Следующее согласование нужно было получить у старшего инженера по тепловым сетям порта. Когда-то этот человек работал в снабжении, имел там какие-то крупные неприятности, после которых стал бояться собственной тени и слыл ужасным перестраховщиком.

— Этот занудит нас своим "как бы чего не вышло...", — высказал я свои опасения.

Начальник БРИЗа как-то загадочно улыбнулся и произнес:

— Не думаю...

И он оказался прав! Тепловик без всяких недомолвок взял быка за рога:

— Анатолий, ты представляешь, какой меня ожидает гембель по переключению сетей с этой твоей рацухой? Давай, включай меня в соавторы, и ты больше горя знать не будешь!..

"Ну что ж, и 300 рублей — вполне приличные деньги", — сказал я себе и только тут спохватился: понабирал в соавторы всех подряд, а своего начальника, самого достойного и порядочного человека, — забыл?! Стараясь не замечать укоризненного взгляда начальника БРИЗа, вношу в список авторов фамилию своего начальника...

— Ну, вот и все, — с повеселевшим лицом я обращаюсь к своему "компаньону", — вам осталось только зайти к главному инженеру и получить его визу "Утверждаю"...

И опять загадочно улыбнулся этот тонкий знаток человеческих душ...

У главного инженера он пробыл минут пять и вышел с лицом настолько озабоченным, насколько и решительным.

— Все в порядке? — с надеждой спросил я.

— До порядка еще далеко, — резко ответил он, нервно закуривая папиросу "Сальве". — Главный сразу же взял расчет вознаграждений авторов и возмутился: "Вы что, смеетесь — 1200 рублей за пустяковое рацпредложение! Идите и подумайте!".

— И что же теперь делать? — совершенно растерялся я.

— А вы не понимаете? — ехидно улыбается начальник БРИЗа. — Быстренько впишите его в список авторов...

— И не подумаю! — взвился я. — Дело, в конце концов, не в деньгах, на шесть даже легче поделить, чем на пять, но он же возмутится таким откровенным предложением...

— Знаете что, молодой человек, — прервал меня собеседник, — может быть, вы начнете учить меня работать? Да я этими вопросами в порту занимаюсь дольше, чем вы живете на свете, — еще с довоенных времен! Делайте, что я говорю, и не теряйте время напрасно!

Совершенно обескураженный, я вписал шестую фамилию в злополучный список, закурил сигарету и приготовился к длительному ожиданию. Но не прошло и трех минут, как, к моему удивлению, передо мной появилась широко улыбающаяся физиономия "компаньона". Прочтя немой вопрос в моих глазах, он не стал меня мучить:

— Главный взял список авторов так, как будто видит его впервые, пробежал глазами и даже поинтересовался, нельзя ли увеличить размер вознаграждения. Мол, люди ведь на славу потрудились!..

Самое приятное в этой истории — быстрота, с которой нами было получено само вознаграждение. Для этого достаточно было пригласить на банкет по такому поводу главного бухгалтера. Правда, банкет этот пришлось устроить в дорогущем ресторане гостиницы "Одесса", как тогда называлась "Лондонская": главбух слыл большим эстетом, любил вкусно поесть, а потому предпочитал посещать только этот ресторан. Ну, а то, что расплатиться с официантом по довольно "крутому" счету пришлось только двум участникам банкета — мне и моему начальнику (все остальные как-то по-английски быстренько смылись), — мелочь, о которой и вспоминать скучно...

А паровоз "мой" простоял под морским вокзалом добрый десяток лет, щедро обеспечивая своей тепловой энергией это замечательное сооружение. И если кто-то сейчас скажет, что паровоз не очень эстетично смотрелся рядом с таким современным зданием морвокзала, то я предложу этому умнику посмотреть, как смотрится тот же морвокзал сегодня — в тени десять лет назад построенного по воле людей, никаких ценностей, кроме денег, не признающих, монстра. Или я неправ?..

P. S. К сожалению, уже почти никого из моих соавторов по тому рацпредложению нет с нами. И от паровоза никаких следов не осталось. Только старые портовики (все они уже давно пенсионеры) помнят старенький паровоз "СО" (сокращенное "Серго Орджоникидзе" — имя одного из коммунистических вождей) и трубу, идущую от него в тепловой пункт морского вокзала...

Александра ШУМИХИНА

Печеники в печенках...

— Красота!.. — приятным шепотом ахает наша гостья. — Просто чудо! — и вдруг удивляется: — Постойте! Вы что? Накрахмалили детское постельное белье?!.

Мы с дочкой в ответ улыбаемся. Да. Накрахмалили, отгладили и постелили. Двухлетний мой внук спит сейчас на нем, как нежно-румяный ангел. Особенно хороша подушечка с наволочкой, которой страшно сказать сколько лет. По углам у нее изумительная ручная вышивка. Вокруг спящей головки — нимб белого сияния кружевных батистовых прошв. Еще тех, настоящих, что сохранялись в семье со времен моей бабушки Тины, прапрабабушки этого спящего младенца. Если бы не крахмалили, вряд ли бы это чудо еще сохранилось...

...Мне десять лет, моей бабушке Тине пятьдесят семь:

— Боже мой! Если бы это увидела мадам Печеник!.. — восклицает бабушка Тина, воздев глаза и руки небу, а в руках у нее мой белый школьный передник. — Так, рыба золотая! Неси-ка кружку воды. Я таки научу тебя, как нужно гладить такие вещи...

— И это мытое окно? Боже мой! Если б сквозь него глянула мадам Печеник!.. — снова восклицает бабушка Тина. — Солнце мое, смотри, как это делают в приличных домах.

Ну, разумеется, у Печеников. Как будто все на свете стоит на Печениках и в Печеников упирается. Эти Печеники у меня уже в печенках! И не только у меня.

— Ты что это делаешь?! — бабушка ловит за руку моего брата, а у него в этой руке шланг для полива, или, как часто говорят в Одессе, "кишка". — Рыба моя! Сейчас же положи кишку в лунку под цветы. Георгины обильно поливают снизу, а ты на них сверху еле цвиркаешь. Видели бы это Печеники!..

— Господи! Кто так мажет масло на хлеб?! Ты его запачкала, а не намазала, — бабушка забирает из маминых рук хлеб, снова намазывает, добавляет сверху ложку густого меда, вмешивает его в масло и дает мне, а маме

наказывает: — Делай так для нее в своем Питере, чтоб она была здорова! Какое счастье, что Печеники не могут видеть нашу шкилятину!.. И это в сытое время!

Шкилятина — это я того времени. А кто такие "бабушкины Печеники"?

Печеник — фамилия семейства врачей. Они были известны и уважаемы в Одессе в начале двадцатого века.

В горничных у них была бабушкина тетя. Часть родни тети была из Василевки, что недалеко от Выгоды. Тетя раз в год туда наезжала. Как-то раз на свой страх и риск она вернулась оттуда в Одессу с больной и полуживой десятилетней Тиной. Печеники еле выходили девочку и были этому рады. Теперь могут радоваться потомки этого ребенка. Спасибо Печеникам. И дело повернулось так, что Тину они оставили в своем доме.

Детские пальчики оказались радостно старательны, были способны к домашнему труду и рукоделию. А еще выяснилось, что любой текст, в котором есть намек на человеческие переживания, этот ребенок читает вслух с необычайным выражением. С тех пор в течение девяти лет Тина каждый вечер читала вслух для мадам Печеник, у которой за день уставали глаза. А мадам объясняла девочке то, о чем она читала. Неудивительно, что отношение к чтению как жизненной потребности передалось ребенку. А потом его потомкам прямиком "в печенки". Теперь оттуда Печеникам проистекает горячая благодарность.

Когда у шестнадцатилетней Тины появился кавалер, он был одобрен Печениками по всем пунктам. И за это им тоже спасибо.

Был Виктор из семьи мастеровых людей, Печеникам известной. Сын Антона и Каролины Гонтариков, поляков по происхождению. Отец его — знатный сапожный мастер "на дамскую ножку", мама — искусная белошвейка. На тот момент весьма успешные мастеровые люди, но сначала...

...А сначала поляк Антон Гонтарик оттрубил двадцать пять лет солдатской службы в российской царской армии. Сам он был родом из Гмины Баруховой, что под Варшавой. Но после армии оказался в Одессе, там и остался. Начинал для того времени обыкновенно — биндюжником. Полька Каролина тоже была там обыкновенной прачкой, когда он взял ее замуж. Таков был их старт к мастерству и к личной клиентуре.

Когда Виктор встретил Тину, его родители уже вырастили пять дочерей и двоих сыновей. Каждому дали и грамоту, и дело в руки. Виктор был самый младший в семье и на семь лет старше Тины. Он успешно и обходительно ухаживал за ней без малого три года. Приличные манеры и сред-

нее образование Виктор получил в частной школе для детей поляков. Была тогда такая в Одессе. И учился Виктор в ней, мягко скажем, под ворчание отца. Тот считал, что церковноприходской школы уже достаточно. Зато учился Виктор в охотку и блестяще. Может, сопротивление отца и подначивало...

С Тиной Виктор познакомился уже после знаменательной службы в армии, которую проходил в Петрограде. Почему она знаменательная? Ну, начнем с того, что город Санкт-Петербург превратился в Петроград прямо по дороге Виктора в пункт назначения на место службы. Служил там Виктор в качестве водителя дивизионного мотора. В смысле — автомобиля, это было начало 1915 года. А потом ему "повезло" оказаться в эпицентре революционных петроградских событий октября 1917 года. Тогда он днем и ночью возил туда-сюда начальство всех революционных окрасов и рангов. Думаете, по очереди? Как раз чаще одновременно. Как это может быть? А так же, как это происходит сегодня, особенно в канун всяческих политических выборов. Это с экрана мы видим "принципиальных борцов" по разные стороны от баррикад. А где-нибудь в укромном месте (как тогда, скажем, "в моторе") они деловито торгуются за личную власть. Заключают обыкновенные сделки — покупают и продают. Друг друга в том числе.

Виктор близко рассмотрел это "с двух боков": со стороны и изнутри. Так что, наши "пионэрские" попытки притянуть его куда-нибудь в качестве участника "взятия Зимнего" дедушка Витя всегда категорически пресекал. А его таинственные слова о власти зацепились "за печенки" раньше, чем дошли до головы: "Власть — торговая шобла. Того, кто в нее влип, может сделать моральным калекой или натуральным бандитом. И неизвестно еще, кто из них больше зла наделает".

Судьба распорядилась так, что служба для Виктора окончилась в смутном 1918 году. После не очень тяжелого ранения он вернулся в Одессу. С тяжелым отвращением к политике и революциям. Кажется, очень вовремя вернулся...

...Наконец, 2 февраля 1924 года Печеники как названые родители Тины отдали свою воспитанницу замуж за Виктора Гонтарика. По всем правилам и даже с приданым (как раз оттуда в недрах семьи и сохранилась та вышитая детская наволочка). Кстати, день в день, но через 50 лет, дата этого бракосочетания стала уже датой моей свадьбы. Разумеется, подгадали заранее, дедушка с бабушкой были еще в добром здравии. И на "свадьбе в квадрате" их чествовали эмоционально насыщенней, чем нас, молодоженов-внуков.

Поэтому переживали мы событие сознательнее. То есть намного острее. А еще "печенки" сами в тот день непрерывно Печеников вспоминали. С благодарным изумлением. Может, души их за нас радовались...

...А к Тине со временем стали обращаться Христина Никифоровна. Затем "тетя Гонтаричка". Школа эстетики и этики Печеников легко приняла "в печенки" традиции Гонтариков. И давно передавалась уже не только их потомкам. Многие образцы этого оседали в соседских семьях разноплеменных и разночинных жителей на Бугаевке и на Фонтане. Кое-что, может быть, тоже им прямо "в печенки". Вместе с "веками проверенной" выкройкой детского чепчика или рецептом форшмака "не на каждый день".

Дочь Виктора и Тины, моя мама, делилась "Печениками из печенок" точно так же. Но географически это было уже шире — от Курил до Питера, где она побывала с мужем военным летчиком после 1945 года. В Питере мой отец и вышел в запас, что перекликнулось с армейской службой деда. Наконец, наша семья вернулась на местожительство в родную Одессу. И бабушкина прямая трансляция "наследия Печеников в печенки" стала круглогодичной.

— Боже! Чтоб так не уметь потерпеть!.. — восклицает бабушка Тина. — Разве можно девушке самой идти в дом к парню?! Видела бы эти "новые нравы" мадам Печеник! Слег с температурой? Ой, я тебя умоляю! Кому нужны эти мансы? Тоже мне, нашла толстый повод — "проведать сокурсника". И что это за романтика — целоваться с парнем, когда у него заразный насморк?

Да уж. Прямо "в печенки". Бабушка Тина, как крючком для вязания, цепляла "за шкуру" наши молодые самообманы, искренние и не очень. Школа мадам Печеник! Прямо говорить, если кто-то в ущерб себе обманывается. И терпеливо намекать, когда тебя сознательно обманывают: "давать фору" — шанс глубже не вляпаться.

Как-то раз в начале замужества я прибегаю к бабушке Тине в жуткой обиде на свекровь. Бабушка, как всегда, улаживает это сначала у меня изнутри:

— Ша! Это не конец света, это начало быть тебе умной. Да, тебе! — я заливаюсь слезами, бабушка деловито вытирает мне платком нос, обнимает и говорит: — Послушай, что говорила мне здесь мадам Печеник. И запоминай всеми фибрами. Ну? — бабушка слегка отстраняется, проверяя, готова ли я ее услышать. — Вот, умница! Теперь запомни: свекровь — не твоя мама, — я дергаюсь: "знаю", а бабушка смеется. — Тю, тлумак! Головой знать — еще не фибрами! Как "ну и что", что не твоя мама? Сразу лег-

че уважительно стерпеть от нее все что угодно. И у тебя внутри никакой драмы. Проверяй! — я вздыхаю уже легче, а бабушка вдруг пафосно "добивает": — Но еще крепче запомни, что это — мама твоего мужа. Ой, молчи мне про банальность! — морщится бабушка на мою реакцию. — Банально — это знать про лужу и ляпнуться в нее. Мало ты про это уже знаешь?! Мадам Печеник говорила... — я не утерпела: "ну, все, опять!", а бабушка смеется: — Не "все опять", а "еще не все"! Запоминай. Мама мужа идет в придачу к мужу, как нос у всех идет в придачу к лицу. Что, тебе закортило это поменять?! Имей терпение. Никакого хая на маму и никаких коников мужу. Тогда он сам увидит, где его мама неправа. Сам! И это будет уже его прыщик! На его носу! И скорее всего, он таки да его не захочет. Ты меня поняла, солнце мое?

Так бабушка Тина помогала смотреть "сразу в обе стороны". И это работало намного дальше, чем для этого случая или для меня одной. Скажем, был когда-то за дедушкой участок на Каролино-Бугазе с дачным домиком. И летом там наступало "вавилонское столпотворение". Приезжали родственники с детьми и с друзьями, сослуживцы со всех мест от Курил до Питера. Так вот, многие потом "брали моду" переписываться с Христиной Никифоровной лично. И не один год! А я перестала удивляться этому не так уж давно.

Кстати, дедушка Витя так и не успел узнать, что СССР пропал с карты мира. А я сокрушалась, что бабушке Тине пришлось пережить еще и это. Она меня тогда "утешила". И начала, конечно, традиционно:

— Еще Печеники говорили, у каждого поколения своя торба с испытаниями. Это снаружи они у всех разные. Больше, меньше. А суньсь глубже — вытяни любое испытание. И что? Увидишь — одно и то же. Туда или сюда...

— Что — "туда-сюда"? — я не понимаю.

— Чего ты глазами клипаешь? — смеется бабушка Тина и показывает рукой на старинные настенные часы. — Смотри сюда. Видишь маятник? Качнется в одну сторону до упора — обратно само потянет. Главное, чтоб с подвеса не слетел.

— А если не слетел, а просто остановился? — я легкомысленно посмеиваюсь.

— Не строй насмешек, — улыбается бабушка. — Сама знаешь — чтоб тикало, завод нужен. Для каждых часов свой ключик.

Я уже давно не слышу бабушкиного голоса с упоминаниями о Печениках. Но "шкала" их качественности "в печенках" сама хранится. Как стремянка в хозяйстве, чтоб доставать повыше. Тут на какую бы перекладину

ни залезть, главное, саму стремянку не завалить. И чем выше, тем труднее держать равновесие. Обыкновенный закон тяготения. Его ни на какой козе не объедешь. Работает он и для "шкалы" Печеников. На все их образцы есть "антипеченики" внутри своих собственных "печенок".

Вряд ли возможно установить имя того, кто придумал стремянку. И Печеники тоже совсем не авторы той "шкалы". Эксклюзив здесь в каждом конкретном ее приложении, как в плюс, так и в минус. А приложение семьи Печеников к жизни девочки Тины тянет на объемный плюс. В ширину и в глубину. То есть дальше того дня, когда она выздоровела, а они здесь исполнили свой врачебный долг. И глубже, чем полезное им потом применение способностей девочки.

Эксклюзив Печеников золотым пунктиром прошил не только ее судьбу. Крепкой наметкой продолжился через много поколений абсолютно разных людей. Просто это так устроено. Далеко во времени и пространстве работает только то, что исходит "из глубин печенок". Тонкость в том, что с любым знаком работает. А глаз иногда не успевает различить, в плюс или в минус сейчас крутятся собственные "печенки".

Кстати, на фоне образцов товаров для детей, которые сегодня головокружительно щедры на убранство, наша детская старинная наволочка порой выглядит наивно. Но у нее другая функция. Это просто оберег нашего рода с младых печенок.

Нина ДАНИЛОВА

Неуловимый Фигаро

Клены выкрасили город
Колдовским каким-то цветом.
Значит скоро, очень скоро
Бабье лето, бабье лето.

В. Высоцкий

Все мы периодически задаем друг дружке чисто женский вопрос: "А где это тебя так постригли?".

Вопрос предполагает два противоположных уточнения — восхитительно или отвратительно. Только две из моих знакомых дам, энергетически подпитывающих себя уверенностью в том, что несут в народ ПРАВДУ, регулярно выбирают второе уточняющее определение. В большинстве случаев за этим вампирическим негативом стоит самый банальный самоутверждающий самообман: "Кто ж, если не я, из лучших побуждений испорчу этот процесс самолюбования свежепостриженной знакомой?!". Далее непременно выплескивается вопрос о сумме выброшенных денег на это непотребство. И тут же следует совет — забыть адрес исполнителя стрижки и срочно что-нибудь предпринять (перестричься, не выходить месяц из дома, купить парик), пока все жизненные перспективы непоправимо не рухнули.

Остальные знакомые будут нахваливать почти искренне, а некоторые даже проявят последовательность и попросят телефон парикмахера.

Моя подруга Элла обычно спрашивает всех о происхождении новых стрижек. Она перепробовала множество мастеров, но поиск не прекращается. На мой вопрос, встречался ли ей когда-то удовлетворивший ее вкус парикмахер, Элла рассказала мне одну из многих своих удивительных историй.

Лет десять назад, когда мы с ней еще не были знакомы, она переживала тяжелейший период. Велась героическая борьба за удержание собственного мужа Миши, с которым к тому времени был нажит немалый семейный стаж. Самое удивительное, что в тяжелые первые годы эмиграции из Одессы их отношения были близки к идеальным. И вот тогда, когда уже все основные трудности остались позади, и была достигнута относительная стабильность жизни в Израиле, завоеваны постоянные места работы и куплена квартира в Холоне (с выплатой банковской ссуды на 28 лет), Миша умудрился влюбиться где-то на стороне. Причем загулял так, что даже не был в состоянии скрывать свои неуправляемые чувства от

растерянной и негодующей жены. Впрочем, ее бурная реакция на мужское непостоянство не была однозначной.

Элла всегда увлекалась популярной литературой по психологии и поняла, что теперь настал в ее жизни период, когда нужно применить свои знания на себе самой.

Стоп, решила она, больше никаких скандалов и бессмысленных упреков!

В первую очередь, требовалось каким-то образом возбудить в себе огромную благодарность Высшим силам за вновь посланные испытания. Согласно усвоенным психологическим методикам, именно чувство безусловной благодарности, вызванное из самых глубинных недр, позволяет обрести столь необходимое душевное равновесие и определиться в шкале ценностей. Если удается путем тренинга вызывать у себя это дефицитное чувство хотя бы по утрам сразу после пробуждения и по вечерам перед засыпанием, скорое просветление просто неизбежно! Ты начинаешь исследовать свои эмоции почти беспристрастно под наркозом основного постулата доверия и благодарности судьбе: "Как все сложится, так и будет для меня лучше".

Эти глубокие душевные самокопания привели Эллу к выводу о необходимости начать борьбу за сохранение брака. Она с удивлением осознала, что привычный многолетний муж занимает одно из первых мест в ее личной шкале ценностей. Почти наравне с единственным сыном, обожаемой собачкой и любимыми подругами!

В многочасовых телефонных обсуждениях с каждой из подруг муж был словесно неоднократно разобран на атомы и теоретически собран в необходимом для Эллы порядке. Но в том-то и дело, что был собран нужным образом только теоретически!

Итак, стало понятно, что действовать нужно было энергично и без промедления. Следуя универсальным советам все тех же психологов и душевно переживающих подруг, Элла составила план, записав в новом красивом блокноте:

1. Специальное обалденное питание мужа (с воскресенья — с помощью проверенных кулинарных рецептов и знаний подруг)
2. Обязательный обалденный семейный секс (с субботы — освоение Камасутры, советы многоопытных подруг)
3. Улучшение внешности (похудение, косметолог, классный парикмахер — вместе с подругами)
4. Повышение уровня и глубины духовного семейного общения (совместный просмотр боевиков, футбола и хоккея — без подруг, но с пивом)
5. Совместные поездки (пикники, экскурсии, зарубеж)

Самым легким и приятным пунктом был для Эллы первый. Она обожала готовить, делала это умело и быстро, но сейчас нужно было полностью изменить состав блюд, чтобы непременно вызывать у мужа изумление и желание хотя бы совместного трапезничания.

Но здесь успехов было немного. Захваченный страстью Миша совершенно лишился аппетита и вообще не ощущал вкуса приготовленных неземных блюд, не говоря уже о том, чтобы оценить изысканность подачи.

В вопросах постижения тайн секса Элла за короткое время стала специалисткой такого уровня, что впору было открывать курсы повышения глубины сексуального прозрения для женщин среднего возраста. Когда хмельной и расслабленный муж являлся на рассвете домой, она тащила его отмокать в ароматическую ванну, а затем буквально на себе волокла в постель и, подавляя обиду и брезгливость, "показывала настоящий класс!".

За этот период напряженной борьбы Элла похудела почти на двадцать килограммов, регулярно посещала косметичку, но рассеянный взгляд мужа даже не фиксировал все эти позитивные изменения.

Совместный просмотр телепрограмм с пивом приносил Элле настоящие мучения и головную боль, а Миша даже не замечал, что она героически пыталась вскрикивать и даже научилась посвистывать в подходящих, по ее мнению, местах матчей. О совместных поездках вопрос вообще не стоял, но Элла надеялась на свое участие в палаточном фестивале авторской песни, который ежегодно проводился в водном парке Сахнэ. Миша всегда ездил туда, а Элла обычно с негодованием отвергала его приглашения поехать вместе. Теперь она была уже согласна и на полночи песен, и на ночлег в палатке.

Неразрешимой проблемой был поиск классного парикмахера. Чего только не перепробовала Элла, какие только стрижки и покраски волос не изменяли ее облик — все казалось ей каким-то невыразительным! Она часто вспоминала своего виртуозного одесского парикмахера Фиму, которого прозвали Фигаро. Это был совершенный мастер, умеющий придать женщинам неповторимый восхитительный облик. Просто настоящий волшебник, который, по иронии еврейской судьбы, всегда любил и очень боялся только одну женщину — свою властную и непоколебимую мать Фиру! Об этой деспотической мамаше ходили самые загадочные слухи в парикмахерской на Большом Фонтане, где много лет Фигаро стриг, красил, завивал и причесывал по записи почти за месяц вперед.

Фима имел вид вечного подростка с маленькими черными усиками и очень выдающимся всегда заложенным носом. Разговаривать с ним во

время работы было бесполезно — его глаза становились сосредоточенными и острыми, как ножницы, а маленькие руки совершали тысячи порхающих движений в колдовском ритме, рот был полуоткрыт. Настоящий Пигмалиончик, ваяющий очередную Галатею, согласно заранее составленной очередности! После выхода из гипнотического состояния происходило непременное зеркальное потрясение — на лице клиентки отчетливо проступали чудесные изменения.

Что сотворила с бровями, ресницами и глазами эта прореженная длинная челка?! Как проявились изящные выступы скул! Как открылись манящие линии шеи, как чудно приоткрыты влекущие ушки! Каким пленительным выглядит этот удлиненный овал лица! Просто невозможно отвести глаз от профиля — как пикантно смотрится этот носик, губки, что за подбородок, в самом деле! И вот уже очередная счастливица, сунув в карман синего халата Фигаро щедрые чаевые, торопится передать привет его маме и душевную благодарность за ту радость, которую она подарила женщинам Одессы.

Каждый час Фима отзванивал домой, как кукушка, произнося своим вечно гундосым голосом пару фраз, типа: "Фигаро здесь. Большой привет!".

После первой стрижки, которую Фима свершил на юной Элкиной головке, сразу же пошла совсем другая жизнь — на нее стали засматриваться в институте, транспорте и на улицах. Через несколько дней она получила предложение выйти замуж сразу от двух Миш, одним из которых и воспользовалась с любовью и благодарностью.

Второй Миша, который был братом ее подруги Лоры, встретил отказ стоически и обещал ждать ее, сколько понадобится. Лора же отреагировала весьма бурно и предсказывала Элле, что она будет горько жалеть об отвергнутом Мише. Наверное, в их возможной совместной жизни он не стал бы так перечеркивать правоту ее тогдашнего выбора. Кто знает о любви что-нибудь определенно гарантированное? Невыбранный Миша иногда подавал ей знаки своего ожидания в разные годы, и Элле было приятно.

Но все это происходило очень давно, в другой одесской жизни, полной советских неразрешимых проблем. Казалось, что выбрав эмиграцию в Израиль, они тогда нашли единственное правильное решение. И вот, приехали...

В просторной ухоженной квартире стоял горький запах расставания и одиночества.

Астрологи, гадалки и ясновидящие советовали Элле искать любовь в другом месте, а не дома. И надежда на сохранение того, что сохранить оказалось невозможным, постепенно начала таять. В душевноспаситель-

ных беседах с подругами все чаще стало слышаться опасное слово — депрессия. Элла оказалась непоколебимой однолюбкой.

Тогда начитанные подруги вспомнили бессмертные советы Андре Моруа обманутым женам, желающим вернуть своих мужей в лоно. Ситуация требовала познакомиться с соперницей и постараться подружиться с ней для нахождения обязательных слабых мест, которыми нужно будет очень тонко воспользоваться. Причем самые продвинутые подруги предлагали совсем уже радикальные и современные способы воздействия на соперницу — вплоть до изменения ее сексуальной ориентации и влюбления в обманутую жертву!

Любовников осторожно выследили самоотверженные подруги и очень хитроумно устроили знакомство Эллы с удачливой соперницей, которая занималась таким банальным видом заработка, как распространение пищевых добавок. Анна оказалась ненамного моложе и внешне не отличалась чем-то из ряда вон выходящим. Она была смешливой, очень общительной одесситкой с сумасшедшинкой в черных глазах и не сложившейся личной судьбой. С бухающим сердцем, глядя на нее, Элла вспомнила слова песни Высоцкого "Бабье лето", очень любимой мужем:

Я кучу напропалую
С самой ветреной из женщин.
Я давно искал такую —
И не больше, и не меньше.

Обида и разочарование кипели в душе, разыгрывать подготовленный спектакль Элле было противно. И просто чтобы соблюсти приличия и поддержать разговор, она спросила: "Скажите, а где это вас так постригли?".

— Да что вы, я уже совсем заросла! Как раз сегодня записана к парикмахеру, который живет в Ришон-Лционе. Хотите, поедем вместе? Может быть, он успеет постричь вас тоже.

Позднее Элла бесполезно пыталась вспомнить, на каком автобусе они ехали в близрасположенный соседний город. Внутреннее напряжение и нарастающее раздражение не давали возможности сосредоточиться на дороге. Говорили, в основном, на волнующие Анну темы о жизненной необходимости приема распространяемых ею белково-витаминных коктейлей.

В лифте Анна предупредила, что не следует удивляться некоторым странностям этого дома — все компенсируется совершенством мастера! Однако не удивляться было невозможно. В большой квартире, расположенной на последнем этаже высотного дома, трудилось несколько женщин. На голове каждой из них были мелкие бигуди для "химии" или краска, но при этом все они довольно напряженно выполняли какую-нибудь

домашнюю работу. Одна пылесосила ковер в салоне, другая мыла трисы в спальне, третья чистила газовую плиту в кухне. В соседних комнатах также слышались звуки — сколько народу участвовало в процессе уборки, было неизвестно. Элла подумала, что судьба заманила ее в очередную ловушку для рабского труда, и начала пятиться к выходной двери. В это время из второй спальни выкатилась инвалидная коляска, управляемая с помощью электропривода. В ней сидела пожилая маленькая женщина, похожая на актрису Лию Ахеджакову, которая, увидев Анну, радушно приветствовала ее неожиданно низким рокочущим голосом: "А вот и из родной Одессы к нам прибыло. Привет, стрижка-укладка, плюс мне шоколадка! Я тебе такую внеочередь организовала! Баб невпроворот, Фимке воды попить некогда, а ты еще и новенькую притащила без согласования".

В этот момент Элле стало ясно, что каким-то хитросплетением судьбы она нашла своего единственного вожделенного Фигаро. Это был тот самый давно ожидаемый знак невероятной удачи, и она поняла, что начинается полоса ее компенсаций за переносимые страдания.

Поэтому Элла немедленно включила свое атомное обаяние и атаковала тетю Фиру, как ее продолжали здесь называть, фейерверком своих эмоций по счастливому поводу обретения утраченного волшебного мастера. Она заверила маму Фигаро, что готова ждать хоть до ночи, а за это время может показать высокий гастрономический класс, согласно заявкам и аппетитам заказчиков. И действительно, за три с половиной часа, которые она провела в привычной и обожаемой кухонной рабочей зоне, запасы исходных продуктов в доме были практически исчерпаны. Все, что только могло быть подвергнуто кулинарной обработке, было отварено, поджарено, начинено, налеплено, запечено, порезано, смешано, пропитано. Запах стоял такой волнующий, что ноги сами принесли весь женский коллектив на кухню. Все с удовольствием пробовали запеканки, блинчики, паштеты, икру из баклажан, фаршированные перцы, рыбу, жаркое, котлеты, зразы, пирожки, рулет и диетический торт с баварским кремом. Но на просьбы обнародовать рецепты Элла отвечала отказом. Это было ее правило — не выдавать секретов своих оригинальных блюд.

Потрясенная Фира даже немного осоловела от непривычного количества вкусной и разнообразной еды. В ответ на похвалы Фигаро-матери Элла, в свою очередь, не пожалела эпитетов, восхищаясь талантом ее сына. Фира с достоинством подтвердила, что этот талант имеет почитательниц почти на всех континентах. Некоторые дамочки прилетают раз в полгода из Америки, Канады, Австралии, Германии и, конечно же, из Одессы.

Анна смотрела на новую знакомую с изумлением и восхищением. Она открыла ей основной секрет этого дома-салона, о котором Элла уже успела догадаться. Главное — это понравиться маме Фире! Иначе к мастеру не попасть никогда. Вот все дамы и соревнуются в усердии, а Фира еще и присматривает подходящую невестку. Но, как видно, пока безуспешно.

Фигаро так и не вышел на манящие кухонные ароматы. А может быть, он по-прежнему не дышит носом?

Пока шел процесс готовки, думать и страдать Элле было некогда. Но после окончания кулинарного шоу эмоции начали атаковать с новой силой. И вот, наконец, дамы, хорошо потрудившиеся и замечательно причесанные, постепенно, уже к ночи покинули хлебосольный сегодня дом. На кухне осталось только три женщины, две из которых надеялись еще сегодня стать очень красивыми. Фира медленно спустилась с инвалидного кресла и, прихрамывая, прошлась, разминая крошечные ножки в меховых тапочках. Она громко позвала сына. Фигаро явился и не сразу понял, куда он забрел, стал пятиться назад и тереть воспаленные глаза. Женский смех вернул его в мизансцену. Он смотрел на улыбающуюся мать и не верил своим глазам. Вот что значит вкусная и обильная еда! Она возвращает забытые ощущения радости жизни.

Элла, несомненно, узнала бы Фигаро, он почти не изменился, только усики немного поседели. Но вот он ее вспомнить не смог. И не потому что внешность претерпела такие уж большие изменения. У Фимы давно начались проблемы со зрительной памятью. Все лица в его голове были похожи на светлые пятна, ему стало проще идентифицировать клиентов по волосам. Он провел рукой по челке Анны и спросил: "Ну, Анита, какую еще голову ты привела ко мне сегодня на закуску?". Элла почувствовала почти физическую боль разочарования, потому что была уверена, что Фигаро сразу же узнает ее даже после долгой разлуки. И тогда в ней словно прорвалась плотина, и она произнесла плохо слушающимися губами: "Привет, Фигаро. Безумно рада тебя видеть. И знай, что сегодня Анита доставила сюда голову твоей старой одесской клиентки Эллы и к тому же покинутой жены ее будущего мужа Миши. Вот такие, как теперь говорят, высокие отношения!".

В кухне повисла пауза. Все пытались осмыслить сказанное, а поскольку это было практически невозможно, Фигаро и Фира начали громко хохотать, пытаясь превратить все в шутку.

Анна и Элла молча смотрели в глаза друг дружке, а затем Анна выскочила из квартиры почти бегом. А Элла начала рыдать — ее, наконец, прорвало. Она плакала и одновременно что-то жевала, не чувствуя вкуса,

а мать и сын молча гладили ее по спине, так и не поняв, какая трагикомедия разыгралась сейчас перед ними.

В сказочное время, почти в полночь, Фигаро стриг продолжающую плакать и механически жевать Эллу и сам тоже жевал что-то невообразимо вкусное. У нее не осталось сил даже взглянуть на себя после стрижки. От денег они отказались. Вызвали для Эллы такси и дали номер своего телефона. Муж этой субботней ночью вообще не явился домой.

Элла на автопилоте выгуляла пуделька и приняла две таблетки снотворного. В центре грудной клетки было устойчивое ощущение выпиленного куба, заполненного пустотой.

Она посмотрела на себя в зеркало только на следующий день. И обомлела. Фигаро, как всегда, сотворил чудо, очевидно, тайно сотрудничая с волшебной машиной времени! Четверть века была сброшена.

Теперь началась тихая паника — каждая минута представлялась упущенной.

В голове возник номер, казалось бы, давно забытого телефона бывшей одесской подруги Лоры. Подумала, что наверняка там уже давно живет кто-то другой. Но Лора подняла трубку и сказала, что голос у Эллы совсем не изменился. Она повела себя очень благородно, без попреков и ненужных воспоминаний. Дала телефон брата Миши, который, как выяснилось, давно переехал в Хайфу. Живет один и преподает математику в университете.

Вот он, уникальный шанс! Можно переписать страницы жизни, вернуться на двадцать пять лет назад. Можно почти все изменить.

Миша примчался из Хайфы через три часа после ее звонка. Общаться было трудно, нужно привыкать друг к другу.

С мужем тоже разговаривать было невозможно. Необходимо все продумать, подготовить документы, обговорить варианты. Но он повел себя как-то очень странно. Зашел в дом и замер на месте. Не сводил с нее глаз, как будто не видел четверть века. Элла сказала, что пока они с сыном и песиком уедут на несколько дней в Хайфу — их уже ждет Миша № 2. Вдруг муж стал белым, как стена, покрылся холодным потом. Элла сразу поняла, что его инфаркт не позволит ей переменить судьбу.

"Скорая помощь", больница, страдание, страх, беспомощное состояние.

Любовь, жалость, сопереживание. Прощение. Заботливый уход. Не было сил даже на разговоры с подругами.

Анна, где же ты, самая ветреная из женщин? Хоть бы навестила жертву, принесла бы белково-витаминный коктейль!

Выбор был сделан во второй раз.

И тогда пришло самое время припомнить основную психологическую установку: "Как все случилось, так для меня и лучше!".

— Вот почти вся история, — с улыбкой произнесла Элла.

— Но я не поняла одного. Так куда же делся твой волшебный Фигаро? Я уже тоже его хочу! — последовала моя естественная реакция.

— А вот тут уже начинается мистика, — загадочно произнесла Элла.

И она рассказала мне о непостижимых событиях, последовавших примерно через полгода.

Когда страсти улеглись, и состояние Миши пришло в относительную норму, Элла позвонила Фигаро, чтобы записаться на стрижку. Трубку взяла Фира, но разговаривала она очень странно. Долго не могла вспомнить Эллу, а потом пророкотала с тяжелым придыханием и долгими паузами: "А вы разве не знаете, что у нас случилось? Нас обокрали. Почти полгода назад. Какая-то мерзавка навела, а я предчувствовала! Воры залезли ночью с крыши в кухонное окно, нас обрызгали какой-то гадостью, чтобы спали крепче. Спасибо, что не убили. Забрали все ценное, а самое ужасное — унесли весь Фимин уникальный инструмент. Он не работает. Мы скоро переезжаем. Уезжаем из этой страны. И не спрашивайте, куда. Будьте здоровы". И она с рыданием повесила трубку.

К Элле вернулось ощущение выпиленного куба пустоты в груди. Она долго смотрела в другую пустоту прямо перед собой. Услышанное отталкивалось ее сознанием. Когда силы вернулись, она поняла, что повела себя как эгоцентрическая неврастеничка, не предложив никакой помощи. Но телефон больше не отвечал. Как оказалось, адреса в Ришон-Лционе она так и не узнала, дороги не запомнила. Более того, и фамилия Фимы была ей неизвестна. Разыскивать Анну, уточняя ее координаты у Миши, было бы крайне нелепо. Да и по всем психологическим методикам категорически запрещалось напоминать мужу об опасных пограничных периодах.

Прошло еще несколько лет. Элла по-прежнему жила в Холоне и редко выезжала в другие города. Но вот однажды по каким-то медицинским делам она ехала в автобусе в Тель-Авиве и увидела стрижку, сделанную рукой, которую невозможно было перепутать ни с какой другой. Женщина сидела немного впереди, наискосок, и когда она повернула голову, Элла узнала великолепно выглядевшую Анну. Величайшим усилием воли Элла удержала себя от унизительных расспросов и вышла из автобуса на следующей остановке. Так и осталось тайной, что за события перекрыли ей доступ к Фигаро. Может быть, он так и продолжает жить на той же квартире, или переехал на другую. Или действительно уехал из Израиля, а разбога-

тевшая на пищевых добавках Анна летает к нему стричься на другой континент. Или она вышла за него замуж, предварительно подговорив Фиру-Ахеджакову разыграть словесный спектакль с ограблением. Предположений множество, но в любом варианте Фигаро вне досягаемости.

Главное, что свою судьбоносную роль в жизни Эллы Фигаро сыграл дважды. И конечно же, не только в ее.

Но все же не стоит утрачивать бдительность.

Оценивающий взгляд и вопрос с затаенной надеждой: "А где это вас так...?".

Бат-Ям

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК

"Городок" — пятый угол!

Городок без скандала

В пустом зале суда сидит Жена. Входит Муж.

МУЖ. О, ты уже здесь? И я тоже пришел пораньше, чтобы не опоздать...

ЖЕНА (*вздохнув*). А где ж мне быть по твоей милости... (*Обводит глазами помещение.*) Вот тут, значит, нас и будут разводить? Да, очень в твоем стиле — судья, приговор, решетка... Мама всегда говорила, что по тебе тюрьма плачет.

МУЖ. Только не говори мне про твою мать! И вообще, давай хоть в суде не будем скандалить, а будем вести себя спокойно и интеллигентно.

ЖЕНА. А я не скандалю. Я тебе спокойно интеллигентно говорю — козел ты безрогий.

МУЖ. Валентина!.. Во-первых, я тебя последний раз прошу — давай без скандала! А во-вторых, возьми свои слова обратно!

ЖЕНА. Обратно? Пожалуйста. Во-первых, ты не козел. (*Поправив прическу.*) А во-вторых, ты не безрогий.

Муж бросается на нее, она уворачивается. Он бегает за ней, затем они останавливаются, запыхавшиеся, разделенные каким-то столом или стульями.

ЖЕНА. Я так и знала, что когда-нибудь ты потащишь меня в суд.

МУЖ. А чего ж ты хотела? Когда-то ты меня потащила в ЗАГС, теперь я тебя в суд...

ЖЕНА. А куда тебя было вести после... после того... того, что между нами случилось прямо в институте на выпускном? После этого — только в ЗАГС!

МУЖ. Идиотское какое название — запись актов гражданского состояния. Хм... И откуда только у женщин берется убеждение, что любой акт требует записи?

ЖЕНА. Ах, ты ж, гад!..

Теперь она гонится за ним. Она бегает за ним, они останавливаются.

МУЖ. А ведь я любил тебя. Очень сильно любил.

ЖЕНА. Ага. Очень сильно... Но очень редко!

МУЖ. Ой, только не надо! Бывали дни, когда ты меня даже своим солнышком называла.

ЖЕНА. Ну да, бывали дни. Раз в полгода они бывали. Я эти дни для себя так и называла: день летнего солнцестояния и день зимнего солнцестояния.

МУЖ. Что?!

Теперь он гонится за ней. Через некоторое время они останавливаются на безопасном расстоянии.

ЖЕНА (*вдруг примирительно*)**.** А ведь пока учились в институте, я в твою сторону даже не смотрела. А на выпускном вдруг взглянула — такой красавец мужчина, что у меня просто голова кругом пошла...

МУЖ (*тоже смягчается*)**.** А ты это помнишь, да?

ЖЕНА. Помню... Конечно, помню... Как сейчас. Ты такой красивый, и такие слова мне говоришь, и мир так прекрасен... Это... Это было просто чудо какое-то!

МУЖ (*умиляется*)**.** Да... Это я тебе водку в шампанское подлил...

Она взвывает от возмущения, и теперь она гонится за ним.

МУЖ. Вот разведемся, и я сразу же пойду к соседу Кольке в его брачную контору. Пусть подберет мне там что-нибудь получше. В смысле что-нибудь получше тебя.

ЖЕНА. Можешь не суетиться. Я сегодня утром уже у него была и оставила там свою анкету. Так Николай сказал, что теперь лучшее, что у них есть, — это я...

МУЖ. Ой, прямо! Откуда это он знает?

ЖЕНА. Ну... он знает. С сегодняшнего утра — знает...

МУЖ. Ужас...

Теперь он гонится за ней.

МУЖ. Значит, женская верность теперь осталась только в сказках, да?

ЖЕНА. Ну почему только в сказках? Еще в песнях... В стихах... В былинах...

МУЖ. А вот мужская верность жива!

ЖЕНА. Ха! Я надеюсь, насчет верности это ты не себя имеешь в виду?

МУЖ. Ну... Вот, например, мой двоюродный брат, помнишь его? Был в командировке целый год и ни разу не изменил своей жене. Год в командировке — и ни разу!

ЖЕНА. Да. Так он же был не просто в командировке. А в длительном одиночном космическом полете...

Жена оказывается на месте судьи.

ЖЕНА. А ведь когда-то я мечтала стать судьей... (*Подражая судье, противным голосом.*) Слушается дело о разводе гражданина Петькина А.Б. с гражданкой Петькиной В.И. (*Своим голосом.*) Правда, и голос у меня замечательный? Я бы и певицей могла стать... Если бы не пожертвовала всю свою жизнь тебе.

МУЖ. Ой, только давай обойдемся без жертв...

ЖЕНА (*опять противным голосом*). Замолчите, подсудимый!

МУЖ. Чего это я подсудимый?

ЖЕНА. А как же судья должен тебя называть?

МУЖ (*вздохнув, держится за сердце*). Потерпевший...

Оба уже тяжело дышат, морщатся и держатся за сердце.

МУЖ (*смотрит на часы*). Ничего, Валентина, скоро закончатся твои волнения и твои скандалы. Сейчас придет судья, и я забуду о тебе, как о кошмарном сне.

ЖЕНА. Скотина ты неблагодарная... Даже спасибо мне за все эти годы не сказал.

МУЖ. Пожалуйста, вот тебе мое спасибо.

ЖЕНА. Мне от скотины благодарности не нужны!.. Знаешь, я как-то подумала: вот если бы ты меня с кем-то застукал? (*Со сладким ужасом.*) Убил бы меня, да?! Скажи, что да!

МУЖ. Ну, что ты. Разве я на это способен? Я же не зверь. (*Жена презрительно фыркает; Муж, мечтательно.*) Но покалечил бы здорово. Руки бы поломал, ноги... Эх, не сбылось! Ой... Что-то сердце так прихватило...

ЖЕНА. Удивительно! Оказывается, что у тебя тоже есть сердце... Ой... (*Тоже берется за сердце.*)

Через несколько минут. Они лежат рядом на носилках, санитары в белых халатах собираются их выносить.

ЖЕНА. Алик, у меня есть к тебе одна просьба.

МУЖ. Что, Валя?

ЖЕНА. Если мы вдруг больше не увидимся... Ну, ты понимаешь...

МУЖ. Ты это брось!

ЖЕНА. Нет, ты послушай. Ты свое место на кладбище, рядом с моим, не продавай. Нас развести-то так и не успели.

МУЖ. Да не волнуйся ты! Все будет в порядке — нас еще сто раз разведут!

ЖЕНА. Нет, все-таки, ты мне пообещай, что мы будем там лежать рядом.

МУЖ (*умиленно смотрит на нее несколько секунд*). Потому что ты меня все-таки любишь?.. Да? (*Берет ее за руку.*)

ЖЕНА (*орет*). Нет! Потому что я тебе еще не все сказала!

МУЖ. О господи! Этот скандал никогда не кончится!

Санитары их выносят. Жена обращается к санитарам.

ЖЕНА. Мальчики! А можно, чтобы нас повезли в одной машине, а? Мы поместимся! Нельзя? Ну, тогда чтобы нас обязательно положили в одну палату. Обязательно! Особенно если в реанимацию. Мы же друг без друга жить не можем! Жить не можем!

Книжный развал

Григорий КОЛТУНОВ
Кинжал
Одесса, Друк, 2009

Известный киносценарист Григорий Колтунов писал не только сценарии, но и прозу. То, что не было издано при жизни автора, заботами его семьи возвращено сегодня читателю. "Кинжал", состоящий из четырех легенд о непревзойденном в веках поэте Абулькасиме Фирдоуси, — это роман. Не раз обращался Г. Колтунов к взволновавшей его судьбе поэта. Три фильма, "Подвиги Рустама", "Рустам и Сухраб", "Сказание о Сиявуше", были поставлены по его сценариям, основу которым положил эпос Фирдоуси "Шах-Наме". Но Колтунов продолжил размышлять над судьбой поэта, в строках его эпоса разгадывал автобиографические мотивы, вступал в спор с исследователями "Шах-Наме". Так и родился роман (четыре легенды) о поэте, биография которого более загадочна, чем биография Вильяма Шекспира.

ЭЛАНА
Амазонки без оружия
Одесса, Колодрук, 2010

Элана — псевдоним писательницы и психолога, живущей в США, но корнями связанной с Одессой. И именно здесь вышли ее книги "Женщина: мессия или миссия", а сейчас — "Амазонки без оружия". Читатели альманаха имели возможность познакомиться с главой из этой публицистической книги.

Автора волнует судьба женщины как в истории человечества, так и в современном обществе. Не считая себя феминисткой, Элана исследует проблему как ученый,

но пишет ярко, образно, как публицист. И надеется, что ее призыв "не играть в поддавки" будет услышан женщинами.

Анастасия МАМОНТЕНКО
Три неба
Одесса, Друк, 2010

Анастасии Мамонтенко шестнадцать лет. Она учится в 10 классе гимназии № 2. И вот уже вторая книга рассказов выходит у юной писательницы. Когда Анастасии было 12 лет, впервые ее рассказ "Мой принц" опубликовала "Вечерняя Одесса". Попробуй не поверить в гены — новая книга посвящена светлой памяти дедушки Анастасии — писателя Алексея Игнатьевича Шеренгового.

Что волнует шестнадцатилетнего человека? И бытовые сценки, случающиеся в маршрутках, и отзвуки Великой Отечественной войны, возникшие после встреч с ветераном, пришедшим в школу, и проблемы эмигрантов. Но больше всего — и это так естественно — ощущение влюбленности, новыми красками расцвечивающее жизнь.

Романтика переживаний, романтика отношений не заслоняет от юного автора сложности проблем современного мира, но оптимизм юности, конечно же, побеждает любые тревоги. И в наше время, когда все чаще слышишь, что молодежь не читает, что молодежь бездуховна, так приятно прикоснуться к чистому источнику! С надеждой, верой, что писательская судьба Анастасии Мамонтенко будет счастливой.

Алена ЩЕРБАКОВА
Хранитель шагов
Одесса, Друк, 2010

Эта книга — своеобразный итог деятельности студии "Зеленая лампа" при Всемирном клубе одесситов за первый год существования. Как и обещал меценат проекта Евгений Деменок, ежегодным завершением работы станет новая книга. На этот раз — первая книга стихов Алены Щербаковой.

Для постоянных читателей нашего альманаха этот автор давно известен, мы несколько раз публиковали ее стихи, метафоричные и музыкальные, живописные и энергетические. Я писал предисловие к этой книге, поэтому не хочу повторяться. Но вот что думают о сборнике стихов поэта:

Валерий Бодылев: "Я бы сравнил стихи Алены с китайским фарфором. Он как будто тонок и хрупок, но на самом деле только звенит от ударов. Как это получилось, каким жаром обжигали материал — тайна".

Богдана Бондарь: "Миры Щербаковой удивительны и многослойны, похожи на сны, игру калейдоскопа, рассыпанный бисер — они завораживают, баюкают, окунают и обескураживают морской тишиной, намеками и россыпью цветистой гальки прекрасного и неповторимого".

Валерий Сухарев: "В авторе этой книги есть та самая вольница, иначе — внутренний колодец свободы. И при этом есть главное — настоящее".

Дмитрий Веденяпин: "Эта книга — очень сложно устроенная музыка".

Наталья Бельченко: "В этих стихах читается благодарность поэта наличному, насущному миру, интерес ко всем его подробностям".

...В МОСКВЕ

Валентин КАТАЕВ
Избранные стихотворения
Москва, Мир энциклопедий, 2009

Уже, думается, не нужно никого убеждать, что Валентин Катаев блистательный прозаик, один из классиков русской литературы XX века. Талантливый писатель в первой четверти века, затем бездарная пауза, заполненная прозой на потребу, и новый взлет — короткие романы 60-80-х годов. И вот теперь на волне непрекращающегося интереса к Катаеву наконец-то дошла очередь и до издания тома его поэзии. А ведь начинал Валентин Катаев как одесский поэт в 1910 году, был популярен в нашем городе как поэт не менее, чем Юрий Олеша, Эдуард Багрицкий. Именно его выделял Иван Бунин и, по сути, Валентин Катаев в поэзии стал единственным достойным учеником Бунина.

Позднее, в Москве, В.П. Катаев редко обращался к стихам, но все, что помнил (память у него была отменная), переписал в четыре общие тетради. Сейчас именно эти четыре тетради и изданы в Москве. В этих тетрадях есть стихотворение, опубликованное В. Маяковским в журнале "ЛЕФ".

Мы выпили четыре кварты.
Велась нечестная игра.
Ночь перемешивала карты
У судорожного костра...

Почему В. Катаев перестал писать стихи? Он расскажет об этом другу юности одесскому поэту Александрову, с которым встретится в Париже, в тридцатых. "Меня съел Пастернак". Вот к чему привело восхищение чужими стихами.

Книга, вышедшая в Москве, подтвердила универсальную талантливость Катаева. Но эта книга ставит задачу и перед одесситами. Далеко не все стихи, опубликованные в одесских журналах и газетах, вошли в эту книгу. Можно, нужно издать "одесского Катаева", обогатив тем самым представление о юго-западной школе.

...В НЬЮ-ЙОРКЕ

Борис АМЧИСЛАВСКИЙ, Эдуард АМЧИСЛАВСКИЙ
"Я родился в Одессе..." (по материалам архива Фонда "Музея-квартиры Л.О. Утесова в Одессе"
Одесса – Нью-Йорк, Edma Media Corp., 2009

Леонид Осипович Утесов написал о себе. Более того, предисловие к его книге (увы, не успели опубликовать), написал Исаак Бабель. Об Утесове писали многие. И все же такой обширной документированной биографии писателя еще не было. Отец и сын Амчиславские, десятки лет посвятившие сбору материалов о выдающемся музыканте, нашли способ обобщить все материалы и создать поистине энциклопедическую книгу более чем в 800 страниц.

Конечно, остается этическая проблем. Все, что собиралось для Музея Л.О. Утесова, увы, музеем не стало. Искать виноватых поздно — можно обвинять власти, можно обвинять время, можно обвинять соавторов.

Но у меня в руках книга, которая сама по себе — и исследование, и прогулка по несуществующему музею, и памятник — воплощенная в слово память о посланнике Одессы в СССР Леониде Утесове.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Записки словесника

Людмила КИЯНОВСКАЯ
Паустовский. Школа. Годы...
Одесса, Печатный дом, Фаворит, 2010

"С Паустовским сквозь школьные годы. Благотворное влияние творчества К.Г. Паустовского на духовное становление детей и подростков. Записки учителя" — подзаголовок этого во многих отношениях примечательного издания. Записки словесника — вот что это такое. И Людмила Павловна Кияновская — словесник в высоком понимании этой профессии как образа жизни, как мироощущения, как творческой и нравственной задачи. Русский писатель — в самом деле, нечто большее, чем просто литератор. Точно так же преподаватель русской литературы — нечто большее, чем просто школьный учитель. Построенное в форме летописи, повествование воспроизводит хронику десятилетий, где автор неотделим от своего предназначения, где школа (в) жизни становится самою жизнью.

И еще одно примечание: Л.П. Кияновская благородно и благодарно утверждает на страницах книги память о коллеге и на протяжении многих лет соратнице — Екатерине Васильевне Чечкиной, любимице своих многочисленных воспитанников и друзей, Кате Чечкиной, как все называли ее до последних дней.

Олег ГУБАРЬ

Но у меня в руках книга, которая сама по себе — и исследование, и прогулка по несуществующему музею, и памятник — воплощенная в слово память о посланнике Одессы в СССР Леониде Утесове.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Записки словесника

Людмила КИЯНОВСКАЯ
Паустовский. Школа. Годы...
Одесса, Печатный дом, Фаворит, 2010

"С Паустовским сквозь школьные годы. Благотворное влияние творчества К.Г. Паустовского на духовное становление детей и подростков. Записки учителя" — подзаголовок этого во многих отношениях примечательного издания. Записки словесника — вот что это такое. И Людмила Павловна Кияновская — словесник в высоком понимании этой профессии как образа жизни, как мироощущения, как творческой и нравственной задачи. Русский писатель — в самом деле, нечто большее, чем просто литератор. Точно так же преподаватель русской литературы — нечто большее, чем просто школьный учитель. Построенное в форме летописи, повествование воспроизводит хронику десятилетий, где автор неотделим от своего предназначения, где школа (в) жизни становится самою жизнью.

И еще одно примечание: Л.П. Кияновская благородно и благодарно утверждает на страницах книги память о коллеге и на протяжении многих лет соратнице — Екатерине Васильевне Чечкиной, любимице своих многочисленных воспитанников и друзей, Кате Чечкиной, как все называли ее до последних дней.

Олег ГУБАРЬ

Содержание

От редакции 3

ИСТОРИЯ, КРАЕВЕДЕНИЕ

Олег БАТЫР
Соединяя моря и народы 6

Олег ГУБАРЬ
Функции Одесского строительного комитета в контексте истории градостроительства Одессы 18

Ева КРАСНОВА, Анатолий ДРОЗДОВСКИЙ
Куликово поле и его "окрестности" на старинных открытках и фотографиях 32

Олег ГУБАРЬ
"Энциклопедия забытых одесситов" 44

Тамара КРАСНОВА (ФУГА)
Помним о войне! 49

Анжела АЛЕКСЕЕВА
Пусть дети и внуки узнают… 52

ОДЕССКИЙ КАЛЕНДАРЬ

А.М. ДЕ-РИБАС
Григорий Григорьевич Маразли 57

Ольга БАРКОВСКАЯ
Портреты Г.Г. Маразли 65

ПРОЗА

Михаил ПОЙЗНЕР
Рассказы пограничника 72

Наиль МУРАТОВ
Мольберт 78

Виктория КОЛТУНОВА
Вещи 92

Алексей ХОЛОДОВ
Медея 99

ПОЭЗИЯ

Константин ИЛЬНИЦКИЙ
Эшелон 114

Ирина ДЕЖЕВА
Свобода 119

Ольга КОТОВА
Одесские нонконформисты 121

ПЕРЕВОДЫ

Игорь ЛОСИНСКИЙ
Уильям Батлер Йейтс 125

ПЕРЕВОДЫ

Анатолий ЯНИ
Федерико Гарсиа Лорка 131

ПЕРЕВОДЫ

Инна КОВАЛЕНКО
Джонатан Бин 133

ДРАМАТУРГИЯ

Александр МАРДАНЬ
Борщ в четыре руки (Чет-нечет) 137

ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО – ЖИЗНЬ

Александр МАНИОВИЧ
Возрожденная рукопись 169

Ольга ТАНГЯН
Испытания Юрия Трифонова 198

Елена ШЕЛЕСТОВА
Высокий романтик 227

Вадим ЧИРКОВ
Пророк с продранными локтями… или Мой гуру 232

Валерий БОДЫЛЁВ
Человек в пейзаже 243

Феликс КОХРИХТ
Светлое желание 248

Вера САВЧЕНКО
Черное / белое — новое / старое 251

Роман БРОДАВКО
Профессор Гликман 254

ПУБЛИКАЦИИ

Семен ГЕХТ
Абрикосовый самогон 260
Публикация Алены ЯВОРСКОЙ

НАШИ ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Татьяна ЩУРОВА
"Чередвидений сумрачных..." 268

ПУТЕШЕСТВИЕ

Иван ЛИПТУГА
Лондон подобен океану... 281

АХ, ОДЕССА

Анатолий ГОРБАТЮК
Рацпредложение 286

Александра ШУМИХИНА
Печеники в печенках... 291

Нина ДАНИЛОВА
Неуловимый Фигаро 297

Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК
"Городок" — пятый угол! 307

ИЗДАНО...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ
Книжный развал 311

Олег ГУБАРЬ
Записки словесника 315

Литературно-художественное издание

ДЕРИБАСОВСКАЯ — РИШЕЛЬЕВСКАЯ

Одесский альманах

Книга 41

DERIBASOVSKAYA — RISHELIEVSKAYA

Odessa almanac

Book 41

Издается с 2000 года

Технический редактор Евгений Светин
Корректор Татьяна Коциевская

Оригинал-макет, верстка
ТИА "Вікна-Одеса"
Тел. 77-33-705

Подписано в печать 15.05.2010.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Формат 60x84/16
Физ. печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 19,2
Зак. № 2. Тираж 500 экз.

www.odessitclub.org

Отпечатано в типографии издательства "Печатный дом"

Издательская организация "ПЛАСКЕ" АО
Регистрационное свидетельство ДК № 2149 от 08.04.05
а/я 299, г. Одесса, 65001, УКРАИНА
Тел. +38 (048) 7 385 385
E-mail: books@plaske.ua

ВСЕМИРНЫЙ
КЛУБ ОДЕССИТОВ

WORLDWIDE
CLUB OF ODESSITES

7, Marazlievskaya St., Odessa, 65014, Ukraine. Tel. +38 (048) 725-45-67